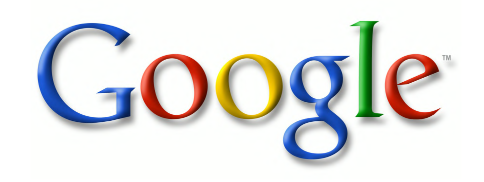
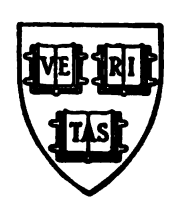

VE RI
TAS

Ленинградский филиал ЛАФОКИ

ЗАКАЗ № 3/61

Шифр или наименование издания

МИКРО репродукция | **ФОТО** репродукция

(ненужное зачеркнуть)

Стр., рис.

Исполнитель ______ (подпись)

~~ИЗГОТОВИТЬ ФОТООТПЕЧАТКИ.~~

Формат ______ **по** ______ **экз.**

Дата поступления оригиналов в ЛАФОКИ

Тип. БАН, з. 746, т. 30 000 21-VII-61 г.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ЧИТАННЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Съ двумя портретами и снимкомъ почерка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 линія, № 12.)

1868.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюль 1868 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Іюнь 1867 года.

Академикъ Срезневскій сообщилъ Отдѣленію, что у члена-корреспондента Академіи, профессора В. И. Григоровича оказалось 6 листковъ той самой рукописи, которую привозилъ съ собою въ Петербургъ докторъ П. И. Шафарикъ и которая, по отзыву Срезневскаго, принадлежитъ къ драгоцѣннымъ остаткамъ юго-западной славянской письменности XII вѣка. Помянутые листки, равно какъ и другіе отрывки, подарены лично г. Григоровичу въ Слѣпченскомъ монастырѣ во время его путешествія по славянскимъ землямъ. Этотъ ученый славистъ сообщилъ также академику Срезневскому и другія, привезенныя имъ въ Петербургъ, древнія рукописи. Нѣкоторыя изъ нихъ любопытны по записямъ, опредѣляющимъ время ихъ написанія. Другія важны какъ дополненія источниковъ для опредѣленія особенностей юго-западнаго юсоваго письма. Наиболѣе замѣчательными академикъ считаетъ: паремейникъ, вѣроятно, XIII вѣка; тріодь, чрезвычайно разнообразную по содержанію и заключающую, между прочимъ, «канонъ отцемъ» на сыропустную субботу, гдѣ упоминается о трехъ святыхъ славянскихъ: Кириллѣ философѣ, Меѳодіи и Іоаннѣ рыльскомъ; книгу апостольскихъ чтеній, столь же древнюю, быть можетъ, какъ и рукопись П. И. Шафарика. Выписки изъ этихъ и другихъ древнихъ памятниковъ г. Срезневскій предполагаетъ помѣстить, въ видѣ дополненія, въ печатаемомъ имъ сборникѣ памятниковъ юсоваго письма. Отдѣленіе считаетъ такое сообщеніе В. И. Григоровичемъ рукописей своему сочлену какъ выраженіе его участія и вниманія къ трудамъ Отдѣленія, а потому опредѣлило засвидѣтельствовать ему искреннюю за то признательность.

И. И. Срезневскій обратилъ вниманіе Отдѣленія на изданіе, предпринятое три года назадъ въ Загребѣ съ поддержкой Иллирійской Матицы, подъ заглавіемъ «Книжевникъ». Давая въ немъ мѣсто статьямъ и по природознанію, издатели однако болѣе всего обращают вниманіе на предметы славянской археологіи, филологіи и литературы. Изслѣдованій самостоятельныхъ по новымъ источникамъ сравнительно мало, но разработка вопросовъ по прежде извѣстнымъ источникамъ внушаетъ къ себѣ уваженіе. Изъ авторовъ статей, достойныхъ особеннаго вниманія, г Срезневскій называетъ гг. Ягича, Рачскаго и Богишича. Статьи перваго преимущественно касаются филологіи и археологіи. Г. Рачскій пишетъ почти всегда историческія статьи; особенно любопытно его обозрѣніе источниковъ древней исторіи юго-западныхъ славянъ, начиная съ Константина Порфиророднаго. Г. Богишичу въ «Книжевникѣ» принадлежитъ довольно большое сочиненіе, заключающее въ себѣ сводъ юридическихъ народныхъ понятій и обычаевъ славянъ; оно далеко оставляетъ за собою все, что̀ сдѣлано было до него по этой части, и представляетъ въ себѣ не мало и новыхъ данныхъ. Съ открытіемъ юго-славянской академіи, «Книжевникъ», какъ слышно, перейдетъ въ распоряженіе самой академіи. Можно быть увѣреннымъ, что какъ органъ ученаго общества, онъ будетъ издаваемъ еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ къ достоинству своему, съ мѐньшею исключительностью мнѣній, съ мѐньшею самоувѣренностью и бо̀льшимъ знаніемъ того, что̀ дѣлается и сдѣлано другими славянами, особенно русскими, новая научная литература которыхъ за исключеніемъ кое-чего изъ того, что̀ сдѣлано въ нашей Академіи Наукъ, очень мало извѣстна сотрудникамъ «Книжевника». При этомъ г. Срезневскій напомнилъ о «Часописѣ» Чешскаго музея, когда-то занимавшемъ, безспорно, первое мѣсто между западными славянскими повременными изданіями, и выразилъ желаніе, чтобы его редакція и нынѣ заботилась о поддержаніи уваженія къ нему во всемъ славянскомъ мірѣ въ той же мѣрѣ, въ какой заботились о томъ прежніе редакторы «Часописа» до шестидесятыхъ годовъ.

Академикъ Пекарскій, съ разрѣшенія г. управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, представилъ Отдѣленію хранящуюся въ государственномъ архивѣ русскую, до-петровскую карту съ изображеніемъ озеръ: Ильменя и Ладожскаго, рѣкъ Волхова и Невы, Финскаго залива и части Балтійскаго моря съ берегами Швеціи. Изъ русскихъ городовъ здѣсь означены: Новгородъ,

Псковъ, Олонецъ и другіе; на р. Невѣ нанесенъ одинъ городъ Канцы, съ примѣчаніемъ: «Отъ Канецъ до моря 7 верстъ». О рѣкѣ Невѣ отмѣчено: «Рѣка Нева тече изъ Ладожескаго озера; отъ верхнева устья до Канецъ 40 верстъ». Вообще, при обозначеніи какъ русскихъ, такъ и шведскихъ городовъ, показаны разстоянія между ними русскими верстами. Карта наклеена на грубой холстинѣ и найдена между столбцами приказа тайныхъ дѣлъ временъ царя Алексѣя Михайловича. Отдѣленіе опредѣлило издать эту любопытную во многихъ отношеніяхъ карту при первомъ удобномъ къ тому случаѣ.

Тотъ же академикъ читалъ въ Отдѣленіи найденные имъ матеріалы касательно переговоровъ о пріобрѣтеніи библіотеки исторіографа и академика Миллера для московскаго главнаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Изъ этихъ матеріаловъ оказывается, что еще во времена Петра Великаго при коллегіи состоялъ исторіографомъ аббатъ Кружали. Доводя о томъ до свѣдѣнія императрицы Екатерины II, Миллеръ доказывалъ необходимость отдѣльнаго собранія рукописей и рѣдкихъ книгъ при сказанномъ архивѣ тѣмъ, что, по мнѣнію его, будущіе начальники этого учрежденія, долженствовавшіе быть, подобно ему, исторіографами и академиками, обязаны также заниматься русскою исторіею и, слѣдовательно, имѣть подъ руками обширную, приспособленную именно къ такимъ занятіямъ библіотеку. Желая, чтобъ библіотека оставалась на вѣчныя времена при московскомъ главномъ архивѣ, Миллеръ въ то же время настаивалъ, чтобъ собранныя имъ рукописныя и печатныя сокровища были, послѣ его смерти, доступны для пользованія отечественной публики. Матеріалы по этому предмету помѣщены ниже, въ приложеніи.

Въ іюнѣ оконченъ печатаніемъ, подъ наблюденіемъ академика Пекарскаго, четвертый выпускъ «Русской исторической библіографіи», составленный, какъ и первые три, гг. П. и Б. Ламбиными *). Цѣль и составъ изданія остаются тѣ же, какіе опредѣлены въ началѣ академикомъ Куникомъ. Въ четвертомъ выпускѣ указаны историческія сочиненія и статьи за 1858 годъ. Академія дала возможность и средства продолжать безостановочно и далѣе «Русскую историческую библіографію», которая принята съ одобреніемъ всѣми, кто имѣлъ надобность справляться съ нею.

---

*) «Русская историческая библіографія», годъ четвертый, поступила въ продажу у всѣхъ коммиссіонеровъ Академіи. Цѣна выпуску 95 коп. Первые три выпуска за годы 1855, 1856 и 1857 продаются у тѣхъ же коммиссіонеровъ.

Академикъ Бычковъ окончилъ печатаніемъ составленное имъ обстоятельное библіографическое описаніе книгъ гражданской печати, вышедшихъ въ царствованіе Петра Великаго и хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ этомъ трудѣ нашли мѣсто нѣсколько изданій, оставшихся неизвѣстными нашимъ библіографамъ. Сверхъ того А. Ѳ. Бычковъ, желая, чтобъ каталогъ имѣлъ значеніе для исторіи русскаго правописанія и нашей азбуки, дѣлалъ изъ каждой, болѣе замѣчательной книги выписки, съ сохраненіемъ въ точности всѣхъ особенностей печати и правописанія.

Тотъ же академикъ сообщилъ И. И. Срезневскому находящуюся у него часть супрасльской рукописи, тѣмъ болѣе драгоцѣнной, что сверхъ небольшихъ отрывковъ, списанныхъ Востоковымъ, и небольшихъ снимковъ у самого г. Срезневскаго, у него не было изъ этого памятника ничего, кромѣ печатнаго изданія Миклошича, прекраснаго для изученія перевода статей, помѣщенныхъ въ памятникахъ, но не въ палеографическомъ отношеніи.

Издаваемаго на счетъ Отдѣленія и подъ редакціею академика Бычкова «Бѣлорусскаго Словаря» г. Носовича, отпечатано 26—30 листы.

Августъ 1867 года.

Управляющій уральскимъ горнымъ училищемъ, Н. К. Чупинъ, сообщивъ Отдѣленію, что имъ найдено въ Екатеринбургскомъ архивѣ много неизвѣстныхъ матеріаловъ для жизнеописанія перваго русскаго историка, В. Н. Татищева, а также письма его къ разнымъ лицамъ, предложилъ о напечатаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ матеріаловъ въ «Запискахъ Академіи». Г. Чупинъ часть извѣстій своихъ о Татищевѣ уже напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1860 года, № 203, «Библіотека В. Н. Татищева въ Екатеринбургѣ»), «Пермскихъ Вѣдомостяхъ» (1867 года, «Письмо Геннина къ гр. Ѳ. М. Апраксину» и «В. Н. Татищевъ и первое его управленіе уральскими заводами»), и въ «Горномъ Журналѣ» (1866 г. № 11, «Объ открытіи и первоначальной разработкѣ магнитной горы Благодати»).

«Въ теченіе нынѣшняго же года, пишетъ между прочимъ г. Чупинъ въ Отдѣленіе, появятся въ нашихъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (т. е. Пермскихъ) еще три статьѣ мои о Татищевѣ: 1) Дополненіе къ представляемой при семъ (печатной статьѣ изъ тѣхъ

же вѣдомостей; 2) В. Н. Татищевъ: пребываніе его въ Петербургѣ въ 1722 г.; разбирательство ссоры его съ Демидовымъ; служба его на Уралѣ при Геннинѣ; Краткій очеркъ жизни его съ 1724 по 1734 годъ; 3) Второе управленіе Татищева Уральскими заводами.

«Въ іюлѣ или началѣ августа пошлю для напечатанія въ Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія статью: Дѣятельность Татищева по части народнаго образованія; въ Русскій Архивъ г. Бартенева—Отрывокъ изъ оффиціальнаго дневника или поденной записки Татищева 1734 г. (о назначеніи его вторично главнымъ начальникомъ на Уралѣ, о составленіи ему инструкціи, о переговорахъ его по сему предмету съ кабинетъ-министрами, о прощальной аудіенціи у Императрицы Анны) и переписку Татищева съ графомъ Брюсомъ, бергмейстеромъ Блюэромъ, Геннинымъ, Демидовыми и проч. (1720—1724 г.). За тѣмъ напечатаю письма его къ кабинетъ-министрамъ Остерману и кн. Черкаскому, Хрущову (помощнику Татищева, казненному вмѣстѣ съ Волынскимъ), казанскому губернатору Мусину-Пушкину, сибирскому губернатору Плещееву, Өеофану Прокоповичу и проч. (1734—1739).

«Кромѣ того у меня есть еще нѣсколько важныхъ матеріаловъ для біографіи Татищева, стоящихъ напечатанія и выписанныхъ изъ дѣлъ здѣшняго архива; таковы:

1) Любопытное представленіе Татищева сибирскому горному начальству о дѣлахъ, усмотрѣніемъ и разсужденіемъ рѣшенія требующихъ, 11 января 1722, 12 стр. въ листъ и напамятованіе его же въ сибирское горное начальство, отъ 18 января 1722 г., на 9 страницахъ.

2) Каталогъ книгъ Татищева, хранящихся въ здѣшней заводской библіотекѣ. Книги эти (бо̀льшею частію нѣмецкія, нѣсколько польскихъ и французскихъ, одна голландская и одна шведская) отданы были Татищевымъ въ Екатеринбургскую горную школу при отъѣздѣ его въ Оренбургскій край въ 1737 году.

3) Свѣдѣніе о посылкѣ изъ Петербурга съ Татищевымъ Киріака Кондратовича, о пребываніи Кондратовича въ Екатеринбургѣ и о занятіяхъ его въ должности учителя латинскаго языка въ горной школѣ, также о порученіяхъ, возлагавшихся на него Татищевымъ *).

*) Изъ помѣщенной въ Современникѣ статьи о Кондратовичѣ (1858 г., т. LXIV, отд. I, стр. 452—484) видно, что онъ называлъ себя придворнымъ философомъ. Въ поденной запискѣ Татищева 1734 г. титулъ Кондратовича гораздо скромнѣе: придворный гуслистъ. («А притомъ повелѣла (императрица) взять съ собою бывшаго при дворѣ гуслиста Кондратовича и надзирать надъ нимъ накрѣпко, чтобъ излишняго не вралъ».)

4) Сношенія Татищева съ Академіей Наукъ по выпискѣ учителей, книгъ и инструментовъ для Екатеринбургской школы (въ 1735 и 1736 годахъ).

5) Донесенія Татищеву отъ гиттенмейстера Улиха, съ которымъ Татищевъ отправилъ въ Петербургъ, въ 1735 г., для обученія въ Академіи Наукъ, четырехъ учениковъ Екатеринбургской школы: о опредѣленіи ихъ въ ученье, о содержаніи пищею и одеждою и проч. (Въ первомъ своемъ донесеніи, отъ 29 апрѣля, Улихъ пишетъ:... «27 числа марта подалъ я въ Академію промеморію господину камергеру и президенту барону фонъ Корфу, который тому весьма радовался, что отъ такого весьма дальняго мѣста дѣти присылаются, и приказалъ тѣмъ же часомъ, чтобъ г. Шумахеру оныхъ принять. Токмо послѣ того приключились разныя тягости, ибо при Академіи такого учрежденія еще нѣтъ, по которому бы дѣтямъ пищу и квартиру имѣть можно было; къ тому жъ наши почти первые были, которыхъ приняли и проч.)»...

Сколько можно судить по оглавленію найденныхъ г. Чупинымъ извѣстій о Татищевѣ, они могутъ служить полезнымъ матеріаломъ для пополненія пробѣловъ въ жизнеописаніи этого замѣчательнаго русскаго дѣятеля, а потому Отдѣленіе постановило увѣдомить г. Чупина о готовности своей помѣстить въ академическихъ изданіяхъ открытые имъ матеріалы и письма. А такъ-какъ нѣкоторые изъ нихъ печатались и будутъ печататься въ разныхъ изданіяхъ, подобная же разбросанность отрывочныхъ извѣстій объ одномъ и томъ же лицѣ представляетъ не мало неудобствъ при отысканіи ихъ послѣдующими изслѣдователями, то опредѣлено обратиться также съ просьбою къ г. Чупину о составленіи подробнаго обозрѣнія всѣхъ вообще извѣстій, хранящихся въ Екатеринбургскомъ горномъ архивѣ и касающихся Татищева, съ указаніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя уже напечатаны и которыя остаются неизданными. Обозрѣніе это можетъ послужить вмѣсто предисловія къ матеріаламъ, имѣющимъ быть напечатанными въ «Запискахъ Академіи».

Академикъ Пекарскій представилъ оконченное печатаніемъ изслѣдованіе свое: «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова» *). Сюда вошли, между прочимъ, извѣстія изъ непечатанныхъ до нынѣ «Записокъ Рычкова» и обширной переписки

*) Въ 8°, IV и 184 стр.; съ портретомъ Рычкова и снимкомъ его почерка. Продается у книгопродавцевъ-коммиссіонеровъ Академіи Наукъ и въ КомиэтѣПравленія ея по 1 руб.

его, также неизданной, съ академикомъ Миллеромъ. Послѣдняя болѣе всего касается исторіи, географіи и естественныхъ произведеній Оренбургскаго края, и, между прочимъ, содержитъ въ себѣ извѣстія о бѣгствѣ Волжскихъ калмыкъ изъ Россіи, о Пугачевскомъ бунтѣ и т. п.

Академикъ Пекарскій сообщилъ Отдѣленію о рукописи, доставленной ему магистромъ О. Θ. Миллеромъ и принадлежащей г. Рыбникову. Она озаглавлена: Letopisec 17-go godu и заключаетъ въ себѣ разсказъ, въ формѣ лѣтописнаго повѣствованія, о русскихъ событіяхъ 1700 года. Въ современныхъ извѣстіяхъ объ этой эпохѣ нѣтъ недостатка; но всѣ они принадлежатъ къ разряду офиціальныхъ или писанныхъ подъ вліяніемъ взгляда, благопріятнаго Петровскимъ нововведеніямъ. Въ рукописи же г. Рыбникова все повѣствованіе проникнуто недовольствомъ къ тому, что происходило въ тогдашней Россіи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно нисколько, чтобы авторъ принадлежалъ къ раскольникамъ. Такъ на-прим., говорится, какъ о ереси, о праздновании новаго года 1-го января и о счисленіи времени отъ Рождества Христова, а не отъ созданія міра; описываются строгія мѣры при введеніи европейской одежды и запрещеніи носить русское платье; жалуются, что иноземцевъ-еретиковъ признаютъ уже христіанами и ласково обходятся съ ними; наконецъ слѣдуютъ любопытныя подробности о неудачахъ нашихъ въ походѣ противъ шведовъ.

Тотъ же академикъ отыскалъ въ старинныхъ академическихъ бумагахъ разъясненіе, по какой причинѣ дѣла походной канцеляріи князя Александра Даниловича Меншикова хранятся нынѣ въ архивѣ Академіи Наукъ. Въ 1749 г. извѣстный собиратель свѣдѣній о Петрѣ Великомъ, дворянинъ Петръ Крекшинъ довелъ до свѣдѣнія Академіи, что въ Петропавловской крѣпости лежатъ безъ всякаго надзора и подвергаются гніенію дѣла помянутаго князя. По ходатайству тогдашней академической Канцеляріи, Сенатъ разрѣшилъ разобрать и принять въ Академію для храненія всѣ бумаги князя Меншикова, имѣвшія историческое значеніе. Разборъ и описаніе ихъ возложены были на академиковъ Герарда Фридриха Миллера и Штрубе де-Пирмонъ и на адъюнкта Модераха. При этомъ случаѣ, первый изъ нихъ предлагалъ озаботиться о всѣхъ вообще историческихъ матеріалахъ, хранящихся при казенныхъ учрежденіяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, «дабы безъ должнаго времени потерянія такія, къ исторіи весьма потребныя доказательства въ бережливое охраненіе отданы были и потомъ къ всеобщей поль-

зѣ употреблены быть могли...» На это представленіе, впрочемъ, не обращено было вниманія, и дѣла, не принадлежащія къ походной канцеляріи бывшаго любимца Петра Великаго, оставлены были по прежнему гнить въ сырыхъ помѣщеніяхъ, не защищенныхъ отъ наводненій: о нихъ снова вспомнили только въ началѣ царствованія императора Николая Павловича.

Академикъ Бычковъ сообщилъ Отдѣленію, что, по порученію археографической коммиссіи, онъ настоящимъ лѣтомъ занимался обозрѣніемъ библіотеки ярославскаго Спасскаго монастыря, имѣющей довольно богатое собраніе рукописей, съ которыми онъ ознакомился болѣе или менѣе подробно. Всѣхъ рукописей находится въ монастырской библіотекѣ 204, изъ которыхъ 13 писаны на пергаментѣ, а остальныя на бомбицинѣ или на тряпичной бумагѣ. Между пергаментными рукописями болѣе замѣчательны: а) Псалтирь, XIII вѣка (уставомъ, на 177 листахъ), въ которой каждый стихъ псалма начинается съ особой строки и киноварною буквою; б) Слова Никона Черногорца, XIII вѣка (полууставомъ, въ два столбца, разныхъ почерковъ, 262 листа), которыхъ переводъ и грамматическій строй языка значительно отличаются отъ перевода и языка этихъ же словъ въ рукописяхъ XV вѣка. При этомъ онъ представилъ слѣдующіе отрывки изъ той и изъ другой: изъ Псалтиря:

Нач. ка͞ г͞ пл͡с҇мъ двдів зі͞
Възлюблю та г͡с҇и крѣпости моꙗ
Гь͞ оутвержениѥ моѥ и прибѣжище моѥ избавитель мои
Бъ͞ мои помощникъ мои оуповаю на нь
Защитникъ мои рогъ спсньꙗ моѥго застоупникъ мои
Хвалѧ призовоу га͞
И ѿ врагъ моихъ спсоу҇сѧ.

Изъ словъ Никона Черногорца:
(л. 1-й, столб. 1-й.)
Сло͡в обьѥмлѧ
сложениѥ книгъ. тълкова
отълковании. г͞и бл͡гс҇ви ѻ͞че ⁘
Сиꙗ книгы гн͞ѧ оубо заповѣ
ди. и сихъ тълковании. и
моуще. такоже съвъкоу
плѧюще и послѣдоующе ѿ
оц͞ьскыхъ оучении. ѥдина

главизна. отъ дроугоѥ при
кмлющи виноу. ꙗкоже се
нѣкыꙗ златы чепи съ дра
гыимь каменикмь. и съ жь
ньчюгъмь съплетены. вы
ю хрьстьꙗньскоу оукрашаю
ть аще и вѣра ѥсть права
ибо и дѣла съвьршають вѣ
роу. а вѣра основаниѥ дѣло
мъ. без вѣры ничтоже оу
спѣѥть ꙗкоже и вѣра кро
мѣ дѣлъ мьртва ѥсть о се
бе. ꙗкоже пишетса. Нъ ре͡ч
ть кто ты вѣроу имаши
азъ же дѣла. покажи ми
вѣроу ѿ дѣлъ своихъ. и а
зъ покажю ти дѣла ѿ вѣ
ры своѥꙗ. ты вѣроуѥши
ꙗко ѥдинъ ѥсть бъ͞. добрѣ
твориши. и бѣси вѣроую
ть и трепещють. и сиꙗ оу
бо великыи ап͡лъ Иꙗковъ
гл͞ть ї ꙗко тако ѥсть отъ
васъ троудолюбьць. да обря
щеть ꙃ. и второѥ слово въ
сихъ книгахъ. ѥмоу же по
чинкы. иже м͞лтвы ино
го ища самъ лѣниво живе

(л. 1-й, столб. 2-й.)

ть. ничсо же оуспѣѥть.
мы же оубо на послѣдоу
ющаꙗ възидемъ ⁘ ~

Изъ рукописей, писанныхъ на бумагѣ, слѣдующія обращаютъ на себя вниманіе: 1) Іоаннъ Лѣствичникъ (уставомъ, XVII в.), въ концѣ котораго помѣщено «толкованіе неоудобь познаваемымъ вписанымъ рѣчемъ, понеже положени суть рѣчи вкнигахъ ѿ начальныхъ преводникъ ово словеньски, ино сербьски, а другая бол-

гарьски и гречески». Вотъ примѣры нѣкоторыхъ неудобь познаваемыхъ словъ: *качество*—естество каковому есть; *количество*—мѣра есть колика; *смерчь*—пiявица, облакъ дождевный, иже ѿ моря воду взимаетъ, яко въ губу, и паки проливаетъ на землю; *самолюбіе*—еже къ тѣлу страсть і оугодное тому; *гаданіе*—скровенъ глаголъ; *свойство*—кто имать что особно; *таимничище*—кобелчищe иже не ѿ законныя жены отроча; *бегунъ*—ходецъ; *доблесть*—крѣпость, мужество; *пронырьство*—лукавьство; *великодушенъ*—иже всяку скорбь приражающѹся могiй понести, и т. п. 2) Другой списокъ того же Іоанна Лѣствичника, любопытный тѣмъ, что исполненъ въ 6929 (1421) году «в Константинѣ градѣ, въ царьстѣй ѡбители пресвятыя владычица наша Богородица Иперивлепто», убогимъ Евсевіемъ и непотребнымъ Ефремомъ. 3) Третій списокъ того же Іоанна Лѣствичника, въ выходной лѣтописи котораго между прочимъ сказано: «Вѣдомо же буди сія бгодховенная книга глемая Лѣствица писана с переводу бгоспсаемаго града Киева пречтные ѡбители прчстыя бцы чтнаго и славнаго ея оуспенія печерьскія и прпбны ѿцъ Антонія и Феѡдосія Печерьски писанъ же печерьскій перевод бжственная лѣствица в лѣта зцѯг год маия въ ді днь при велико кнзѣ Казимерѣ королѣ и при архиепископѣ Іонѣ всеа Рѹсіи и при блговѣрны кнѕе Семена и Михаила Олеѯковичевъ и при архимарите Печерьско Николе в Печерьской ѡбители написа бжствную лѣствицу смиренный ермона Варсонофіе в совершеніе же пріи це сія бгодховенная книга глемая Лѣствица лѣта зрмѕ го год мсца ѡктября въ л дн на память стго сщенномчнка Ерофия повелѣниемъ и списканиемъ Ярославля Новоскаго изагорода с посадѹ Димитрѡвсково попа Герасима Силивестрова сна Понова написа же бжственнѹю лѣствицѹ грѣшный сщенноіерей Ермилъ Тверицкія слѡбоды». 4) Патерикъ Печерскій, съ слѣдующею выходною лѣтописью: «Сия же книги преж сего писаны быша, нарицаемыя Патерикъ Печерьскій житиа и чюдеса святых ѿцъ, въ лѣт 6968, индикта 8, фемилиос 7, іюня 19, на паметь святаго апостола Июды брата Господня, въ богоспасаемемъ граде Киевѣ, во обители пречистыя Богоматере и преподобныхъ ѿцъ нашихъ Антониа и Феѡдосиа в монастырі Печерьскомъ, при княжении благовѣрнаго князя Семиѡна Александровича и при анхимандрите печерьскомъ Николѣ, а повелѣниемъ инока (sic) Каспиана, крилошенина печерьскаго, а написаны быша книги сиа на имя священноиноку кирь Акакию бывшаго намѣст-

ника киевьскаго. Нынѣ же сиѧ книги написаны быша нарицаемыи Патерикъ в лѣт 6970, индикта 10, ѳемелиос 29, мѣсяца ноамъвриѧ въ 21 день, въ богоспасаемѣмъ градѣ Москвѣ, въ обители великаго Възнесенія, при княженіи благовѣрнаго и великаго князя Василья Васильевича и при сыноу его благовѣрномъ великомъ князи Иванѣ Васильевича и при священномъ архиепископѣ Ѳеѡдосии, а повелѣниемъ благовѣрныя и христолюбивыя княгини инока Еоупраксии, а роукою многогрѣшныхъ дву дьячишковъ Григорья и Ермолая, скорасти ради дѣля, тѣхъ же святыхъ молитвами и чюдотворець и преподобныхъ ѿць нашихъ печерьскихъ Антониѧ и Ѳеѡдосиѧ Господи Ісусе Христе Боже помилоуй насъ». 5) Сборникъ, въ которомъ между другими статьями помѣщены: «Никифора іеромонаха Пасхалевса о таинствѣ покаянія и исповѣданія и о нужди тогѡ» и «Показательное изъявленіе (составленное по повелѣнію патріарха Адріана) въ кое время и кіимы словесы пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову». Въ послѣдней предпосланы заимствованію изъ разглагольства Епифанія Славинецкаго и Сүмеона Полоцкаго слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ двухъ ученыхъ: «Призванъ изъ Кіева въ царствующій градъ Москву, въ лѣто 7157, благочестивымъ царемъ Алексіемъ Михаиловичемъ, ради наученія малыхъ дѣтей еллинскому наказанію, нѣкто іеромонахъ, именемъ Епифаній Славинецкій, мужъ многоученъ не токмо философіи, но и самыя ѳеологіи искуснѣйшій разсудитель и опаснѣйшій претолковникъ еллинскаго, латинскаго, славенскаго и полскаго языковъ, яко показуютъ дѣла его. Бѣ же и инъ нѣкто іеромонахъ, именемъ Симеонъ Полоцкій, и той учивыйся аще и не толико, и точію полатински и по-полски, греческаго же писанія ни малѣйше что знаяше...» 6) Сборникъ, содержащій въ себѣ поученія и посланія митрополита Фотія. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ напечатаны археографическою коммиссіею. Объ этой рукописи упоминаетъ преосвященный Филаретъ въ своемъ Обзорѣ русской духовной литературы. 7) Нѣсколько переводовъ съ греческаго языка, совершенныхъ во второй половинѣ XVII вѣка. Изъ этихъ переводовъ болѣе замѣчателенъ переводъ труда Матвея Властаря, исполненный съ пергаментной рукописи, писанной въ 6808 году «по седми лѣтѣхъ точію самаго съчиненія» и хранящейся «даже до днесь (7203 года) въ вивліоѳикѣ патріархіи царствующаго града Москвы». Настоящій переводъ сборника Властаря былъ порученъ справщику книгъ при типографіи, іеромонаху Евфимію; прежній былъ неудовлетворителенъ, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста послѣсловія: «Вина

же втораго нынѣшняго сего преведенія паки еллинскаго діалекта на славенскій сія: понеже прежде сего в лѣто 7050 аще и добрѣ преведено бѣ или с малыми нѣкіими оскудѣнми, рекше неисправленми или и погрѣшенми (забвенію бо и недостатку всякъ человѣкъ подлежитъ и безъ погрѣшенія нѣкоего неудобно, аще и велми остроумъ и опасенъ, быти кому). но послѣ преведенія онаго по времемемъ отъ неискуснопреписателей (увы!) зѣло растлѣся не токмо правый разумъ, лежащій въ ней, преписываніемъ погибе, но и противности многія въ ней наплодишася (прочитаяй тую прежде преведеную купно съ сею новопреведеною книгою удобь познасть какова суть в тѣй книзѣ ѿ преписующихъ случишася погрѣшенія)».

Сентябрь 1867 года.

Академикъ Срезневскій, возвратясь изъ командировки отъ Археологическаго Общества, представилъ фотографическій снимокъ съ находящагося въ Кіевѣ портрета митрополита Евгенія и прочелъ записку свою о богатыхъ собраніяхъ рукописей и вообще древностей, принадлежащихъ епископу чигиринскому Порфирію.

И. И. Срезневскій, по недостатку времени, могъ воспользоваться только частію того, что собрано преосвященнымъ Порфиріемъ во время его многолѣтнихъ странствій по востоку (въ 1843—1861 гг.); но осмотрѣвъ все, убѣдился, что еслибъ въ Кіевѣ не было ничего привлекательнаго для археолога, кромѣ этихъ собраній, то и тогда, ради ихъ однихъ, ему надобно было бы ѣхать въ Кіевъ. Къ тому же они, по просвѣщенному благодушію владѣльца, доступны всякому этого достойному, и доступны не они одни, но и пояснительныя замѣчанія ученаго собирателя, нерѣдко столько же важныя для изслѣдователя, какъ и самыя древности, имъ собранныя. Пользуясь собраннымъ и своими путевыми записками, преосвященный Порфирій приготовилъ къ изданію въ свѣтъ еще нѣсколько сочиненій, важныхъ для археолога и филолога.

Академикъ Гротъ, возвратясь изъ заграничнаго путешествія, заявилъ, что, находясь въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, онъ имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ затрудненіяхъ, какимъ подвергаются книжныя сообщенія между Россіею и другими славянскими странами. Въ особенности поразительно, что часто посылки съ книгами, отправляемыя изъ обоихъ названныхъ городовъ, по непонятнымъ причинамъ возвращаются съ русской границы посылателямъ. Со стороны Россіи два обстоятельства наиболѣе препятствуютъ распространенію въ славянскихъ земляхъ нашихъ изданій: 1) высокая

плата, взимаемая на почтѣ за пересылку ихъ и 2) то, что русскіе книгопродавцы, при отправленіи книгъ, требуютъ немедленной за нихъ уплаты, а не довѣряютъ ихъ на коммиссію. Устраненіе препятствій ко ввозу въ Россію западно-славянскихъ литературныхъ произведеній было бы тѣмъ важнѣе, что многія изъ нихъ только у насъ и могли бы находить достаточный сбытъ.

Отдѣленіе, принявъ эти замѣчанія съ сочувствіемъ, выразило желаніе, чтобы они обратили на себя вниманіе лицъ, которыя могутъ содѣйствовать къ устраненію изложенныхъ неудобствъ.

Тотъ же академикъ, возбудивъ вопросъ о способѣ печатанія переписки Державина въ собраніи его сочиненій, сообщилъ, что довольно значительный отдѣлъ ея составляютъ письма директора казанской гимназіи Каница, писанныя около 1780 года на нѣмецкомъ языкѣ, и прочелъ извлеченія изъ нихъ въ приготовленномъ имъ переводѣ. Согласно съ мнѣніемъ Я. К. Грота, Отдѣленіе находило правильнымъ печатать не только письма самого Державина, но и письма къ нему разныхъ лицъ, причемъ изъ числа послѣднихъ долженъ быть сдѣланъ выборъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ либо по содержанію, либо по значенію писавшихъ ихъ; что̀ касается собственно до писемъ Каница, то въ русскомъ переводѣ они такжѐ могутъ быть помѣщены съ выборомъ и съ сокращеніями, но подлинники ихъ слѣдуетъ напечатать, хотя бы въ приложеніяхъ или примѣчаніяхъ, цѣликомъ.

По порученію Отдѣленія, академикъ Гротъ разсматривалъ изданный недавно г. Макаровымъ русско-французскій словарь, представленный авторомъ на судъ Отдѣленія, и прочелъ свой отзывъ о немъ. Отдѣленіе, вполнѣ одобривъ этотъ отзывъ, опредѣлило сообщить его г. Макарову и напечатать (см. ниже, въ Приложеніи).

Академикъ Пекарскій отыскалъ въ архивѣ академической канцеляріи (книга № 21) слѣдующій проектъ академика Николая Іосифа Делиля, поданный президенту Академіи Наукъ, барону Корфу въ декабрѣ 1735 года, и тогда же переведенный В. К. Тредіаковскимъ на русскій языкъ (ороографія подлинника):

«Полезный проѣктъ, чтобъ дать каждому С. Петербургскому обывателю способъ, какъ исправно заводить по солнцу стѣнные и карманные часы».

«Понеже находятся исправные меридіаны въ обсерваторія, чрезъ которые всегда можно знать на всякой день прямой часъ, когда солнце придетъ на полдень, такъ же и чрезъ посредство вѣрныхъ часовъ, которые въ обсерваторіи, можно всегда вѣдать пря-

мой же часъ, хотя бы не видно было солнца цѣлой мѣсяцъ; того ради надлежало бы однажды выстрѣливать изъ пушки точно въ самый полдень, и для того надобно бы было приказать тѣмъ, которые бъ имѣли стрѣлять съ адмиралтейскаго бастіона, что противъ обсерваторіи, чтобъ они на каждой день были готовы не много прежде полудня къ выстрѣлу въ самую ту минуту, какъ съ обсерваторіи дастся имъ сигналъ, каковъ опредѣленъ быть имѣетъ. Можно объявить о семъ и въ вѣдомостяхъ, что выстрѣлъ сей чинится на всякой день токмо для выше объявленныя причины» *).

Баронъ Корфъ представилъ о томъ въ Императорскій Кабинетъ 27-го декабря 1735 года, за № 1,050; но докладъ этотъ оставленъ былъ безъ отвѣта. Такимъ образомъ мысль, осуществленная въ Петербургѣ, какъ извѣстно, въ весьма недавнее время, предложена была Делилемъ не болѣе, не менѣе какъ 132 года тому назадъ.

Академикъ Пекарскій читалъ вновь найденныя имъ подробности о вызовѣ въ Академію Наукъ и воспитаніи тамъ тѣхъ 12 воспитанниковъ московской греко-славянской академіи, въ числѣ которыхъ былъ и Ломоносовъ.

Тотъ же академикъ читалъ остававшееся до сихъ-поръ неизвѣстнымъ прошеніе Ломоносова 1762 года, въ которомъ онъ, исчисляя свои заслуги, проситъ уволить его изъ Академіи съ пожалованіемъ ему чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ежегодной пенсіи въ 1,800 руб. Это прошеніе напечатано ниже, въ приложеніи.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ БИБЛІОТЕКИ МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

П. Пекарскаго.

20 апрѣля 1780 года исторіографъ Герардъ Фридрихъ Миллеръ, представляя императрицѣ Екатеринѣ II начало своего собранія трактатовъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, въ концѣ доклада писалъ:

«Великая, всемилостивѣйшая государыня императрица! Немощь мою отъ вашего императорскаго величества скрывать не должно, по

*) Есть также и другой современный переводъ этого предложенія, сдѣланный Михаиломъ Грёнингомъ.

которой неуповательно, чтобъ въ семъ упражненіи далеко я предуспѣлъ: много останется дѣлать находящимся при Архивѣ ассессорамъ и будущему по мнѣ исторіографу. Прилично исторіографу жить въ Москвѣ для способности Архивовъ. Петръ Великій опредѣлилъ быть при коллегіи иностранныхъ дѣлъ исторіографу аббату Кружали, который упоминается по запискамъ архивскимъ, что съ 1716 по 1720 годъ бралъ жалованіе. Вашему величеству осталось по своей любви къ россійской исторіи изъ сего примѣра сдѣлать законъ, чему препятствовать не должно, что подъ именемъ исторіографа онъ будетъ и членомъ Академіи Наукъ и будетъ получать жалованье отъ Академіи, какъ узаконено въ регламентѣ академическомъ 1747 года.

На семъ основаніи и какъ исторіографу безъ пристойной библіотеки быть не можно, не сумнѣваюсь я и на то получить вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее соизволеніе, что я намѣрился собственную мою библіотеку, изъ знатнаго числа весьма рѣдкихъ книгъ и не безважныхъ манускриптовъ состоящую, послѣ моей смерти посвятить публикѣ, дабы немалые тѣ мои для исторіи россійской начатые труды въ пользу отечества удобнымъ образомъ всегда продолжаемы были, а отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ просить буду, чтобъ позволили опредѣлить мѣсто для сей моей библіотеки при московскомъ Архивѣ. Она уже описана ассессоромъ Стриттеромъ такъ, что листочка изъ ней потеряться неможетъ. Она уже сама собою не мала и снабдена нужнѣйшими для россійской исторіи и сосѣдственныхъ государствъ книгами; къ ней же и находящіяся при Архивѣ книги присовокуплены будутъ. Но не безполезно будетъ опредѣлить еще по сту или по двѣсти рублевъ въ годъ на укомплектованіе оной, и сей расходъ держать исторіографу.

Сіе мое завѣщаніе не трудно вашему величеству согласнымъ учинить съ должностью, которую я настоящимъ моимъ наслѣдникамъ—женѣ и дѣтямъ обязанъ, не трудно всѣхъ насъ счастливыми учинить паче нашего чаянія, и паче того, чтобы съ продажи моей библіотеки домашнимъ моимъ пріити могло. Всенижайше прошу, чтобъ меня пожаловали небольшимъ числомъ недвижимаго деревенскаго имѣнія въ наслѣдство, чѣмъ бы жена моя и дѣти послѣ меня себя содержать могли, и чтобъ то было не въ весьма дальнемъ отъ Москвы разстояніи и съ такимъ повелѣніемъ, чтобъ и въ томъ не укоснить, дабы щедротою вашего величества я самъ еще пользоваться могъ, ежели Господь Богъ жизнь мою на нѣкоторое время

продлить изволитъ. Чрезъ то награждена будетъ и пятидесяти пятилѣтняя моя въ Россіи служба, по коей во всей имперіи нѣтъ старѣе меня служителя, дѣйствительно въ службѣ находящагося. А дѣти мои, коихъ я воспиталъ для услуженія отечеству—и дѣйствительно они служатъ капитанами—прямые будутъ сыны отечества, потому что иностранный человѣкъ, пока онъ въ Россіи не испомѣщенъ, всегда будетъ иностранцемъ»...

Библіотеку Миллера поручено было осмотрѣть А. Обрескову, который 15 ноября 1781 года писалъ къ графу Ивану Андреевичу Остерману:

«Почтеннѣйшее вашего сіятельства писаніе отъ 5 сего ноября, содержащее высочайшее и всемилостивѣйшее ея императорскаго величества повелѣніе осмотрѣть архиву г. статскаго совѣтника Миллера и спознать отъ него о цѣнѣ оной архивы, я имѣлъ честь получить 12 сего и въ тотъ же день ѣздилъ къ нему, г. Миллеру, и высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе на покупку оной архивы, трудами его собранной, ему объявилъ, что онъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и наичувствительнѣйшею благодарностію принялъ. На вопросъ же мой о цѣнѣ, отвѣтствовалъ, что онъ все предаетъ въ высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе и будетъ доволенъ тѣмъ, что отъ щедроты ея пожаловано ни будетъ. Въ послѣдованіи же разговоровъ примѣтить я могъ, что коли бы ему пожаловано столько, чтобъ онъ возмогъ купить деревеньку не въ весьма дальнемъ разстояніи отъ Москвы около четырехсотъ душъ, то совершенно бы былъ доволенъ. Въ тѣхъ же разговорахъ понялъ я желаніе его, чтобъ оная архива всегда при государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ не раздробительно оставалась, да и могущая быть купленною деревня всегда бы зависѣла отъ той же государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, яко *фидскомисъ*, и никогда бы наслѣдниками и потомками его ни продана, ни заложена быть не могла, а только бы помянутые наслѣдники и потомки довольствовались получаемыми съ нея доходами. Архива же кажется на взглядъ многочисленна, а какъ скоро каталогъ въ надлежащій порядокъ приведется, то буду имѣть честь оный къ вашему сіятельству доставить»...

Изъясненія о моей библіотеки.

Когда я просилъ, чтобъ всемилостивѣйшая государыня императрица соизволила указать при смерти моей принять мою библіо-

теку въ Архивъ, а меня бы за то пожаловать, для безубыточнаго награжденія фамиліи моей, не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы деревнею или деньгами, на которыя деревню около четырехсотъ душъ купить можно было, то не думалъ я чрезъ то библіотекѣ моей цѣну поставить, развѣ только для примѣру объявить мое мнѣніе, чѣмъ бы мое желаніе совершенно исполнено быть могло. Ласкаю я себя надеждою, что всемилостивѣйшая государыня императрица, по обыкновенной своей щедротѣ, притомъ и долголѣтную мою, вѣрную и полезную службу въ разсужденіе принять изволитъ и не допуститъ, чтобъ моя жена и дѣти послѣ меня въ бѣдности остались или за отданіе ихъ наслѣдства въ архивъ на меня жаловаться могли.

Вообще разсуждая, во что библіотека моя могла стоить мнѣ покупкою, чего у меня не записано и чрезъ оцѣнку книгъ и манускриптовъ того найти не возможно. То извѣстно, что я снабденъ былъ всегда изобильнымъ жалованьемъ; что жилъ весьма умѣренно, время препроводилъ въ трудахъ, а не гуляніяхъ, слѣдовательно по пятидесяти-семи-лѣтней службѣ должно бы было остаться у меня не малому капиталу, но онаго нѣтъ. Сбереженныя у меня деньги употребилъ я на книги и манускрипты, дабы тѣмъ лучше исполнить по моей должности, потому что въ библіотекѣ академической многихъ весьма нужныхъ книгъ не доставало. Представлялъ же я себѣ наибольше предметомъ книгъ о исторіи россійской и о всемъ состояніи россійской имперіи, коихъ по возможности собиралъ полное число въ Россіи и въ другихъ государствахъ, на всякихъ языкахъ печатанныхъ; да при томъ не пренебрегалъ книгъ о сосѣдственныхъ съ нами государствахъ, безъ коихъ россійскому историку обойтися не возможно. Легко статься можетъ, что на сію для общей пользы учиненную издержку употребилъ я, сравнивая годъ съ годомъ, около двухъ-сотъ рублей въ годъ, съ начала меньше, а по умножающему(ся) жалованью и бóльше.

Между сими книгами есть не малое число такихъ, кои по ихъ рѣдкости и важности не инако, какъ съ великимъ трудомъ и за чрезвычайную цѣну сысканы быть могутъ. Я упомяну только о нѣкоторыхъ и собственно до Россіи подлежащихъ, причемъ я поставляю онымъ цѣну для примѣру во что мнѣ стали.

Folio.

Korb Diarium itineris in Moscoviam. Viennae, 1698........	10 р.
Panegyricus Petro I dictus. Kioviae. 1709. На лат. яз.	5 »
Слово похвальное кн. Меншикову въ Кіевѣ, 1709 г... ...	

Rerum Moscoviticarum auctores varij. Fr. 1600 .... 6 р.
Ant. Possevini Moscovia et alia opera. Colon. 1587 .... 4 »
Polonicarum rerum scriptores in tres tomos distributi, Basiliae, 1582 .... 15 »
Okolski, Orbis polonus tribus tomis. Cracoviae, 1641 .... 20 »
Niesieckiego, Herbownik polskoi, въ 4 томахъ 1728 .... 20 »
Olearius, Reisebeschreibung, 1696 .... 10 »

In quarto:

Библія россійская, печатанная въ Литуаніи въ 1519 не полная въ двухъ томахъ .... 10 »
Jacobi, Nobilis Dani (Uhlefeldii) Hodoeporicum Ruthenicum, Francof. 1608 .... 2 »
Assemanni, Kalendaria Ecclesiae Universae orientis et occidentis 6 tomis, Romae, 1705 .... 30 »
Vertrautes Schreiben von den jetzigen conjuncturen in Moscaw, 1705 ....
Beantwortung des lugenhaften Pasquils: Vertrautes Schreiben von den jetzigen conjuncturen in Moscow. 1706 .... 6 »
Catalogi duo codicum manuscriptorum Athanasii Schiadae. Moscuae. 1723 .... 2 р.

In octavo:

Possevini, Moscovia, Antwerpiae. 1587. Сія книга содержитъ одно его путешествіе въ Россію .... 2 »
Etat de Russie par Margeret. Paris 1669 .... 10 »
Relation de Moscovie par Neuville, à la Haye 1699 .... 2 »

Цѣна всѣхъ оныхъ книгъ 154 рубля. Умалчиваю для краткости о книгахъ, до исторіи сосѣдственныхъ государствъ касающихся, а оныя всѣ россійскому исторіи описателю необходимо потребны. Причисляю къ онымъ и книги, исторію универсальную и западныхъ государствъ описующія, потому что историку не рѣдко и по онымъ справляться должно. Книги старыя находятся въ старомъ переплетѣ, въ коемъ мнѣ достались, а новые переплетены въ переплетъ французскій.

Есть у меня, и не мало, книгъ богословскихъ, юридическихъ, медицинскихъ, философскихъ, до исторіи натуральной касающихся, и древнихъ классическихъ авторовъ и школьныхъ книгъ, коихъ я изъ отдачи съ прочими не исключаю, но оставаться-ли онымъ при Архивѣ, оное должно зависѣть отъ высшаго повелѣнія.

Манускрипты состоятъ иные въ переплетѣ, а бо́льшее число положено по матеріямъ въ портфеляхъ, коихъ содержаніе подробно еще не описано. Изъ сихъ ни одного листа потеряться не должно. Многое сочинено или записано мною для будущаго употребленія, иное списано по моему указанію изъ Разряднаго архива и съ находящихся въ партикулярныхъ домахъ книгъ и записокъ.

Родословная исторія древнихъ великихъ князей, царей и высочайшаго императорскаго дома особливымъ тщаніемъ у меня описана, чему свидѣтельствуютъ многія, мною сочиненныя родословныя таблицы на александрійскихъ листахъ и на склейкахъ. Географическое описаніе россійской имперіи, къ коему я, въ Сибири путешествуя, собственными примѣчаніями основаніе положилъ, пріумножено многими послѣ того и понынѣ со всѣхъ сторонъ мнѣ сообщенными и у меня описыванными планами и ландкартами, не упоминая о печатныхъ ландкартахъ, особливо же о шведскомъ и польскомъ атласахъ, мною уже въ 1779 году въ Архивъ взнесенныхъ для нужнаго при дипломатическомъ корпусѣ употребленія.

Послѣднее обогащеніе моей библіотеки чинилъ я списываніемъ важнѣйшихъ писемъ своеручныхъ Петра Великаго, въ 13-ти томахъ содержащихся въ нашемъ Архивѣ, и приведеніемъ оныхъ въ порядокъ по годамъ и числамъ, чѣмъ много услужить надѣюсь тому, кто другими дѣлами не занятъ, описаніе исторіи великаго императора главнѣйшимъ своимъ упражненіемъ имѣть будетъ.

Всѣ оные манускрипты ни у кого, кромѣ меня, не находятся: они собраны, сочинены, описаны и выписаны мною по лучшему моему знанію, не для одного любопытства, но въ намѣреніи, чтобъ полезнѣйшую услугу сдѣлать государству, коему я съ самаго пріѣзда моего, т. е. съ 1725 года, всѣ мои труды и способности единственно жертвовалъ и при разныхъ случаяхъ дѣйствительные тому явилъ опыты. Какое же россійская исторія чрезъ мои труды получила приращеніе, а непросвѣщенный народъ чрезъ Ежемѣсячныя Сочиненія, въ двадцати томахъ мною изданныя,—наставленія, о томъ распространять за излишнее почитаю. Увѣренъ я, что величайшая государыня императрица, по неизмѣримой своей щедротѣ, высочайшую свою милость до конца жизни моей по мнѣ продолжать, библіотеку мою и всѣ мои письма въ Архивъ указать принять и за долголѣтную мою службу по нижайшему моему челобитью меня наградить не откажетъ.

Г. Ф. Миллеръ.

8 декабря 1781 года.

9 декабря 1781 года, Обресковъ писалъ къ графу Остерману:

«Получа почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 30 ноября, ѣздилъ я вновь къ г. статскому совѣтнику Миллеру и съ сугубымъ прилежаніемъ осматривалъ архиву его, состоящую во многихъ тысячахъ разныхъ печатныхъ книгъ и манускриптовъ, и скажу вамъ, милостивому государю моему, что по наружности нашелъ я ее въ наилучшемъ состояніи и порядкѣ, а содержанія ихъ того болѣе уваженія достойны, ибо между печатными есть нѣкоторыя весьма знаменитыя, другія же рѣдкія; а есть и такія, которыхъ въ нынѣшнія времена ни за какія деньги достать не можно; такожъ и между манускриптами подобнаго же свойства многіе находятся, а особливо всѣ пятидесятилѣтнимъ и болѣе всегдашними и непрерывными его трудами выработанныхъ; которыя наиболѣе касаются до нашего любезнаго отечества и до сосѣдственныхъ государствъ съ разными ремарками, благоразуміемъ и просвѣщеніемъ, каковыя сей почтенный старикъ въ теченіи долговременной его жизни и по всегдашнемъ его при сихъ дѣлахъ упражненіи пріобрѣсти могъ,— наполненными, каковыхъ, милостивый государь мой, конечно нигдѣ нѣтъ, да и быть не можетъ. И мнѣ кажется, что сохраненіе сей его архивы во всей цѣлости можно будетъ для государства почитать сущимъ сокровищемъ, и потомки наши во оной могутъ о государствѣ нашемъ почерпать знанія пресобширныя. Въ прибавокъ же къ сему моему вашему сіятельству покорнѣйшему изъясненію посылаю при семъ пополнительнѣе изъясненіе самого его, г. Миллера, о свойствѣ помянутой его архивы, которое предоставляя на разсмотрѣніе вашего сіятельства, имѣю честь быть и пр.

Того же 9 декабря 1781 года, Миллеръ самъ писалъ къ графу Остерману:

Eurer Hochgräflichen Excellence Hohe Gnade und Bemühungen zu meinem Besten, werden ich und meine familie niemahls nach Würde gnugsam mit Danke erkennen können. Se. Excell. der Herr v. Obreskow haben von mir eine weitere Erklärung wegen meiner Bücher und Manuscripten verlanget, die ich gegeben habe. Eine Schätzung des innern wahren Werths, insonderheit der Manuscripten, ist gantz unmöglich. Was Jhre Kaiserliche Majestät mir allergnädigst zu zuwerden belieben, das wird mich so vollkommen befriedigen, dasz ich es eher für ein Mildes Geschenk, als für eine Bezahlung, ansehen werde. Jn Vergleichung mit andern von Jhro Kaiserl. Majestät gekauften Bibliotheken, kann wegen des Werthes der meinigen, edi einen weit gröszere Nutzen verspricht, kein Zweifel übrig bleiben.

Meine Manuscripta sind an Zahl und Wichtigkeit dem gemäs, was man von 50 und mehr jährigen Bemühungen, die alle zum besten des Reichs abgezillet haben, erwarten kann. Man kann aber solches auch schon daraus abnehmen, wenn gewisze Ausarbeitungen bey mancher Gelegenheit von mir gefordert worden, die ich sogleich geliefert habe, welches nicht möglich gewesen wäre, wenn ich nicht so viel vorgearbeitet und auf alle Arten von Kenntniszen in Ansehung des Russischen Reichs mich in Bereitschaft gesetzet hätte. Zu letzt kann ich nicht sicherer gehen, als wenn ich mich einzig und allein auf Jhro Kaiserlichen Majestät aller höchste Gnade verlasze, wovon ich seit 20 und mehr Jahren so viele Proben habe. Hierin mich zu befestigen, bitte ich Eure Hochgräfliche Excellence auf das sehnlichste, denen ich alles ersprieszliche Wohlergehen von Hertzen anwünsche, und in tiefster submission etc.

ОТЗЫВЪ АКАДЕМИКА ГРОТА О РУССКО-ФРАНЦУЗСКОМЪ СЛОВАРѢ Г. МАКАРОВА.

Потребность въ подробномъ русско-французскомъ словарѣ ощущалась у насъ очень давно, и недостатокъ такого пособія, при значительной распространенности у насъ французскаго языка, служилъ однимъ изъ прискорбныхъ доказательствъ того, какъ бѣдна наша учебная и ученая литература и какъ мало у насъ охотниковъ предпринимать серьезные, многолѣтніе труды.

Наконецъ нашелся человѣкъ, задумавшій составить такой словарь обоихъ языковъ, который въ неслишкомъ большомъ объемѣ представлялъ бы возможно-полное и надлежащимъ образомъ разработанное содержаніе. И эта нелегкая задача выполнена г. Макаровымъ въ замѣчательной степени успѣшно. Употребивъ на то не болѣе трехъ лѣтъ, г. Макаровъ подалъ отрадный примѣръ дѣятельности настойчивой и неугомимой. Словарь его удовлетворяетъ большей части требованій, установленныхъ для пособій этого рода, и можно, кажется, съ увѣренностью предсказать, что онъ сдѣлается надолго необходимою книгою для всякаго, кто захочетъ изучать одинъ изъ двухъ языковъ съ помощію другаго; особенно будетъ онъ нуженъ при переводахъ съ русскаго на французскій, и всего болѣе для учащагося юношества.

Одно изъ главныхъ достоинствъ въ подобномъ трудѣ есть полнота, — полнота, во 1-хъ, въ собраніи словъ объясняемаго язы-

ка, во 2-хъ—въ объясненіи этихъ словъ и въ указаніи всѣхъ случаевъ разнообразной передачи ихъ на другомъ языкѣ. Въ обоихъ отношеніяхъ новый словарь довольно близко подходитъ къ цѣли своей, и притомъ въ объясненіи словъ г. Макаровъ постоянно держится разумной системы: сначала идутъ соотвѣтствующія русскому слову, въ разныхъ значеніяхъ его, французскія слова, а потомъ, въ такомъ же порядкѣ, относящіяся къ каждому значенію фразы. Со стороны фразеологіи этотъ словарь отличается рѣдкимъ богатствомъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ немъ пословицы, въ бóльшей части случаевъ передаваемыя пословицами же; только тогда, когда недостаетъ подобозначащихъ, ихъ замѣняетъ объясненіе; то и другое всякій разъ обозначается особымъ указаніемъ. Такимъ образомъ трудъ г. Макарова, выполненный съ добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, долженъ быть признанъ заслуживающимъ одобренія. Само собою разумѣется однакожъ, что въ изданіи такого объема неизбѣжны недосмотры и неисправности. Отдавая полную справедливость достоинствамъ словаря, считаю себя не вправѣ умолчать о нѣкоторыхъ пропускахъ и промахахъ, которые въ немъ замѣчены мною. Остановиться на нихъ обязанъ я тѣмъ болѣе, что самъ авторъ выразилъ желаніе узнать недостатки своего словаря для исправленія ихъ въ будущемъ.

Хотя г. Макаровъ и внесъ въ свой трудъ многія общеупотребительныя русскія слова, которыхъ, по крайней-мѣрѣ до замѣчательнаго труда г. Даля, не было въ нашихъ словаряхъ (напримѣръ: обусловливать, объединять, научный, клумба и др.), однакожъ и въ разсматриваемомъ словарѣ мы не находимъ еще многихъ словъ; нѣкоторыя изъ нихъ, правда, еще новы, но и тѣ уже пріобрѣли или по крайней-мѣрѣ болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ право гражданства, Г. Макаровымъ между прочимъ, пропущены слѣдующія слова *): бытовой*, водораздѣлъ, главенство*, голосованіе*, дословный, завзятый, законоположеніе, замкнутость, издѣльный (—ая повинность), корениться, крѣпостникъ*, мѣропріятіе, набросокъ*, накидокъ* (esquisse), настроеніе, непререкаемый, обрядовой, общеніе, орудовать, отступное, передвиженіе, плоскогорье, полноправный*, правомѣрный, представительство, пререканіе, принудительный, противовѣсъ (—вѣсіе)*, проходимецъ*, равноправный, самовосхваленіе*, самодуръ, самодѣятельность, самообольщеніе*,

*) Обозначаю звѣздочкой такія слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ вышедшихъ до-сихъ-поръ русскихъ словарей.

самосознаніе*, самоуправленіе*, сдержанность* (и сдержка), собственникъ*, сопоставлять, сторонникъ, стушеваться, суть (имя сущ.), творчество, хлыщъ*, цѣлесообразный*, человѣчный, численность.

Кромѣ того забыты еще нѣкоторыя слова другаго рода, хотя не столь употребительныя, болѣе спеціальныя, но также несомнѣнно принадлежащія къ составу языка: они частью встрѣчаются у писателей не слишкомъ давняго періода (напр. запмословіе, нѣщечко), частью живутъ въ народѣ (взбуровить, ерунда, калика, живейный, неумѣлый, обозначаться, посовѣть, раздробь), частью же извѣстны какъ научные или ремесленные термины (хрусталикъ, засидки *).

Наконецъ, между вошедшими въ русскій языкъ иностранными словами недостаетъ у г. Макарова нѣкоторыхъ весьма замѣтныхъ. Конечно, не всѣ употребляемыя современными писателями иноязычныя слова заслуживаютъ сохраненія, но многія не хуже прежде-утвердившихся; въ этомъ отношеніи важно имѣть въ виду степень потребности въ словѣ, и кажется, современный лексикографъ не можетъ отвергать такихъ словъ, какъ напр., солидарность, организовать, централизація, соціальный, принципъ, или: кепи, керосинъ и проч., которымъ однакожъ въ словарѣ г. Макарова менѣе посчастливилось чѣмъ другимъ, въ родѣ амплуа, ангажировать, сидръ, папироска и т. п.

Объясненія и переводы въ новомъ словарѣ вообще вѣрны и удачны. Есть въ немъ однакожъ слова, которыя объяснены не во всѣхъ своихъ значеніяхъ или вообще не совсѣмъ полно и не довольно точно. Вотъ тому примѣры.

«Говоръ, le bruit de gens qui parlent». Здѣсь упущено изъ виду значеніе, усвоенное этому слову въ послѣднія десятилѣтія, именно: patois, jargon (мѣстное нарѣчіе).

«Грамотность, l'écriture et la lecture». Но *грамотность* означаетъ преимущественно *умѣнье* читать и писать.

«Дѣятель, acteur, agent». Очевидно, что ни то, ни другое изъ этихъ французскихъ словъ не годится для передачи столь общеупотребительныхъ выраженій: *дѣятель общественный*, *дѣятель* такой-то *эпохи*. Надобно было перифрастически объяснить употребленіе этого слова.

«Задатокъ, les arrhes». Русское слово употребляется въ смыслѣ гораздо обширнѣйшемъ, напр. въ выраженіи: задатки будущаго развитія.

*) Описаніе засидокъ (Lichtbraten) на одной петербургской фабрикѣ см. въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866, № 232.

«Наплясаться, danser tout son soûl, jusqu'à satiété». Это только собственное значеніе слова; но есть еще и другое: натерпѣться, намаяться.

«Направленіе, direction». Надо было прибавить: tendance.

«Насущный, — хлѣбъ, le pain quotidien». Но русское прилагательное соединяется не съ однимъ словомъ *хлѣбъ*; въ предисловіи къ своему словарю самъ г. Макаровъ употребилъ выраженіе: «одна изъ насущнѣйшихъ потребностей». Quotidien не выражаетъ кореннаго значенія слова *насущный*, которое прямо переведено съ греческаго ἐπιούσιος (*на существованіе* нужный). Слѣдовало прибавить: vital, и потомъ приведенное выраженіе съ объясненіемъ его: besoin impérieux или т. п.

«Оброчный, de redevance, payant une redevance». Забыто реченіе: *оброчныя статьи*.

«Печать, le cachet, sceau; le scellé; impression; les caractères». Здѣсь недостаетъ еще presse, въ значеніи котораго слово *печать* въ недавнее время стало удачно употребляться.

«Почииъ, le commencement, étrenne; frontière». И тутъ недостаетъ недавно приданнаго слову значенія: initiative.

«Присяжный, de serment, assermenté; le juré, membre du jury». Не объясненъ терминъ *присяжный повѣренный*, котораго не находимъ и подъ словомъ *повѣренный*.

«Протестъ, protêt». Слово взято только въ самомъ спеціальномъ своемъ значеніи, какъ коммерческій терминъ, тогда какъ общій смыслъ его остался въ сторонѣ.

«Путевой, de voyage». Не занесено реченіе *путевой дворъ*, которое начали употреблять въ значеніи французскаго gare du chemin de fer (нѣмецкаго Bahnhof).

«Разбирать». Между многими приведенными при этомъ глаголѣ значеніями забыто одно, соотвѣтствующее выраженію: быть разборчивымъ (напр. въ пищѣ), être difficile dans le choix de...

«Разборчивый». Здѣсь напротивъ указано значеніе, ускользнувшее при глаголѣ *разбирать*, но не приведено то, которое встрѣчается напр. въ выраженіи: довольно разборчивый почеркъ.

«Разводить». Забытъ случай употребленія этого глагола съ творительнымъ: *руками*.

«Рознь, la différence, diversité». A divergence въ смыслѣ разномыслія, несогласія, désunion, division?

«Сводиться, être mené (du haut en bas)». Не показано значеніе слова въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующему: всѣ эти толки сводятся на одну главную мысль.

«Черный». Не выставлено названіе *черная рыба*, которымъ означаются всѣ виды мелкой рыбы въ отличіе отъ крупной, называемой *красною*, какъ и показано подъ этимъ послѣднимъ словомъ.

Фразы, которыхъ переводъ вообще свидѣтельствуетъ объ основательномъ знаніи французскаго языка, помѣщены не всегда въ надлежащемъ мѣстѣ; напр. выраженія: «Онъ очень занятъ собою, онъ занятъ чтеніемъ» должны бы находиться не подъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ *занимать*, а подъ причастіемъ *занятой*, такъ-какъ оно поставлено, по общему правилу автора, особо.

Особо поставлены также косвенные падежи личныхъ мѣстоименій, и г. Макаровъ справедливо указываетъ въ предисловіи на это преимущество своего словаря. Но на томъ же основаніи слѣдовало бы помѣщать особо и тѣ глагольныя формы, которыя своими начальными буквами отличаются отъ неопредѣленнаго наклоненія. Такъ нужно бы, кромѣ *здать*, *идти*, *молоть*, *стлать*, *брать*, *жать*, *мять* и т. п. выставить на своемъ мѣстѣ, по азбучному порядку, и формы: *зижду*, *шелъ*, *мелю*, *стелю*, *беру*, *жму*, *жну*, *мну* и проч.

Выше сказано было, что нѣкоторыя фразы встрѣчаются не тамъ, гдѣ ихъ должно искать. Въ примѣръ того приведу еще одинъ случай. Пословица: «не всякое лыко въ строку» помѣщена подъ словомъ *всякій*, тогда какъ настоящее мѣсто ей было бы подъ словами *лыко* или *строка*. Притомъ и объясненіе этой пословицы: «Il ne faut pas regarder de trop près или il faut être indulgent quelquefois» не совсѣмъ удовлетворительно. Подъ словами *лыко* и *строка* читатель не найдетъ разгадки, почему въ народномъ изреченіи соединены эти два понятія. Имя сущ. *строка* переведено только словомъ *ligne*, но въ сущности смыслъ его гораздо обширнѣе: оно значитъ вообще *рядъ* (напр. въ шитьѣ), и на этомъ основаніи употребляется также, когда рѣчь идетъ о плетеніи лаптей. Мастеръ этого дѣла отбрасываетъ тѣ лыки, которыя кажутся ему недовольно чисты и гладки для употребленія въ строку или полосу. Вотъ начало пословицы. Уже позднѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стали говорить. «Не всякое слово въ строку». Г. Снегиревъ объясняетъ пословицу о лыкѣ такъ: «не всякія мелочи, пустяки вводить въ дѣло». Г. Даль даетъ ей слѣдующее толкованіе, принятое и въ разбираемомъ словарѣ: «не будь чрезмѣру строгъ и взыскателенъ». Кажется, точнѣе былъ бы такой переводъ: «не всякое слово, необдуманно сказанное, стоитъ вниманія и должно вмѣняться въ вину».

Указавъ на нѣкоторые частные недостатки въ словарѣ г. Макарова, охотно сознаю однако же, что они не могутъ и не должны

заслонять собою громадной массы всего хорошаго, что въ немъ заключается. Безъ подобныхъ указаній со стороны, такой обширный трудъ никогда не можетъ приблизиться къ желаемому совершенству. Въ настоящемъ же случаѣ они казались мнѣ тѣмъ нужнѣе, что неутомимый авторъ уже перешелъ къ другому однородному предпріятію: онъ готовитъ въ тѣхъ же или, можетъ быть, еще въ большихъ размѣрахъ французско-русскій словарь. Пожелаемъ ему въ этомъ новомъ предпріятіи такого же успѣха, какого заслуживаетъ недавно-изданный трудъ его.

ПРОШЕНІЕ ЛОМОНОСОВА О ПЕНСІИ И ЧИНѢ, 1762 ГОДА *)

Сообщено Академикомъ П. Пекарскимъ.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица всероссійская Государыня всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ Коллежской Совѣтникъ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ; а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты,

1.

Въ службѣ Вашего Императорскаго Величества состоя тритцать одинъ годъ. обращался я въ наукахъ со всякимъ возможнымъ раченіемъ, и въ нихъ пріобрѣлъ толь великое знаніе, что по свидѣтельству разныхъ Академій и великихъ людей учоныхъ принесъ я ими знатную славу Отечеству во всемъ учономъ свѣтѣ, чему показать могу подлинныя свидѣтельства: и таковымъ ученіемъ, одами публичными рѣчьми и диссертаціями по³зовалъ и украшалъ я Вашу Академію передъ всѣмъ свѣтомъ дватцать лѣтъ *К' сему*

2.

На природномъ языкѣ разнаго рода моими сочиненіями Грамматическими, Риторическими, Стихотворческими, Историческими, такъ же и до высокихъ Наукъ надлежащими Физическими, Хими-

*) Въ Госуд. архивѣ, X разрядъ, Прошенія, бывшія въ дѣлопроизводствѣ И. П. Елагина, книга I. Правописаніе сохранено подлинника.

ческими и Механическими стиль Россійской въ минувшіе двадцать лѣтъ несравненно вычистился передъ прежнимъ, и много способнѣе сталъ къ выраженіямъ идей трудныхъ, въ чемъ свидѣтельствуетъ общая апробація моихъ сочиненій и во всякихъ письмахъ употребляемыя из нихъ слова и выраженія, что къ просвѣщенію народа много служитъ; *Прошенію*

3.

Присудствуя въ Канцеляріи Академіи Наукъ членомъ полшеста года безъ повышенія чина и безъ прибавки жалованья; что однако моимъ товарищамъ учинено было; отправлялъ я должность мою по положеннымъ на меня Департаментомъ со всяческимъ раченіемъ, такъ что Гимназія, Университетъ и Географической Департаментъ пришли во много лутчее передъ прежнимъ состояніе; *Колежской Совѣтникъ*

4.

Помянутою моею ревностною и вѣрною службою и многими трудами пришло мое здоровье въ великую слабость, и частой ломъ въ ногахъ и раны не допускаютъ меня больше къ исправленію должности, такъ что прошлой зимы и весны лежалъ я двѣнатцать недѣль въ смертной постелѣ и нынѣ тяжко боленъ; *Михайло*

5.

Не взирая на мои вышепомянутые труды и ревностную и безпорочную службу для приращенія Наукъ въ Отечествѣ близь двѣнатцати лѣтъ въ одномъ чину оставленъ я нижайшій произвожденіемъ и обойденъ многими меня молодшими въ статскихъ чинахъ; которымъ при семъ реестръ сообщается и тѣмъ приведенъ въ великое уныніе, которое болѣзнь мою сильно умножаетъ; *Васильевъ сынъ*

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества милосердіемъ благоволено было сіе мое нижайшее прошеніе принять и меня для вышепомянутой болѣзни уволить отъ службы Вашего Императорскаго Величества вовсе; а за понесенные мною сверхъ моей профессіи труды, и для того что я многократно многими въ произвожденіи молодшими безъ всякой моей прослуги обойденъ, наградить меня произведеніемъ въ Статскіе Дѣйствительные Со-

вѣтники съ ежегодною пенсіею по тысячи по осьми сотъ рублевъ по мою смерть изъ Статской Конторы. Между тѣмъ въ покоѣ и въ уединеніи отъ хлопотъ бывающихъ по должности пользуясь таковою Вашего Императорскаго Величества всевысочайшею щедротою въ часы свободные отъ болѣзни не премину въ наукахъ посильно упражнятся въ пользу отечества; *Ломоносовъ*

Всемилостивѣйшая Государыня прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ челобитьѣ рѣшеніе учинить. Іюля дня 1762 года. Прошеніе писалъ Академіи Наукъ Геодезіи Студентъ Илья Аврамовъ *руку приложилъ.*

(На отдѣльномъ листѣ при прошеніи рукою того же Аврамова:)

Коллежской Совѣтникъ Михайло Ломоносовъ обойденъ въ произвожденіи, и молодшіе его въ статскихъ чинахъ пожалованы:

1) Иванъ Козловъ Статской Дѣйствительной Совѣтникъ и Генералъ-Рекетъ Мейстеръ.

2) Дмитрей Лобковъ Статской Дѣйствительной Совѣтникъ и Герольдъ Мейстеръ;

3) Федоръ Квашнинъ Самаринъ Статской Дѣйствительной Совѣтникъ и Оберъ Президентъ;

4) Николай Давыдовъ Статской Совѣтникъ и Вице Президентъ;

5) Алексѣй Яковлевъ Статской Совѣтникъ;

6) Князь Егоръ Амилохоровъ Статской Совѣтникъ и Прокуроръ;

7) Иванъ Ермолаевъ Статской Совѣтникъ;

8) Андрей Суровцовъ Статской Совѣтникъ;

9) Борисъ Никитинъ Статской Совѣтникъ;

10) Алексѣй Еропкинъ Статской Совѣтникъ;

11) Федоръ Швебсъ Вице Президентъ;

12) Андрей Самаринъ Церемоніенъ-Мейстеръ;

13) Князь Александръ Черкаской Брегадиръ;

14) Михайло Титовъ Статской Совѣтникъ;

15) Иванъ Тауберть Статской Совѣтникъ.

Октябрь 1867 года.

Академикъ Пекарскій читалъ извлеченное имъ изъ академическаго архива извѣстіе о бывшихъ въ Петербургѣ въ 1780 году частныхъ училищахъ. По приказанію Императрицы Екатерины II, въ мартѣ и апрѣлѣ означеннаго года академики Ейлеръ-сынъ, Лепехинъ, Протасовъ, Зуевъ и Моисѣенковъ осматривали всѣ

частные пансіоны и школы, находившіеся тогда въ Петербургѣ; причемъ дѣлали испытанія воспитанниковъ и собирали свѣдѣнія о содержателяхъ и учителяхъ этихъ учебныхъ заведеній. Результаты занятій названныхъ академиковъ изложены въ обстоятельномъ описаніи, которое представляетъ довольно цѣльную картину воспитанія молодаго поколѣнія зажиточныхъ жителей Петербурга во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ большей части частныхъ учебныхъ заведеній все преподаваніе ограничивалось уроками французскаго, иногда нѣмецкаго языковъ и первыми правилами ариѳметики. Между содержателями и учителями пансіоновъ попадаются прикащикъ, фехтовальный учитель, поваръ и т. п. Весьма немногіе изъ содержателей получили университетское образованіе. Одинъ изъ нихъ, Августъ Вицманъ, издатель «St. Petersburgisches Wochenblatt zur Aufnahme der Oeconomie», по отзыву академиковъ, былъ человѣкъ хорошо подготовленный и ученый; но зато у него почти не было учениковъ. На Петербургской сторонѣ существовала школа извѣстнаго потомъ автора Записокъ объ Екатеринѣ II и Императорѣ Павлѣ, Ивана Масона. Экзаминаторы нашли: «Какъ г. Масонъ, по причинѣ своея должности въ кадетскомъ корпусѣ, мало имѣетъ времени обучать самъ въ своемъ пансіонѣ, и какъ его помощники въ наукахъ и языкахъ не весьма искусны, то не можно ожидать отъ его учениковъ никакихъ дальнихъ успѣховъ»... Этотъ новый матеріалъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, дополняющій біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицахъ прошлаго столѣтія, будетъ напечатанъ впослѣдствіи.

Академикъ Гротъ доложилъ, что такъ-какъ памятникъ надъ могилою покойнаго А. Х. Востокова на Волковомъ кладбищѣ нынѣ уже совершенно оконченъ, то онъ долгомъ считаетъ представить, для храненія при дѣлахъ отдѣленія, списки пожертвованій, сдѣланныхъ на этотъ предметъ, по вызову отдѣленія, почитателями памяти академика Востокова и составившихъ сумму въ 644 р. 60 к., на счетъ которой и поставленъ памятникъ. Положено: при напечатаніи о томъ выразить живѣйшую признательность отдѣленія всѣмъ лицамъ, благоволившимъ принять участіе въ подпискѣ на этотъ предметъ.

Академикъ Срезневскій прочелъ слѣдующую записку: «Въ концѣ мая я докладывалъ отдѣленію о томъ, что докторомъ Я. Шафарикомъ, во время его пріѣзда на этнографическую выставку, сообщена была мнѣ рукопись XII вѣка, письма не русскаго и не сербскаго, заключающая въ себѣ значительную часть книги

апостольскихъ чтеній, и что г. Шафарикъ обѣщалъ осенью доставить не только работу свою объ этомъ памятникѣ, но и самый подлинникъ. Вполнѣ увѣренный, что работа г. Шафарика будетъ достойна вниманія отдѣленія и что подлинникъ еще разъ будетъ въ моихъ рукахъ, я все-таки списалъ весь памятникъ, снялъ снимки съ нѣсколькихъ страницъ и сдѣлалъ о немъ свои замѣтки, часть которыхъ и сообщилъ отдѣленію. Все это оказалось тѣмъ болѣе нужнымъ, что весною же я получилъ отъ В. И. Григоровича еще часть той же рукописи, не находившуюся въ рукахъ г. Шафарика; имѣя снимки и списокъ, я легко могъ въ этомъ убѣдиться и новозаявленной части памятника дать въ своемъ спискѣ должное мѣсто. Вмѣстѣ съ тѣмъ дружеской общительности В. И. Григоровича я обязанъ сообщеніемъ, между прочимъ, и другаго важнаго памятника того же рода и отдѣла: книги апостольскихъ чтеній тоже, вѣроятно, XII вѣка и тоже письма не русскаго и не сербскаго, но особеннаго правописанія. Этотъ памятникъ любопытенъ, между прочимъ, и потому, что въ немъ по мѣстамъ кирилловское письмо замѣнено глаголицей. Снявъ снимки и съ этого памятника, я и его списалъ вполнѣ для того, чтобъ имѣть возможность сравнивать съ нимъ памятникъ, прежде означенный. В. И. Григоровичу я обязанъ за сообщеніе и еще нѣсколькихъ памятниковъ такого же письма, XII—XIII вв. Всѣ эти памятники были для меня важны, между прочимъ, и въ отношеніи къ сборнику памятниковъ юсоваго письма, мною печатаемому. Я воспользовался ими для того, помѣстивъ извлеченія изъ нихъ въ дополненіи, и приготовляю ихъ описаніе для обозрѣнія, которое печатается какъ введеніе къ сборнику. Поѣздка моя въ Кіевъ была также полезна для дополненія издаваемаго мною сборника: въ богатыхъ и разнообразныхъ собраніяхъ преосвященнаго Порфирія я нашелъ нѣсколько отрывковъ изъ древнихъ памятниковъ того же юсоваго письма, сдѣлалъ и съ нихъ снимки и списки, и считаю нужнымъ дать и имъ мѣсто въ издаваемой книжкѣ. Позволю себѣ повторить разъ уже высказанное въ отдѣленіи убѣжденіе, что изъ памятниковъ юсоваго письма, чѣмъ болѣе ихъ отыскивается, тѣмъ яснѣе становится, что и въ нихъ такъ же, какъ въ памятникахъ русскихъ и сербскихъ, только сквозь покровъ мѣстныхъ нарѣчій, виднѣется чистое старо-славянское нарѣчіе, то нарѣчіе, котораго главныя черты вскрыты были изъ памятниковъ русскаго письма проницательностью Востокова, и которое болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій приближается къ древнѣйшему образу славянскаго языка

и болѣе всѣхъ другихъ объясняетъ неясныя черты каждаго изъ нихъ.» Принято съ признательностью.

Академикъ Гротъ заявилъ, что, съ выходомъ въ свѣтъ послѣдняго, 21-го выпуска Словаря почетнаго члена Академіи В. И. Даля, нынѣ оконченъ этотъ замѣчательный трудъ. По мнѣнію Я. К. Грота, успѣшное довершеніе столь обширнаго лингвистическаго предпріятія заслуживаетъ полнаго вниманія Академіи и должно быть встрѣчено отдѣленіемъ русскаго языка и словесности съ особеннымъ сочувствіемъ. Хотя и неоспоримо, что этотъ Словарь въ научномъ отношеніи удовлетворяетъ не всѣмъ современнымъ требованіямъ, но зато съ практической стороны онъ представляетъ великія достоинства. Самая мысль, выраженная въ заглавіи его, составить Словарь *живаго великорусскаго языка* была нова въ нашей лексикографіи и указываетъ на настоящую точку зрѣнія при оцѣнкѣ труда г. Даля. Этотъ трудъ былъ дѣломъ цѣлой жизни его. Главный матеріалъ лексикона собранъ не изъ книгъ, а изъ живаго источника, т. е. изъ самыхъ устъ народа почти во всѣхъ концахъ Россіи, куда заводила г. Даля, и часто на долгое время, разнообразная судьба его и разнородная служба. Къ счастію, мысль записывать поражавшія его русскія слова, поговорки и пословицы родилась у него еще въ ранней молодости, и такимъ образомъ въ его рукахъ скопился мало-по-малу необъятный запасъ того, что̀ составляетъ богатство народнаго языка. Наконецъ, восемь лѣтъ тому назадъ, г. Даль рѣшился оставить службу, чтобы, поселясь въ Москвѣ, исключительно посвятить себя разработкѣ этого драгоцѣннаго матеріала. Съ удивительною настойчивостью, не отвлекаясь отъ своего труда никакими другими интересами и занятіями, онъ успѣлъ въ семь лѣтъ напечатать четыре большіе тома Словаря. Этотъ Словарь, самый полный изъ всѣхъ доселѣ существующихъ русскихъ словарей, будетъ отнынѣ однимъ изъ главныхъ источниковъ русской лексикографіи, необходимою справочною книгой не только для всѣхъ изслѣдователей русскаго языка и народной жизни, но и для всякаго мыслящаго русскаго человѣка, понимающаго значеніе роднаго языка. Сверхъ богатства содержанія Словарь г. Даля имѣетъ еще и другія существенныя преимущества: авторъ вездѣ старался давать словамъ простыя и точныя опредѣленія, и, сообщивъ въ первый разъ множество техническихъ народныхъ названій по промысламъ и ремесламъ, а также по естествовѣдѣнію, пріобрѣлъ неменьшую заслугу вѣрнымъ объясненіемъ ихъ. При многихъ уже извѣстныхъ словахъ, давно занесенныхъ въ словари

онъ показалъ никѣмъ неотмѣченныя прежде примѣненія ихъ въ народномъ языкѣ. Въ его объясненіяхъ словъ и въ приводимыхъ имъ безчисленныхъ выраженіяхъ, поговоркахъ и пословицахъ разсѣяны драгоцѣнныя указанія на нравы, повѣрья и обычаи русскаго люда. Другаго рода услугу оказалъ г. Даль изслѣдователямъ языка въ грамматическомъ отношеніи, выставивъ рѣзко и убѣдительно неправильность господствовавшаго долго взгляда на залоги русскаго глагола; онъ осязательно доказалъ путаницу, происходившую отъ заимствованнаго изъ чужеязычныхъ грамматикъ понятія, будто при каждомъ глаголѣ необходимо опредѣлять залогъ его и притомъ по тѣмъ самымъ категоріямъ залоговъ, какія приняты въ другихъ языкахъ. Поэтому г. Даль въ первый разъ изгналъ изъ словаря одностороннее указаніе залоговъ, и наука отчасти уже воспользовалась его наблюденіемъ, конечно, требующимъ еще дальнѣйшаго развитія. Сознавая, что строгая и подробная критика безъ сомнѣнія отыщетъ въ Словарѣ г. Даля недостатки, не только частные, но и общіе, особенно въ отношеніи къ группировкѣ словъ, къ корнесловію, къ системѣ правописанія, академикъ Гротъ заключилъ замѣчаніемъ, что тѣмъ-не-менѣе на его взглядъ Словарь г-на Даля, по указаннымъ уже достоинствамъ, составляетъ чрезвычайно важное явленіе въ русской лексикографіи и литературѣ. Отдѣленіе, вполнѣ соглашаясь съ этимъ отзывомъ, опредѣлило внести Словарь г. Даля на одинъ изъ первыхъ конкурсовъ Ломоносовской преміи.

И. И. Срезневскій представилъ на вниманіе сочленовъ два фотографическіе снимка съ болонской псалтыри XII вѣка, сдѣланные, по его просьбѣ и назначенію, для его сборника памятниковъ юсоваго письма, подъ наблюденіемъ М. А. Пинто. Вмѣстѣ съ тѣмъ И. И. Срезневскій заявилъ, со словъ г. Пинто, что библіотекарь университетской болонской библіотеки, гдѣ хранится означенная рукопись, находитъ возможнымъ высылку оной въ Академію Наукъ въ Петербургъ, если только русскій посланникъ при дворѣ итальянскомъ обратится съ ходатайствомъ объ этомъ къ итальянскому министру народнаго просвѣщенія. По важности этого памятника для изслѣдованій палеографическихъ и лингвистическихъ сравнительно съ другими памятниками такого же рода, отдѣленіе положило ходатайствовать, чтобы болонская псалтырь была доставлена въ Академію Наукъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Академикъ Пекарскій читалъ написанное имъ изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: «Редакторъ, сотрудники и цензура русскаго жур-

нала въ 1755 — 1764 годахъ». Первый русскій учено-литературный журналъ «Ежемѣсячныя сочиненія» не разъ обращалъ на себя вниманіе позднѣйшихъ изслѣдователей, по богатству, разнообразію и значенію напечатанныхъ тамъ статей. Покойный В. А. Милютинъ посвятилъ этому изданію три обширныя статьи (въ «Современникѣ» 1851 г.), основанныя исключительно на тѣхъ печатныхъ свѣдѣніяхъ, которыя представляетъ самый журналъ. Само собою разумѣется, что такія свѣдѣнія, знакомя съ содержаніемъ изданія, не даютъ понятія о значеніи редактора стариннаго журнала и его отношеніяхъ къ сотрудникамъ; не раскрываютъ безвѣстныхъ авторовъ, трудившихся въ журналѣ иногда болѣе, чѣмъ извѣстные писатели, наконецъ совершенно молчатъ о степени свободы, предоставленной въ старину журналу при высказываніи въ немъ мыслей касательно религіи, политики и литературы, т. е. о журнальной цензурѣ. Полагая, что подобныя извѣстія полезно принимать въ соображеніе при историко-литературной оцѣнкѣ старинныхъ русскихъ періодическихъ изданій, П. П. Пекарскій въ помянутомъ изслѣдованіи сообщилъ, на основаніи рукописныхъ источниковъ, разныя подробности о закулисной сторонѣ въ существованіи «Ежемѣсячныхъ сочиненій», сторонѣ, остающейся обыкновенно неизвѣстною большинству современниковъ, но тѣмъ-неменѣе играющей важную роль въ журналистикѣ. Отдѣленіе, находя въ этомъ трудѣ много новыхъ, весьма любопытныхъ данныхъ для исторіи литературы XVIII вѣка, изъявило желаніе, чтобы онъ скорѣе былъ напечатанъ.

П. П. Пекарскій доставилъ сдѣланную имъ въ Государственномъ Архивѣ (разр. XVI) выписку высочайшаго повелѣнія императрицы Елисаветы Петровны 28-го іюля 1743 года, объявленнаго барономъ И. А. Черкасскимъ, о томъ, «чтобъ въ предлагаемыхъ Ея Величеству къ подписанію или для прочтенія письмахъ никакихъ рѣчей подъ титломъ, также и верхнихъ литеръ не писать, но чтобъ всѣ литеры изображаемы были надлежащимъ порядкомъ въ строкахъ». Этого повелѣнія нѣтъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Академикъ Бычковъ прочелъ сохранившееся въ копіи, сдѣланной Оленинымъ, любопытное письмо къ нему Державина о разговорѣ съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ по поводу перваго представленія трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ» въ 1804 году. Передано для напечатанія въ изданіи сочиненій Державина академику Гроту, который отозвался, что этого письма еще нѣтъ въ

имѣющемся у него собраніи писемъ поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что пополненіе матеріаловъ для біографіи Державина все еще продолжается и что въ недавнее время доставлены отъ Г. К. Рѣпинскаго копіи съ двухъ бумагъ этого рода, найденныхъ имъ въ одномъ изъ здѣшнихъ архивовъ. Положено выразить г. Рѣпинскому искреннюю признательность Отдѣленія.

Авторъ нѣмецко-русскаго словаря, г. Павловскій, представилъ на судъ Академіи Наукъ недавно напечатанное въ Ригѣ 2-е изданіе этого труда, заслужившаго въ свое время на конкурсѣ демидовскихъ наградъ почетный отзывъ Академіи. Новое изданіе препровождено было нынѣ общимъ собраніемъ на разсмотрѣніе Отдѣленія русскаго языка и словесности. Академикъ Срезневскій, который, по порученію Отдѣленія, разсмотрѣлъ этотъ словарь преимущественно по отношенію къ 1-му его изданію, прочиталъ слѣдующій отзывъ.

Первое изданіе этой книги вышло въ 1856 г. Нынѣ вышедшее второе отличается отъ перваго исправленіями и дополненіями, при которыхъ трудъ г. Павловскаго становится еще болѣе полезнымъ.

Цѣль составленія этого словаря была преимущественно, почти исключительно — помочь тѣмъ нѣмцамъ, которые хотятъ пользоваться богатствами русскаго языка, излагая, что̀ бы то ни было, по-русски. По этому составитель и обратилъ особенное вниманіе на все, что̀ можетъ быть нужно нѣмцу: на удареніе русскихъ словъ въ ихъ разныхъ измѣненіяхъ, на самыя ихъ измѣненія, если они уклоняются отъ обыкновенныхъ, что̀ называется правильныхъ, на особенныя формы словъ, непонятныя для нѣмцевъ, каковы, напр. виды глаголовъ, на управленіе словъ другими, и потому на употребленіе надежей и предлоговъ и т. д. Само собою разумѣется, что нѣмецъ не можетъ не нуждаться, при переводѣ съ своего языка на русскій, въ точномъ различіи всѣхъ оттѣнковъ значенія нѣмецкаго слова посредствомъ словъ русскихъ, а потому г. Павловскій не довольствовался общимъ обозначеніемъ смысла нѣмецкаго слова, но старался отдѣлить каждый оттѣнокъ его значенія, на сколько было нужно, особеннымъ русскимъ словомъ, приводя при этомъ нѣмецкіе синонимы или описанія. Не только не забыты, но въ очень большомъ числѣ приведены русскія обычныя выраженія для перевода обычныхъ выраженій нѣмецкихъ. Дано мѣсто даже и поговоркамъ и пословицамъ наиболѣе употребительнымъ.

Какъ все это сдѣлано г. Павловскимъ, можно понять изъ немногихъ примѣровъ:

Въ словѣ dünn отдѣлены слѣдующіе оттѣнки значенія: 1) nicht dick, fein — тòнкій; 2) о волосахъ, тканяхъ: undicht — рѣдкій; 3) о тѣлесномъ сложеніи: mager, schmächtig — худощàвый; 4) о жидкостяхъ: жѝдкій. Эти оттѣнки значенія слова dünn объяснены въ выраженіяхъ: dünne Leinwand — рѣдкое полотнò, dünne und grobe L. — рѣдкая холстѝна, рѣдь и рѣднѝна; dünnes Bier — слàбое пѝво; dünne Grütze—кàшица; d. werden (undicht w.)— рѣдѣть; о тканяхъ: истираться, изнашиваться; о тѣлосложеніи (mager w.) — худѣть; dünn machen (verdünnen, flüssig m.) — разжижать; о доскѣ и т. п. утонять; durch dick und d. gehen — идтѝ, не разбирàя; er bohrt gerne wo das Brett am dünnsten ist—онъ не лю̀битъ трудиться, онъ всё старàется, какъ бы емỳ бы̀ло полèгче. За этимъ слѣдуютъ сложныя слова: dünnbärtig, dünnbeinig и проч.

Въ словѣ fein отмѣчены слѣдующіе оттѣнки значенія: 1) dünn, о бумагѣ и т. п. тòнкій; 2) zart — нѣжный; 3) gebildet — образованный; f. im Umgange, bescheiden — тòнкій, вѣжливый, учтѝвый; 4) о дождѣ, пескѣ, порохѣ и т. п. — мелкій; von guter Sorte — хорошій; feines Gold — чѝстое зòлото. Далѣе отмѣчены особые случаи употребленія слова fein: f. Schrift — мèлкое письмò; f. Brod — сѝтный хлѣбъ; f. Kamm — чàстый грèбень; f. Geschmack — тòнкій вкусъ; f. Geruch — чỳткое обонянie; f. Blick — проницàтельный взоръ; f. Lebensart — свѣтскость, вѣжливое обращèніе. Слѣдуютъ въ большомъ числѣ особыя выраженія, и между прочими: f. Nase, f. Fuchs, f. gedacht und f. gesagt и проч.

Мѣткія, что̀ называется, коренныя русскія слова и выраженія для перевода однозначащихъ словъ и выраженій нѣмецкихъ встрѣчаются на каждой страницѣ. Такъ на первыхъ двухъ листкахъ, между прочимъ, находимъ: den Hut ab — шля̀пу долòй; er hat auch eins abbekommen — емỳ тàкже досталось; er ist ganz abgebrannt — у него нѣтъ ни копѣйки за душòй; einen tüchtig abbrechen — отдỳть когò, отвалять комỳ бокà; es ist ein abgedroschenes Zeug — это старьё; es will mir das Herz abdrücken—у менà сèрдце нòетъ, щемѝтъ сèрдце, тоскà менà берётъ; es ist noch nicht aller Tage Abend — увѝдимъ ещё, чѣмъ дѣло кòнчится, Богъ вѣсть что еще бỳдетъ; abfahren — отправиться на тотъ свѣтъ.

Пословицы и поговорки встрѣчаются также очень часто, — и вотъ примѣры ихъ обозначенія: das Alter drückt, — стàрость не рàдость; da haben wir's — вотъ тебѣ бàбушка и Юрьевъ день; besser ein dürrer Hab'ich denn ein fetter Hätt'ich—лỳчше всегò что̀ есть у когò; лỳчше синица въ рукѣ нèжели журàвль на нèбѣ; eine

Hand wäscht die andere — ру̀ка ру̀ку мо̀етъ; jung gewohnt, alt gethan — како̀въ въ колыбѣлку, тако̀въ и въ могилку: selbst ist der Mann — умъ царь въ головѣ; es ist nicht so leicht gethan wie gesagt — скѐро ска̀зка ска̀зывается, да не ско̀ро дѣло дѣлается.

Одно, вѣроятно, найдутъ неудобнымъ нѣмцы, пользуясь словаремъ г. Павловскаго: это — отсутствіе буквальнаго нѣмецкаго перевода русскихъ выраженій, пословицъ, поговорокъ, при помощи которыхъ они могли бы понять ихъ прямой смыслъ и [illegible]ли бы возможность лучше ознакомиться съ выразительностью русскаго языка.

Изъ всего отмѣченнаго, кажется, достаточно видно, что «Словарь» г. Павловскаго, предназначенный для нѣмцевъ, въ такой же степени, если не болѣе, пригоденъ и для русскихъ, изучающихъ нѣмецкій языкъ. Въ этомъ отношеніи недостаетъ въ немъ только обозначеній тѣхъ видоизмѣненій нѣмецкихъ словъ, въ которыхъ измѣняются буквы, какъ — Haus, Häuser; Gott, Götter; gehen, ging, gegangen; nehme, nimmt, genommen.

Приведенные выше примѣры взяты на удачу. «Словарь» г. Павловскаго обработанъ одинаково весь, съ начала до конца, каждое слово такъ же какъ другое—разумѣется, по мѣрѣ надобности. Излишняго, что̀ можно было бы пропустить, не много; не много и недомолвокъ. Не много и забытыхъ. Видно, что подъ руками г. Павловскаго были хорошіе нѣмецкіе словари и что онъ пользовался ими и своимъ знаніемъ обоихъ языковъ съ полною добросовѣстностью. Сравнивать его съ другими подобными нѣмецко-русскими словарями невозможно: это до-сихъ-поръ единственный словарь, къ которому можно обращаться съ увѣренностью, что найдешь нужное. Конечно, и величина его (2,100 столбцевъ мелкой, убористой печати) не такова, какъ величина всѣхъ другихъ: словарь Рейфа, напримѣръ, если выключить изъ него объясненія французскія и англійскія, заключаетъ въ себѣ мѣста не болѣе одной восьмой доли словаря г. Павловскаго.

Если первое изданіе этого важнаго труда заслужило почетный отзывъ Академіи Наукъ (въ 1856 году), то тѣмъ болѣе достойно такого отзыва это второе изданіе, въ которомъ и ошибочныхъ словъ и выраженій (каковы, напримѣръ, вымороченное имѣніе 227, б, вовлечь въ затруднительное положеніе 265, а) очень мало, а опечатокъ (въ родѣ Arbei вм. Arbeit 194 б) почти вовсе нѣтъ. Нельзя не жалѣть, что Академія нынѣ лишена возможности выразить свое признаніе достоинствъ труда г. Павловскаго такою

наградою, каковы были демидовскія; можно было бы надѣяться, что онъ будетъ признанъ достойнымъ ея.

Отдѣленіе, вполнѣ одобряя эту оцѣнку, опредѣлило представить ее въ общее собраніе Академіи.

Ноябрь и декабрь 1867 года.

Для распространенія свѣдѣнія объ историческихъ задачахъ, предложенныхъ Академіею Наукъ на соисканіе наградъ графа Уварова, положено: экземпляры объявленія о послѣднихъ задачахъ разослать въ Духовныя академіи и историко-филологическіе факультеты русскихъ университетовъ съ покорнѣйшею просьбой перепечатать это объявленіе въ издаваемыхъ ими повременныхъ сборникахъ или циркулярахъ. *)

По случаю выхода въ свѣтъ книги: «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова», правнукъ этого писателя, Дмитрій Николаевичъ Рычковъ, принесъ въ даръ Академіи Наукъ собраніе рукописей, прежде уже доставленное имъ по просьбѣ Отдѣленія какъ матеріалъ для означеннаго труда академика Пекарскаго. Положено, выразивъ жертвователю живѣйшую признательность Отдѣленія, довести о томъ до свѣдѣнія Общаго Собранія.

Академикъ Куникъ доставилъ сдѣланный подъ его надзоромъ, по соглашенію съ Отдѣленіемъ, снимокъ съ подлинной «привилегіи», или грамоты, пожалованной Ломоносову императрицей Елисаветой Петровной на учрежденіе стеклянной фабрики. Положено: принести А. А. Кунику искреннѣйшую благодарность Отдѣленія за хлопоты, которыя онъ обязательно принялъ на себя въ этомъ дѣлѣ, представлявшемъ особенныя трудности по множеству рисунковъ на поляхъ грамоты и нынѣ оконченномъ совершенно удовлетворительно; снимокъ препроводить въ академическую библіотеку, подлинную же грамоту возвратить владѣльцу ея, Н. М. Орлову.

Академикъ Гротъ представилъ рукопись г. Кеневича: *Историческія и библіографическія примѣчанія къ баснямъ Крылова*,

---

*) При напечатаніи этого объявленія въ «Запискахъ» Академіи вкралась важная опечатка. IV-ая задача должна читаться слѣдующимъ образомъ: *Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, книгъ и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ сѣверо- и юго-западныхъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтія* (не XVII, какъ было напечатано).

расположеннымъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ тѣмъ, не будетъ ли признано полезнымъ и умѣстнымъ издать этотъ трудъ, на счетъ Отдѣленія, ко дню празднованія столѣтней годовщины знаменитаго баснописца, 2-го будущаго февраля. Вмѣстѣ съ тѣмъ прочитано было составленное г. Кеневичемъ предисловіе къ его розысканіямъ. Отдѣленіе, находя, что изложенныя тутъ мысли свидѣтельствуютъ о вѣрномъ пониманіи авторомъ своей задачи и о правильности употребленныхъ имъ при выполненіи ея пріемовъ, одобрило предположеніе объ изданіи труда его. По прочтеніи рукописи г. Кеневича въ засѣданіяхъ Отдѣленія, положено, передавъ автору сдѣланныя при чтеніяхъ замѣчанія, приступить къ печатанію этого труда. При семъ академикъ Бычковъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе г. Кеневича на неизвѣстные ему автографы 15-ти бассенъ Крылова и на экземпляръ одного изданія ихъ съ собственноручными поправками баснописца, поступившіе въ Императорскую Публичную библіотеку уже послѣ того, какъ г. Кеневичъ посѣщалъ ее для собранія матеріаловъ къ своему труду. А. Ѳ. Бычковъ изъявилъ готовность доставить ему случай воспользоваться этими дополнительными пособіями.

Академикъ Пекарскій довелъ до свѣдѣнія Академіи, что сдѣланный имъ списокъ современнаго разсказа о неудачномъ походѣ Русскихъ подъ Нарву въ 1700 году, о которомъ было заявлено въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій, переданъ имъ въ распоряженіе Археографической Коммиссіи.

Академикъ Срезневскій доложилъ, что въ дополненіяхъ къ сборнику юсоваго письма, кромѣ добавочныхъ выписокъ изъ памятниковъ, въ сборникъ занесенныхъ и тоже совершенно неизвѣстныхъ (какова болонская псалтырь и паремейникъ В. И. Григоровича), дано мѣсто извлеченіямъ еще изъ слѣдующихъ: изъ Охридской книги апостольскихъ чтеній, XII вѣка, изъ Слѣпченской книги апостольскихъ чтеній, XII вѣка, изъ тріоди В. И. Григоровича, XII—XIII вѣка, изъ Зографскаго трофологія, XII—XIII вѣка, изъ Зографскаго четвероевангелія, 1305 года, и изъ Хиландарскаго четвероевангелія, 1322 года. Выписки сличены съ другими древними памятниками. Принято къ свѣдѣнію.

П. П. Пекарскій представилъ на разсмотрѣніе сочленовъ подлинную договорную грамоту Тверскаго великаго князя Бориса Александровича съ Литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ, хранящуюся въ Государственномъ Архивѣ. А. Ѳ. Бычковъ, вслѣдствіе того доложилъ, что эта грамота была напечатана дважды: въ

сборникѣ Муханова и въ I томѣ актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи; время происхожденія этого документа означалось неправильно, пока не было положительно опредѣлено Археографическою коммиссіею, издавшею послѣдній изъ названныхъ сборниковъ: грамота эта относится къ 3 августу 1427 года.

По составленію исторіи Академіи Наукъ г. Пекарскій въ 1865—1867 годахъ занимался извлеченіемъ изъ старинныхъ дѣлъ академической канцеляріи извѣстій, относящихся до этого ученаго учрежденія, а также и вообще касающихся исторіи русской литературы XVIII вѣка. Въ истекающемъ году окончилъ онъ разсмотрѣніе, по означеннымъ дѣламъ, заключающимся въ 322 фоліантахъ, періода отъ 1726 по 1765 годъ, избраннаго имъ для I-го тома исторіи Академіи. Затѣмъ оставалось приступить къ изученію отдѣльныхъ эпизодовъ этого періода, по которымъ сохранились болѣе или менѣе любопытныя и подробныя свѣдѣнія. Изъ такихъ эпизодовъ окончательно обработаны слѣдствіе о поступкахъ академическаго совѣтника Шумахера и пререканія его съ академиками за присвоеніе имъ себѣ неограниченной власти по всѣмъ дѣламъ Академіи. Въ настоящее время П. П. Пекарскій знакомится съ матеріалами для описанія такъ называемой Камчатской ученой экспедиціи. Она продолжалась 10 лѣтъ, въ ней участвовало 5 членовъ Академіи, и результаты, добытые четырьмя изъ нихъ, высоко цѣнятся въ исторіи наукъ и особенно въ области естествовѣдѣнія. Не смотря на то, на русскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ, хотя бы вкратцѣ, было изложено все то, что пріобрѣтено науками отъ этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго путешествія. Встрѣтивъ въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ для описанія его множество характеристическихъ подробностей быта Русскихъ и инородцевъ восточной Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, академикъ обращаетъ на нихъ особенное вниманіе, съ тѣмъ, чтобы, независимо отъ исторіи Академіи Наукъ, составить сводъ всего, что можетъ касаться исторіи и этнографіи этихъ странъ.

Академикъ Срезневскій прочелъ составленную имъ статью о трудахъ новоучрежденной въ Загребѣ Югославянской Академіи и внесъ рукопись этой статьи для напечатанія въ «Запискахъ» Академіи.

По поводу приближенія столѣтней годовщины рожденія Крылова Отдѣленіе опредѣлило ознаменовать день 2-го февраля чтеніями о жизни и дѣятельности этого писателя и довести о томъ

заблаговременно до свѣдѣнія Общаго Собранія, отъ усмотрѣнія котораго будетъ зависѣть принять участіе въ этомъ литературномъ празднествѣ назначеніемъ торжественнаго собранія въ память Крылова или предоставить Отдѣленію имѣть въ означенный день публичное чрезвычайное засѣданіе.

Засѣданіе 19 декабря 1867 года.

Засѣданіе это было посвящено воспоминанію о заслугахъ родившагося сто лѣтъ тому назадъ кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова. Въ предшедшіе два года Академія Наукъ торжественно праздновала столѣтнюю память двухъ великихъ русскихъ писателей, изъ которыхъ каждый запечатлѣлъ своимъ именемъ цѣлую литературную эпоху. Настоящее собраніе имѣло болѣе скромный характеръ: преосв. Евгеній заслужилъ своею дѣятельностью уваженіе и признательность ученаго міра, и потому-то Отдѣленіе русскаго языка и словесности сочло умѣстнымъ ознаменовать день столѣтней годовщины его рожденія чрезвычайнымъ собраніемъ своихъ членовъ, какъ дѣйствительныхъ и почетныхъ, такъ и корреспондентовъ. Засѣданіе это почтили своимъ присутствіемъ г. министръ народнаго просвѣщенія и г. президентъ Академіи Наукъ. Въ числѣ присутствовавшихъ, принадлежащихъ къ Отдѣленію въ качествѣ почетныхъ членовъ или корреспондентовъ, были: К. С. Сербиновичъ, Ө. И. Тютчевъ, И. П. Шульгинъ, М. И. Сухомлиновъ и др., также члены историко-филологическаго Отдѣленія по русской исторіи: Н. Г. Устряловъ и А. А. Куникъ.

Къ этому собранію были приготовлены три чтенія. Академикъ Срезневскій, опредѣливъ литературно-историческое значеніе покойнаго архипастыря, обозрѣлъ въ систематическомъ порядкѣ важнѣйшія его сочиненія, которыя могли бы составить цѣлыхъ восемь томовъ. Затѣмъ онъ прочелъ отрывки изъ многолѣтней переписки Евгенія съ казанскимъ профессоромъ Городчаниновымъ, и наконецъ очертилъ отношеніе перваго къ ученому кругу избранныхъ современныхъ дѣятелей, группировавшихся вокругъ канцлера графа Н. П. Румянцова. Къ числу ихъ принадлежалъ уже и Востоковъ.

Академикъ Бычковъ избралъ предметомъ своего чтенія составленные Евгеніемъ два словаря русскихъ писателей; воспользовавшись для этого хранящимися въ Императорской Публичной Библіотекѣ рукописями покойнаго митрополита, А. Ө. Бычковъ имѣлъ

возможность сообщить нѣсколько новыхъ свѣдѣній объ этомъ важномъ отдѣлѣ трудовъ Болховитинова.

Академикъ Гротъ прочелъ обзоръ сношеній преосвященнаго съ Державинымъ на основаніи бывшей между ними переписки, въ которой ученый архипастырь является наставникомъ поэта въ исторіи литературы и теоріи искусства. Кромѣ писемъ, Евгеній посылалъ Державину цѣлыя тетради замѣтокъ, знакомящихъ со взглядами автора по разнымъ литературнымъ вопросамъ. Переписка касается, между прочимъ, открытой Евгеніемъ юрьевской грамоты, окончательно изслѣдованной и описанной И. И. Срезневскимъ, а также неизданнаго и повидимому не сохранившагося *Изслѣдованія* преосвященнаго *о славянскомъ переводѣ Св. Писанія.*—Въ промежуткахъ между чтеніями разсматривались относящіяся къ нимъ автографы, рисунки и снимки.

Читанныя въ этомъ засѣданіи статьи и письма, съ приложеніями къ нимъ, будутъ изданы Отдѣленіемъ.

Январь и февраль 1868 года.

Читаны полученныя академикомъ Гротомъ письма: 1) отъ ректора Московской Духовной Академіи А. В. Горскаго, съ препровожденіемъ, по просьбѣ Отдѣленія, трехъ фотографическихъ карточекъ и писаннаго акварелью г. Спревичемъ портрета покойнаго митрополита Филарета, причемъ протоіерей Горскій проситъ принять этотъ портретъ въ даръ Академіи. Положено выразить почтенному жертвователю живѣйшую благодарность Отдѣленія, портретъ же, по снятіи съ него фотографіи, передать, вмѣстѣ съ карточками, художнику Пожалостину для изготовленія гравюры; 2) отъ П. И. Савваитова, сообщающаго по рукописямъ митрополита Евгенія нѣсколько свѣдѣній о приготовительныхъ трудахъ преосвященнаго къ изслѣдованію *о славянскомъ переводѣ св. писанія;* къ чему Я. К. Гротъ съ своей стороны присовокупилъ, что въ *Кіевлянинѣ*, по поводу академическаго собранія 18-го декабря, заявлено, что первоначальная редакція означеннаго труда, присланнаго знаменитымъ архипастыремъ въ Россійскую Академію, хранится въ двухъ не совсѣмъ сходныхъ между собою спискахъ въ Кіевософійской соборной библіотекѣ, подъ № переплета 592-мъ: 3) отъ Г. К. Рѣпинскаго съ увѣдомленіемъ, что г. управляющій министерствомъ юстиціи изъявилъ свое согласіе на оставленіе въ архивѣ Академіи Наукъ сообщеннаго имъ, г. Рѣпинскимъ, дѣла мѣ-

щанки Корюкаловой, въ которомъ находятся подлинныя письма Державина. При семъ случаѣ академикъ Гротъ доложилъ, что въ прошломъ году имъ получены еще: отъ Д. Ѳ. Кобеко собственноручная записка Державина къ П. И. Сумарокову, и отъ П. А. Ефремова—копіи съ трехъ записокъ Державина къ Гнѣдичу и съ письма Гнѣдича къ поэту. Положено выразить доставителямъ искреннѣйшую признательность Отдѣленія.

Академикъ Бычковъ читалъ полученное имъ отъ профессора С.-Петербургской Духовной Академіи И. А. Чистовича письмо, въ которомъ авторъ рукописнаго изслѣдованія: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время», заслужившаго въ 1865 году демидовскую, а въ 1867 уваровскую премію, проситъ о напечатаніи этого сочиненія въ академическомъ изданіи. Отдѣленіе, находя, что напечатаніе труда г. Чистовича было бы полезно для науки, безъ содѣйствія же Академіи нѣтъ надежды, чтобъ онъ былъ изданъ, положило дать ему мѣсто въ «Сборникѣ» отдѣленія, съ тѣмъ, чтобъ г. Чистовичъ принялъ во вниманіе одобренныя коммиссіею уваровскихъ наградъ замѣчанія въ рецензіи академика Пекарскаго.

Академикъ Срезневскій читалъ записку о древнемъ памятникѣ русскаго письма, псалтыри безъ толкованій, которой листки доставлены ему А. Ѳ. Бычковымъ. «Основываясь на соображеніяхъ палеографическихъ», сообщаетъ И. И. Срезневскій, «я отношу этотъ памятникъ къ XI вѣку. Памятникъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, между прочимъ, что и въ немъ при псалмахъ подъ строками находятся гадальныя приписки. До-сихъ поръ извѣстна была псалтырь съ такими приписками только въ спискѣ XIV вѣка». Выписка эта войдетъ въ продолженіе издаваемыхъ И. И. Срезневскимъ свѣдѣній и замѣтокъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ.

Учитель Императорской Казанской гимназіи В. В. Владиміровъ доставилъ въ Отдѣленіе составленный имъ сборникъ матеріаловъ для исторіи названнаго ученаго заведенія, подъ заглавіемъ «Историческая записка о 1-й казанской гимназіи», въ трехъ частяхъ. По отзыву П. П. Пекарскаго, составителю его нельзя не быть благодарнымъ за его стараніе о возможной полнотѣ своего сборника, для чего онъ усердно вносилъ всѣ извѣстія, попадавшіяся ему въ архивахъ казанскаго учебнаго округа. Кромѣ того г. Владиміровъ обращался за свѣдѣніями къ разнымъ лицамъ, воспитывавшимся въ Императорской гимназіи. Изъ полученныхъ этимъ путемъ извѣстій обращаютъ на себя особенное вниманіе, по своей искренности

и теплотѣ, воспоминанія, доставленныя А. Е. Лазаревымъ (изъ Курска). Вообще трудъ г. Владимірова заслуживаетъ вниманія какъ собраніе матеріаловъ для будущей исторіи нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которая, къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ остается мало разработанною.

Часть январскихъ засѣданій Отдѣленія была сверхъ того посвящена разсужденіямъ и чтеніямъ по поводу наступавшей столѣтней годовщины дня рожденія Крылова.

Академикъ Срезневскій заявилъ, что онъ получилъ: 1) отъ кандидата Н. В. Помяловскаго нѣсколько книгъ и данныхъ, касающихся жизни митрополита Евгенія, которыя представляютъ, между прочимъ, и новыя свѣдѣнія. Изъ нихъ ясно усматривается, что преосвященный Евгеній занялся собираніемъ матеріаловъ для «Исторіи россійской іерархіи», прежде чѣмъ приступилъ къ этому труду Амвросій Орнатскій; 2) отъ г. Верковича изъ Сереза одну изъ пѣсенъ болгарскихъ, вновь имъ записанныхъ, относящихся къ древнимъ вѣрованіямъ, сходнымъ съ индѣйскими; при этомъ доставилъ онъ и письмо, въ которомъ удостовѣряетъ о важности этихъ пѣсенъ. Пока нельзя отвергать занимательности сообщенной пѣсни въ отношеніи къ особенностямъ македонскаго нарѣчія.

Въ 1760 году Ломоносовъ представлялъ академической канцеляріи о необходимости снятія точныхъ копій съ древнихъ изображеній и фресковъ, сохранившихся по стариннымъ русскимъ городамъ *). Все дѣло, кажется, ограничилось тогда канцелярскими отписками. Въ 1764 г. Ломоносову поручила императрица Екатерина II чрезъ Бецкаго указать замѣчательнѣйшія событія изъ русской исторіи для картинъ, предназначавшихся въ покои императорскаго дворца. Не имѣя подъ руками извѣстій о старинномъ русскомъ платьѣ, Ломоносовъ обращался къ тогдашнему вице-канцлеру князю А. М. Голицыну съ просьбой о доставленіи подобныхъ матеріаловъ изъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Собственноручное письмо объ этомъ Ломоносова найдено нынѣ академикомъ Пекарскимъ. По мнѣнію его, попавшаяся ему отдѣльная статья подъ заглавіемъ: «Идеи для живописныхъ картинъ изъ россійской исторіи» должна имѣть соотношеніе съ порученіемъ, возложеннымъ на Ломоносова, такъ-какъ она писана рукою студента Ильи Абрамова, переписывавшаго въ означенное время многія донесенія и работы Ломоносова. Опредѣлено письмо и статью напечатать въ приложе-

*) Билярскаго «Матеріалы для біогр. Лом.» стр. 463—465.

ніи къ протоколу, какъ матеріалъ для жизнеописанія знаменитаго писателя.

Академикъ Пекарскій представилъ экземпляръ оконченнаго печатаніемъ 5-го выпуска «Исторической библіографіи» (за 1859 г.), составляемой при его участіи, по порученію Академіи, братьями П. П. и Б. П. Ламбиными. Принято съ выраженіемъ сочлену искренней признательности за постоянное содѣйствіе этому полезному труду.

Въ пятницу, 2-го февраля, въ Императорской Академіи Наукъ происходило чрезвычайное публичное собраніе для празднованія столѣтней годовщины рожденія И. А. Крылова.

Рядъ чтеній, приготовленныхъ къ этому дню, открылъ академикъ Я. К. Гротъ, который, послѣ краткаго очерка біографіи Крылова, обозрѣлъ литературное поприще его и остановился особенно на его дѣятельности по изданію журналовъ *Зритель* и *С-Петербургскій Меркурій*, въ которыхъ онъ явился колкимъ сатирикомъ нравовъ и строгимъ противникомъ нововведеній Карамзина. Затѣмъ г. Гротъ очертилъ переходъ Крылова къ баснѣ, значеніе его въ этомъ родѣ поэзіи и содержаніе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ его басенъ, которыя имѣютъ предметомъ нравы русскаго общества и современныя историческія событія. Наконецъ разсмотрѣны были взводимыя на Крылова обвиненія, особливо же неблагопріятный для него отзывъ Вигеля, и отношенія къ нему графа Хвостова, а вмѣстѣ съ тѣмъ обрисована и личность баснописца.

За тѣмъ читалъ академикъ И. И. Срезневскій, который въ своей рѣчи обратилъ вниманіе на языкъ Крылова съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) на языкъ его басенъ, какъ произведеній, которыя до-сихъ-поръ остаются въ числѣ сочиненій, перечитываемыхъ, изучаемыхъ и любимыхъ, 2) на языкъ другихъ произведеній Крылова, теперь уже забытыхъ. Басни важны, какъ образцы чисто русскаго языка, представляющіе богатство его выразительности всегда кстати и съ достоинствомъ. Другія, прежде написанныя стихотворенія Крылова, которыхъ часть издана въ 1792—1793 г., важны какъ доказательства, что и въ то время могъ писатель выражаться чисто по-русски, когда хотѣлъ. Находя обильные примѣры также правильнаго употребленія чистаго русскаго языка у многихъ писателей прошлаго вѣка, г. Срезневскій приходитъ къ заключенію, что и въ то время могъ бы господствовать въ литературѣ чисто русскій языкъ, если бы писатели выражались не безсознательно, какъ случалось. Крыловъ является, какъ баснописецъ,

однимъ изъ главныхъ писателей, дѣйствовавшихъ въ литературѣ по признаніи необходимости дать литературному языку народное направленіе.

Наконецъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ читалъ о переводахъ басенъ Крылова на иностранные языки и о взглядахъ иноземной критики на художественное достоинство этихъ произведеній. Изложивъ въ началѣ всю трудность передачи на иностранные языки басенъ Крылова, въ которыхъ русская жизнь отражается какъ въ зеркалѣ, г. Бычковъ перешелъ къ разсмотрѣнію явившихся переводовъ на языки французскій, италіянскій, нѣмецкій, славянскіе и восточные, и при каждомъ разрядѣ переводовъ сообщилъ взгляды критиковъ на басни Крылова, которыя были первоначально встрѣчаемы, какъ напр. нѣмецкою критикой, не слишкомъ дружелюбно, и которыя потомъ были оцѣняемы какъ слѣдуетъ.

Послѣ г. Бычкова долженъ былъ читать академикъ А. В. Никитенко рѣчь *о басняхъ Крылова въ художественномъ отношеніи*; но предъидущія чтенія заняли слишкомъ много времени, и потому рѣчь г. Никитенко осталась не прочитанною.

Во время самаго засѣданія, Академія получила слѣдующую телеграмму изъ Кіева, отъ ректора тамошняго университета.

«Университетъ св. Владиміра, чествуя торжественнымъ актомъ память славнаго русскаго баснописца въ столѣтнюю годовщину его рожденія, поздравляетъ Императорскую Академію Наукъ съ торжествомъ въ честь бывшаго ея члена.»

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе, Академіею была тотчасъ же отправлена телеграмма:

«Въ Кіевъ Ректору Университета.

«Академія Наукъ благодаритъ Университетъ за его привѣтствіе и присоединяетъ свой голосъ къ изъявленіямъ уваженія къ памяти Крылова, оглашающимъ въ настоящій день стѣны высшаго образовательнаго учрежденія въ Кіевѣ—матери городовъ русскихъ и колыбели русскаго просвѣщенія.»

Кромѣ того, поздно вечеромъ того же дня, получена слѣдующая телеграмма изъ Курска, отъ директора тамошней гимназіи:

«Курская гимназія, торжественно празднуя совершившееся нынѣ столѣтіе со дня рожденія знаменитаго нашего баснописца, Ивана Андреевича Крылова, почтительно привѣтствуетъ высшее въ Имперіи ученое учрежденіе, Императорскую Академію Наукъ, слишкомъ за полстолѣтія предъ симъ принявшую въ число своихъ членовъ сегодняшняго славнаго юбиляра».

На другой день, 3-го февраля, Академія получила еще телеграмму изъ Симбирска, отъ тамошней гимназіи:

«Память о безсмертномъ нашемъ баснописцѣ, Крыловѣ, навсегда священна для благодарныхъ соотечественниковъ. Мы, воспитатели и воспитанники Симбирской гимназіи, шлемъ усердное поздравленіе высокочтимому сословію Академіи, празднующей сегодня столѣтній юбилей своего знаменитаго члена».

Ко дню Крыловскаго юбилея, Отдѣленіе русскаго языка и словесности издало въ свѣтъ сочиненіе В. Ѳ. Кеневича: «*Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова*».

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

ПИСЬМО ЛОМОНОСОВА КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОЛИЦЫНУ *).

Млтивый Гдрь Князь Александръ Михайловичь.

Ваше Сіятельство всепокорнѣйше просить принимаю смѣлость о учиненіи мнѣ млтиваго вспоможенія въ произведеніи нѣкотораго дѣла, служащаго къ чести Россійскихъ предковъ. Всемлтивѣйщая Гдрня благоизволила повелѣть чрезъ его Превосходительство Ивана Ивановича Бецкого чтобы я выбравъ из Россійско' Исторіи знатныя приключенія, для написанія Картинъ, коими бы украсить при дворѣ нѣкоторыя комнаты. Немалой здѣсь нахожу недостакъ въ изображеніи стариннаго нашего платья разных чиновъ. Свѣдѣніе о семъ сыскать едвали гдѣ лутче можно, какъ в' Архивѣ Коллегіи иностранных дѣлъ. Особливожъ есть въ оной описаніе коронаціи и других церемоній Гдря Царя Михайла Федоровича, съ личными изображеніями на паргаментѣ, сообщеніемъ сего можете, Млтивый Гдрь подать мнѣ великое вспомоществованіе; въ уповаіи сего, какъ и завсегда, съ достодолжных высокопочитаніемъ пребываю

Вашего Сіятельства
всепокорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Генваря 24 дня
1764 года.

Помѣта на письмѣ неизвѣстною рукою: «Посему посланъ приказъ въ Московской архивъ 29 генваря 1764 г.»

*) Письмо это собственноручное Ломоносова и напечатано здѣсь вполнѣ съ сохраненіемъ ороографіи и описокъ подлинника.

ИДЕИ ДЛЯ ЖИВОПИСНЫХЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ **).

1. *Взятіе Искорѣста.* Во время вечера передъ городомъ въ лагерѣ по повелѣнію Великія Княгини Ольги привязываютъ къ голубямъ и къ воробьямъ зажжоныя фитили; иныхъ пускаютъ съ фитилями изъ на воздухъ иные уже лѣтятъ къ городу, и городъ мѣстами отъ того загорѣлся. Между тѣмъ войско пѣшее и конное спѣшитъ на приступъ. Сія картина будетъ весьма новая, и отъ двоякаго свѣту, то есть отъ зари и отъ огней, особливое смѣшеніе тѣни составитъ, въ чѣмъ могутъ показать живописцы искусство.

2. *Основаніе христіанства въ Россіи.* Великій Князь Владимеръ (при немъ супруга Анна, греческая царевна, сыновья отъ прежнихъ женъ, нѣкоторые греки съ царевною пріѣхавшіе) повелѣваетъ сокрушать идоловъ, почему иныхъ рассѣкаютъ, иныхъ жгутъ, иныхъ съ горъ кіевскихъ бросаютъ въ воду и плавающихъ съ шестами погружаютъ или отъ берегу отпихиваютъ, камнями бросаютъ, камни къ нимъ привязываютъ (фигуры идольскія есть у меня въ лицахъ и описанныя, кои могу сообщить). На Почайной рѣчкѣ на берегу стоитъ первый митрополитъ кіевскій Михаилъ со всѣмъ соборомъ, иныхъ самъ погружая, иныхъ нижнее духовенство. Иные, забредши въ воду, сами погружаются обоего пола и всякаго возраста люди, матери со младенцами и пр. Иные, выходя изъ воды, принимаютъ отъ священниковъ кресты на шею и благословеніе, помазуются міромъ, одѣваются. На горѣ начинаютъ строить церковь Десятинную, ставятъ кресты на мѣста сверженныхъ идоловъ

3. *Совѣтъ Владиміру отъ духовенства.* Великій князь Владиміръ Святославичъ, принявъ крещеніе, сталъ весьма кротокъ, отпускалъ всякія вины и свобождалъ разбойниковъ отъ казни, изъ чего воспослѣдовали многія грабительства и заперлись дороги отъ разбоевъ. Митрополитъ, съ архіереями собравшись, увѣщалъ Государя, чтобы чинилъ достойное наказаніе злодѣямъ, въ противномъ случаѣ грозили ему самому небесныхъ гнѣвовъ. На картинѣ можно представить, что Владиміръ хотя къ тому и склонился, однако отвращаетъ лицо отъ привезенныхъ къ казни и сильному разбойнику Могуту вины прощаетъ, принявъ его въ число своихъ богатырей.

4. *Единоборство князя Мстислава.* Редедя, князь Косожскій, вы-

**) Эта статья писана рукою находившагося для письмоводства у Ломоносова студента Ильи Абрамова. Напечатана съ соблюденіемъ правописанія подлинника, но разстановка знаковъ препинанія принята нынѣшняя.

звавъ на поединокъ князя Мстислава Владиміровича съ тѣмъ, чтобы побѣдителю достались воиска съ женою и съ дѣтьми. Мстиславъ былъ, какъ описываютъ, тученъ, бѣлъ и красноволосъ. Редедя, натурально рассудить, долженъ быть смуглъ, какъ Азіатецъ. Мстиславъ побороль. Воиско стояло по обѣимъ сторонамъ близъ Дону. Кромѣ усилованія борцовъ, разныя страсти обѣихъ сторонъ смотрителей изобразить требуетъ искусства.

5. *Горислава.* Владимеръ, взявъ за себя насильно Рогнѣду, или Гориславу, княжну полоцкую, послѣ на другихъ женился и ее оставилъ. По нѣсколькихъ лѣтахъ, заѣхавъ въ данное ей мѣсто увеселительное, и легъ ночевать съ нею. Горислава, хотя отмстить обиду и смерть своего отца и братей, умыслила князя соннаго зарѣзать; но онъ, по случаю проснувшись, схватилъ ея руку съ ножемъ и велѣлъ готовиться на смерть, чтобы она убравшись во всю, княгинѣ приличную, богатую утварь, ожидала его къ себѣ съ саблею и была готова къ смерти. Какъ Владимеръ пошелъ къ ней въ спальню, чтобы умертвить, малолѣтной сынъ его Изяславъ, отъ Гориславы рожденный, по наученію матерну, внезапно выскочилъ изъ потаеннаго мѣста съ обнаженною саблею и въ слезахъ сказалъ: мать моя не одна. Я ее долженъ защищать пока живъ. Убей меня прежде, чтобы я смерти ея не видѣлъ. Владимеръ, умилясь, опустилъ руки и послѣ уволилъ Гориславу съ сыномъ на удѣлъ въ Полоцкъ въ ея отчину.

6. *Мономахово-единоборство.* Владимеръ Мономахъ одолѣлъ на поединкѣ Генуесскаго Кафинскаго князя (Дожя), снимаетъ съ него золотую цѣпь и прочіе признаки его чина (признаки можно въ примѣръ написать съ уборовъ венеціанскихъ дожей, или генуесскихъ). Дѣйствіе представить въ виду моря, гдѣ корабли и галеры много могутъ картину украсить.

7. *Мономахово вѣнчаніе на царство.* Неофитъ, митрополитъ ефесскій, налагаетъ корону императоровъ греческихъ; прочія царскія утвари несутъ архіереи и другое духовенство. При семъ должно наблюдать, чтобы все было со здѣшнимъ и съ греческимъ сходно. Бояре греческіе стоятъ съ подарками отъ царя Алексѣя Комнина, состоящіе въ золотой и серебряной посудѣ и въ другихъ поставахъ.

8. *Побѣда Александра Невскаго надъ Нѣмцами Ливонскими на Чудскомъ озерѣ.* Сраженіе случилось на Чудскомъ озерѣ апрѣля 5 дня. При семъ дѣлѣ, то можетъ представиться отмѣнно, что происходило на льду. Гдѣ пристойно изобразить бѣгущихъ, какъ они,

стѣснясь и проломивъ тягостію ледъ, тонутъ. Иные другъ друга изо льду тянутъ, иные напротивъ того другъ друга погружаютъ и колютъ какъ непріятелей. Кровь по льду и съ водою смѣшанная особливый видъ представитъ.

9. *Обрученіе князя Феодора Ростиславича.* Сей князь, будучи въ Ордѣ, такъ понравился царицѣ татарской, что всячески стараласъ выдать за него свою любезную дочь за мужъ; но онъ не хотѣлъ на ней жениться, пока не приняла христіанской вѣры. На сей картинѣ можно изобразить, какъ невѣста отъ жениха крестъ и перстень принимаетъ. Мать, царица татарская, соединяя ихъ руки, съ радостію на то смотритъ, и склонной отецъ мановеніемъ изъявляетъ дозволеніе. Мурзы татарскіе удивляются, бояре россійскіе оказываютъ радость. При чѣмъ можно написать Татарскую и старинную нашу музыку,

10. *Начало сраженія съ Мамаемъ.* Съ обѣихъ сторонъ стоятъ полки, съ правой — россійскіе, съ лѣвой — татарскіе. Въ форгрундѣ Великій Князь Димитрій Ивановичь, всѣ готовятся къ бою. По середкѣ татаринъ Челу-бей, ростомъ какъ Голіаѳъ, сражается съ Пересвѣтомъ чернцомъ схимникомъ. Оба другъ друга пронзили копьями. Сраженіе начинается въ войскѣ.

11. *Низверженіе татарскаго ига.* Великій Князь Иванъ Васильевичь, на великокняжескомъ стулѣ сидя, гнѣвнымъ лицомъ повергаетъ на землю басму татарскую и разодранное Ахматово повелѣніе. Татаръ, связанныхъ безчестно, вонъ выводятъ. Россійскіе бояре поклоненіемъ и разными движеніями изъявляютъ свою радость и благодарность Государю.

12. *Приведеніе Новгородцевъ подъ самодержавство.* На площади Новгородской, предъ церковью Святыя Софіи, Великій князь Иванъ Васильевичь верьхомъ сидя повелѣваетъ принять отъ Новгородцевъ грамоты Ерославли своему намѣстнику при Архіереѣ. Вѣчевой колоколъ, или набатъ, Новгородцамъ служившей къ самовольнымъ скопищамъ, летитъ сброшенъ съ колокольни. Марѳѣ Посадницѣ руки назадъ вяжутъ. Новгородцы, коихъ къ Москвѣ отвозятъ, прощаются съ своими ближними. Народу множество; иные, поднявъ руки къ колокольнѣ, кричатъ; иные разными движеніями подаютъ печальные, иные—радостные знаки. На коняхъ Бояре Московскіе усмѣшками и помаваніями оказываютъ свое удовольствіе. При Великомъ Князѣ для безопасности копѣйщики.

13. *Царица Сумбѣкъ,* по смерти Царя Казанскаго Сифа-Кирея взята изъ Казани съ сыномъ и съ безчисленнымъ богатствомъ въ

полонъ и приведена въ Москву къ Царю Ивану Васильевичу. Государя должно изобразить на царскомъ престолѣ, еще въ младыхъ лѣтахъ (здѣсь требуется живописцово искусство, чтобы со стараго и угрюмаго портрета здѣлать молодой и веселой, не потерявъ подобія, за тѣмъ что Царицу принимаетъ милостиво). Царица Казанская упавъ на колѣна, и прося прощенія и милосердія умиленнымъ лицемъ и слезами чрезвычайную красоту свою возвышаетъ. На сына своего младенца, лежащаго ницъ, указываетъ. За нею ближніе ея Татаре и служительницы открываютъ и приносятъ многочисленныя сокровища Азіатическія; при Государѣ его приближенные.

14. *Право высокой фамиліи Романовыхъ на престолъ Всероссійскій.* Царь Федоръ Ивановичь, приближаясь къ кончинѣ, при Патріархѣ Іовѣ и при Боярехъ подаетъ скипетръ брату своему двоюродному Боярину Федору Никитичу Романову, но онъ отъ того извиняется. Годуновъ взглядываетъ завистливыми глазами. Царицу Ирину Федоровну, обмирающую въ печали, поддерживаютъ.

15. *Погибель Расстригина.* Передъ Грановитою Полатою поверженнаго Расстригу и многими ранами уязвленнаго и окровавленнаго за ногу веревкою тянутъ. Иные поляковъ рубятъ. Бояринъ Князь Иванъ Васильевичь Шуйской увѣряетъ народъ съ краснаго крыльца, что оной Дмитрей былъ ложной. Бояре нѣкоторые, указывая въ Грановитую Полату, гдѣ сквозь окно видно престолъ, предлагаютъ ему царство.

16. *Козма Миничъ.* На Нижегородской пристани представить купца старика на возвышенномъ мѣстѣ, указывающаго на великую близь себя кучу мѣшковъ съ деньгами, а другою рукою народъ помовающаго. Многіе, кругомъ стоя, ему внимаютъ прилѣжно, иные деньги въ чаны всыпаютъ, иные мѣшки приносятъ, сыплютъ серебреныя копѣйки изъ чересовъ; приносятъ въ одно мѣсто разные товары; кладутъ передъ него письменные обязательства. Всѣ разными движеніями изъявляютъ охоту къ освобожденію отечества отъ раззоренія.

17. *Олегъ Князь приступаетъ къ Царю граду сухимъ путемъ на парусахъ.* Видъ весьма будетъ хорошей и подобной маскарадамъ Петра Великаго: на переди, въ суднѣ особливомъ сидя, повелѣваетъ; множество парусовъ между кустарниками, колеса подъ судами; индѣ припряженные лошади Печенѣгами правимыя, кои тогда сухимъ путемъ пришли подъ Царь градъ На горизонтѣ проспектъ Царя града. Греки выходятъ на встрѣчу съ дарами.

18. *Олегъ угрызенъ отъ змъя умираетъ.* Представить головную

лошадиную кость, кою Олегъ пхнулъ ногою. Бояре и слуги поддерживаютъ со страхомъ. Волхвы предсказавшіе дѣлаютъ разные виды своего вѣрнаго предвѣщанія.

19. *Сраженіе Святослава съ Печенѣгами въ порогахъ.* Представить тѣсныя мѣста между каменными горами, сквозь кои Днѣпръ протекаетъ порогами. Святославъ борется противъ стремленія воды съ Россійскимъ войскомъ на веслахъ, на шестахъ, греблею, бечевою и сражается съ непріятелемъ, жестоко съ береговъ нападающимъ. Въ главномъ групѣ бьется самъ Князь уже раненой. Около его много Печенѣжскихъ труповъ. Опровергающіеся суда разными видами, иные и зажженные; плавающіе и утопающіе раненые люди, выходящіе изъ быстрины противъ непріятеля, самымъ дѣломъ и мѣста обстоятельствомъ представятъ чрезвычайную фигуру.

20. *Избавленіе Кіева отъ осады Печенѣжской смѣлымъ переплытіемъ Россіянина черезъ Днѣпръ.* Въ переднемъ мѣстѣ представить на одной половинѣ Печенѣжскія палатки со стрѣляющими за пловцемъ Печенѣгами; но онъ безвредно переплываетъ за Днѣпръ къ Россійскому стану, чтобы подать вѣсть о бѣдности и тѣснотѣ въ городѣ и тѣмъ побудить войско къ нападенію на непріятеля судами.

21. *Князь Кіевскій Святославъ Ярославовичь кажетъ свое великое богатство Посламъ Нѣмецкимъ.* Посолъ былъ изъ духовенства. Можно поставить какого каталицкаго прелата и принемъ посольскихъ людей въ старинномъ нѣмецкомъ платьѣ. Святослова богато одѣтого и съ Боярами въ дорогихъ шубахъ и шапкахъ изъ мяхкой рухляди. Богатство состоящее въ дорогихъ мѣхахъ, парчахъ персидскихъ и греческихъ; въ золотыхъ и серебряныхъ финифтяныхъ сосудахъ, каменьями цвѣтными украшенныхъ, въ конскихъ уборахъ и въ ружьѣ старинномъ, въ жемчугáхъ. Приличныя притомъ движенія казателей и смотрителей оживятъ картину.

22. Князь Дмитрей Михайловичь Пожарской въ опасности отъ злодѣя, коего прислалъ Заруцкой изъ подъ Москвы, чтобы его заколоть и не допустить его изъ Ярославля къ Москвѣ для ея освобожденія. Злодѣй прошибся мимо Пожарскаго, спотыкнувшись и ударивъ слугу его въ ногу. Князь запрещаетъ около стоящимъ злодѣя изрубить и велитъ его послать подъ Москву и отдать жива на обличеніе завистникамъ.

23. Тотъ же Князь Пожарской бьется съ Поляками раззоряющими Москву и уже раненаго жестоко велѣлъ себя къ верху поднять, и своихъ ободряетъ противъ непріятеля.

24. Царь Иванъ Васильевичь Шуйской при вѣнчаніи своемъ на царство кленется Боярамъ, что онъ прежнихъ враждебъ помнить не будетъ и безъ ихъ совѣта ничего дѣлать не станетъ.

25. Гермогенъ Патріархъ Московскій посаженъ въ тюрмѣ и уже умирая голодомъ и жаждою не согласуется съ принуждающими Поляками, чтобы возвести на царство Польскаго Королевича Владислава, но проклятіемъ оное отрицаетъ и отъ Михайла Солтыкова, которой ножъ на него занесъ, крестомъ обороняется.

Лит. Н. Брезе, СПб б Мещ. д. № 8/10

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ

РЫЧКОВЪ

Род. 1 Октября 1712 г. † 15 Октября 1777 г.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

читанныхъ

УССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ II, № 1.

ЖИЗНЬ

и

ТЕРАТУРНАЯ ПЕРЕПИСКА

ИВАНОВИЧА РЫЧКОВА.

Академика П. Пекарскаго.

ПОРТРЕТОМЪ И СНИМКОМЪ ПОЧЕРКА РЫЧКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

ПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 22-го іюня 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Имя Петра Ивановича **Рычкова**, автора разныхъ сочиненій и статей, касающихся оренбургскаго края, извѣстно очень хорошо каждому, занимающемуся исторіею инородцевъ восточной Россіи, а также судьбами сейчасъ названнаго края въ XVIII столѣтіи. Труды по этой части **Рычкова** остаются и донынѣ въ числѣ главныхъ пособій; но біографическихъ подробностей о немъ самомъ почти нѣтъ никакихъ, такъ-какъ въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія [1]) — этомъ во многихъ случаяхъ единственномъ даже и въ наше время источникѣ для жизнеописаній русскихъ ученыхъ и литераторовъ — помѣщенъ только не полный перечень его сочиненій, да невѣрно указанъ годъ его кончины.

Въ журналѣ «Библіотека для чтенія» [2]) напечатанъ былъ «Отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожновыхъ», подписанный **Николаемъ Рычковымъ**. Бывавшему въ оренбургскомъ краѣ не трудно догадаться, что здѣсь подъ видомъ повѣсти изъ стариннаго быта разсказанъ съ нѣкоторыми легендарными прикрасами рядъ дѣйствительно случившихся происшествій, въ чемъ еще болѣе утверждаютъ имена лицъ, выведенныхъ въ отрывкѣ и такъ

---

1) Изд. Москвитянина, 1845, ч. II, 158, 159.

2) 1862 года, № 1, стр. 120—160; № 2, стр. 1—48.

мало переиначенныхъ, что въ околодкѣ, гдѣ происходили описываемыя г. Н. Рычковымъ событія, не трудно угадать настоящія фамиліи ихъ. Здѣсь также выведенъ владѣлецъ села Спасскаго, Петръ Ивановичъ Рожновъ, знатокъ разныхъ будто-бы европейскихъ языковъ и сочинитель даже такихъ сочиненій, которыя, по своему политическому характеру, не могли быть изданы въ свѣтъ. Притомъ разсказано, что бумаги Рожнова пошли на обклейку комнатъ въ селѣ Спасскомъ; что будто бы въ этихъ бумагахъ была переписка съ Державинымъ (хотя это болѣе чѣмъ сомнительно) и т. п. Вообще по нѣкоторымъ подробностямъ замѣтно, что авторъ «Отрывка» подъ Петромъ Ивановичемъ Рожновымъ разумѣлъ сочинителя «Оренбургской топографіи». Разсказъ по видимому основанъ на однихъ устныхъ преданіяхъ, сохранившихся въ семействѣ Рычковыхъ, а потому тамъ переданы иныя подробности о родоначальникѣ ихъ невѣрно, а другія пройдены молчаніемъ.

При разысканіяхъ для исторіи Академіи Наукъ, въ архивахъ ея сначала мнѣ встрѣчались только отрывочныя письма Рычкова къ В. Н. Татищеву и академическому совѣтнику Шумахеру, но потомъ въ бумагахъ исторіографа Миллера нашлись три большіе фоліанта писемъ къ этому академику отъ Рычкова [1]).

Извѣстно, что въ казенныхъ и частныхъ архивахъ дѣловая и домашняя переписка лицъ, жившихъ въ Россіи XVIII столѣтія, не представляетъ особенной рѣдкости: но у насъ чувствуется большой недостатокъ въ такъ называемомъ commercium epistolicum ученыхъ, писателей и вообще образованныхъ людей о предметахъ наукъ и литературы, чѣмъ такъ богаты прочіе европейскіе народы и чѣмъ такъ дорожатъ тамъ, потому что въ подобнаго рода перепискѣ всегда можно найти богатые матеріалы для исторіи наукъ и вообще образованія данной эпохи. Въ Россіи не

---

[1]) Эти фоліанты носятъ общее заглавіе «Письма къ исторіографу Миллеру отъ разныхъ особъ. R». Въ первомъ фоліантѣ подъ № XXIV, письма Рычкова съ 1757 по 1764 годъ включительно. Здѣсь же одно письмо его къ Ломоносову и нѣсколько писемъ Андрея Петровича Рычкова. Во второмъ подъ № XXV — съ 1765 по 1773 г. включительно. Въ третьемъ подъ № XXVI — съ 1774 по 11 ноября 1777 года. Для избѣжанія частыхъ повтореній, въ настоящемъ жизнеописаніи не дѣлается, при выпискахъ изъ писемъ Рычкова, ссылокъ на описанные здѣсь фоліанты, которые хранятся вмѣстѣ съ прочими бумагами Миллера въ архивѣ академической конференціи.

только наука, но и литература долгое время не составляла потребности общества: ею занимались или между дѣломъ, или для пріобрѣтенія выгодъ по службѣ.

Въ перепискѣ Рычкова съ Миллеромъ, продолжавшейся почти безъ перерывовъ въ теченіи двадцати лѣтъ, вопросы науки и литературы всегда стоятъ на первомъ планѣ; все же прочее занимаетъ тамъ второстепенное мѣсто. Это обстоятельство придаетъ особенную цѣну перепискѣ Рычкова. Правда, что при дальнѣйшихъ поискахъ въ академическихъ архивахъ мнѣ удалось найти еще нѣсколько образчиковъ учено-литературной переписки русскихъ людей съ Академіею Наукъ, но всѣ они, не говоря уже о томъ, что до сихъ поръ еще не изданы въ свѣтъ, не обнимаютъ такого долгаго періода и не отличаются такимъ разнообразіемъ.

Новость и богатство подробностей этой переписки для литературной исторіи Россіи XVIII вѣка побудили меня къ дальнѣйшему собранію относящихся до Рычкова извѣстій. Академикъ А. А. Куникъ передалъ мнѣ пріобрѣтенный [illegible] для академической библіотеки списокъ съ семейныхъ записокъ Рычкова, въ которомъ, однако, не доставало одного листка въ началѣ и нѣсколькихъ въ концѣ. П. И. Бартеньевъ съ радушною готовностью поспѣшилъ доставить изъ московской библіотеки г. Черткова полный экземпляръ тѣхъ же записокъ, что̀ и дало мнѣ возможность пополнить списокъ, предназначенный для Академіи. За тѣмъ, по сношенію отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, потомокъ автора «Оренбургской Топографіи» Д. Н. Рычковъ сообщилъ въ мое распоряженіе нѣсколько писемъ, хозяйственныхъ тетрадей и дипломовъ своего предка. Изъ нихъ въ особенности важны въ историко-литературномъ отношеніи 12-ть писемъ В. Н. Татищева, исключительно посвященныхъ разсужденіямъ о разныхъ предметахъ по русской исторіи. Для пополненія всѣхъ этихъ матеріаловъ я пользовался протоколами академической конференціи съ 1755 по 1777 годы, гдѣ иногда упоминается о доставленныхъ Рычковымъ сочиненіяхъ, извѣстіяхъ и предметахъ, также описаніями путешествій академиковъ Палласа, Лепехина и другими печатными источниками, ссылки на которые дѣлаю въ текстѣ настоящаго жизнеописанія.

Всѣ эти, имѣвшіеся подъ моими руками матеріалы дали мнѣ

возможность представить свѣдѣнія о Рычковѣ, какъ писателѣ и образованномъ человѣкѣ своего времени. Теперь остается сдѣлать очеркъ его служебной дѣятельности, тѣмъ болѣе замѣчательной, что онъ служилъ въ оренбургскомъ краѣ въ тѣ времена, когда въ немъ совершались въ высшей степени любопытныя для историка измѣненія въ отношеніяхъ тамошнихъ инородцевъ къ русскимъ и притомъ при такихъ замѣчательныхъ правителяхъ, каковыми были Кириловъ, Татищевъ и Неплюевъ. Понятно, что описаніе этого рода дѣятельности Рычкова, бывшаго близкимъ человѣкомъ сейчасъ названныхъ лицъ, состоитъ въ связи съ исторіею цѣлаго края. Матеріялы для нея хранятся еще никѣмъ не тронутые въ канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора, а также въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и ожидаютъ трудолюбивыхъ и усердныхъ изслѣдователей. Будемъ надѣяться, что со временемъ такихъ лицъ явится въ столицахъ и губерніяхъ болѣе, чѣмъ имѣемъ мы ихъ нынѣ.

П. Пекарскій.

I.

1712 — 1733 годы.

Родъ и происхожденіе Рычкова. Разсказы его о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи и поступленіи на частную службу въ Петербургѣ.

Петръ Ивановичъ Рычковъ родился въ Вологдѣ 1 октября 1712 года.

«Хотя истинное благородство, говоритъ онъ въ своихъ семейныхъ запискахъ, наипаче въ честномъ воспитаніи и въ добродѣтеляхъ, нежель въ породѣ состоитъ, (однако) издревле не только у насъ, но почти вездѣ въ обычай вошло знатность породы не меньше достоинства и добродѣтели уважать. По здравому разсужденію та токмо знатность и древность породы во всѣхъ случаяхъ предпочтенія достойна, которая съ заслугами отечеству, съ достоинствомъ и съ добродѣтельми соединена. Но намъ такого застарѣлаго и повсемѣственнаго обыкновенія перемѣнять не должно и невозможно. Въ самомъ Св. Писаніи находятся тому жъ мнѣнію подобныя слова, а именно: «похвала дѣтямъ отцы ихъ».

«Вамъ, дражайшіе мои дѣти, предками своими тщеславиться нельзя и не должно, однакъ и стыдиться причины нѣтъ, хотя бы кто отъ незнанія и подлостію васъ попрекнулъ. Меня самого иногда тѣмъ безразсудные люди попрекали, но отъ скромности моей, всегда сами устыдясь, отходили. Подлинно въ предкахъ нашихъ, сколько я свѣдомъ, не только бояръ и генераловъ, но и полководцевъ не было. Однакъ не всѣ генералы отъ генераловъ рождены... Предки наши... въ тѣ смутныя времена, какъ ю-

ляки на Россію впаденіе чинили (чего и вологодскіе предѣлы не миновали), на Вологдѣ поселилися. Изъ которыхъ нѣкоторые, по тогдашнему обыкновенію, въ разныхъ городскихъ службахъ употреблялись; нѣкоторые жъ и купечество тутъ и въ Архангельскомъ порту производили. Первый и знатнѣйшій изъ оныхъ назывался Ѳерапонтъ, а по народному названію Рычакъ и Рычка. Отъ сего-то Ѳерапонта, сказывали они, что нашъ родъ и прозваніе происходятъ»...

Отецъ Рычкова, Иванъ Ивановичъ, по примѣру своихъ родныхъ, также торговалъ на Вологдѣ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ Ивановичемъ, отправляя хлѣбъ и другіе товары по рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ и Двинѣ къ Архангельску для отпуска въ Голландію и другія земли. Вообще изъ словъ сына можно замѣтить, что Иванъ Рычковъ любилъ иноземцевъ. Во время пребыванія въ Вологдѣ, онъ былъ въ сношеніяхъ съ сосланными туда шведскими плѣнными и одному изъ нихъ, графу Бонде, успѣлъ оказать какое-то одолженіе, что̀, какъ увидимъ сейчасъ, пригодилось Рычкову впослѣдствіи. Неосмотрительность и расточительность брата его, Михайлы, вступившаго въ подряды съ приказомъ большой казны по отпуску за границу тогдашнихъ казенныхъ товаровъ: поташа, смольчуга, икры, клея и щетины, произвели разстройство въ торговыхъ дѣлахъ Рычковыхъ. Къ этому присоединились и неудачи: суда, плывшія съ помянутыми товарами къ Архангельску, разбились, слѣдствіемъ чего былъ огромный казенный начетъ, такъ-что Рычковы лишились почти всего своего имущества.

Иванъ Рычковъ съ женою (Капитолиною Ивановною, дочерью вологодскаго купца Свѣшникова) и дѣтьми покинулъ Вологду и переселился въ Москву. Здѣсь въ 1722 году, вѣроятно по ходатайству бывшихъ шведскихъ плѣнныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ графъ Бонде, состояли при Карлѣ Фридрихѣ, герцогѣ шлейзвигъ-голштинскомъ, старикъ Рычковъ получилъ при дворѣ его званіе купчины, или гофъ-фактора, и оставался въ немъ до самаго отъѣзда герцога изъ Россіи. Голштинскіе министры Стамкенъ и графъ Бонде, и послѣ этого событія, покровительствовали Рычкову и держали его при себѣ.

«Въ 1720 году ... былъ я, говоритъ про себя его сынъ,

около восьми лѣтъ, читать и писать по русски умѣлъ уже нарочито. По прибытіи въ Москву, не смотря на всѣ свои безпокойства и затрудненія, отецъ мой вскорѣ отдалъ меня учить иностранныхъ языковъ и сперва голландскаго, потому что великую склонность имѣлъ къ коммерціи и къ сей націи; да и свѣдѣнія какъ о внутреннихъ, такъ и о внѣшнихъ торгахъ былъ весьма достаточнаго. Нѣсколько научивши меня того языка и первой части ариѳметики, отдалъ меня для совершеннѣйшаго познанія онаго и другихъ языковъ, и для обученія бухгалтерской науки и внѣшней коммерціи къ тогдашнему полотняныхъ фабрикъ директору Ивану Павловичу Тамесу. Имѣвши съ нимъ издавна дружбу, онъ уповалъ, что я познаніемъ сихъ дѣлъ буду отечеству не безпотребенъ, а и себѣ не безполезенъ. Сей господинъ Тамесъ былъ подлинно мужъ великаго свѣдѣнія не только въ коммерціи, но и во многихъ статскихъ дѣлахъ, и за его разумъ и многіе полезные проекты къ заведенію и распространенію въ Россіи разныхъ мануфактуръ находился въ особливой милости у его величества высокославныя памяти государя императора Петра Великаго [1]). Онъ меня, какъ сына, любилъ и въ своей конторѣ не только языковъ и бухгалтерству училъ, но и при всѣхъ своихъ разсужденіяхъ и представленіяхъ, къ размноженію мануфактуръ и къ пользѣ россійской коммерціи чинимыхъ, употреблялъ. И хотя я тогда несовершеннаго еще возраста былъ, слѣдственно и понятія ко всему тому достаточнаго не имѣлъ, однакъ въ познаніи

---

1) Къ иноземцу Ивану Тамезу, или Тамсену, для изученія бухгалтеріи, Петръ Великій посылалъ русскихъ учениковъ (Дѣянія П. В. Голикова, изд. 2, т. VIII, 50, 51; IX, 493). О немъ нерѣдко упоминается въ Дневникѣ Бергхольца, см. рус. пер. г. Аммона, II (М. 1858 г.) 91—95; IV (М. 1860 г.), 101. Въ «Извѣстіяхъ о фабрикахъ и заводахъ въ Россіи 1727 года» (Госуд. Архивъ, разр. XIX) находимъ, что «полотняная фабрика въ Москвѣ директора Ивана Тамеса съ компанейщики купецкими людьми зачата въ 718-мъ году» по повелѣнію Петра Великаго и по просьбѣ компанейщиковъ. Въ 1719 г. государь пожаловалъ имъ два дома Авраама Лопухина: одинъ каменный близъ Пречистенскихъ воротъ, другой деревянный загородный въ Хамовникахъ, а также село Кохму въ суздальскомъ уѣздѣ съ 641 крестьянскимъ дворомъ. Капитала на фабрику затрачено съ 1718 по 1723 годъ 24.700 рубл. Сначала тамъ было 184, а въ 1727 году 443 стана; мастеровыхъ — 851 человѣкъ. Дѣлались на фабрикѣ полотна разныхъ сортовъ, салфетки, тики, скатерти и пр., которые «происходятъ въ продажу въ Москвѣ и въ Сантпетербурхѣ и отпускаются за море» (лл. 65, 66).

оныхъ дѣлъ еще тогда и суще отъ него нарочитое познаніе получилъ... По смерти его жилъ я нѣсколько времени при моемъ родителѣ, котораго безпокойства отъ бѣдствій брата его, а моего дяди, еще тогда продолжалися, да и конца было имъ не видно. Въ такихъ нашихъ обстоятельствахъ принужденъ я былъ не только мое ученіе, но и родителей моихъ оставлять, сыскивать способы къ ихъ облегченію и гдѣ бъ себя употребити, что̀ какъ и мнѣ, такъ и имъ было не безъ печали, тѣмъ наипаче, что они, покойные, никакого безпутства во мнѣ не видѣли, но еще и годность нарочитую съ немалою и всегдашнею охотою къ наукамъ примѣчали, а гдѣ и какъ меня пристроить, по тогдашнему своему состоянію, способовъ не находили».

«Между тѣмъ около 1730 году родитель мой, поѣхавъ въ Санктпетербургъ, взялъ меня съ собою, гдѣ графъ Бонде, министръ его королевскаго величества герцога голштинскаго, рекомендаціями своими способствовалъ ко опредѣленію моему въ службу при бывшемъ тогда Кабинетѣ, или Дворѣ. И хотя обѣщанія имѣлъ онъ надежныя, но дѣйствительное опредѣленіе отъ времени до времени откладывано, а наконецъ сказано было, чтобъ подождать до состоянія новаго штата, при чемъ я и остался».

«Въ ту жъ санктпетербургскую бытность, родитель мой сдружился съ англичаниномъ Вильямомъ Элмзеномъ, который хотя не такого совершенства, какъ покойный Тамесъ, однакъ по премногу доброй человѣкъ и знатной капиталистъ былъ. Сей, видя, что я изъ русскихъ нѣмецкой языкъ не худо умѣю, и имѣя въ своей дирекціи казенные ямбургскіе и жабинскіе заводы со многимъ числомъ мастеровыхъ изъ русскихъ и иностранныхъ людей (изъ которыхъ между русскими бо̀льшая половина была изъ солдатовъ, тому мастерству обученыхъ), просилъ родителя моего, дабы я у него правителемъ тѣхъ заводовъ былъ, пока ко опредѣленію моему въ службу окажутся лучшіе и надежнѣйшіе способы. Признавъ меня къ тому, по знанію нѣмецкаго языка, способнымъ, онъ обѣщалъ мнѣ между тѣмъ не только честное содержаніе, но и деньгами достаточно наградить, а особливо ежель я прекращу бывшія тогда между иностранными мастеровыми людьми несогласія и безпокойства, ибо они, разнегодованные на бывшаго предъ тѣмъ управителя англичанина Жинктига

за многія его безпутства, чинили сами разныя своевольства.. Съ такою-то кондиціею я отъ моего родителя на тѣ заводы былъ отпущенъ (оны отъ Санктпетербурга были верстахъ во ста). Подлинно я, тутъ живучи во всемъ на коштѣ помянутаго господина Элмзена, честное и достаточное содержаніе возымѣлъ; да и удалось мнѣ всѣ тѣ многія безпокойства прекратить и въ надлежащій установъ привести».

«Здѣсь-то будучи, спознался я съ управителемъ тамошнихъ дворцовыхъ волостей Прокофьемъ Даниловичемъ Гуляевымъ и женился первымъ бракомъ на старшей его дочери Анисьѣ Прокофьевнѣ, съ позволенія моихъ родителей, которые для того моего сговору и сочетанія изъ Москвы въ Ямбургъ нарочно ко мнѣ пріѣзжали. По вступленіи моемъ въ супружество, всячески уже принужденъ я былъ домогаться сыскивать фундаментальное себѣ мѣсто и дѣйствительное въ службу опредѣленіе, къ чему еще и сіе побуждало, что оба оные стеклянные заводы разсуждено было перевести въ другія мѣста и въ другую сторону, а именно одинъ къ Ладожскому каналу, а другой въ Санктпетербургъ, гдѣ они и построены вновь».

«По прибытіи въ Санктпетербургъ увѣдалъ я, что, по опредѣленію правительствующаго сената, въ санктпетербургскую портовую таможню принятъ былъ иностранный бухгалтеръ съ такою кондиціею, чтобъ тутъ содержаніе книгъ и счетовъ по европейской бухгалтерской регулѣ установить. Ему для того окладнаго жалованья положено было по 800 рубл. въ годъ, а когда русскихъ обучитъ оному дѣлу, то обѣщано было особливое награжденіе; чего ради дано ему было изъ Академіи нѣсколько молодыхъ людей въ ученіе, знающихъ ариѳметику. Ему жъ велѣно было придать и переводчика, ибо онъ тѣ книги содержалъ не на русскомъ, но на нѣмецкомъ языкѣ. Въ разсужденіи сего дѣла явился я у г. статскаго совѣтника Кириллова, который тогда въ правительствующемъ сенатѣ былъ оберъ-секретаремъ, и, донесши, что я бухгалтерству съ издѣтства учился, просилъ опредѣленія. Онъ, поговоря со мною о томъ и усмотря, что я оное разумѣю, велѣлъ мнѣ въ правительствующій сенатъ объ опредѣленіи меня къ тому дѣлу подать прошеніе, кое я, подавъ, вскорѣ и опредѣленіе получилъ о бытіи мнѣ при портовыхъ и при оныхъ бухгалтерскихъ

дѣлахъ переводчикомъ и означенному бухгалтеру помощникомъ, съ жалованнымъ по 150 руб. въ годъ. И хотя съ годъ бывши у оныхъ дѣлъ, обнадеженъ былъ опредѣленіемъ на мѣсто того, по контракту служившаго бухгалтера, ко всему тому, для чего онъ былъ опредѣленъ; но какъ помянутый г. статскій совѣтникъ, по именному указу блаженной памяти государыни императрицы Анны Іоановны, опредѣленъ былъ для многихъ государственныхъ интересовъ и важныхъ намѣреній, и повелѣно ему было между прочихъ чиновъ пріискать и съ собою взять искуснаго бухгалтера, то по тому именному указу въ 1734 году отъ правительствующаго сената опредѣленъ и съ нимъ отправленъ я былъ въ ту экспедицію бухгалтеромъ»...

II.

1734 — 1750 годы.

И. К. Кириловъ и В. Н. Татищевъ — первые покровители Рычкова. Служба его въ оренбургскомъ краѣ. Переписка съ В. Н. Татищевымъ о русской исторіи и географіи. Первые историко-литературные труды Рычкова.

Въ 1734 году, въ Петербургѣ была снаряжена экспедиція, которой прямымъ послѣдствіемъ, хотя не вдругъ и не безъ препятствій, было окончательное утвержденіе русскаго господства надъ обширнымъ краемъ, получившимъ потомъ названіе оренбургскаго. Поводомъ къ снаряженію экспедиціи послужило заявленіе желанія хана меньшой киргизской орды Абулъ-хаира вступить въ подданство Россіи и просьба его о построеніи русскаго города на устьѣ р. Ори. По этому случаю оберъ-секретарь сената, Иванъ Кириловичъ Кириловъ представилъ предположенія о средствахъ и мѣрахъ для приведенія въ исполненіе намѣреній Петра Великаго касательно киргизъ-кайсаковъ и о распространеніи торговли съ Азіею. Предположенія Кирилова заслужили одобреніе, и на него было возложено какъ построеніе на рѣкѣ Ори города, еще прежде основанія своего названнаго Оренбургомъ, такъ и осуществленіе всѣхъ мѣръ, которыя признаны были необходимыми для подчине-

нія Россіи тамошнихъ инородцевъ. Въ экспедиціи Кирилова, кромѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, были: исторіографъ по части естествовѣденія, живописецъ, студенты московской духовной Академіи, наконецъ геодезисты для снимапія картъ и описанія мѣстностей. Въ должность бухгалтера при экспедиціи поступилъ Петръ Ивановичъ Рычковъ [1]).

Кириловъ принадлежитъ, безспорно, къ числу замѣчательныхъ русскихъ людей, вышедшихъ изъ школы Петра Великаго. Рычковъ, который зналъ его близко, оставилъ намъ такое описаніе его: «онъ хотя незнатной природы былъ, но прилежными своими трудами и острымъ понятіемъ, въ канцеляріи правительствующаго сената, изъ самыхъ нижнихъ чиновъ происходя, еще при жизни высокославной памяти государя императора Петра Великаго въ чинъ сенатскаго секретаря произведенъ и при разныхъ случаяхъ имѣлъ счастіе достоинство свое со многимъ его императорскаго величества удовольствіемъ засвидѣтельствовать, а особливо имѣвшеюся у него натуральною охототою къ ландкартамъ и географическимъ описаніямъ... Онъ первый взялъ на себя трудъ всероссійскія ландкарты собирать и чрезъ обрѣтавшихся при сенатѣ геодезистовъ атласъ россійской имперіи и генеральную россійскую ландкарту сочинять... Наукамъ хотя формально не обученъ былъ и оныхъ основательно не зналъ; но былъ великой рачитель и любитель наукъ, а особливо математики, механики, исторіи, экономіи и металлургіи, не жалѣя при томъ никакого своего труда и иждивенія»... [2]).

Что̀ Кириловъ горячо любилъ науки и искренно желалъ успѣховъ имъ, то свидѣтельствуютъ его близкія отношенія къ нашей Академіи Наукъ. Вскорѣ послѣ учрежденія ея, онъ вступилъ въ обширную переписку съ академикомъ Николаемъ Іосифомъ Делилемъ касательно географіи Россіи и составленія точ-

---

[1]) См. его «Исторія оренбургская» въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ», январь, 1759 г. стр. 1 — 47; февраль, стр. 100—112. Къ Кирилову поступилъ и отецъ Рычкова «для установленія и утвержденія новой коммерціи». Онъ пріѣхалъ въ Самару уже послѣ смерти Кирилова, и Татищевъ поручилъ-было ему сочинить купеческій тарифъ и уставъ; но старикъ Рычковъ, не успѣвъ этого исполнить, умеръ въ 1738 г., о чемъ есть въ Запискахъ сына и въ «Сочинен. и перев.» 1759 г., апрѣль, стр. 335.

[2]) Ibid., мартъ 1759 г., стр. 223—224.

ныхъ картъ ея. Даже въ бытность свою въ оренбургской экспедиціи, посреди тяжелыхъ заботъ и безпокойствъ, не забывалъ сообщать Академіи извѣстій по части естественной исторіи и съ любопытствомъ освѣдомлялся о ходѣ работъ по части русской картографіи, столь близкой его сердцу [1]).

Вскорѣ по прибытіи въ оренбургскій край, Кириловъ убѣдился, что предположенія, которыя такъ легко составляются въ кабинетахъ за тысячи верстъ отъ мѣста событій, трудно осуществлять на дѣлѣ. Правда, ему удалось основать городъ, но башкирцы, видя въ томъ рѣшительный ударъ ихъ независимости, взбунтовались. Основателю Оренбурга, вмѣсто распространенія торговли съ Азіею, вмѣсто поисковъ рудъ для обогащенія государства, пришлось вести упорную борьбу съ полудикимъ народомъ, рѣшившемся на все, чтобы отстоять послѣдніе остатки своего господства надъ обширною страною. Среди тревогъ и несбывшихся надеждъ, Кириловъ умеръ 14 апрѣля 1737 года въ Самарѣ, гдѣ и похороненъ при церкви св. Николая Чудотворца [2]).

Мѣсто Кирилова заступилъ Василій Никитичъ Татищевъ — другая, еще болѣе выдающаяся личность въ исторіи русской литературы и просвѣщенія XVIII столѣтія. Куда бы ни заносила судьба Татищева, онъ всюду оставался вѣренъ своей привязанности къ научнымъ разысканіямъ и вообще ко всему, что относилось къ просвѣщенію. Въ поѣздку по казенному порученію

---

[1]) Такъ напр. 14 декабря 1734 года, Кириловъ писалъ къ вновь назначенному тогда президенту Академіи Наукъ, барону Корфу: «поздравляю ваше превосходительство, получа высшую дирекцію надъ учрежденною Академіею и несумнѣнно надѣюсь, чрезъ прилежное руководство ваше, въ лучшемъ состояніи оную увидѣть и плодами ея всему обществу пользоваться. При случаѣ жъ моего пути обрѣтенныхъ разныхъ родовъ травъ и коренья, кои обрѣтающіеся со мною господа ботаникъ и аптекарь мимоѣздомъ усмотрѣли, о тѣхъ принялъ смѣлость вашему превосходительству каталогъ сообщить, и ежель оный угоденъ покажется, тогда господамъ академическимъ членамъ приказать отдать. Впрочемъ какіе сысканы на пути разные камни, и металы и минералы, о томъ впредь донесу, а паче уповаю услужить, когда въ наилучшихъ мѣстахъ будущею весною буду»... (Eingekommende Briefe von 1734 bis 1736 въ архивѣ акад. конференціи). Переписка Кирилова съ Академіею по части географіи Россіи въ первый разъ стала извѣстна только въ прошломъ году изъ труда г. Свенске: «Матеріалы для исторіи составленія атласа россійской имперіи, изд. Акад. Наукъ въ 1745 г.» См. Прилож. № 2 къ IX т. Записокъ Акад. Н. 1866 года.

[2]) «Сочиненія и переводы» 1759 г., мартъ, стр. 223.

въ Швецію онъ знакомится съ тамошними учеными, пишетъ для нихъ статью о мамонтовыхъ костяхъ, разыскиваетъ и списываетъ разные матеріалы для древней русской исторіи; въ Сибири собираетъ массу историческихъ и географическихъ извѣстій о Россіи; поручаетъ тамъ составлять словари инородческихъ языковъ; отыскиваетъ древности и рѣдкости въ могилахъ; служа въ Екатеринбургѣ, устроиваетъ школу. Во время двухлѣтняго управленія оренбургскимъ краемъ, онъ заводитъ также школу въ Самарѣ для татаръ и калмыковъ, и здѣсь, по его указаніямъ, начали переводить книги съ восточныхъ языковъ на русскій и сочинять татарско-калмыцкій словарь. Въ Астраахни, его пытливый умъ занимали остатки жилищъ прежнихъ властителей золотой орды.

Рычковъ такъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о службѣ своей въ первые годы пребыванія своего въ оренбургскомъ краѣ: «будучи въ той экспедиціи какъ отъ него, Кирилова, такъ и бывшихъ послѣ его генералитетовъ, употребляемъ я былъ всегда (кромѣ одного перваго года) и почти безотлучно къ нужнѣйшимъ военнымъ дѣламъ. Они (т. е. начальники), по тогдашнимъ башкирскимъ безпокойствамъ, о томъ, какъ бы счетныя книги по регулѣ бухгалтерской установить, почти и думать уже перестали; но усмотря, что я въ такихъ строгихъ случаяхъ къ правленію канцелярскихъ дѣлъ другихъ былъ способнѣе, все канцелярское правленіе на меня одного положили. При такихъ обстоятельствахъ имѣли они меня всегда и во всѣхъ походахъ безотлучно при себѣ и подлинно содержали меня въ отмѣнной милости»...

Несомнѣнно, что молодой Рычковъ поддался вліянію такихъ людей, какими были первые два начальника его, и этимъ только можно объяснить себѣ, почему онъ впослѣдствіи пріобрѣлъ себѣ у современниковъ довольно обширную извѣстность какъ писатель и любитель наукъ. Къ Татищеву Рычковъ питалъ чрезвычайное уваженіе и, вспоминая о немъ уже гораздо послѣ его кончины, называлъ неиначе, какъ отцемъ и благодѣтелемъ своимъ. Удаленіе Татищева отъ оренбургскихъ дѣлъ не прекратило сношеній его съ бывшимъ подчиненнымъ, и послѣдній велъ съ нимъ дѣятельную переписку.

«Милостивѣйшій государь мой и отецъ Василій Никитичь, писалъ къ нему Рычковъ изъ Самары 25-го февраля 1741 года.

Вашего превосходительства милостивое писаніе отъ 10 и 21 числа сего февраля удостоился получить, за которое, якожъ и за всѣ вашего превосходительства неизреченныя милости, рабское приношу благодареніе. Что же принадлежитъ до переводу предисловія нѣмецкаго переводчика Дергамова [1]), оный я оставливать не намѣренъ былъ, да и труда надъ нимъ не много, ибо не великъ, только поохотился напередъ самого автора переводить. Окончавъ же онаго, и то предисловіе перевесть не премину».

«Отъ 18-го числа сего до вашего превосходительства пространно писалъ, нынѣ же къ тому прибавить имѣю, что къ начатому въ татаро-калмыцкой нашей школѣ лексикону (съ русскими началы татаро-калмыкской) уже двѣ литеры дѣйствительно сдѣлали и, кажется, съ добрымъ успѣхомъ продолжаются. Не худо-ли, милостивѣйшій государь мой, что я такимъ образомъ русскія слова переводить велѣлъ, чтобъ татарское и калмыкское прежде русскими и калмыкскими, а потомъ уже и тѣми языки писать, ибо разсудилъ, что у насъ въ напечатаніи татарскихъ и калмыкскихъ литеръ произойдетъ великое затрудненіе. А когда будетъ и русскими литерами изображенное, то и умѣющимъ и неумѣющимъ тѣхъ языковъ чтеніемъ будетъ во употребленіе, и въ напечатаніи всего онаго русскими литерами труда будетъ не столько. Сіе мое предпріятіе годится-ль, всепокорно васъ, милостивѣйшаго государя, прошу наградить меня своимъ милостивымъ увѣдомленіемъ. Наипаче же прошу къ его сіятельству [2]) отписать; чтобъ я въ такихъ моихъ стараніяхъ вспомогаемъ былъ. Хотя и такъ его сіятельству натолковалъ, что все оное не токмо для здѣшнихъ мѣстъ, но и для всего общества дѣло пренужное, и онъ тому согласуетъ уже и не оставляетъ; но вашего превосходительства одно слово всего моего лучше представленія. Я нынѣ особливо радъ, что его сіятельство всѣ заведенныя здѣсь школы, надъ коими никакого почти призрѣнія не было, приказалъ во одинъ бывшій князь Ми-

---

[1]) Вильямъ Дергэмъ (Derham) род. 1657 (1660?) г., умеръ каноникомъ въ Уэстминстерѣ 1735 (1738) г. Его сочиненія Physico-Theologie и Astrologie были переведены и изданы на нѣмец. яз. въ первой половинѣ XVIII вѣка. (Pierer's Universal Lexicon, 4-е изд., т. IV, 855).

[2]) Князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ, которому ввѣрено было управленіе оренбургскимъ краемъ послѣ увольненія Татищева.

хаила Андреевича[1]) домъ собрать и все надсматривать приказалъ. Въ высочайшій кабинетъ не безъ основанія отъ его сіятельства представлено о распространеніи здѣшнихъ училищъ: ежели бы милостивая резолюція воспослѣдовала, то бъ я надѣялся не малому плоду отъ того произрасти»...[2])

Съ своей стороны князь Урусовъ, увѣдомляя (въ мартѣ 1741 года) Татищева, что заботы его о татарско-калмыцкой школѣ въ Самарѣ не остались безплодными, упоминалъ о лексиконѣ и переводахъ: «во всемъ томъ старается у меня г. Рычковъ, и ему оное поручено, котораго въ томъ охота и прилежность, надѣюсь, вашему превосходительству извѣстна»...[3]). Въ одно время съ княземъ Урусовымъ, Рычковъ извѣщалъ Татищева:

«Школа, о которой ваше превосходительство изъ прежнихъ моихъ писемъ извѣстны, время отъ времени къ лучшему состоянію приходитъ. Особливо же нынѣ по письму вашего превосходительства къ его сіятельству всякаго споспѣшествованія надѣюсь, ибо онъ великую къ тому охоту показывать началъ. А когда его свѣтлость князь Алексѣй Михайловичъ[4]) о томъ отпишетъ, то и большаго во всемъ приращенія уповаемъ. Нынѣ его сіятельство посылаетъ къ вашему превосходительству нѣсколько тетрадей сочиняемаго здѣсь татарско-калмыкскаго лексикона, въ которомъ сочиненіи я, нижайшій, имѣя малое участіе, всепокорнѣйше прошу сіе наше начало милостиво разсмотрѣть, годится-ль въ дѣло? увѣдомленіемъ не оставить. Что касается въ ономъ до русскаго, то хотя оное набирано изъ лексикона поликарповскаго,

---

[1]) Князь Михаилъ Андреевичъ Бѣлосельскій, бывшій, по словамъ Рычкова въ Запискахъ, въ Самарѣ и Оренбургѣ «по нѣкоторымъ несчастнымъ его случаямъ». Въ 1736 г., по оговору ссыльнаго Егора Столѣтова, этого князя Бѣлосельскаго судили за разсказы его о царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, Биронѣ и пр. Онъ впрочемъ ни въ чемъ не сознался. Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны Рычковъ зналъ его въ Петербургѣ генералъ кригсъ-коммиссаромъ.

[2]) Входящія письма 1740—1743 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

[3]) Ibid.

[4]) Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій (род. 1680 † 1742 г.) имѣлъ тогда званіе великаго канцлера.

однакъ греческіе мокронизмы [1]), необыкновенныя словенскія званія выкидываны, а напротивъ того многое, что припамятовалось, объяснено простыми рѣчами, а въ иномъ и прибавлено. Только кажется мнѣ топерь, грамматическія изъясненія (которыя отчасти въ сочиняемомъ уже употреблены), предлоговъ и союзовъ нашихъ не нужны. Да и толмачи переводить ихъ не умѣютъ, и для того ихъ оставлю и буду тщиться, чтобъ во всемъ томъ сочиненіи болѣе простотѣ подражать, которая у насъ съ вышепомянутыми языки довольно согласуетъ, особливо же, что въ татарскомъ усматриваются многія такія званія, кои съ нашими во всемъ сходны».

«Ахунъ нашъ [2]) по персидски и по турецки говорить умѣетъ, чего ради буду стараться, чтобъ хотя не мнѣ и не вдругъ, то со временемъ и по маленьку оба сіи языки къ предназначеннымъ сообщить. И хотя въ затѣяхъ моихъ многіе предосуждаютъ, вѣдаючи кромѣ того многія мои несвободности, но доброму намѣренію Богъ помогаетъ. Нынѣ при семъ всенижайшемъ моемъ письмѣ, по любопытству вашего превосходительства, прилагаю реестръ арабскимъ наукамъ, которыя мнѣ ахунъ, по татарски записавъ, далъ и сказывалъ, что нѣкоторыя книги о тѣхъ наукахъ изъ Бухаръ достать возможно. Не изволите-ли повелѣть, чтобъ о тѣхъ, которыя надобнѣе, постараться и о томъ меня увѣдомить. Оныя хотя не въ употребленіе, но къ довольной куріозите служить могутъ».

«Ахунъ уложенье весьма прилежно переводитъ и перевелъ уже двѣ главы на татарской языкъ первую и середка (такъ ему сперва захотѣлось, но я нынѣ приказалъ сначала ничего не пропущать переводить) о татебныхъ дѣлахъ, а другую начальную о молитвенномъ омываніи. Первая хотя на русской языкъ и переведена, токмо переводъ весьма нечистъ; къ тому требуются на

---

[1]) «Лексиконъ треязычный, сирѣть реченій словенскихъ, еллино-греческихъ и латинскихъ сокровище» изданъ Өедоромъ Поликарповымъ въ Москвѣ 1704 г. Подъ *мокронизмами* Рычковъ разумѣлъ греческія выраженія Поликарпова, которыя считалъ несвойственными нашему языку (macaronnée).

[2]) Магометанскій духовный, называвшійся, какъ увидимъ ниже, Махмудомъ Абдрахмановымъ. Татищевъ упоминаетъ о немъ въ «Ист. росс.» Кн. I, часть 2, стр. 278 и слово ахунъ переводитъ—епископъ магометанскій.

многое примѣчанія, которыя по растолкованіямъ ахуновымъ потщусь сочинить, и затѣмъ ее до вашего превосходительства не послалъ. Прилагаю же токмо нѣсколько статеекъ первыхъ, ибо сіи безъ примѣчаній не очень ясны»... [1]).

Съ конца 1745 года, Татищевъ, удаленный отъ службы, жилъ въ своихъ помѣстьяхъ. Памятниками его административной дѣятельности остались множество оффиціальныхъ донесеній и разнородныхъ представленій. По нимъ можно судить о неутомимой дѣятельности, о его умѣ, знаніяхъ, опытности и — должно сознаться — о его недостаткахъ, бывшихъ, правда, непремѣнною принадлежностью едва-ли не всѣхъ администраторовъ его времени, но тѣмъ не менѣе непріятно поражающихъ историка. По мыслямъ, которыя высказывалъ Татищевъ, по своей любви къ знаніямъ и просвѣщенію онъ шелъ впереди своего вѣка, стоялъ выше окружавшей его среды; по образу же дѣйствій на служебномъ поприщѣ онъ не отличался ни чѣмъ отъ старинныго воеводы въ отдаленномъ городкѣ. Изъ сенатскаго доклада, представленнаго императрицѣ Елизаветѣ не задолго до удаленія его отъ должности астраханскаго губернатора, оказывается, что онъ не дѣлалъ часто различія между деньгами казенными и своими и допускалъ злоупотребленія и за рубли, и за башкирскихъ иноходцевъ, даже за овчинки и волчьи мѣха (см. приложеніе I).

Эта двойственность въ Татищевѣ, какъ администраторѣ и писателѣ, изчезла только тогда, когда онъ лишился мѣста. По выѣздѣ своемъ изъ Астрахани, Татищевъ написалъ къ барону Черка-

---

[1]) Входящія письма 1740 — 1743 гг., въ архивѣ академической конференціи. При письмѣ Рычкова приложены слѣдующія статейки: 1) «Науки, которыя на арабскомъ языкѣ ученымъ людемъ принадлежатъ». Здѣсь перечислены названія ихъ. 2) Отрывокъ изъ мухаметанскаго уложенія, гл. 12: «О татебныхъ и воровскихъ дѣлахъ». 3) Съ заглавіемъ: «Хвала высшему Богу, сотворшему небо и землю и вся предѣлы, и божеская его милость пророку Мохамету со всѣми его послѣдователями. Я, всенижайшій и многогрѣшный рабъ, ахунъ Махмутъ Адрахмановъ, по просьбѣ моего почтеннаго друга, призывая всемогущаго Бога въ помощь, перевелъ съ арабскаго на татарскій языкъ сію малую книжицу о бывшихъ въ прешедшихъ лѣтахъ царяхъ, ханахъ и салтанахъ, наипаче того ради, что въ нашемъ государствѣ арабскаго языка не многіе искусны, и дабы всенародно татарскому языку оная книжка извѣстна быть могла, которая состоитъ въ трехъ токмо главахъ, еже учинено въ Оренбургѣ по махометанскому счисленію 1153, а по христіанскому 1740 года. Съ татарскаго на русской языкъ переведена при учрежденной въ оренбургской коммиссіи татаро-калмыцкой школѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1741 г.»

сову письмо, гдѣ изобразилъ, какъ непривлекательна была тогда жизнь въ отдаленныхъ захолустьяхъ и какъ чувствовалась тамъ необходимость «правосудіе возставить, немощнымъ обиды и коварныя ябеды пресѣчь» [1]). При чтеніи этого письма нельзя не прійти въ недоумѣніе, какъ могло оно быть писано человѣкомъ, за нѣсколько недѣль удаленнымъ за злоупотребленія отъ губернаторской должности? При занятіяхъ русскою исторіею XVIII вѣка часто возникаютъ такія недоумѣнія.

Послѣднія пять лѣтъ жизни, проведенныя Татищевымъ вдали отъ дѣлъ, мало извѣстны. Что занимало его въ это время, можно видѣть только изъ переписки его съ Академіею Наукъ, а также съ Рычковымъ. Собственноручныя письма его къ послѣднему уцѣлѣли въ семейныхъ бумагахъ потомка его, Д. Н. Рычкова, и здѣсь будетъ кстати воспользоваться ими, такъ какъ онѣ, знакомя съ отставнымъ Татищевымъ, даютъ понятіе и о бывшемъ его подчиненномъ.

«Государь мой Петръ Ивановичъ, писалъ Татищевъ изъ села своего Болдина 18-го августа 1749 г., ваше тщаніе къ исторіи обнадеживаетъ меня многое, ко извѣстію достойное, получить. Въ той надеждѣ прилагаю, посылаю (sic) изъ первой части моея исторіи гл. 18 и прошу, оную разсмотря, погрѣшности исправить, недостатки дополнить и, колико заблагоразсудите, яснѣйшею и полнѣйшею сдѣлавъ, ко мнѣ прислать, чтобъ прочее за тѣмъ не остановилось. И если вамъ потребно, то могу вамъ и болѣе главъ, вчернѣ написанныхъ, прислать».

«Лексиконъ историческій, надѣюся, прежде сего посланный 13-го числа, уже получили [2]). Я вамъ еще рекомендую выписать ландкарты Птоломеевы или Пеутингеровы для знанія, какъ тогда о положеніи народовъ, областей и пр. разумѣли [3]). Я ихъ

---

[1]) Приложеніе № 4 къ IV т. Записокъ Акад. Наукъ, 1864 г., стр. 45, 46.

[2]) Въ библіотекѣ Татищева находился Allgemeines Historisches Lexicon въ четырехъ томахъ. По всей вѣроятности это былъ нѣмецкій, сдѣланный Готшедомъ переводъ знаменитаго Dictionnaire historique et critique Бэйля. На нѣмецкомъ языкѣ онъ изданъ въ Лейпцигѣ въ четырехъ томахъ въ 1741—1744 годахъ.

[3]) Географическое сочиненіе грека Клавдія Птоломея (жилъ въ первой половинѣ II вѣка по Р. Х.) извѣстно во многихъ изданіяхъ и на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Конраду Пеутингеру (род. 1465 † 1547 г.) обязаны сохраненіемъ древней карты, относимой нѣкоторыми ко временамъ императора

имѣлъ двѣ, да архіепископъ московскій [1]) недавно у меня одну выпросилъ, а другая при мнѣ каждодневно надобна».

«Прежде вы начали татарскій лексиконъ сочинять, и весьма бы нуженъ, къ чему Менинскій [2]) много служить можетъ; но у меня мало употребляемъ, для того что татарскаго и арабскаго читать не умѣю. Еслибъ кто взялся оный перевести, я бы не пожалѣлъ дать 100 руб.»

«Весьма мнѣ нужно изъясненіе нѣкоторыхъ словъ изъ тѣхъ языковъ, если въ оныхъ нѣкоторыя не сарматскія; но оныя могутъ чуваша, черемиса, мордва и вотяки изъяснить. Прошу, если можно, оныя мнѣ изъясня, прислать, объявляя при каждомъ, какого языка»...

6-го сентября 1749 года: «...Лексиконъ историческій въ 4-хъ том. fol. до васъ давно послалъ въ Москву и велѣлъ съ надежнымъ ѣздокомъ отправить, ибо на почтѣ не приняли. Нынѣ же писалъ — если не посланъ, чтобъ секретарю Контяжеву отдать. Переводы прошу, не спѣша, исправно списать, и, мои примѣчанія уничтожа, по вашему лучшему знанію сочинить и сюда прислать, хотя бы то не весьма скоро учинилось»...

21-го сентября 1749 года: «Прежде послалъ вамъ изъ первой части Исторіи гл. 18 о татарѣхъ и просилъ, чтобъ оную исправили и дополнили по вашему бóльшему о томъ извѣстію. Но что древностей принадлежитъ, то я, изъ многихъ авторовъ переводя, изъяснялъ, которыя и вамъ не безполезны быть могутъ. Для того при семъ, выбравъ къ вашему предпріятію [3]) нужнѣйшія Птоломея географа, Констянтина Порфирогенита и Геродота, посылаю съ моими изъясненіями: не можете-ли что поправить или пополнить, ибо такъ пословица увѣряетъ: умъ добро, а два лучше»...

Өеодосія и извѣстной подъ именемъ Tabula Peutingeriana. Грессе (Trésor de livres rares et précieux, T. V, 246) указываетъ всѣ изданія ея XVI, XVII и XVIII вѣковъ.

[1]) Платонъ Малиновскій, архіепископъ московскій съ 14 апрѣля 1748 г. по 14 іюня 1754 года. Исторія Росс. іерархіи, М. 1807 г., I, 91.

[2]) Францъ Менинскій (род. 1623 † 1698 г.), авторъ арабско-персидско-турецкаго словаря, изд. въ первый разъ подъ заглавіемъ Thesaurus linguarum orientalium, 1680—1687, въ трехъ частяхъ.

[3]) Ниже будетъ говорено, что Рычковъ занимался собираніемъ извѣстій о татарахъ. Извѣстно также, что глава 18 «Исторіи росс.» Татищева озаглавлена: «Остатки скиѳъ, турки и татара».

12-го октября 1749 года: «Ваше пріятное письмо отъ 13-го сент. сей день получилъ и за присланную ландкарту благодарствую. Токмо въ сибирской сторонѣ многая неисправность, и что назначенъ древній протокъ изъ Арала въ Каспійское—оное мню басня: Въ бытность мою въ Астрахани, какъ были трухменскіе послы, которые съ тѣмъ были присланы, чтобъ ихъ принять въ подданство и построить у нихъ крѣпости, я прилежно ихъ о томъ распрашивалъ, ибо они по всему берегу Каспійскаго моря обитаютъ отъ Эмбы до Красныхъ Водъ или Агурчинскаго залива. Они сказали, что проходъ былъ, да горы, снедшись, завалили; а междо обоими великія горы, какъ и русскіе, ѣздившіе съ ними до Хивы, увѣряли, что возможно тому быть. Заливъ Балханской и Астрабятской прилежно посыланными отъ меня описанъ, но никакого знака не найдено, для того остается недостовѣрное южнаго берега Арала описаніе. Ежели возможность дастся, хотя бы на то денегъ не пожалѣть трухменцамъ, когда къ вамъ прибудутъ. А понеже вы объявили, что оную карту исправите и дополните, того ради прошу меня оною снабдить»...

«...О ландкартахъ Птоломеевыхъ такожде въ Петербургъ сей день съ нарочно посланнымъ писалъ, и ежели есть, то къ Рождеству или прежде получу и пришлю. Ихъ всего 28, и онѣ весьма вамъ нужды»...

2-го ноября 1749 года: «Прежде послалъ я вамъ нѣсколько главъ Исторіи Русской первой части, но которыя не памятую. Нынѣ же, по требованію вашему, посылаю еще, которыя переписаны бѣляе. Другія ово не переписаны, ово не довольно разсмотрѣны лежатъ, которыя со временемъ пришлются».

«Я васъ прошу внятно разсмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ какой погрѣшности, и о томъ дать знать, а оныя, не сообщая другимъ, а паче несмысленнымъ, ко мнѣ возвратить, ибо хотя я ни о чемъ болѣе прилежу, какъ ясною исторіею моему отечеству славу и честь пріумножить, а невѣдущимъ дать спознаніе, вѣдущимъ же болѣе и лучше причину къ большему изъясненію и исправленію погрѣшностей, которыхъ человѣкъ, какъ бы отъ природы мудръ и науками просвѣщенъ ни былъ, избѣжать не можетъ; какъ Давидъ говорилъ: всякъ человѣкъ — ложь. Да сіе бываетъ, что и правое дѣло другимъ является не правымъ и погрѣшнымъ,

какъ тому тысячи примѣровъ сыскать можно. Въ язычникахъ видимъ Сократа и другихъ за признаніе истиннаго Бога, обличеніе невѣжества, наставленіе къ благонравію пострадали. Не меньше того видимъ въ христіанствѣ, какъ Аѳанасія Великаго, Златоустаго и другихъ великихъ учителей не токмо изгоняли, чиновъ и чести лишали, но нечестивые соборы, яко еретиковъ и безбожниковъ, проклинали. Для такихъ злостныхъ потребна мудрость осторожности, какъ я въ предисловіи отчасти изъяснилъ»...

1-го декабря 1749 года: «За присланное разсмотрѣніе о имени татаръ при письмѣ вашемъ отъ 11 октября, вчера полученномъ, весьма благодарствую, ибо много въ немъ полезнаго нахожу, хотя притомъ нѣчто изъ древнихъ греческихъ басенъ взято, яко горы Имай. Греки о нихъ писали разно: ибо меотиюгою, отъ Тауроса идущею въ Индію [1]), по которому славный испанскій географъ Мартиніе [2]) разумѣетъ тѣ горы, что между Персіи и Вавилона проходятъ; а Птоломей точно такъ положилъ какъ ахунъ говоритъ, но имя Имай есть греческое; а можетъ и въ тамошнихъ языкахъ что либо значитъ. Равно рѣка Татаръ или Тата, которую Павелъ Венетъ вымыслилъ, вашъ ахунъ отъ европскихъ взялъ, что Рубрикъ и Карпенинъ въ ихъ ѣздахъ писали. Хотя весьма далеко простираютъ, однако довольно видно, что Рубрикъ далѣ Кіева не былъ, а Карпенинъ, Волги не переѣзжая, потомъ писали, что многіе ученые довольно примѣтили. Что ахунъ въ Китаяхъ татаръ кладетъ, то паки отъ слышанія европейцовъ, ибо тамо оное имя неизвѣстно, а сказываютъ Манжуръ Иманчу древнѣйшимъ ихъ званіемъ. И сіе точно такъ, какъ вы изъяснили о имени нѣмецъ, данномъ отъ славянъ германяномъ, которое и греческіе историки, Константинъ Порфирогенитъ, Анна Комнина и другіе употребляли. Такъ европейцы, оскорбяся отъ татаръ нашедшихъ, всѣ неизвѣстные народы, власно какъ у грекъ варвары, отъ египтянъ скиѳи именованы, въ которыхъ разные народы, яко: славяне, германяне, сарматы и чуть именованованы. Да имя татаръ вошедшіе въ Европу сами

---

[1]) Здѣсь и въ подлинникѣ что-то пропущено.

[2]) Антоній-Августинъ Брузенъ де ла Мартиньеръ, авторъ Dictionnaire géographique, котораго первое изданіе вышло въ 1726 году.

не употребляли, но писались могулы, какъ Батыевы и внуковъ его граматы свидѣтельствуютъ. Сему примѣръ Плиній: о имени моря Каспійскаго писавъ, сказалъ, что оное имѣетъ много разныхъ званій отъ прилежащихъ предѣлъ, и римляномъ отъ народа Каспіевъ, живущихъ по рѣкѣ Курѣ; Каспи — грекомъ; какъ Александръ чрезъ Ирианію ко оному приближился Ирианское стало вѣдомо; русскимъ отъ народа хвалисовъ — Хвалынское. Болгары отъ козаръ, или разбойниковъ, Козаромъ и пр. именовали».

«Равно Руссіа или Россіа такъ много разныхъ названій отъ разныхъ народовъ имѣетъ. Литва, имѣя крайній къ нимъ предѣлъ Кревы, или Смоленскъ, именуетъ Русь кревитами; финны отъ вендовъ, обладавшихъ ихъ, — венеенма; сѣверные, яко отъ нихъ нихъ на востокъ, — остерики и остерунгъ и пр. Но я надѣюсь, что вы изъ Бухаріи можете лучшія извѣстія получить и оную темноту изъяснить».

«Вы упомянули о персидской исторіи: оную весьма бы нужда перевести, токмо при переводѣ надобно въ исторіи искусство довольное, чтобъ имена людей, народовъ и урочищъ не перевелъ, какъ-то многіе погрѣшаютъ, напр. греки Переяславль именовали Мегаполисъ. Порфирогенитъ, описуя пороги днѣпровскіе и городы русскіе, клалъ по два и по три имени: 1) славянское; 2) русское или сарматское и 3) греческое. Напр. народъ греч. Меланхлени, русск. Муставами, слав. черны порты, а сами зовутся Мусталаппъ, а послѣднее значитъ черный народъ»...

Это письмо можетъ служить комментаріемъ къ тому, что потомъ высказалъ Татищевъ въ 18-й главѣ своей «Исторіи россійской», кн. 1, часть 2, стр. 274 — 278, гдѣ также приводятся свидѣтельства «любомудраго ассессора оренбургскаго господина Рычкова», а также и знакомца оренбургскаго ахуна.

Слѣдующее за тѣмъ письмо Татищева [1]) писано въ концѣ декабря 1749 года по поводу присылки къ нему Рычковымъ своего «Краткаго извѣстія о татарахъ», которое хранится въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

Въ февралѣ 1750 года: «Абулгасіеву исторію я сожалѣю, что вы оной не поправили и погрѣшностей не изъяснили, а за

[1]) Оно напечатано въ приложеніи къ настоящей біографіи подъ № II.

тѣмъ она, по желанію многихъ въ печать не годится, развѣ вы потрудитесь оное впредь исполнить и любопытный міръ удовольствовать, а наипаче о положеніяхъ тамошнихъ вы паче всѣхъ правильнѣе изъяснить, а Страленберговы погрѣшности исправить можете.

О торгахъ русскихъ и промыслахъ сочиненіе ваше [1]) хвалы достойно, хотя нѣгдѣ недостаточно и индѣ погрѣшно, для того я послалъ оное въ Москву, чтобъ переписать и потомъ дополнить. Междо оными первое и главное: вмѣщены латинскія и французскія слова, что̀ всѣ ученые за гнусно почитають.

2. Половцевъ вы именовали русскими: оные были, яко и печенеги, сарматы и подъ властію русскою не были. Бористенъ рѣка Днѣпръ — имя сарматское и градъ, греками построенный, отъ рѣки названъ, а не славенское.

Кремки градъ — имя турецкое, яко Кремль и Крымъ ничто иное, какъ крѣпость или укрѣпленіе.

Недостатокъ же о торгахъ отъ неимѣнія при васъ сѣверныхъ и греческихъ писателей, въ которыхъ, яко и у Порфирогенита, нѣчто находится, что русскіе великіе подарки золотомъ и серебромъ отъ грекъ брали. А сѣверные сказують, что въ области русской Курляндіи великой ярмаркъ бывалъ, на которомъ много золота продавали и парчей дорогихъ.

Греки главные русскіе товары кладуть: кожи звѣрей и скотовъ, бобровую струю и медъ. Изъ Болгаріи они получали шелковыя и бумажныя парчи, а о соли погрѣшено, ибо русскіе около Новограда имѣли свои варницы издревле, потомъ въ Галичѣ и Москвѣ, изъ Галича къ Сольвычегодской, оттуду въ Пермь. А малая Русь, яко и греки, изъ Крыма получали. Что̀ Страленбергъ въ Перми портъ положилъ, то явно совралъ, но были порты Гордорики нынѣ Старая Ладога да Алденбургъ при морѣ, но гдѣ точно никто не знаетъ, а думаю гдѣ были Канцы. О портѣ и торгѣ архангельскомъ Саверій [2]) достаточно показалъ, которая

---

[1]) О немъ будетъ говорено ниже.

[2]) Philemon Louis Savary, авторъ Dictionnaire universel de commerce изд. въ первый разъ въ 1723 году. Въ 1747 г. Академія наукъ издала переводъ Сергѣя Волчкова «Экстрактъ Саваріева лексикона о коммерціи», въ 4°.

прошлаго года переведена и напечатана, и есть читанія достойна. О новогородскомъ торгу въ Либикѣ Исторія анзеатская такожъ многое показуетъ, чего по нашимъ исторіамъ не находится, что я надѣюся при исправленіи онаго вашего труда пространнѣе показать.

О лексиконѣ историческомъ я всегда подтверждаю, чтобъ къ вамъ хотя по одной книгѣ сослали, и если вашъ курьеръ потребуетъ, то конечно отдадутъ. Если бы вамъ случай былъ самимъ пріѣхать, то бъ вы могли книгъ потребныхъ довольно получить. За тѣмъ пребываю.....

P. S. Еще напоминаю, если не утрачена посланная отъ меня 18 глава о татарѣхъ, опую мнѣ возвратить»....

5-го марта 1750 года: «Я по объявленію вашему сердечно желаю, чтобъ Ивана Ивановича [1]) и васъ здѣсь видѣть, и совѣтую, если бы его не уволили, какъ и не надѣюсь, то вамъ для его и своей пользы не худо бы побывать и новыхъ строеній посмотрѣть и какъ старые гніютъ и валятся.

Абулгаси ханова исторіа получена [2]) и я за оную прежде васъ благодарилъ, но еще послалъ бы къ вамъ Андрея Лызлова Скиоскую [3]) исторію, токмо опасаюсь, чтобы въ пересылкѣ не утратить, а оная къ татарской исторіи много потребна. О посланной отъ меня къ вамъ 18 главѣ изъ русской исторіи я доднесь ни отповѣди не получилъ. Если утрачена, то прошу меня увѣдомить. За тѣмъ пребываю....».

22-го марта 1750 года: «ваше пріятное письмо отъ 10 числа съ приложеніемъ получилъ; въ отвѣтъ же на оное сообщаю: 1) о коммерціи древней въ чемъ ваше сочиненіе недостаточно, то я вамъ прежде внятно показалъ, развѣ то письмо до васъ не дошло. Я для лучшаго вамъ усмотрѣнія нѣкоихъ обстоятельствъ

---

[1]) Неплюевъ, опредѣленный «главнымъ командиромъ оренбургской коммиссіи» въ началѣ 1742 года. «Сочиненія и переводы» іюнь, 1759 года, стр. 501, 502.

[2]) Сочиненіе Абулъ-гази Мухамедъ Багадуръ хана, хивинскаго историка (род. 1605 † 1664 г.), было тогда извѣстно по французскому изданію, сдѣланному съ перевода нѣмецкой рукописи шведа Шёнстрема, въ Брюсселѣ 1726 г., подъ заглавіемъ: «Histoire généalogique des Tatars.

[3]) Первая часть труда Лызлова издана въ 1776 году, а во второй разъ 1787 г., въ трехъ частяхъ.

одну главу при семъ посылаю токмо прошу, оную не утратя, возвратить.

2) О исторіи русской ваше намѣреніе есть презрядное, токмо весьма трудное и такое, что или басни принужденъ за истину принять, или начавъ, оставить, для того-что вамъ многихъ потребныхъ тому извѣстій недостанетъ, не токмо необходимо нуждныхъ иностранныхъ, яко польской, венгерской, шведской и прусской, съ которыми наша древняя исторія много связана, но паче русскихъ разныхъ временъ и по разнымъ мѣстамъ писанныхъ собрать не можете. Вы мнѣ упомянули о манускриптѣ древнемъ, писаннымъ бѣлорусскимъ письмомъ, изъ коего выписку прислали. Я прошу меня обстоятелые увѣдомить, въ которое время онъ конченъ, а по нач(ал)у видно, что сочиненъ въ царство Іоанна Вас. II или послѣ. Въ немъ показуется басня первая о родѣ Августовѣ, другая о Рюрикѣ изъ Прусъ, что вымыслилъ князь Михаилъ Глинскій, дѣдъ царя Іоанна II-го, а Макарій митрополитъ, повѣря сему польскому вралю, за истину принялъ, что уже давно людьми мудрыми за басню принято. Другихъ вракъ въ оной не помнишаю, напр. Ольга шурина Рюрикова, князя урманскаго, именуетъ племянникомъ. Въ порядкѣ великихъ князей болѣе всѣхъ погрѣшностей, ибо по Владимірѣ I-мъ Святополкъ, по немъ Ярославъ, по Ярославѣ Изяславъ, Святославъ II, Всеволодъ I, Святополкъ II, Владиміръ II, Ярополкъ II, Мстиславъ Великій, Всеволодъ II, Изяславъ II, Георгій II, изъ чего вы уразумѣете, какая въ той лѣтописи пророка. Я мню, что оная по Степенной сочинена, гдѣ только родословіе наблюдалось, а исторіи всѣ смѣшаны»....

28-го марта 1750 года: «ваше письмо отъ 20 февраля сейчасъ получилъ, и за увѣдомленіе благодарствую, и въ отвѣтъ сообщаю:

1. О Россѣ въ сынѣхъ Веніаминихъ я имѣю библію острожскую, а московской, не чая такой несогласности, не посмотрѣлъ, да хотя и есть оное, въ доводъ о Россіи не касается.

2. О коммерціи я послалъ князю Борису Юсупову, который великую къ тому охоту имѣетъ... Стрыковскаго Исторію на польскомъ я имѣю, и можно сказать, что она болѣе о Руси и Литвѣ сочинена, но какъ онъ былъ поета, такъ часто далеко отъ

порядка и правости отдалялся. Онъ сказываетъ, что имѣлъ 15 разныхъ русскихъ историй, однакожъ у него многое весьма нуждное пропущено, а невѣроятное внесено, хотя онъ русскихъ исторіи лучше польскихъ и старѣе почитаетъ.

Геродотъ о пенькѣ сказуетъ, что много родится и лучшая, а чтобъ тѣмъ въ Греки торговали, не нахожу, хотя то быть могло. Тѣ, которые особливо торгъ въ Грецію сихъ странъ описывали, товары знаемы кладутъ: кожи звѣрей и скотовъ, медъ, бобровая струя, воскъ, а болѣе не нахожу; но они подъ именемъ Индіи и Серики иногда разумѣли болгаръ и хвалисовъ, отъ которыхъ получали парчи и шолкъ, какъ вы въ посланной главѣ 16 и 17 усмотрите. Геродотъ о множествѣ орѣховъ и масла у болгаръ сказуетъ, именуя дерево понтикумъ, какъ я въ гл. 12 изъяснилъ, но оное они для себя употребляли, какъ и нынѣ въ казанской губерніи орѣхами изобильно.

О исторіи, которую вы отъ пріятеля получили мню сочиненія князя Глинскаго, который басню о Августовѣ отродіи изъ Литвы принесши Рюрика изъ Прусъ произвелъ, что въ главѣ 32, посланной къ вамъ, усмотрите, и сія басня у насъ давно опровергнута, какъ я вамъ и прежде писалъ»....

P. S. «Я удивился, что насторъ о кораблѣ соломоновѣ мнитъ; оному строену быть на Чермномъ мори 3 цар. гл. 10, чему Іосифъ Флавій согласуетъ; но Калметъ [1]) или паче Байль доводно отвергаетъ, что оное бы было египетской власти, гдѣ Соломонъ никакого участія не имѣлъ и, какъ малой владѣтель, сильному египетскому противно учинить не могъ. А жиды, прославляя себя, писали, что въ голову пришло, какъ у насъ враль слагатель Синопсиса многія безпутства внесъ, напримѣръ: въ Мамаевѣ битвѣ не было русскихъ войскъ въ собраніи съ Литвою болѣе 42.000, а татаръ 30.000, побитыхъ татаръ мильонъ 200.000, русскихъ 253.000, чего никогда въ Руси не бывало и собрать не можно. Явная ложь, что въ Новѣградѣ посадникъ былъ одинъ, развѣ по нуждѣ въ войскѣ другой, а побито ихъ 30. Умѣли бо есмы выдумать грамоту Александрову и проч.!»

---

[1]) Augustin Calmet авторъ Commentaire sur tous les livres de l'Ancien et du Nouveau Testament, 1707 — 1716; Dictionnaire historique et critique de la Bible, 1722—1728 etc.

На это письмо Рычковъ отвѣчалъ изъ Оренбурга 5-го мая 1759 года слѣдующимъ длиннымъ посланіемъ:

«Милостивый государь мой и отецъ Василій Никитичъ.

«Вашего превосходительства милостивое писаніе отъ 22 числа марта я, со всеподлжнымъ почтеніемъ, получилъ. За которое, купно же и за премногія милости, которыя продолжать и умножать ко мнѣ изволите, нижайшее благодареніе приношу и при томъ доношу:

«Разсмотрѣніе на сочиненіе мое о коммерціи я уже получилъ, по которому, ежели время допустигъ, намѣренъ еще письмо написать и въ томъ неисправности онаго, по наставленію вашего превосходительства, поправить и недостатки пополнить. Я же, по написаніи онаго (2-го №), еще касающагося до сей матеріи нѣсколько собралъ. Къ тому жъ конректоръ Аничъ (который находится въ Москвѣ при школѣ новой лютерской кирки) прислалъ ко мнѣ на то свои ремарки, въ которыхъ достойное ко внесенію есть, то я не премину изъ онаго надлежащее внесть и, прежде приступа къ настоящему о коммерціи разсмотрѣнію, елико мнѣ можно, потщуся сію матерію повывесть. Мнѣ разсудилось сіе дѣло труда достойнымъ наипаче по тому, что объономъ у насъ едва кто писывалъ ли, толь наипаче, что любопытныя вашего превосходительства собранія, которыми меня наградить изволили и еще жалуете, наипаче всѣхъ у меня имѣющихся книгъ способствуютъ. Какъ скоро оное письмо (№ 3) сочиню, то я къ вашему превосходительству въ милостивое разсмотрѣніе немедленно сообщу. Помянутыхъ же присланныхъ ко мнѣ ремарковъ, тако жъ и съ письма онаго конректора и какую я къ нему при письмѣ послалъ нынѣ записку, съ того прилагаю копіи.

2. Оный же конректоръ прислалъ ко мнѣ атласъ, въ нѣсколькихъ картахъ состоящій, тому какъ о свѣтѣ издревле разумѣли, Онъ кажется весьма не худъ и достоинъ смотрѣнія. При которомъ на всякую карту довольно пространное описаніе на латинскомъ языкѣ (тутъ же приложилъ). Отъ него жъ при томъ же получилъ я еще карту, г. профессоромъ Беєромъ изъ исторіи Геродотовой учиненную; но сія, надѣюсь, у вашего превосходительства есть. Я стараюсь изъ того атласа о скиѳахъ и прочее, къ нашей исторіи надлежащее, на нѣмецкій, а потомъ въ русскій языкъ пере-

вести. О чемъ, ежель достойное явится, впредь вашему превосходительству донесу.

3. Что я въ письмахъ и сочиненіяхъ моихъ иностранныя иногда слова включаю, сіе не отъ чего иного происходитъ, какъ отъ недовольнаго знанія нашихъ, свойственно къ тѣмъ дѣламъ надлежащихъ терминовъ, въ чемъ нижайше прошу милостиваго оставленія. Я никогда безъ крайней нужды такихъ иноязычныхъ словъ не употреблялъ, а впредь буду стараться, чтобъ въ лучшее свѣдѣніе нашихъ придтить и оныхъ, ежель можно, никогда уже не употреблять.

4. Милостивѣйшій государь! я охотно бъ принялся за сочиненіе русской исторіи тѣмъ методомъ, о коемъ напредь сего вашему превосходительству доносилъ, и хотя авторами, требующимися къ тому, подлинно недостаточенъ, но въ тѣхъ манускриптахъ, которыми ваше превосходительство, по отческой своей милости, снабдить меня изволили, уповаю бо́льшая часть нужнѣйшихъ обстоятельствъ есть. Ежель похочетъ кто разсматривать Пуффендорфову шведскую гисторію, или Любнегновы вопросы о политической гисторіи, то и въ нихъ, елико до древности надлежитъ, также многія неясности и несовершенства, что́ въ нашей тѣмъ паче незазорно есть. Довольно, когда токмо методъ какбыне апробуется, ибо уже къ начатому и не перемѣняя формы, дополнки чинить не трудно. У меня нынѣ три лѣтописца: 1) тотъ, о которомъ я прежде вашему превосходительству доносилъ, содержащій въ себѣ сперва греческую исторію, въ кою отъ временъ царя Константина Брадатаго нѣкоторыя славенскія, а паче болгарскія дѣянія внощены, и продолженъ до 1531 году. О древности онаго болѣе не могу донесть какъ сіе, что на послѣднемъ листу есть тутъ украинскаго письма разныя записки, въ которыхъ упоминаются годы 1629, 1634 и 1657. 2) Такого жъ письма получилъ я недавно чрезъ великую просьбу отъ одного, здѣсь находящагося офицера. Онъ тотъ же, что и вышеписанной, токмо въ первомъ находится сокращеніе къ русской исторіи, кое я прежде къ вашему превосходительству послалъ, а въ семъ нѣтъ, и сербская исторія въ немъ нѣсколько сокращена; токмо сей предпочитаю первому для того, яко онъ подписанъ на первомъ листу хорошимъ письмомъ тако: «Петръ Могила, архіепи-

скопъ метрополи кіевской, рукою власною», и кажется нѣтъ сумнѣнія, что та рука сего въ литеральной нашей гисторіи толь знатнаго прелата. 3) Получилъ я отъ заводчика Осокина съ великимъ трудомъ, а онъ досталъ его изъ раскольническихъ рукъ; писанъ уставомъ на лощеной бумагѣ съ юсами. По штилю и по письму можно мнить, что онъ въ древности первымъ двумъ не уступаетъ, а кажется и старѣе. На первыхъ листахъ есть на немъ подпись русскимъ полууставнымъ, но плоховатымъ письмомъ тако: «архіепископъ Ѳеодосій великаго Новгорода и Пскова». Онъ сначала сходенъ со обоими вышеписанными, но въ послѣднихъ вѣкахъ россійская гисторія въ немъ гораздо обстоятельнѣе[1]). Я какъ на второй и на сей, а къ тому и на синопсисъ кіевской печати (токмо изъ онаго послѣдніе листы у меня утрачены), на страстной недѣлѣ упразднившись отъ канцелярскихъ дѣлъ, сочинилъ реестры по наставленію вашего превосходительства, за которое нижайше благодарствую. Со оныхъ реестровъ, такожъ и со оглавленія, при третьемъ имѣющагося, для познанія вашему превосходительству тѣхъ книгъ, а притомъ уже и на синопсисъ съ сдѣланнаго, осмѣлился при семъ приложить копіи, но въ томъ милостиваго оставленія прошу, что оные реестры не чисто переписаны, ибо на бѣло написанные вклеилъ я въ тѣ книги. Ваше превосходительство изъ оныхъ реестровъ изволите усмотрѣть достоинство тѣхъ книгъ, о чемъ увѣдомленія буду ожидать. Я еще обнадеженъ получить лѣтописецъ Несторовъ, ежель не солгутъ мнѣ тѣ люди, которые меня присылкою онаго увѣрили. Къ тому жъ въ нѣмецкую провинцію къ пріятелямъ писалъ, чтобъ ихъ, у тамошнихъ раскольниковъ развѣдывая, доставать постарались, и когда получу, то на каждой учиня реестры по предназначенному, вашему превосходительству увѣдомить не премину.

5. Сколько главъ имѣю я изъ гисторіи вашего превосходительства и чего не достаетъ, тому при семъ прилагаю роспись. Полученныя переписавъ и, когда оны вашему превосходительству потребны, долженствую возвратить. Я не только всякой вашего превосходительства манускриптъ, какъ бы черно онъ ни написанъ,

[1]) Объ этихъ двухъ спискахъ лѣтописей Рычковъ упоминаетъ и дѣлаетъ изъ нихъ выписки въ своемъ «Введеніи къ Астраханской топографіи», М. 1774 г., стр. 6, 7.

но и тѣ письма, гдѣ токмо поправленія рукою вашего превосходительства приписанныя есть, между моими книгами за сокровище имѣю; но когда оныя главы вашему превосходительству надобны, то я ихъ всѣ, переписавъ, съ вѣрною оказіею къ вашему превосходительству отошлю. Между тѣмъ же рабски прошу остальными главами, въ знакъ вашей отческой ко мнѣ милости, меня наградить. Какъ оныя, такъ и всѣ тѣ, кои ваше превосходительство мнѣ уже пожаловали и еще отечески жаловать обѣщать изволите, въ рукахъ моихъ тунѣ и безплодно не останутся, токмо дай Боже, дабы я чрезъ отеческія ваши милости въ такое состояніе былъ приведенъ, чтобъ въ сихъ дѣлахъ съ лучшемъ способомъ и беззазорно простиратьея могъ не для меня, но для пользы любезнаго отечества. А 18 главу я уже давно къ вашему превосходительству послалъ, но нынѣ въ запасъ вторично посылаю.»

6. «Впрочемъ, что до исполненія надлежитъ сего вашего превосходительства приказу, дабы мнѣ, разсмотря вашего превосходительства сочиненія, донести, какія гдѣ дополненіе или изъясненіе надлежитъ, сіе дѣло выше моей мѣры и свѣдѣнія, да и не чаю, чтобъ кто съ резономъ могъ какую либо критику на оную учинить, развѣ тѣхъ обстоятельствъ, которыя въ настоящія политическія дѣла имѣютъ свое втеченіе, напримѣръ, проповѣдь св. апостола Андрея и другія тому подобныя окрестности, а паче въ томъ, что отчасти къ церковной исторіи касается, купно же и въ штатскихъ дѣлахъ имѣя полное свѣдѣніе, сами все то совершенно предусмотрѣть изволите, чего я выяснить не въ состояніи. Да и сіе дерзнулъ означить не иначе, какъ въ надеждѣ вашего превосходительства отеческой ко мнѣ милости, которой я подвергаюсь.»

7. Бухарскихъ семянъ, въ томъ числѣ хлопчатой бумаги и дынныя, досталъ я отъ Абдула Сеитова, которые при семъ до васъ, милостивѣйшаго государя, посылаю. А книгу персидскую перевести здѣшній ахунъ хотя и можетъ, токмо на татарскій языкъ, а со онаго уже толмачи и подьячіе могутъ перевесть на русской, и штиль развѣ мнѣ поправлять, ибо здѣсь чистоту онаго знающихъ нѣтъ. Къ томужъ потребно вѣдать, какой матеріи та книга и коль великая. По причинѣ сего разсудилъ я писать и себя рекомендовать къ господину Шумахеру, къ которому при семъ

два письма включаю: одно русское, а другое нѣмецкое. Ежель изволите признать сіе за непротивно, то нижайше прошу при милостивой вашей рекомендаціи оба оныя къ нему отправить. А буде негодятся или ненадобны, то ихъ уничтожить. На конецъ сего, все должное мое благодареніе приношу за исторической лексиконъ, который я при письмѣ служителя вашего Ташлыкова въ апрѣлѣ исправно получилъ. За всѣмъ же тѣмъ рабски прошу содержать меня въ отеческихъ вашихъ милостяхъ неотмѣнно, которымъ подвергаюсь и желая вашему превосходительству всецѣлаго здравія съ самопожелаемыми благополучіями есмь и до конца жизни моей пребуду

вашего превосходительства
милостивѣйшаго государя моего и отца
всепокорнѣйшій слуга
Петръ Рычковъ.

P. S. «Нижайше прошу не прогнѣваться на меня, что сіе моею рукою не писалъ за многими сустами при отправленіи почты. Его превосходительство Иванъ Ивановичь[1]) самъ къ вамъ, милостивѣйшему государю, писать обѣщалъ какъ на писаніе ваше, такъ и за поклонъ, которой отъ меня его превосходительству, по приказанію вашему, объявленъ»[2]).

Татищевъ еще въ 1741 году старался расположить въ пользу Рычкова совѣтника Академіи наукъ Шумахера и для того посылалъ къ нему списки съ писемъ и статей бывшаго своего подчиненнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы Академія наградила усердіе Рычкова серебряною медалью: «онъ самъ будетъ прилежать чимъ долѣе служить, и другіе тому поревнуются».... И другой разъ: «еще къ вамъ, моему государю, напоминаю, не возможно ли ему отъ Академіи хотя небогатой, но видной подарокъ послать»....[3]).

Въ 1744 г., Рычковъ составилъ для правительственныхъ

---

[1]) Неплюевъ, о которомъ упоминалось уже въ письмахъ Татищева.

[2]) Входящія письма 1750—1751 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

[3]) Письма Татищева къ Шумахеру 11 марта и 27 августа 1741 года, во Входящихъ письмахъ 1740—1743 гг., въ архивѣ академической конференціи.

цѣлей подробное описаніе г. Оренбурга, которое впослѣдствіи послужило основаніемъ послѣдующихъ его трудовъ объ оренбургскомъ краѣ[1]). Татищевъ спрашивалъ въ 1747 г. Шумахера, есть ли въ Академіи этотъ трудъ и обѣщалъ доставить съ своими «дополнками и изъясненіями»[2]). Когда же Татищевъ получилъ отъ Рычкова его извѣстіе о татарахъ, то сталъ просить Шумахера, чтобы онъ похлопоталъ для автора званіе совѣтника или почетнаго члена Академіи наукъ. Извѣстіе о татарахъ (оно, какъ будетъ сказано ниже, уцѣлѣло въ рукописи до нынѣ) было далеко не такое произведеніе, за которое можно бы было избрать Рычкова въ члены ученаго общества, а потому Шумахеръ, по своей обычной увертливости, не высказывая этого прямо, совѣтовалъ только Рычкову самому обратиться къ президенту Академіи наукъ, графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, или же къ Теплову, бывшему въ большой довѣренности у него: «послѣдній, писалъ онъ 9 апрѣля 1750 г., всегда около г. президента и имѣетъ наилучшій способъ представлять о подобныхъ вещахъ его сіятельству»...[3]). Между тѣмъ Шумахеръ спрашивалъ Татищева, не знаетъ ли онъ кого нибудь, кто бы взялся перевести на русскій языкъ какую-то персидскую исторію? Когда о томъ узналъ Рычковъ, то писалъ уже прямо къ Шумахеру, что переводчика можно найти и что онъ къ тому предлагаетъ свои услуги[4]).

Письмо Рычкова Татищевъ послалъ 30 мая 1750 года къ Шумахеру и въ тоже время писалъ къ нему:

«Хотя я прежде вамъ неоднократно писалъ о г. Рычковѣ, чтобъ учинить его почтенымъ (sic) членомъ, но вашъ отвѣтъ я тогда не могъ ему сообщить.... Я хотя разумѣю что г. профессоръ Миллеръ, какъ человѣкъ преученый, и многимъ читаніемъ

---

1) Оно хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ киргизъ-кайсацкихъ дѣлахъ 1744 г. № 5. См. «В. Н. Татищевъ и его время» г. Н. Попова (М. 1861 г.), стр. 553.

2) Письмо Татищева 23 декабря 1747 г. во Входящихъ письмахъ 1744—1747 годовъ архива академической конференціи.

3) Исходящія письма 1749 — 1751 годовъ въ архивѣ академической конференціи.

4) Письма Рычкова одно на русскомъ, другое на нѣмецкомъ языкахъ, оба отъ 5 мая 1750 г., въ архивѣ академической конференціи во Входящихъ письмахъ 1750—1751 годовъ.

преисполнился, памятью и разсужденіемъ преодаренъ, однакожъ неудобно въ древней исторіи все одному изслѣдовать для того, если бы сей Рычковъ, яко великій къ тому охотникъ и способъ имѣетъ, много бы могъ послужить, если бы членомъ былъ удостоенъ. Для котораго я въ запасъ письмо г. ассесору Теплову положилъ; если разсудите, что оное можетъ быть дѣйствительно, прошу ему съ вашею рекомендаціею вручить»....[1]). Шумахеръ снова отвѣчалъ, 30 іюля 1750 г., что онъ не добился отъ Теплова никакого рѣшенія о Рычковѣ, а потому и остается въ невѣдѣніи по этому предмету[2]). Письмо Шумахера не застало въ живыхъ Татищева: онъ умеръ 15 іюля 1750 года.

Что касается до сочиненія Рычкова о татарахъ, то оно дошло до Академіи только 3 сентября 1750 года и донынѣ хранится въ русскомъ отдѣленіи ея библіотеки[3]), съ такимъ заглавіемъ: «Краткое извѣстіе о татарахъ и о нынѣшнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ татаръ разумѣются. Собрано въ Оренбургѣ изъ книгъ турецкихъ и персидскихъ и по сказкамъ бывалыхъ въ тѣхъ мѣстахъ людей къ разсмотрѣнію при сочиненіи обстоятельнаго о сихъ народахъ описанія»[4]).

«Сіе, говоритъ Рычковъ въ предисловіи, хотя и довольно вѣдомая изъ гисторіи древностей, отъ многихъ искусныхъ людей уже изслѣдованная правда, что называемые татарскіе народы суть сущее отродіе древнихъ скиѳовъ; но что собственно къ имени ихъ принадлежитъ, то есть: когда, отъ кого или отчего началось, какое имѣетъ знаменованіе, и нынѣ оное имя коимъ народамъ свойственно есть, сіе (какъ мнѣ мнится) по европскимъ гисторіямъ, видя въ нихъ толь много различныхъ сказаній, изъяснить не только трудно, но кажется и едва возможно ль, ибо изъ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Исходящія письма 1749 — 1751 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

[3]) Рычковъ полагалъ, что это сочиненіе его потерялось, потому что 18 января 1762 года писалъ къ Миллеру: «Описаніе о татарахъ, кое я сочинилъ изъ словъ и переводовъ бывшаго въ Оренбургѣ ахуна Ибрагима, въ прошломъ годѣ умершаго, въ пожарной мой случай знатно утратилось, ибо я между собраніемъ тетрадокъ не нашелъ»...

[4]) Рукопись въ листъ, на 41 стр.; на концѣ значится, что сочинена Рычковымъ въ Оренбургѣ 10 апрѣля 1750 года.

всѣхъ вѣдомыхъ мнѣ вояжей, по нынѣшнему состоянію тѣхъ азіатскихъ народовъ, которыхъ мы татарами именуемъ, кажется, что бывшіе въ тѣхъ мѣстахъ европейцы (ежели позволительно сказать) подъ симъ именемъ бо́льшею частію такіе народы описывали, которые сами сего имени никогда не употребляли, увѣрясь токмо сказаніямъ, а иногда и по своимъ разнымъ мнѣніямъ, не бывъ въ тѣхъ сторонахъ и не зная орижена, гдѣ подлинно татарской народъ начался, какъ и куда распространялся. Сіе сумнительство, по моему послѣднему мнѣнію, ничимъ столько изъяснено и истолковано не можетъ быть, какъ прилежнымъ сисканіемъ и неправными переводами древнихъ азіатскихъ гисторій, а паче такими, какія у самихъ тѣхъ народовъ находятся, которыхъ ежель у живущихъ въ Россіи нѣтъ, то изъ Бухаръ и изъ другихъ тамошнихъ землицъ достать не невозможно, что̀ особъ зависитъ отъ мудраго предусмотрѣнія всероссійской императорской Академіи Наукъ, а паче когда по благоизобрѣтенію и соизволенію ея въ здѣшней сторонѣ такіе люди будутъ къ тому употреблены, которые къ гисторіи натуральную склонность и охоту имѣютъ съ свѣдѣніемъ европскихъ языковъ, безъ чего въ сочиненіяхъ оной прямой методъ познать не безъ труда, ибо одинъ переведенной изъ сего роду на европскіе языки Абулгази Багадуръ ханъ, по многимъ окрестностямъ, едва доволенъ-ли всѣ тѣ трудности и потребности изъяснить, которыя у любопытныхъ въ разсужденіи сихъ народовъ происходятъ. Нужность сего изъясненія тѣмъ паче уважается, что не только скиоское, но и татарское имя въ россійскую нашу гисторію имѣетъ нѣкакую инфлюенцію. И хотя я, по волѣ одного моего милостиваго благодѣтеля [1]) и по моей особливой склонности къ гисторіи, съ недавно отправленными изъ Оренбурга до Бухары и далѣе купцами заказалъ, чтобъ, не жалѣя денегъ, о тамошнихъ народахъ историческія книги, хотя бъ онѣ и на арабскомъ языкѣ были, доставить; кои въ заведенной при Оренбургѣ школѣ съ арабскаго на татарской, а съ татарскаго на русской перевести не невозможно; но получу-ль и какъ скоро, того не знаю. Между тѣмъ же имѣя отъ него повелѣніе, чтобъ о сихъ народахъ вѣдомое мнѣ объявить къ тому, еже онъ прежде изо-

---

[1]) Конечно Татищева.

бразилъ, не могъ преминуть, дабы въ разсмотрѣніе не донесть того, что я чрезъ мою не маловременную здѣсь бытность отъ ученыхъ махометанъ слыхалъ и изъ ихъ книгъ чрезъ переводы, такожъ и по званію моему изъ дѣлъ извѣстился»...

О различныхъ названіяхъ татарскихъ народовъ, происхожденіи и первоначальныхъ мѣстахъ ихъ жительства Рычковъ почерпалъ изъ источниковъ, которые описываетъ такъ: «все выписанное не съ словъ, но изъ книгъ собрано, а по большей части изъ печатнаго турецкаго атласа, который по турецки именуется Джиганнаме и учиненъ изъ историческихъ и географическихъ арабскихъ и латинскихъ книгъ географами турецкими Ибрагимомъ и Абубекиромъ, по повелѣнію султана Магомета, употребя притомъ разныя на персидскомъ языкѣ историческія книги и описанія авторовъ Даруиса Батламююса и Фляпуса, которыя здѣсь въ Оренбургѣ у вышепомянутаго ахуна и у переводчика Уразлина находятся».

III.

1751 — 1758 годы.

Поѣздка Рычкова въ Петербургъ съ представленіями о торговлѣ съ Индіею. Значеніе чиновъ въ прошедшемъ столѣтіи. Переводы Рычкова съ нѣмецкаго. Посылка къ Ломоносову въ рукописи «Оренбургской Топографіи». Недоразумѣніе по поводу періодическаго изданія «Ежемѣсячныя сочиненія». Начало переписки съ академикомъ Миллеромъ. Сотрудничество Рычкова въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ».

Послѣ князя Урусова и генералъ-лейтенанта Соймонова, въ 1742 году, начальникомъ Рычкова сдѣлался Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, извѣстный въ исторіи русской литературы какъ авторъ Записокъ, которыя впослѣдствіи напечатаны въ журналѣ Свиньина «Отечественныя Записки». Рычковъ, находясь при Неплюевѣ «безотлучно», не распространяется однако въ автобіографіи своей о служебной дѣятельности: «сколько, гдѣ и при какихъ дѣлахъ былъ я, говоритъ онъ, употребляемъ — сіе описывать оставляю, избѣгая тщеславія. Все сіе по дѣламъ оренбургской коммиссіи, а потомъ губернской канцеляріи останется вѣдо-

мо»... Изъ «Исторіи оренбургской» видно, что въ 1744 году Неплюевъ бралъ Рычкова съ собою въ Москву, и въ эту поѣздку ихъ въ сенатѣ были утверждены разныя предположенія по будущему управленію Оренбургскимъ краемъ. Между прочимъ 15 марта 1744 года учреждена Оренбургская губернія, въ которую первымъ губернаторомъ назначенъ тотъ же Неплюевъ.

Въ 1751 г. Рычковъ былъ отправленъ своимъ начальникомъ въ Петербургъ «съ представленіями объ оренбургской коммерціи и о распространеніи оной въ полуденную Азію даже до Индіи. При сихъ представленіяхъ я жъ, замѣчаетъ Рычковъ въ Запискахъ, былъ употребленъ»....[1]). Въ Петербургѣ, 11 іюля 1751 г., Рычковъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника, о чемъ и упомянуто имъ въ автобіографіи, какъ о событіи чрезвычайной для него важности. Еще въ 1743 году, Неплюевъ ему выхлопоталъ за усердную службу земли въ Оренбургскомъ краѣ, на которыхъ, между прочимъ, онъ и поселилъ

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ спустя, Рычковъ разсказывалъ объ этомъ: «Учрежденная въ Оренбургѣ съ хивинцами и бухарцами и съ другими азіатскими народами коммерція толико пріумножилась, что не упоминая о вывозѣ многаго числа золота и серебра, и самыя дорогія каменья и другіе, изъ Индіи выходящіе товары въ привозѣ быть стали, чимъ твердость и важность полезныхъ намѣреній премудраго и самимъ Богомъ просвѣщеннаго ея (императрицы Елизаветы) родителя самимъ уже дѣломъ объявилась. Приращеніе годъ отъ году толь сильной и для россійскихъ подданныхъ весьма полезной коммерціи оренбургскимъ главнымъ командирамъ, по даннымъ инструкціямъ и указамъ, всегда было предметомъ и побужденіемъ умножать ее посылкою россійскихъ каравановъ въ Хиву и Бухарію и приласканіемъ азіатскихъ купцевъ, дабы чрезъ то отъ времени до времени отворять путь въ Восточную Индію, отводя между тѣмъ киргизъ-кайсацкой народъ отъ обыкновеннаго имъ купеческихъ каравановъ грабительства и склоняя оный разными средствами къ спокойному житію и къ безопасному тѣхъ каравановъ препровожденію»... Съ представленіями по этому предмету Неплюевъ и генералъ-маіоръ Тевкелевъ послали Рычкова. «И хотя на все то (въ сенатѣ и иностранной коллегіи)... благосклонныя опредѣленія учинены; по особливому же той коллегіи разсмотрѣнію его. Рычкова,... для произведенія того въ дѣйство, какъ знающаго всѣ тѣ дѣла и порядки употребить разсуждено; но, по опредѣленію правительствующаго сената, для другихъ резоновъ и нужднѣйшихъ надобностей, онъ, Рычковъ, удержанъ при тайномъ совѣтникѣ Неплюевѣ товарищемъ, а вмѣсто его велѣно было опредѣлить къ тому другаго на томъ же основаніи, какъ объ немъ, Рычковѣ, вышерѣченная коллегія представляла. Однакъ все то, за разными обстоятельствами, продолжалось и понынѣ (1763 г.) осталось безъ исполненія»... См. статью Рычкова: «Мнѣніе о распространеіи оренбургской коммерціи въ дальнѣйшія азіатскія стороны и о средствахъ, къ тому надлежащихъ» при письмѣ къ Миллеру отъ 13 декабря 1763 года, въ Письмахъ къ послѣднему, портфель XXIV въ архивѣ академической конференціи.

деревню, впослѣдствіи село Спасское; но эту награду, какъ легко замѣтить изъ Записокъ Рычкова, онъ считалъ далеко не такъ важною, какъ полученіе на сороковомъ году жизни чина коллежскаго совѣтника. Оставивъ на память своимъ дѣтямъ и докладъ по этому случаю Неплюева и формейный указъ, онъ пишетъ притомъ: «И понеже сіе чрезвычайное, послѣдовавшее мнѣ пожалованіе почитаю я за особливое божеское смотрѣніе и ея величества къ вѣрнымъ подданнымъ за щедрое милосердіе и за великое въ жизни моей благополучіе, то какъ съ онаго о мнѣ отъ его превосходительства представленія (въ коемъ всѣ мои службы сокращенно означены), такъ и съ воспослѣдовавшаго на то имяннаго ея императорскаго величества высочайшаго и всемилостивѣйшаго указу вамъ (т. е. дѣтямъ) для знанія и памяти прилагаю при семъ копію. Я признаюся, что, по слабости человѣческой, не рѣдко случалося мнѣ въ грусть и въ сожалѣніе приходить, разсуждая о моей службѣ и часто видя, что мои сверстники, въ полковой службѣ находящіеся, по одной ихъ линіи и по старшинству чинами меня превосходили и въ благополучіяхъ своихъ предуспѣвали; но по той воспослѣдовавшей со мною божеской и монаршей милости остается вамъ собственной и домашній примѣръ, какъ Богъ трудящихся призираетъ и склоняетъ монаршескія сердца къ милосердію и награжденію оныхъ. Совѣтую и подтверждаю вамъ: ввѣренныя вамъ дѣла (не смотря на то, что другіе съ меньшимъ трудомъ и достоинствомъ васъ чинами превосходятъ), по присяжной вашей должности, не ослабѣвая, но тщательно и трудолюбиво во всѣхъ случаяхъ съ неизмѣнною надеждою божеской и монаршеской милости наблюдать и исполнять и простую нашу пословицу: за Богомъ молитва, а за государемъ служба никогда не пропадаетъ, — за достовѣрную въ памяти имѣть и вѣрить словамъ премудраго Сираха: царево сердцѣ въ руцѣ божіи. Я вамъ сіе за правило и наставленіе предаю и еще подтверждаю: несмотря ни на какія затрудненія и помѣшательства, въ должностяхъ вашихъ прилежность умножать и трудъ къ трудамъ прилагать, крѣпко надѣяся о событіи оной пословицы, которая на мнѣ, отцѣ вашемъ, самымъ дѣломъ исполнилась!»....

Рычковъ отмѣтилъ также въ автобіографіи, что въ тогдашнее пребываніе его въ Петербургѣ графъ Алексѣй Петровичъ

Бестужевъ-Рюминъ, всѣ сенаторы и въ особенности помянутый въ предыдущей главѣ (стр. 11) князь Михаилъ Бѣлосельскій принимали его очень милостиво. Впрочемъ, служебные хлопоты и чинолюбіе не помѣшали Рычкову удѣлять досуги и на дѣла, не похожія на канцелярскія. Въ ожиданіи отъѣзда въ Оренбургъ, онъ, по его словамъ въ Запискахъ, «увидѣлъ въ академической книжной палатѣ одно нравоучительное письмо, съ греческаго на германскій языкъ переведенное. Оно хотя отъ язычника и прежде Рождества Христова лѣтъ за 300 отъ оратора Сократа къ Демонику (сыну его друга Гиппоника) писано, но, просмотрѣвши, нашелъ въ немъ много общихъ и такихъ правилъ, которыя я,... не читавши еще письма того, въ мысляхъ воображалъ»... Поэтому Рычковъ купилъ письмо и въ Петербургѣ же перевелъ его, исключивъ послѣ изъ него все то, что по его мнѣнію казалось излишнимъ для русскаго читателя.

Нѣтъ сомнѣнія, что тогда же Рычковъ познакомился и съ Ломоносовымъ, который въ то время уже пользовался, какъ писатель, огромною извѣстностью. Въ 1755 году Рычковымъ была окончена первая часть главнѣйшаго изъ его трудовъ «Оренбургская топографія», и онъ поспѣшилъ отправить ее въ рукописи къ Ломоновову (2 февраля, 1755 года). Напоминая въ письмѣ о благосклонности, которую Ломоносовъ выказывалъ ему во время пребыванія его въ Петербургѣ, Рычковъ просилъ разсмотрѣть его трудъ, исправить погрѣшности и, наконецъ, представить Академіи Наукъ[1]). 1-го іюня 1755 года, онъ препроводилъ «Оренбургскую Топографію» прямо отъ себя въ Академію, при чемъ писалъ, что въ предисловіи къ изданному ею 1745 года Атласѣ россійской имперіи приглашались любители географіи содѣйствовать ученому обществу къ усовершенствованію и исправленію картъ Россіи, и что именно по этому онъ приступилъ, по правиламъ, изложеннымъ въ томъ же предисловіи, къ составленію спеціальныхъ картъ оренбургскаго края, а для объясненія ихъ написалъ «Оренбургскую Топографію»[2]).

Карты и сочиненіе Рычкова разсматривались въ академической конференціи 31 іюля и 2 августа 1755 года. Въ оба раза

[1]) Записки Академіи Наукъ 1865 г., т. VIII, прил. № 7, стр. 68, 69.
[2]) Архивъ академической канцеляріи, книга, іюль 1755 г. за № 201.

присутствовалъ Ломоносовъ, и собраніе одобрило къ изданію труды Рычкова[1]). Впослѣдствіи времени онъ разсказывалъ: «Михайло Васильевичъ Ломоносовъ персонально меня знаетъ. Онъ получа первую часть моей «Топографіи», письмомъ своимъ весьма ее расхвалилъ; далъ мнѣ знать, что она отъ всего академическаго собранія апробована; писалъ, что пріятели и непріятели (употребляю точныя его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырѣзать на мѣди»...[2]).

Между тѣмъ, еще въ 1751 году при Академіи Наукъ списано было начало статьи Рычкова (но безъ указанія его имени): «Разговоры о коммерціи», той самой, о недостаточности которой писалъ Татищевъ автору въ февралѣ 1750 года (см. выше стр. 19). Рукопись до 1755 года лежала въ Академіи безъ употребленія, а въ этомъ году академикъ Миллеръ, начавъ издавать «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія», въ февральскомъ и апрѣльскомъ нумерахъ журнала помѣстилъ статью Рычкова, подъ заглавіемъ «Переписка между двумя пріятелями о коммерціи»[3]) и подписалъ подъ нею, вмѣсто имени сочинителя, буквы N. N. Въ концѣ выражена была надежда издателя, что авторъ «не оставитъ продолжать свои разсужденія, которыя ожидать мы будемъ тѣмъ нетерпѣливѣе, чѣмъ больше надѣемся внесеніемъ оныхъ въ сіи наши сочиненія показать любопытствующимъ въ дѣлахъ, до коммерціи касающихся, пріятную услугу». Прочитавъ это, Рычковъ 3 мая 1755 года поспѣшилъ довести до свѣдѣнія Академіи, что авторъ Письма о коммерціи — онъ: «и хотя я не свѣдомъ, какъ и чрезъ кого то мое письмо императорской Академіи Наукъ сообщено, но по благосклонному ея разсмотрѣнію, увидѣлъ его въ печать изданное, не мало тѣмъ обрадованъ»[4]). Рычковъ прислалъ тогда и потомъ 28 іюня тог же года продолженія статьи. При этомъ ему вообразилось, что издателемъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій и переводовъ» не можетъ быть кто нибудь другой кромѣ его петербургскаго знакомца —

[1]) Протоколы акадамической канцеляріи 1754—1757 годовъ.

[2]) Письмо къ Миллеру 17-го мая 1760 г., въ Запискахъ Академіи Наукъ 1865 года, т. VIII, прил. № 7, стр. 68, 69.

[3]) Ежемѣсячныя сочиненія 1755 г. стр. 105—122, 307—338.

[4]) Архивъ академической канцеляріи, книга іюль 1755 г., № 201.

Ломоносова, такъ благосклонно отозвавшагося объ «Оренбургской топографіи». Вслѣдствіе того онъ послалъ прямо къ нему третье письмо о коммерціи, вмѣстѣ съ замѣчаніями касательно исправленія русскаго атласа. Это недоразумѣніе провинціала возбудило неудовольствіе Ломоносова. Извѣстно изъ обнародованныхъ въ послѣднее время матеріаловъ, что онъ, по неріязни къ Миллеру, съ самой первой книжки академическаго журнала, враждебно относился къ нему и старался затруднять изданіе его всѣми зависящими способами. Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру, разсказываетъ самъ, какъ принялъ Ломоносовъ его послѣднее письмо: «онъ отозвался ко мнѣ, оказывая свое неудовольствіе объ этихъ книжкахъ (т. е. Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ) и что оныя мои пьесы подлежатъ нѣкоторой критики (хотя я ихъ, да и всѣ мои сочиненія дѣлалъ не ради того, чтобъ имъ въ печати быть, но для разсмотрѣнія отъ искуснѣйшихъ); совѣтовалъ мнѣ трудиться и его увѣдомлять о принадлежащемъ къ исторіи натуральной. Съ того времени прекратилъ я мою съ нимъ переписку. Я примѣтилъ, что онъ мѣсячныя изданія порочилъ напрасно, а отъ меня требовалъ того, что мнѣ, по незнанію моему, исполнить было трудно. Не сіе-ль приводитъ его въ движеніе, когда мое имя упоминается, но можетъ быть я и ошибаюсь?»...[1]).

Продолженіе «Писемъ о коммерціи» напечатано Миллеромъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», декабрской книжкѣ 1755 года (стр. 493 — 515). Въ первомъ разсказывается о торговлѣ по свидѣтельствамъ въ книгахъ Св. Писанія и древнихъ писателей, а потомъ слѣдуетъ весьма поверхностный историческій очеркъ русской торговли. Въ четвертомъ, послѣднемъ письмѣ сообщены, по словамъ Рычкова «тѣ мои примѣчанія, которыя я, по моей въ купеческихъ дѣлахъ небольшой практикѣ, всегда признавалъ за важныя»... Здѣсь есть свѣдѣнія, полезныя и для нашего времени, такъ какъ они даютъ понятіе о потребностяхъ и нуждахъ въ дѣлѣ русской торговли болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ до насъ. Помѣщенное въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1757 года[2]) «Про-

[1]) Записки Академіи Наукъ, 1865 г., т. VIII, прил. № 7, стр. 71. Отвѣтъ Рычкова Ломоносову (26 августа 1755 г.) напечатанъ въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова» г. Билярскаго, стр. 299.

[2]) Январь, стр. 50—60.

доложеніе переписки о коммерціи» написано уже самимъ Миллеромъ, чтобы подбить, какъ онъ говорилъ, Рычкова на дальнѣйшую присылку статей о торговлѣ. Въ томъ же журналѣ [1]) Миллеръ напечаталъ «Предложеніе, какъ исправить погрѣшности, находящіяся въ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о россійскомъ государствѣ», гдѣ говорится, что для русскихъ уже наступило время, когда имъ надобно своими сочиненіями опровергнуть всѣ ошибки и невѣрности иностранныхъ писателей о Россіи и что прежде всего необходимо составить покрайней мѣрѣ краткія русскія исторію и географію. «Но къ сему дѣлу требуется много времени и едва остается надежда, чтобъ обстоятельная исторія и достаточное описаніе Россіи могли когда на свѣтъ быть изданы, развѣ во всякой губерніи будетъ человѣкъ искусствомъ и прилежаніемъ подобный г. совѣтнику Рычкову въ оренбургской губерніи, который въ прошедшемъ году прислалъ въ Академію Наукъ описаніе помянутой губерніи съ превврядными ландкартами»...

Для привлеченія Рычкова къ сотрудничеству въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», Миллеръ не ограничился одпѣми печатными похвалами, но вступилъ съ нимъ въ переписку. Въ написанномъ по русски 28 іюля 1757 года письмѣ (послѣ Миллеръ писалъ къ Рычкову по нѣмецки), исторіографъ просилъ о доставленіи подробностей о торговлѣ въ Оренбургѣ, Астрахани и Темерниковѣ по образцу составленнаго имъ описанія о сибирскихъ торгахъ.

«Я бы желалъ, писалъ при томъ Миллеръ, чтобъ ваше высокородіе описали особливо оренбургскую коммерцію по всѣмъ ея обстоятельствамъ, взявъ въ примѣръ мое описаніе [2]) о сибирскихъ торгахъ, а буде во извѣстіяхъ не появится недостатокъ, то и астраханскую и темерниковскую. Нѣкоторый мой пріятель у города Архангельскаго обѣщалъ описать архангелогородскую, а другимъ надобно описать украинскую, бѣлогородскую, и малороссійскую, смоленскую, рижскую, ревельскую, выборгскую и тѣмъ

---

[1]) 1757, мартъ, стр. 124.

[2]) Бантышъ Каменскій, въ «Словарѣ достоп. людей», СПБ. 1847 г., III, стр. 279, несправедливо приписалъ это сочиненіе Ѳ. И. Соймонову. Ошибка въ «Словарѣ» перешла потомъ въ «Пермскій сборникъ» (Москва, 1860 г.), въ приложеніи ко 2-й книжкѣ, стр. III, IV.

подобныя части коммерціи, не упоминая о санктпетербургской, понеже я оную, получивъ свободное время, самъ для себя оставляю. Такимъ образомъ можно будетъ со временемъ собрать полное описаніе коммерціи всея россійскія имперіи, яко дѣло не маловажное, въ чемъ мы имѣли по сіе время недостатокъ. Я не могу также оставить, чтобъ васъ не просить о сообщеніи второй части Оренбургской вашей Топографіи. Первая часть давно всѣмъ академическимъ собраніемъ апробована, чтобъ напечатать, а карты — вырѣзать на мѣди; токмо за многими другими дѣлами оное еще не учинено. Вы изволите вѣдать по Росписи губерніямъ, что я употребилъ въ пользу нѣкоторыя, въ первой части находящіяся извѣстія [1]). Ежели вы найдете сверхъ того что̀ къ прибавленію и поправленію, то прошу мнѣ оное сообщить, а я къ вамъ посылаю при семъ описаніе о торгахъ и роспись губерніямъ, въ особливыхъ книгахъ напечатанныя для лучшей способности при употребленіи оныхъ»... [2]).

Рычковъ былъ чрезвычайно доволенъ и предложеніями и тѣмъ, что Миллеръ печатно отозвался съ похвалою о немъ. Послѣ благодареній за то, въ письмѣ 6 сентября 1757 г. онъ писалъ къ нему:

«О коммерціи оренбургской въ Топографіи моей кратко отъ меня уже упомянуто, но когда потребно обстоятельнѣйшее, то сіе сочиненіе большаго труда не сдѣлаетъ, потому что на тотъ торгъ, который въ Оренбургѣ съ азіатскими народами на подобіе ярмарки производится, въ оренбургской губернской канцеляріи установленныя отъ меня по алфабету подробныя вѣдомости есть. А и провинціальные торги описать не трудно, что̀ я намѣрялся внесть во вторую часть моей Топографіи. Можетъ быть, что въ состояніи буду я астраханскую коммерцію такъ, какъ вы желаете, описать; но ко описанію темерниковской, по ея новости и отдале-

---

[1]) «Роспись губерніямъ, провинціямъ, городамъ, крѣпостямъ и другимъ достопамятнымъ мѣстамъ, въ россійской имперіи находящимся» помѣщалась въ академическихъ календаряхъ, а потомъ съ поправками перепечатана въ первыхъ книжкахъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» 1757 года.

[2]) II портфель Писемъ Миллера къ разнымъ особамъ 1757—1759 годовъ въ архивѣ академической конференціи.

нію, никакого способу у насъ не находится....[1]). Въ надеждѣ оказанной ко мнѣ вашей благосклонности, осмѣлился я нынѣ на ваше разсмотрѣніе послать одну пьесу о деревенскомъ житьѣ. Не годится-ль она съ дополненіемъ и поправленіемъ вашимъ въ мѣсячныя сочиненія, безъ употребленія моего имени? Я ее, какъ вы сами изволите усмотрѣть, по большей части собралъ изъ книги г. фонъ-Рора, названной Haushaltungs-Bibliotheck, употребляя на то въ здѣшнемъ деревенскомъ житьѣ свободные часы[2]. Еще другую, такую жъ пьесу о земледѣліи такъ какъ оно въ здѣшнихъ мѣстахъ производится, надѣюсь вскорѣ окончить, которую въ свое время до васъ же отправлю; а затѣмъ и о другихъ частяхъ экономическихъ, ежель время допуститъ, намѣренъ вѣдомое мнѣ писать и, буде дозволите, къ вамъ же на разсмотрѣніе сообщать; ибо я за самое нужное и полезное дѣло почитаю, чтобъ оное такъ, какъ и коммерція по губерніямъ или провинціямъ, описано было, изъ чего можетъ со временемъ и у насъ собственная экономическая книга составлена быть; вмѣсто того, что понынѣ почти все иностранныя употребляются, въ коихъ съ состояніемъ нашихъ мѣстъ сходственнаго весьма мало находится».

Въ ноябрской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» на 1757 годъ, стр. 405 — 430, посланная Рычковымъ статья напечатана, подъ заглавіемъ «Письмо о упражненіи въ деревенскомъ житіи». Здѣсь, какъ и самъ авторъ ся сознается, сущность заимствована изъ названнаго выше сочиненія Рора. Между прочимъ Рычковъ тамъ прибавилъ отъ себя такое замѣчаніе: «ежели бъ у нашихъ дворянъ къ береженію лѣсовъ и къ содержанію въ нихъ всякаго рода животныхъ такія учрежденія были, какія въ Европѣ дѣлаются, и какъ о томъ въ экономическихъ книгахъ пишутъ, а дворовыхъ людей, коихъ у насъ обыкновенно въ излишествѣ и въ

---

[1]) Въ «Географическомъ лексиконѣ россійскаго государства» Ѳ. Полунина (М. 1773 г.) о Темерниковѣ сказано, что это была казачья станица на лѣвомъ берегу р. Дона отъ Черкасскаго внизъ въ 30-ти верстахъ, при устьѣ рѣчки Темерника. Здѣсь при императрицѣ Елизаветѣ начата постройкою крѣпость св. Дмитрія, а при Екатеринѣ II учреждена таможня для торга съ Турціею. Въ 1765 г. здѣсь было получено таможенныхъ доходовъ съ приходившихъ изъ Константинополя судовъ и съ отпускныхъ за границу товаровъ 43.867 руб. $4^1/_2$ коп. Свѣдѣнія о томъ въ Государств. архивѣ, разрядъ XIX.

[2]) Письмо это Рычковъ писалъ изъ своего села Спасскаго.

праздности не мало бываетъ, и отъ того они часто тунеядцами дѣлаются и въ безпутное житіе впадаютъ, — къ егерству такъ, какъ гдѣ состояніе мѣстъ требуетъ, обучать, то по моему мнѣнію и отъ сего не малая бъ польза послѣдовать могла»...

Рычковъ послалъ также къ Миллеру и переводы свои съ нѣмецкаго: Письмо Сократа къ Демонику, о которомъ уже было говорено (стр. 34), а другое отъ матери къ дочери изъ изданія Der Welt-Bürger. Оба перевода напечатаны въ апрѣльской книжкѣ «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» 1758 г., стр. 326 — 358, безъ обозначенія имени переводчика, какъ онъ самъ о томъ просилъ. Эти переводы Рычковъ въ автобіографіи своей предлагаетъ читать дѣтямъ и подражать ему въ жизни: «хотя, говоритъ онъ, во мнѣ, любезные мои дѣти, такихъ совершенствъ подлинно нѣтъ; добродѣтелью и знаніемъ во многомъ оскудѣваю, однакъ ласкаю себя надеждою, что не всѣ васъ возненавидятъ и не всѣ васъ будутъ охуждать, когда вы въ молодыхъ своихъ лѣтахъ и всегда также себя поведете, какъ я съ молоду жилъ. Да и нынѣшнее мое, вами видимое и понятное уже поведеніе безчестно и безполезно вамъ не будетъ, когда вы также поступать станете»...

IV.

1759 — 1769 годы.

Избраніе Рычкова въ члены корреспонденты Академіи Наукъ. Нерасположеніе Ломоносова. Отставка и жизнь Рычкова въ деревнѣ. Начало автобіографіи. Хлопоты о поступленіи вновь на службу. Представленіе императрицѣ Екатеринѣ II. Возвращеніе на службу въ Оренбургъ.

Выше было уже говорено о ходатайствѣ Татищева, чтобы Рычковъ былъ принятъ въ почетные члены Академіи Наукъ. По вступленіи послѣдняго въ переписку съ Миллеромъ, у него снова явилась надежда достигнуть того, что не удалось сдѣлать для него Татищеву. Въ письмѣ къ Миллеру, безъ года и числа, но очевидно писанномъ въ концѣ 1759 года, Рычковъ такимъ образомъ изъяснялся по этому предмету:

«Государь мой! Вашему высокоблагородію довольно извѣстно, что въ оренбургской губерніи, гдѣ я при дѣлахъ съ 1734 году нахожусь, какъ внутрь оной, такъ и въ смежныхъ къ ней провинціяхъ, т. е. въ Хивѣ, въ Бухаріи, въ Балхѣ и далѣе, весьма много такихъ обстоятельствъ, кои въ разсужденіи всѣхъ частей гисторіи достойны описанія. И хотя я сначала бытности моей тамъ по охотѣ моей, старался и всегда стараюсь, дабы чрезъ посылаемыхъ въ тѣ мѣста, гдѣ что-либо куріозное есть, достовѣрно развѣдывать, а иногда и описывать, какъ то нѣсколько видно изъ первой части Топографіи моей, коя по вашему увѣдомленію, уже и академическимъ собраніемъ апробована; но еще болѣе, уповаю, окажется во второй ея части при подробномъ описаніи тамошнихъ мѣстъ; кою желательно мнѣ въ наступающемъ годѣ вашему жъ высокоблагородію на разсмотрѣніе сообщить. Критика и негодованіе, которымъ новыя дѣла часто подвержены бываютъ, и у насъ въ тѣхъ моихъ стараніяхъ не рѣдко самые лучшіе случаи изъ рукъ у меня отнимаютъ, ибо почитается то иногда за ненадобное, а иногда къ должности моей за непринадлежащее. И такъ я, видя вашу ко мнѣ особливую благосклонность и ласкаясь тѣмъ милостивымъ признаніемъ, кое въ разсужденіе гисторіи обо мнѣ напечатать и тѣмъ въ публику явить уже изволили [1]), осмѣлился нынѣ на ваше разсужденіе то самое сообщить, что желалось мнѣ на словахъ вашему высокоблагородію донести.

«Ежели бъ возможно и непротивно было, стараніемъ и представительствомъ вашимъ въ разсужденіе первой части описанія моего объ оренбургской губерніи (кою толь милостиво принять и апробовать уже соизволили), по силѣ регламента императорской Академіи Наукъ причислить меня за то въ титулярные ея члены для гисторіи и объ ономъ въ оренбургскую губернскую канцелярію дать знать, то тѣмъ не только бъ подались мнѣ лучшіе и удобнѣйшіе способы все то свободно и охотно исполнять, что въ нашей сторонѣ оная Академія признаетъ и меня опредѣлитъ (sic), но и отъ всякаго нареканія и негодованія совершенно бъ уже свободенъ я былъ».

Миллеръ взялся хлопотать объ этомъ и 30 марта 1758 года

---

[1]) См. выше, стр. 37.

представлялъ академической канцеляріи, что Рычковъ — «человѣкъ такой, отъ котораго Академія впредь имѣть можетъ не малую пользу»: онъ обѣщалъ доставлять карты, составлявшіяся при оренбургской губернской канцеляріи, и успѣлъ уже сообщить нѣсколько статей, напечатанныхъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и переводахъ». «Токмо онъ, прибавлялъ Миллеръ, въ награжденіе за сію службу проситъ о опредѣленіи его въ академическіе почетные члены. Того ради канцеляріи Академіи Наукъ представляю: не соблаговолено ли будетъ о томъ учинить опредѣленіе»... Сначала это представленіе имѣло мало успѣха, и Миллеръ писалъ къ Рычкову 30 мая 1758 года: «дѣло о принятіи вашего высокородія почетнымъ членомъ нашей Академіи еще въ прежнемъ состояніи. Его сіятельство г. президентъ обѣщалъ, но примѣра еще такова нѣтъ и не безъ охотниковъ, которые того желаютъ. И больше кажется, что надлежитъ прежде почтить симъ званіемъ нѣкоторыхъ изъ первѣйшихъ господъ здѣшнихъ»...[1]).

Въ ноябрѣ 1758 г. Миллеръ повторилъ свое представленіе уже на имя президента Академіи Наукъ, а 21 января 1759 года академическая канцелярія составила докладъ, подписанный Ломоносовымъ, Таубертомъ и Штелинымъ, въ которомъ послѣ выписки изъ ходатайства Миллера о Рычковѣ, слѣдуетъ: «а по мнѣнію канцеляріи академической кажется, что для важности и славы Академіи Наукъ безъ дальняго разсмотрѣнія въ оную членовъ не принимать, а особливо тѣхъ, кои общаго въ ученомъ свѣтѣ латинскаго языка основательно не знаютъ и главныхъ, ученому человѣку необходимо нужныхъ словесныхъ наукъ, также математики по послѣдней мѣрѣ элемантарной и философіи

---

[1]) Изъ портфеля писемъ истор. Миллера къ разнымъ особамъ 1757—1759 гг. въ архивѣ академической конференціи. Вообще съ 1758 г. у Миллера возникла довольно оживленная и обширная переписка съ Рычковымъ. Первый обыкновенно писалъ по нѣмецки, второй отвѣчалъ по русски и сначала извинялся въ томъ. Такъ напр. 20 августа 1758 г. онъ сообщалъ Миллеру: «я на ваше нѣмецкимъ языкомъ написанное отвѣтствую моимъ природнымъ, да и то не моею рукою. Сему причина съ одну сторону слабость и погрѣшности, которыя я, пишучи по нѣмецки, въ себѣ нахожу, а съ другую настоящая недосужность; но я всегда не только за равное, но еще и за бо̀льшее мое удовольствіе буду почитать, когда вы на мои письма, по русски писанныя, на вашемъ природномъ языкѣ писать изволите, чрезъ что въ лучшемъ штилѣ онаго не мало профитовать надѣюсь»...

не разумѣютъ; но только тѣхъ по разбору въ члены вписывать, которые въ вышепомянутомъ знаніе имѣютъ, а особливо себя показали въ чемъ ученому свѣту. Но ежели кто хотя вышепомянутыхъ знаній, требуемыхъ для надлежащаго члена, не имѣетъ, а можетъ какими записками и извлеченіями служить Академіи, такихъ принимать въ корреспонденты, и для того по примѣру парижской Академіи Наукъ, не соблаговолено ли будетъ учредить классъ корреспондентовъ, которымъ па то давать дипломы». Гр. Разумовскій утвердилъ этотъ докладъ, и академическая канцелярія, 28 января 1759 г., давая знать конференціи объ учрежденіи корреспондентовъ, присовокупила: «а онымъ корреспондентамъ давать дипломы, и начать сіе учрежденіе принятіемъ въ такіе корреспонденты, съ даніемъ дипломы, коллежскаго совѣтника Рычкова [1]).

По полученіи увѣдомленія объ этомъ, Рычковъ нѣсколько разъ усильно просилъ Миллера о скорѣйшей высылкѣ къ нему диплома. Полученіе его отмѣчено въ запискахъ Рычкова между достопамятными событіями въ жизни его 1759 года. Подлинные дипломъ на латинскомъ языкѣ и нѣмецкое письмо о немъ Миллера, сохраняются у потомка Петра Ивановича — Дмитрія Николаевича Рычкова. Переводы съ этихъ бумагъ помѣщены также въ запискахъ. Здѣсь приводится письмо Миллера въ переводѣ на русскій языкъ самого Рычкова.

«Высокоблагородный господинъ совѣтникъ! При семъ получаете вы диплому о принятіи васъ въ число академическихъ корреспондентовъ. Оно служитъ въ доказательство, коимъ образомъ Академія, съ одну сторону уважая заслуги вашего высокоблагородія, которыя вы къ поспѣшествованію наукъ и къ пользѣ отечества уже учинили, а съ другую, сколько желаетъ она впредь имѣть пользы отъ прилежанія и искусства вашего. Вы еще первые въ Россіи, которому отъ нея сія честь отдается. Оную получаете вы не чрезъ исканіе ваше, ниже по представленію вашихъ друзей, ибо вы сами персонально Академіи незнаемы, но свѣдомы единственно по вашимъ письмамъ, которыя вы, для распространенія наукъ и для споспѣшествованія общей пользы, со-

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, кн. № 239.

чинили, такожъ и чрезъ вашу, бывшую со мной корреспонденцію, чрезъ которую Академія различными образы пользы свои имѣла. Сіи обстоятельства изъявляютъ нынѣ сущее достоинство тоя дипломы. Теперь зависитъ отъ вашего высокоблагородія ту надежду, которая Академія на васъ имѣетъ, отъ времени до времени наиболѣе возращать. Впрочемъ, ежель что есть и Академія найдется въ состояніи что либо въ угодность вашу учинить, то какъ его сіятельство г. президентъ, такъ и все наше собраніе и каждый членъ онаго почтутъ то за свое удовольствіе. Я же и пр.

Говоря о Рычковѣ, Миллеръ печатно придавалъ ему первоначально титулъ «члена корреспонденціи» вм. члена корреспондента, и это для Ломоносова было поводомъ къ нападкамъ на Миллера. Послѣдній 17 апрѣля 1760 г. писалъ Рычкову: «при семъ имѣете вы получить двадцать отдѣльныхъ отисковъ описаніе пещеры... Вы замѣтите перемѣну въ вашемъ титулѣ; но это произошло не отъ меня, а отъ г. совѣтника Ломоносова. Онъ распорядился такъ въ типографіи, а я замѣтилъ это не прежде, какъ мнѣ были принесены совсѣмъ уже отпечатанные экземпляры. Впрочемъ, это мелочи, которыя вамъ нисколько не вредятъ[1]): свѣтъ, напротивъ, всегда будетъ признавать великія ваши заслуги»[2]).

«Я, отвѣчалъ на это Рычковъ 17 мая 1760 года, не признаю никакой диференціи въ томъ, чтобъ именовать корреспондентомъ или членомъ корреспонденціи. Мнѣ кажется первое еще и преимущественнѣе, развѣ въ вашихъ академическихъ поведеніяхъ инаково. Но и послѣднее въ вашихъ изданіяхъ, а именно въ Краткомъ содержаніи вашихъ Комментаріевъ и въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ уже есть. Чрезъ что и то, и другое явно, а я никакихъ высшихъ преимуществъ не требую, но еще и прошу, дабы для избѣжанія критики и всякихъ споровъ, при сочиненіяхъ моихъ имени не ставить»....

---

[1]) Въ черновомъ письмѣ было первоначально написано, а потомъ зачеркнуто: «allein dasz sind Kleinigkeiten; über dergl. misgünstige Streiche werden»...

[2]) III портфель писемъ исторіогр. Миллера къ разнымъ особамъ, 1759—1760 гг., въ архивѣ акад. конференціи.

Въ 1758 г. Неплюевъ получилъ увольненіе отъ управленія оренбургскою губерніею, а въ 1759 г. на его мѣсто прибылъ въ Оренбургъ тайный совѣтникъ Аоанасій Романовичъ Давыдовъ. При немъ Рычковъ, въ письмахъ къ Миллеру, сталъ настаивать на необходимости для него формальной бумаги изъ Академіи объ оказаніи ему содѣйствія при исполненіи ученыхъ порученій, а 16 марта 1760 г. писалъ: «увѣдомляю васъ, какъ друга и милостивца моего, что на послѣдней почтѣ, по моему желанію и прошенію, полученъ здѣсь указъ, коимъ я уволенъ отъ здѣшнихъ дѣлъ для рекреаціи и излеченія моихъ болѣзней на годъ... чимъ я не мало порадованъ, ибо съ одну сторону въ здоровьѣ моемъ подлинно слабъ, а съ другую — желалось мнѣ отъ нынѣшнихъ здѣшнихъ суетъ и хлопотъ поотдалиться и пожить съ покоемъ, а за тѣмъ и въ Санктпетербургѣ побывать для разныхъ моихъ надобностей. Сіе не токмо не препятствуетъ мнѣ ни мало съ вашимъ высокоблагородіемъ толь пріятную и полезную корреспонденцію продолжать, но доставляетъ еще и лучшіе къ тому способы. Село мое, называемое Спасскимъ, на самой московской почтовой дорогѣ между Казанью и Оренбургомъ, отъ Бугульмы въ 15-ти верстахъ»...

Съ мая 1760 г. Рычковъ началъ жить въ этомъ селѣ, откуда 3 іюня того же года писалъ къ Миллеру: «Я наслаждаюсь и пользуюсь деревенскимъ житьемъ. Домашняя моя экономія даетъ мнѣ столько же упражненія, какъ и канцелярія, но безпокойства здѣсь такого, какъ въ городѣ, не вижу. Дай Боже исправиться мнѣ въ моемъ здоровьѣ и въ нуждахъ, а потомъ отправиться къ вамъ узнаться съ вашимъ высокоблагородіемъ, съ другомъ и милостивцомъ, котораго никогда не видывалъ, но одолженъ благостью вашею, кою чувствовать и благодарить долженъ»...

Въ январѣ и февралѣ 1761 года Рычковъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ получилъ окончательное увольненіе отъ службы. Между хлопотами о томъ, онъ успѣлъ, впрочемъ, побывать въ академическомъ засѣданіи 12 февраля, когда тамъ былъ извѣстный впослѣдствіи своими записками о Россіи аббатъ Шаппъ, а также Ломоносовъ. «Я, разсказываетъ между прочимъ Рычковъ въ Запискахъ о своемъ пребываніи тогда въ Петербургѣ, не могу здѣсь преминуть и сего, что небольшими моими трудами и сочи-

неніями, которыя отъ меня посыланы въ Императорскую Академію Наукъ, и отъ нея, по аппробаціи, въ печать уже выданы, а особливо жъ сочиненіемъ оренбургскаго историческаго и географическаго описанія, какъ отъ Академіи, такъ и отъ многихъ знатныхъ особъ удостоился похвалу и благодарность получить, и тѣмъ тамъ не мало жъ пользовался»...

Извѣстно, что въ январѣ 1761 года Ломоносовъ представилъ президенту Академіи обвиненія противъ Миллера. Тамъ, въ первомъ пунктѣ значилось: «г. Миллеръ не токмо пишетъ, но и печатаетъ ложь и общество обманываетъ, напр. Рычкова представилъ почетнымъ членомъ. А какъ его по справедливости сдѣлали только корреспондентомъ, то Миллеръ печаталъ его членомъ корреспонденціи въ противность опредѣленія и обыкновенія. Изъ сего и изъ многихъ примѣровъ видно, коль неправедны бываютъ протоколы конференціи, кои онъ одинъ подписываетъ». Изъ другихъ обвиненій достойны примѣчанія тѣ, въ которыхъ Ломоносовъ ставитъ въ преступленіе Миллеру, что этотъ въ статьяхъ о Россіи пишетъ «занозливыя рѣчи» и «печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годунова и Разстригины — самую мрачную часть россійской исторіи!»[1]).

Въ то самое время, какъ Ломоносовъ послалъ къ президенту Академіи свое представленіе противъ Миллера, Рычковъ еще былъ въ Петербургѣ, откуда выѣхалъ въ мартѣ того же 1761 года. Миллеръ, не получая послѣ того около двухъ мѣсяцевъ писемъ отъ него, подозрѣвалъ, что Рычковъ прекратилъ переписку вслѣдствіе внушеній Ломоносова, а потому въ черновомъ письмѣ къ Рычкову, 14 іюня 1761 года, писалъ: «я считалъ невозможнымъ, чтобы такой усердный корреспондентъ былъ въ состояніи не писать такъ долго, если бы только не охладѣлъ ко мнѣ въ своей пріязни. Я предполагалъ, что здѣсь виною тому одинъ человѣкъ, о которомъ вы очень хорошо знаете, чего могу я навѣрное ожидать отъ него, и что можетъ быть онъ васъ убѣдилъ не имѣть со мною болѣе переписки; можетъ статься, что вы повѣрили ему, когда онъ говорилъ вамъ о моей погибели, надъ чѣмъ онъ сильно трудился во время вашего пребыванія

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, Билярскаго, стр. 488—492.

здѣсь, и вы рѣшились выжидать, что изъ этого выйдетъ? Если я во всемъ этомъ ошибся, то мнѣ это будетъ столько же пріятно, сколько достовѣрно, что его клеветы мнѣ не повредятъ. Однако онъ добился-таки того, что я не смѣю продолжать новой русской исторіи. Вотъ и все, и я тѣмъ доволенъ: это былъ опытъ, который и безъ того я хотѣлъ продолжать только до тѣхъ поръ, пока не узнаю, какъ онъ будетъ принятъ»... Осторожному Миллеру вѣроятно показалось, что высказываться такъ будетъ слишкомъ откровенно, а потому онъ зачеркнулъ сейчасъ сдѣланную здѣсь выписку и вмѣсто нея написалъ слѣдующее: «но что за причина, почему вы такъ долго не писали? Объ этомъ вы ничего не сообщаете, хотя вамъ извѣстно, что для отпущенія въ грѣхахъ необходимо покаяніе. Не могу отрицать, что весьма желалъ бы узнать рѣшеніе этой загадки (die Auflösung dieses Räthsels zu erfahren»... [1]).

«При возобновленіи корреспонденціи нашей, отвѣчалъ Рычковъ 9 іюля 1761 г., ничто больше не препятствовало какъ распутье вешнее, за которымъ я, паче моего чаянія, принужденъ былъ въ разныхъ мѣстахъ продолжаться. Сіе есть существенная правда, und kein Räthsel dabei!».

Ко времени пребыванія Рычкова въ Спасскомъ относится начало его семейныхъ Записокъ, выписки изъ которыхъ не разъ уже приводимы были въ настоящемъ изслѣдованіи. Эта автобіографія начинается такимъ обращеніемъ къ своимъ дѣтямъ:

«Должность отцовская, съ которою я для васъ отъ Провидѣнія божія опредѣленъ, и любовь моя родительская издавна и часто побуждали меня написать вамъ такое письмо, которое бъ къ честному и добродѣтельному житію было вамъ нѣкоторымъ правиломъ и наставленіемъ, оставленнымъ отъ отца вашего. Притомъ желалось мнѣ и сіе вамъ сообщить, чрезъ чтобъ вы имѣли хотя нѣкоторое познаніе о вашихъ предкахъ, а особливо о приключеніи моего и вашего отца, которые вамъ по крови ближайшіе есть. Я такое познаніе почитаю за особливо нужное въ фамиліяхъ, потому что оно составляетъ нѣкоторый родъ собственной и домашней исторіи, коя съ какими бы случаями соединена ни была, но здра-

---

[1]) IV портфель писемъ истор. Миллера, 1761 — 1762 гг., въ архивѣ академической конференціи.

вому разсужденію потомкамъ роду не безпотребна, но и полезна въ безпристрастномъ разсмотрѣніи случаевъ, которымъ жизнь человѣческая подвержена бываетъ. Пребывая по сіе время въ трудахъ и попеченіяхъ, съ должностію чина моего соединенныхъ, не возможно было мнѣ удовлетворить оному моему желанію. Нынѣшнее же, правительствующимъ сенатомъ для рекреаціи и излеченія моихъ болѣзней отъ канцелярскаго присутствія пожалованное мнѣ увольненіе и спокойная деревенская жизнь подаютъ изрядный къ тому случай, который я, по возможности моей, буду употреблять въ вашу и въ мою пользу сочиненіемъ сего письма»...

Послѣ разсказа о своихъ предкахъ и приступая къ описанію приключеній изъ собственной жизни, **Рычковъ** замѣчаетъ: «мнѣ случилось читать, что въ Швеціи недавно такое учрежденіе учинено и публиковано въ народъ, дабы не только изъ знатныхъ, но и изъ посредственныхъ бы людей всякъ житія своего Записки содержалъ и оныя въ публичный архивъ на сохраненіе отдавалъ въ томъ разсужденіи, что въ такихъ Запискахъ современемъ нужнаго для народной гисторіи много будетъ. Сіе шведское учрежденіе подлинно охуждать нельзя. Не излишнее бъ было, ежели бы и у насъ такія записки всѣмъ въ обычай вошли. Я, какъ вашъ отецъ, каждому изъ васъ о такихъ Запискахъ совѣтъ мой даю»...

Краткія извѣстія о службѣ и занятіяхъ, указанія дней рожденій, браковъ, кончины членовъ многочисленнаго семейства автора, также различные переѣзды и хлопоты его, а иногда отступленія съ нравоучительными наставленіями — таково содержаніе семейныхъ Записокъ **Рычкова**, доведенныхъ до 20 марта 1777 года, слѣдовательно оканчивающихся за семь только мѣсяцевъ до смерти его. Надобно сознаться, что онъ, увлекшись узкою задачею — писать записки исключительно для своего семейства — не успѣлъ выразиться въ нихъ вполнѣ. Здѣсь онъ является преимущественно провинціальнымъ чиновникомъ, успѣвшимъ достигнуть значительнаго для своего времени чина (**Рычковъ** умеръ статскимъ совѣтникомъ) и нѣкотораго достатка. Впрочемъ, Записки **Рычкова** полезны какъ второстепенный и дополнительный матеріалъ послѣ обширной переписки **Рычкова** съ **Миллеромъ**.

Не прошло полутора лѣтъ житья **Рычкова** въ деревнѣ, какъ у него начались тамъ разныя непріятности. Такъ 8 декабря 1761

года онъ писалъ къ Миллеру: «несчатіе, случившееся съ моимъ домомъ, не допущаетъ меня нынѣ пространно писать, ибо 5 числа по утру здѣшній мой домъ (который гораздо былъ немалъ) весь до подошвы выгорѣлъ, и я принужденъ теперь трудиться, чтобъ какъ нибудь на зиму объюртоваться, а лѣтомъ новый домъ строить.... Богу благодареніе, что нужнѣйшія домашнія вещи успѣли повытаскать. Главный мой убытокъ состоитъ въ книгахъ моихъ, коихъ у меня до 800 было. Хотя ихъ бóльшую часть выбросали въ окна, но въ такомъ ужасномъ случаѣ съ надлежащимъ береженіемъ не могли то дѣлать, да и бросали ихъ въ мокрый снѣгъ и на разныя стороны, какъ кому удалось, то надѣюсь многія испортились и передраны. Особливо жаль мнѣ многихъ манускриптовъ, мисцелянеей и переводовъ, мною самимъ учиненныхъ. Сей убытокъ почитаю я невозвратнымъ»....

Пожаръ въ деревнѣ и дороговизна жизни въ Оренбургѣ побудили Рычкова думать о поступленія вновь на службу: «между прочаго слышно мнѣ, писалъ онъ къ Миллеру 27 декабря 1761 года, что г. ассесоръ Веревкинъ, которой былъ при казанской гимназіи директоромъ съ полученіемъ жалованья по 600 р. въ годъ, оттудова паки отлучился. И хотя его нѣкоторые опять туда ожидаютъ, но другіе мнятъ, что онъ не возвратится, чтò по его обстоятельствамъ и статься иногда можетъ[1]). Сіе мѣсто, ежели оно сдѣлается порожнимъ, по моимъ лѣтамъ и по моимъ склонностямъ, а особливо для воспитанія малолѣтнихъ моихъ дѣтей, кажется для меня не несходно бъ, ибо большихъ трудовъ и безпокойствъ такъ, какъ я въ Оренбургѣ имѣлъ, не востребуетъ. Буду я не въ дальности отъ моихъ деревень и заводовъ, кои, будучи въ Казани, править мнѣ не трудно. Чтожъ до гимназіи принадлежитъ, то ласкаюсь надеждою предъ нынѣшнимъ ея состояніемъ въ лучшее привесть. А между тѣмъ и для вашихъ академическихъ дѣлъ, а особливо въ разсужденіи сея обширныя и многонародныя губерніи былъ бы я тутъ не безпотребенъ: по меньшей мѣрѣ не меньшее бъ и не худшее бъ описаніе учинилъ ей, какъ и орен-

---

[1]) Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ, бывши ассессоромъ московскаго университета, съ 1758 по февраль 1760 года находился директоромъ казанской гимназіи, а потомъ губернаторскимъ товарищемъ въ Казани. См. Москвитянинъ 1842 года, № 12, Истор. Мат., стр. 398—402.

бургское».... Рычковъ въ заключеніе просилъ Миллера похлопотать за него въ этомъ случаѣ и у президента Академіи Наукъ и у куратора московскаго университета И. И. Шувалова. Миллеръ однако скоро увѣдомилъ, что на мѣсто директора казанской гимназіи уже назначенъ Шуваловымъ другой [1]).

Побывавъ въ концѣ 1762 года въ Москвѣ (повидимому для хлопотъ о полученіи чина статскаго совѣтника, слѣдовавшаго ему при отставкѣ) и съѣздивъ въ началѣ слѣдующаго въ Ростовъ «для молебствія новоявленному чудотворцу Димитрію», Рычковъ возвратился въ Спасское, гдѣ вскорѣ потомъ случилось у него происшествіе, часто повторявшееся при существованіи крѣпостнаго права.

«Въ іюлѣ мѣсяцѣ сего 1763 году, записано въ семейныхъ Запискахъ Рычкова, въ селѣ Спасскомъ и въ деревнѣ Верхосудьѣ произошелъ мятежъ и безпокойства отъ нѣкоторыхъ крестьянъ, которые, принявъ намѣреніе къ отбывательству, стали отваживаться на побѣги, и бѣжало ихъ около двадцати человѣкъ, въ томъ числѣ и староста села Спасскаго Абрамъ Лонгиновъ. Изъ коихъ семь человѣкъ, явясь въ Оренбургѣ и подавъ въ губернскую канцелярію челобитныя, показали, яко бы они не крѣпостные, но вольные люди; но какъ сему не повѣрено было, и до присылки крѣпостей отданы они были въ каторжную работу, то другіе, узнавъ про то, раскаялись и изъ бѣговъ воротились; а нѣкорые были переловлены и успокоены были уже тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ кнутомъ, а другіе плетьми, по опредѣленію оренбургской канцеляріи, въ селѣ Спасскомъ, при собраніи всѣхъ крестьянъ, наказаны. Для котораго наказанія и заплечный мастеръ изъ Оренбурга нарочно былъ присыланъ». 31 августа 1763 года о томъ же Рычковъ такъ писалъ къ Миллеру: «у меня здѣсь въ селѣ очень конфузно: между крестьянами человѣкъ двѣнадцать бѣжало. Сіе меня не мало безпокоитъ и не допущаетъ о дѣлахъ вашихъ мыслить и писать порядочно, ибо отъ плутовъ нѣсколько и въ опасности нахожусь. Стараюсь, чтобъ они были усмирены въ силѣ указовъ канцелярскимъ опредѣленіемъ»..

---

[1]) IV портфель писемъ истор. Миллера 1761 — 1762 годовъ, въ архивѣ академ. конференціи.

Осенью 1763 года до Рычкова дошелъ слухъ о назначенiи его директоромъ казанской гимназiи, и поэтому онъ, 20 октября 1763 г., писалъ къ Миллеру:... «Подлинно способы ко описанiю казанской и астраханской губернiй тутъ были бы хорошiе. А при томъ, не хвалясь, могу сказать и гимназiя бъ тамошняя другой видъ возымѣла».... 20 декабря 1763 г.: «о казанской гимназiи слышу, что она нынѣ еще въ худшемъ состоянiи противъ прежняго, ибо профессоръ бывшiй тутъ человѣкъ хотя и ученый, но смирный и безгласный [1]). А нынѣ и о томъ сказывали мнѣ, яко бы онъ, прiѣхавъ изъ Москвы, недавно умеръ. Я бы радъ былъ ежели бъ предпрiято было изъ сего училища сдѣлать что нибудь познатнѣе и дать ему иную форму, но мнѣ не разсуждается самому на то напрашиваться. Развѣ не буду ль я нынѣшнею зимою самъ въ Москвѣ, тогда переговорю съ Васильемъ Евдокимовичемъ [2]). Сказываютъ и то, что учителя уже болѣе полугода жалованья своего не получали, и насовалось тутъ людей незнающихъ много»....

Въ началѣ царствованiя императрицы Екатерины II было дѣлано много попытокъ къ преобразованiю разныхъ отраслей государственнаго управленiя. По свидѣтельству Шлецера, то было золотое время для всѣхъ прожектеровъ. Между прочимъ тогда поднятъ былъ вопросъ, занимавшiй еще Петра Великаго — о торговлѣ Россiи съ Индiею. Поэтому поводу въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненiяхъ» [3]) явилась статья «Изъясненiе о способахъ къ произведенiю россiйской коммерцiи

---

[1]) Данила Савичъ, директоръ казанской гимназiи и въ то же время экстра-ординарный профессоръ московскаго университета, былъ сынъ сотника слободскаго сумскаго полка Василья Савича; сначала учился въ кiевской духовной академiи, а потомъ — за границей съ 1750 по 1754 годъ. Онъ хотѣлъ-было поступить на службу при Академiи Наукъ, но послѣ опредѣлился въ московскiй университетъ. Архивъ акад. канц. кн. № 189 и Протоколы конференцiи 10 iюня 1754 г.

[2]) Адодуровъ, воспитанникъ и адъюнктъ Академiи, а впослѣдствiи наставникъ русскаго языка великой княгини Екатерины Алексѣевны. По прикосновенности его къ дѣлу о канцлерѣ гр. А. П. Бестужевѣ-Рюминѣ, мечтавшемъ при императрицѣ Елизаветѣ о переворотѣ въ пользу супруги тогдашняго великаго князя Петра Θедоровича, Адодуровъ подвергся почетной ссылки въ Оренбургѣ, гдѣ и познакомился съ Рычковымъ. Въ 1763 г., когда послѣднiй писалъ о казанской гимназiи, Адодуровъ былъ уже кураторомъ московскаго университета.

[3]) Ноябрь, 1763 г., стр. 401—406.

изъ Оренбурга съ бухарскою, а изъ оной и съ индѣйскими областями». Здѣсь предлагалось: товары въ Бухару отправлять по Яику до Гурьева городка, а отсюда Каспійскимъ моремъ до залива Красноводскаго; для склада товаровъ имѣть крѣпость на Огурчинскихъ островахъ, и оттуда отправлять ихъ сухимъ путемъ до Балхи и Бадакшана. Въ упоминаемой статьѣ нѣсколько разъ говорилось съ похвалами о Рычковѣ, который уже писалъ объ этомъ предметѣ въ Оренбургской Топографіи. Это возбудило въ Рычковѣ желаніе напомнить правительству о предположеніи, сдѣланномъ имъ и генералъ-маіоромъ Тевкелевымъ еще въ 1759 году касательно постройки города на устьѣ р. Эмбы, отчего они надѣялись не только распространенія русской торговли до Индіи, но и окончательнаго покоренія киргизовъ, а, стало-быть, прекращенія грабежей каравановъ и пр. 13 декабря 1763 г. Рычковъ послалъ къ Миллеру «Мнѣніе о распространеніи оренбургской коммерціи въ дальнѣйшія азіатскія стороны и о средствахъ, къ тому надлежащихъ». Вскорѣ потомъ онъ узналъ, что въ Петербургѣ учреждена особая коммиссія о коммерціи, и вслѣдствіе того часто писалъ къ Миллеру о своей готовности ѣхать въ Петербургъ, когда бы его туда потребовали. Такъ какъ въ коммиссіи однимъ изъ главныхъ дѣятелей былъ Григорій Тепловъ[1]), то Рычковъ просилъ Миллера поговорить ему о немъ, доставить посланное «Мнѣніе» и пр. Исторіографъ отвѣчалъ ему (8 іюля 1764 г.), что по отзыву Теплова «Мнѣніе» Рычкова не скоро еще понадобится, потому что коммиссія намѣрена сначала обработывать общія положенія. «И такъ, прибавлялъ Миллеръ, не думайте быть скоро вызваннымъ для того. Да и зачѣмъ вамъ желать этого? Не лучше ли спокойно проводить свою старость дома и въ своемъ семействѣ? По крайней мѣрѣ я думалъ бы такъ, бывши на вашемъ мѣстѣ. Имѣй я клочекъ земли, которая бы могла меня прокормить, какъ бы скоро бѣжалъ треволненій[2])!»...

По видимому это письмо охладило охоту Рычкова къ дальнѣйшимъ искательствамъ, и, 7 августа 1764 г., не говоря уже болѣе о планахъ участвовать въ работахъ коммиссіи о коммерціи,

[1]) Также адъюнктъ, а потомъ ассессоръ въ канцеляріи нашей Академіи.

[2]) V портфель писемъ истор. Миллера, въ архивѣ академической конференціи.

онъ распространяется въ письмѣ къ Миллеру о своемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ въ Спасскомъ:

«Вы означили мнѣ ваши трудности. Я, напротивъ того, о моихъ вамъ доношу. Здѣсь въ деревнѣ съ женою и съ меньшими дѣтьми, коихъ при мнѣ шестеро, сплю сколько хочу. Напившись съ ними чаю, хожу или ѣзжу на мѣдной мой заводъ, которой отъ дому моего не далѣе двухъ сотъ саженей. Тамъ бываю съ часъ или и больше. Возвратясь оттоль, смотрю церковное строенье (церковь каменная изрядною архитектурою здѣсь строится, и сіе лѣто окончить ее надѣюсь). Иногда схожу на винокуренной мой заводъ и на мельницу. Ѣзжу въ деревню мою, которая отсель верстахъ въ пяти-шести, или на поле, гдѣ сѣвъ хлѣбный, съ женою и дѣтьми. За столъ обѣдать сажусь съ своими въ шести или семи человѣкахъ; но рѣдкой день проходитъ, чтобъ проѣзжаго не случилось, ибо живу на большой дорогѣ и имѣю у себя пріятелей. Вотъ жизнь моя, которую я здѣсь препровождаю. Три сына вмѣсто меня служатъ отечеству. Огорченія и досады, какія въ деревенскомъ житьѣ бываютъ, сноснѣе городскихъ, да и нѣтъ надѣюсь, въ свѣтѣ такого мѣста и состоянія, гдѣ бъ ихъ не было»... 2 октября 1764 г.: «я, изъ гостей отъ сына моего Андрея возвратясь домой, нашелъ у себя самую любезную компанію. Всѣ дѣти и внучата его превосходительства г. генералъ-маіора Алексѣя Ивановича Тевкелева[1]) ко мнѣ пріѣхали. Ѣзда ихъ была сюда не менѣе 200 верстъ. Вотъ какъ у насъ въ деревняхъ друзья и пріятели живутъ! Теперь у меня здѣсь маленькой Римъ (по Цицероновымъ словамъ) тѣмъ паипаче, что вчерась и севодня мимо села моего марширующіе азовскаго полку офицеры, заѣзжая ко мнѣ, умножаютъ у меня людство и компанію»...

Описаніе событій 1764 года Рычковъ въ своей автобіографіи заканчиваетъ такимъ образомъ: «знатнѣйшимъ приключеніемъ сего году, да и жизни моей къ великому благополучію надлежитъ почесть то, что я, по высочайшему ея императорскаго величества

---

[1]) Этотъ Тевкелевъ, при Петрѣ Великомъ старшій переводчикъ иностранной коллегіи, принималъ при императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ главное участіе въ подчиненіи Россіи киргизъ-кайсаковъ. Разсказъ его о своихъ службахъ, также извѣстія о родѣ, къ сожалѣнію не конченныя, во «Временникѣ моск. общества исторіи», кн. XIII, 1852 г. Смѣсь, стр. 15—21.

именному указу, декабря 16 числа пожалованъ статскимъ совѣтникомъ по докладу правительствующаго сената»...

Въ 1766 г. Рычковъ опять начинаетъ свои хлопоты о поступленіи на службу... «Недостатки мои, писалъ онъ къ Миллеру 15 апрѣля, что долѣ, то болѣ усиливаются. На сихъ днямъ бѣжалъ у меня съ заводу слуга, кой былъ тутъ прикащикомъ: унесъ съ собою и послѣднія мои деньжонки. И такъ не знаю, какъ исправляться. Продаю оренбургскій мой дворъ, но и на то купца нѣтъ—я уже за половины цѣны радъ бы его отдать. Мое намѣреніе въ томъ нынѣ состоитъ, чтобъ распродавъ всѣ заводы (кои одни только хлопоты, а не прибыль приносятъ) и вступя въ службу съ жалованьемъ, предать всего себя на услуги отечеству»....

Въ мартѣ 1767 года Рычковъ ѣздилъ въ Москву и въ Запискахъ о своемъ тамъ пребываніи отмѣтилъ слѣдующее: «12 числа марта имѣлъ я счастіе предстать ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей моей монархинѣ (Екатеринѣ II) и удостоился изъ устъ ея величества услышать слѣдущія слова: «я извѣстна, что вы довольно трудитеся въ пользу отечества, за что вамъ благодарна». Послѣ того поднесъ я ея величеству сочиненія моего печатную книжку, подъ именемъ «Опытъ казанской исторіи», съ пріобщенною къ ней на высочайшее ея императорскаго величества дедикаціею, которую сама принявъ изъ рукъ моихъ, изволила еще болѣе благодарить и болѣе часа въ парадной своей опочивальнѣ разговаривала со мною, распрашивая меня о городѣ Оренбургѣ, о ситуаціи тамошнихъ мѣстъ, о хлѣбопашествѣ и о коммерціи тамошней такъ снисходительно и милостиво, что сей день наилучшимъ и счастливѣйшимъ въ жизни моей почитать мнѣ надлежитъ. Предводителями къ сему счастію были мнѣ въ началѣ г. коллежскій совѣтникъ, исторіографъ и профессоръ Ѳедоръ Ивановичъ Миллеръ и его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ».

Изъ писемъ этого періода отъ Рычкова къ Миллеру видно, что первому сильно надоѣли уже неудачи по деревенскому хозяйству и онъ часто напоминалъ своему пріятелю ходатайствовать за него то у того, то у другаго изъ милостивцевъ. Такъ 1 сентября 1767 года писалъ о выгодности для него мѣста губерна-

торскаго помощника въ Казани. «Не возможно ли вамъ самимъ, ежели пристойно и обстоятельства дозволятъ, побывать у его сіятельства генералъ-прокурора и употребить ваше въ томъ ходатайство? Я часто удивляюсь, разсуждая о себѣ и о нынѣшнемъ состояніи дѣлъ. Мое намѣреніе и желаніе ни къ чему иному не клонится какъ токмо усердно служить отечеству. Партикулярнаго моего ничего тутъ больше нѣтъ, какъ лучшій способъ къ воспитанію дѣтей моихъ. 600 рублей не велико жалованье. Къ лакомству и къ нажиткамъ я не склоненъ. Со всѣмъ тѣмъ очень я несчастливъ. Утѣшаюсь иногда словами евангельскими: міръ убо свое любилъ бы. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Благодарю еще Вышняго, что не лишенъ я моего пропитанія».

«Радуюсь, что уложенная коммиссія имѣетъ благополучное начало и хорошій успѣхъ. Оренбургскаго депутата для любопытства не изволите-ль узнать? Онъ фаворитъ губернаторскій—безъ сумнѣнія по его видамъ инструированъ[1]). Какъ ни желали прочіе дворяне, чтобъ я выбранъ былъ въ депутаты, но губернаторская сторона превозможе. Онъ, сказываютъ, передо мною два бала лишнихъ имѣлъ. Сіе мнѣ не обидно, ибо въ числѣ балатированныхъ два генералъ-маіора и нѣсколько полковниковъ находились. Предводитель выбранъ такой же»...

Еще въ началѣ 1769 г. Рычковъ продолжалъ жаловаться Миллеру на неполученіе мѣста. «Я, писалъ онъ 31 января, по прежнему продолжаю жизнь мою деревенскую и, взирая на обращенія нынѣшнія, часто удивляюсь, а иногда и тужу объ моей судьбинѣ; но мы не всегда познаваемъ прямо что̀ для насъ хорошо или худо!»...

Наконецъ 21 августа 1769 года Рычковъ сообщалъ Миллеру: «Теперь получилъ я отъ оренбургскаго губернатора письмо отъ 20 числа сего. Пишетъ онъ ко мнѣ, что въ разсужденіи соляныхъ дѣлъ, кои нынѣ, за недостаткомъ въ Украйнѣ соли, весьма уважаются и поручены въ главную дирекцію генералъ-

[1]) Оренбургскимъ губернаторомъ былъ тогда Иванъ Андреевичъ Рейнсдорпъ, а депутатомъ въ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія отъ дворянъ оренбургскаго уѣзда секундъ маіоръ Иванъ Толстой, сдавшій потомъ свою обязанность, 4 августа 1768 года, фурьеру преображенскаго полка Матвѣю Толстому. Русскій Вѣстникъ 1861 г. № 12; прилож. стр. 59.

поручику, сенатору и кавалеру Еропкину (кой нынѣ въ Москвѣ находится) писалъ, что для учрежденія съ лучшимъ порядкомъ поставокъ илецкой соли противъ прежняго, опредѣлить меня съ жалованьемъ по 1000 руб. въ годъ, и притомъ весьма много и сильно меня рекомендовалъ. Я уповаю, что сей генералъ вамъ или вашимъ друзьямъ не незнаемъ есть. Прошу васъ, какъ милостивца и друга, съ вашей стороны пристойнымъ образомъ и елико возможно вамъ будетъ способствовать оному дѣлу и тѣмъ меня одолжить еще; а что услышите или увѣдаете увѣдомленіями меня не оставить»...

V.

Печатныя сочиненія и статьи Рычкова по части Исторіи и Географіи Россіи. Недостатокъ въ нихъ критики источниковъ. Указанія на то Шлецера. Историко-географическія извѣстія въ письмахъ Рычкова къ Миллеру.

Скорое помѣщеніе въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» статей Рычкова, а также настояніе Миллера о доставленіи разныхъ извѣстій видимо поощряли перваго къ дальнѣйшимъ работамъ. Въ началѣ 1758 года онъ послалъ къ Миллеру «Описаніе о началѣ оренбургской коммиссіи» и статью о тамошнемъ земледѣліи.

«Исторія ваша о оренбургской коммиссіи, отвѣчалъ Миллеръ 30 мая 1758 года, весьма достойна печатанія. Я бы желалъ оную, для ускоренія, вносить по частямъ въ «Ежемѣсячныя Сочиненія», токмо безъ позволенія вашего не смѣю. Прошу ко мнѣ отписать, что ваше о томъ мнѣніе. Потомъ она можетъ вторымъ изданіемъ печатана быть вмѣстѣ съ Топографіею вашею оренбургскою. Что надлежитъ письма о земледѣльствѣ, то я внесъ уже первую часть онаго въ нынѣшній мѣсяцъ Сочиненій, который впредь сообщить имѣю, когда весь будетъ отпечатанъ»....[1]).

Послѣдняя статья Рычкова напечатана въ «Сочиненіяхъ и

---

[1]) П портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ 1757—1759 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

переводахъ» 1758 года [1]), подъ заглавіемъ: «Письмо о земледѣльствѣ въ казанской и оренбургской губерніяхъ», гдѣ заключаются довольно обстоятельныя извѣстія о положеніи хлѣбопашества въ означенныхъ губерніяхъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени, о тогдашнихъ земледѣльческихъ орудіяхъ, о способахъ обработки земель, посѣвѣ и уборкѣ хлѣбовъ.

Что касается до другаго сочиненія, то Рычковъ, 26 іюня 1758 г., благодаря Миллера за обѣщаніе издать въ свѣтъ его трудъ, намекалъ также и о томъ, чтобы притомъ Миллеръ присовокупилъ что-нибудь въ похвалу автора. «Вы уже по милости своей, говорилъ онъ, довольную честь учинили мнѣ засвидѣтельствованіемъ моихъ малыхъ трудовъ сочиненіемъ вашимъ о поправленіи историческихъ погрѣшностей, у иностранныхъ писателей находящихся [2]). И хотя я не требую сего, чтобъ при ономъ напечатаніи мое имя было точно употреблено, однакъ почитаю не за излишнее, ежель ко обѣимъ оньмъ частямъ соизволите учинить и напечатать краткое предрѣчіе по вашему разсужденію въ тотъ видъ, чтобъ къ такимъ сочиненіямъ въ другихъ мѣстахъ находящіеся охотники могли быть пріохочены»...

Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» 1759 года помѣщена сначала «Исторія оренбургская по учрежденіе оренбургской губерніи», гдѣ разсказаны событія, касающіяся этого края отъ времени Петра Великаго до 15 марта 1744 года, т. е. до окончательнаго образованія оренбургской губерніи. Въ «предъизвѣщеніи» Рычковъ говоритъ, что онъ это сочиненіе «не такъ для настоящаго, какъ для будущаго, т. е. потомственнаго времени» писалъ.... Дѣла человѣческія, если о нихъ не сохранится письменныхъ извѣстій или забываются, или же искажаются въ устныхъ пересказахъ. «И о новой нашей оренбургской губерніи, ежели о ея началѣ и происхожденіяхъ не останется достовѣрнаго описанія, въ послѣдующихъ вѣкахъ такое жъ забвеніе или неосновательныя мнѣнія могутъ происходить»...

Если къ «Исторіи оренбургской» примѣнять нынѣшнія требованія науки, то нельзя не признать ее крайне одностороннею.

[1]) Май и іюнь, стр. 410—428 и 483—524

[2]) Здѣсь Рычковъ напоминаетъ о статьѣ Миллера «Предложеніе о исправленіи погрѣшностей» и пр., о которой см. выше, стр. 37.

Авторъ ся, какъ чиновникъ и притомъ принимавшій самъ участіе въ осуществленіи бо́льшей части тогдашнихъ административныхъ мѣръ, которыя онъ описываетъ, придаетъ особенно важное значеніе имъ и только объ нихъ считаетъ нужнымъ распространяться. Поэтому понятно, что въ «Исторіи оренбургской» нельзя найти разъясненія отношеній испоконныхъ обывателей края къ русскимъ, переходившимъ туда въ позднѣйшія времена; тамъ нѣтъ указаній на истинныя причины частыхъ возстаній инородцевъ и того взаимнаго ожесточенія, съ которымъ велась борьба предъ окончательнымъ подчиненіемъ края русскому господству. Матеріалы для всего этого остаются пока не разработанными въ рѣдко затрогиваемыхъ еще въ наше время архивныхъ дѣлахъ, а въ трудѣ Рычкова можно только найти обзоръ административныхъ распоряженій въ данную эпоху. При всемъ томъ и теперь «Исторія оренбургская» уже тѣмъ полезна, что избавляетъ отъ труда разыскивать такіе источники, которые, не заключая въ себѣ извѣстій первой важности, необходимы однако для соображеній при оцѣнкѣ событій, совершавшихся въ оренбургскомъ краѣ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Самъ Рычковъ очень мѣтко указалъ на недостатки своего труда, замѣтивъ въ концѣ своего «предъизвѣщенія»: «отъ сего, хотя и неискуснаго изображенія самые искуснѣйшіе люди возымѣютъ причину все оное не только въ историческои порядокъ привести, но и самую основательную исторію, т. е. о положеніи и о натуральныхъ свойствахъ оренбургскихъ мѣстъ, о состояніи и раздѣленіи внутрь и внѣ оренбургской губерніи находящихся народовъ, и о прочихъ знатнѣйшихъ случаяхъ и дѣйствахъ, собирая надлежащія къ тому извѣстія, наилучшимъ образомъ сочинять и продолжать».

Для Рычкова было весьма лестно видѣть напечатанною свою «Оренбургскую исторію». Сообщая о томъ Миллеру 20 марта 1759 года, онъ писалъ также: «Въ примѣчаніяхъ, которыя въ сей исторіи положены, съ Топографіею моею, уповаю, могутъ оказаться нѣкоторыя небольшія разности, потому что я объ оренбургской коммиссіи писалъ еще въ 743 и 744 годахъ и тогда о здѣшнихъ мѣстахъ и народахъ не былъ въ такомъ свѣдѣніи, какъ послѣ при другомъ помянутомъ сочиненіи. Но мню, что весьма тѣ разности невелики и непримѣтны, которыя одною ремаркою

на все то легко поправлены быть могутъ. Сожалѣю токмо я о семъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшней исторіи нескладности въ сенсѣ. Видно, что въ моемъ экземплярѣ, который я до вашего высокоблагородія послалъ, находятся описки, которыхъ я не усмотрѣлъ, или то погрѣшности типографскія, однакожъ онѣ весьма рѣдки»....

Миллеръ намѣревался издать «Исторію оренбургскую» на нѣмецкомъ языкѣ. «При чемъ думаю, писалъ онъ Рычкову 19 апрѣля 1759 г., можно упомянуть и о имени вашемъ, да для бо́льшей вѣрности и надобно, развѣ вы, по чрезвычайной вашей модестіи, инако прикажите»[1]).

«Когда ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Рычковъ 20 мая 1759 года, за потребно изволили признать, дабы Оренбургскую Исторію для иностранныхъ напечатать и на нѣмецкомъ языкѣ, то при оной, ежель надобно, мое имя означить можете. Она подлинно такъ ведена, какъ дѣла происходили; но въ разсужденіи разныхъ бывшихъ здѣсь командировъ, изъ которыхъ нѣкоторые понынѣ здравствуютъ, при русской имя мое упоминать, кажется, нужды нѣтъ, ибо многіе знаютъ, что оное описаніе мною учинено. Къ тому жъ какъ бы не возмнилось изъ нихъ, что про одного съ бо́льшею похвалою и съ лучшими обстоятельствами писано, нежель про другаго. И такъ могутъ толковать за пристрастіе. Сіе я вашему высокоблагородію, какъ уже дознанному моему благодѣтелю и милостивцу, изъясняю»...

5 августа 1759 г. Рычковъ доставилъ Миллеру продолженіе «Исторіи оренбургской», обнимавшее событія въ краѣ съ 1744 по 1751 годъ. «Казалось мнѣ, говорилъ онъ притомъ, ежель продолжаемо будетъ сіе, то можетъ оно служить къ немалой пользѣ не только по канцеляріи для новыхъ командировъ, но и для гисторическихъ сочиненій.... Сверхъ того прилагаю табель вмѣсто той, которая на концѣ прежде посланной книги приложена. Сію я дополнилъ тѣмъ, что̀ въ прежней не доставало. Можетъ статься, что вы въ разстояніяхъ противъ оной въ нынѣшней нѣкоторое несходство усмотрите; но сіе отъ того, что здѣсь по дорогамъ

---

[1]) II портфель писемъ истор. Миллера, 1757—1759 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

неоднократно разныя мѣры были, а всѣ одна противъ другой разноту имѣютъ. Къ тому жъ нѣкоторые крѣпости и форпосты съ мѣста на мѣсто переношены. Сіе я ради того означиваю, дабы вы въ усмотрѣнной разнотѣ извѣстны были о причинахъ. Нынѣшняя табель, какъ я мню, учинена съ надлежащею исправностію, о чемъ я канцелярскимъ служителямъ весьма рекомендовалъ»...

Князь М. Оболенскій[1]), указывая, что упомянутое «Прибавленіе къ оренбургской исторіи» съ 1744 по 1751 г. хранится въ рукописяхъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, замѣчаетъ, что оно въ «Исторіи пугачевскаго бунта» Пушкина не напечатано. Что оно не помѣщено въ сейчасъ названномъ сочиненіи, то это, конечно, случилось отъ того, что перепечатывать его въ другой разъ не было надобности, такъ какъ «Прибавленіе къ оренбургской исторіи» издано въ свѣтъ еще Миллеромъ въ тѣхъ же «Сочиненіяхъ и переводахъ» въ октябрской и ноябрской книжкахъ за 1759 годъ. Что касается до «Табели о состояніи оренбугской линіи», то напечатанная Миллеромъ[2]) во многомъ разнится отъ приложенной къ письму Рычкова (5 августа 1759 года), почему надобно предполагать, что Миллеръ напечаталъ бывшую у него прежде табель до полученія новой.

«Я, писалъ Рычковъ 11 ноября 1759 года, радъ, что понравилось вамъ описаніе здѣшнихъ дѣлъ по 750 годъ. Подлинно не худо бъ было, когда бъ во всѣхъ губерніяхъ знатнѣйшія приключенія такъ были описываемы; но притомъ нѣкоторая предосторожность нужна, а особливо при такихъ недавнишнихъ случаяхъ, какіе въ послѣднемъ описаніи отъ меня къ вамъ сообщены. Хотя и все вѣрно и безпристрастно описывано, а наипаче когда командиры и производители дѣла оныя описанія читаютъ, можетъ легко

---

[1]) «Историческія замѣчанія» въ Русскомъ Архивѣ 1865 года, № 3, стр. 337.

[2]) «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе» 1759 г. августъ, стр. 128—134. Изъ писемъ Рычкова въ 1774 году видно, что имъ, во время осады Оренбурга отъ Пугачева, составлено было продолженіе Оренбургской исторіи съ 1751 по 1774 годъ, и онъ просилъ Миллера о напечатаніи этого продолженія вмѣстѣ съ «Исторіею оренбургскою», изд. въ первый разъ въ 1759 г.; эта просьба, однако, не была осуществлена, такъ какъ Рычковъ отказался издавать книгу на свой счетъ, какъ предлагалъ ему это Миллеръ.

показаться и возмниться имъ, что объ одномъ мало и кратко, а о другомъ много и пространно писано, и причитать то въ вину сочинителю, хотя бъ онъ и съ доброю совѣстью писалъ»....

Въ январѣ 1760 г. поѣздка по дѣламъ службы въ Башкирію дала возможность Рычкову сообщить Миллеру 13 января того же года слѣдующее: «Въ нынѣшнюю мою бытность, хотя съ великимъ затрудненіемъ (ибо, собравъ башкирцевъ человѣкъ до тридцати изъ старшинъ и изъ лучшихъ людей, ѣздилъ верхомъ чрезъ глубокой снѣгъ безъ дороги верстъ двадцать) ѣздилъ я смотрѣть пещеру, въ бурзянской волости имѣющуюся, которой во всей Башкиріи славнѣе и больше нѣтъ; по меньшей мѣрѣ изъ описаній, которыя мнѣ вѣдомы, не нахожу. Я описаніе ее пріобщу въ мою Топографію, а и прежде, какъ вещь чрезвычайную, съ рисункомъ ея, каковъ въ скорости возможно было мнѣ сдѣлать съ бывшимъ при мнѣ, инженеръ науку знающимъ человѣкомъ, не премину до васъ отправить такъ скоро, какъ время допуститъ оное описаніе, планъ и проспектъ мѣста сочинить».... Въ другомъ письмѣ отъ 19 января Рычковъ говоритъ о пещерѣ: «мнѣ мнится, что она курьёзнѣе той пещеры, коя Baumans Höhle называется и во всей Германіи за славную почитается»...

Извѣстіе объ этой пещерѣ напечатано Миллеромъ[1]) подъ заглавіемъ: «Описаніе пещеры, находящейся въ оренбургской губерніи при рѣкѣ Бѣлой, которая изъ всѣхъ пещеръ, въ Башкиріи находящихся, за славную и наибольшую почитается». Это та самая статья, въ концѣ которой Ломоносовъ распорядился вмѣсто *члена корреспонденціи* напечатать титулъ *корреспондента* при имени Рычкова, о чемъ говорено уже выше въ главѣ IV, на страницѣ 44.

Въ III-й главѣ, на стр. 38, видѣли, что Миллеръ, съ самаго начала своей переписки съ Рычковымъ, напоминалъ ему

---

[1]) «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія», мартъ 1760 г., стр. 195—225. Въ приложенной къ статьѣ гравюрѣ теченіе р. Бѣлой стрѣлкою означено невѣрно, отчего пещера вышла на лѣвомъ берегу рѣки, тогда какъ она на правомъ. Рычковъ намѣревался также описать другую подобную пещеру на рѣкѣ Икѣ, но это впослѣдствіи исполнилъ сынъ его Николай: см. «Журналъ, или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ россійскаго государства, 1769, 1770 годовъ» (Спб. 1770, въ 4⁰) I, стр. 94 и слѣд.

о доставленіи второй части Оренбургской Топографіи. Она получена была академикомъ при письмѣ отъ 4 мая 1760 года, гдѣ Рычковъ писалъ:... «Понеже въ приведеніи ея въ надлежащую исправность имѣлъ я великія трудности не только по слабости моего здоровья, которою давно уже одержимъ, но и по тому, что собирая требованныя для того извѣстія (хотя нѣкоторыя изъ нихъ были и за секретарскими руками), находилъ въ нихъ многія погрѣшности, кои нужно было съ другими вѣдомостьми сличать и поправлять по тому, что̀ казалось мнѣ правильнѣе и сходнѣе, не упоминая штиль и метода, который совсѣмъ не годился. При таковыхъ затрудненіяхъ и неспособностяхъ можетъ статься, что иногда и въ моемъ сочиненіи какія либо ошибки окажутся; но я не могъ продолжать болѣе удержаніемъ у себя сея книги для неоднократныхъ учиненныхъ мнѣ отъ вашего высокоблагородія объ немъ напоминаній, разсуждая, что и самое несовершенное лучше нежель ничего; однакъ не чаю, чтобъ по нынѣшнему состоянію здѣшней губерніи многія погрѣшности въ ней нашлись, которыхъ я, сколько возможно было, остерегался».

«Оныя обстоятельства заставили меня въ предисловіи книги означить о томъ напередъ для того, дабы не подвергнуть себя бо̀льшей критикѣ, которая бываетъ иногда въ модѣ. Вы мнѣ, какъ мой милостивецъ и другъ, простите сіе, что я тутъ имя вашего высокоблагородія и г. Гмелина упомянулъ въ сходство моего намѣренія, ибо не только оное, но и всю книгу посылаю я на ваше разсмотрѣніе. Вы во всемъ томъ и убавить, и прибавить по разсужденію вашему можете... Наконецъ повторяю я прежнее мое прошеніе, чтобъ при напечатаніи моего имени не ставить, развѣ въ нѣмецкомъ переводѣ, какъ то ваше высокоблагородіе напредъ сего изволили означить, ежель оный будетъ учиненъ съ вашими примѣчаніями».

Когда Рычкову стало извѣстно о началѣ печатанія его Оренбургской Топографіи, то онъ 13 февраля 1762 г. писалъ къ Миллеру:... «мнѣ мнится, что необходимо потребно приложить къ ней хотя краткое предисловіе и означить тутъ, что она еще въ 1754 году писана; въ которое время обстоятельства оренбургскія противъ нынѣшняго во многомъ были отмѣнны, что̀ въ слѣдующей второй части хотя и изъяснено, но и затѣмъ нѣкоторыя пе-

ремѣны есть. Чаятельно, что впредь и противъ нынѣшняго не безъ перемѣнъ будетъ по новости сея губерніи. Я много бъ отъ вашего высокоблагородія одолженъ былъ, и книгѣ бъ къ великому украшенію и одобренію послужило, ежели бъ вы по вашему искусству такое предрѣчіе отъ себя къ ней приложить изволили и что еще къ ней въ дополненіе потребно тутъ же бъ помянули. Можетъ быть и я въ томъ дополненіи потрудился бъ со временемъ, ежель буду тамъ по прежнему при дѣлахъ. А когда мнѣ случая не будетъ, то тѣмъ другіе къ тому будутъ побуждены. Буде же вамъ, при многихъ вашихъ трудахъ, не достанетъ на сіе времени, то не присовѣтуете ль мнѣ отъ себя оное написать и къ вамъ на разсмотрѣніе прислать»?...

13 октября 1762 года: «для изъясненія Топографіи и для лучшаго понятія содержащихся въ ней матерій весьма нуженъ реестръ, который я, сочиня здѣсь, при семъ прилагаю и прошу приказать, ежель и вы за потребно его признаете, напечатать оный для всѣхъ экземпляровъ и, сколько надлежитъ для меня, ихъ прислать. Признаваюсь я, что по обстоятельнѣе ему быть надлежало—многія имена и званія, находящіяся въ книгѣ, пропустилъ для того, что сія работа очень мнѣ скучна показалась. Къ тому жъ о многихъ разсудилось мнѣ, что они ко изъясненію здѣшнихъ мѣстъ не весьма и нужны, а другія подъ общими званіями разумѣются, напр. звѣрь, рыба и пр.»...

Въ теченіе 1762 года въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» напечатаны обѣ части «Оренбургской Топографіи». Хранящаяся нынѣ въ русскомъ отдѣленіи академической библіотеки рукопись этого сочиненія разнится отъ печатнаго изданія тѣмъ, что въ ней видное мѣсто занимаютъ двѣнадцать картъ въ листъ большаго формата, къ которымъ извѣстія Рычкова служатъ объяснительнымъ текстомъ. Въ предисловіи, также не напечатанномъ при «Оренбургской Топографіи» на томъ, конечно, основаніи, что тамъ подробно говорится о составленіи тѣхъ картъ, замѣчено: «нельзя сказать, чтобъ всѣ оныя (карты) сочинены были такъ исправно и достаточно, якобъ впредь никакого дополненія и поправленія онѣ не требуютъ. Однако жъ то можно объявить, что онѣ (яко и сіе описаніе) большею частію сочинены съ прежнихъ ландкартъ, журналовъ и съ

репортовъ въ тѣ мѣста нарочно для разныхъ надобностей посыланныхъ офицеровъ, знающихъ геодезію, и чрезъ особливыхъ геодезистовъ, исключая однѣ токмо дальнѣйшія заграничныя мѣста (но и сіи съ разныхъ же, прежде сочиненныхъ, а отчасти и съ иностранныхъ ландкартъ, нѣсколько жъ и съ словесныхъ объявленій, взятыхъ отъ достовѣрныхъ, въ тѣхъ мѣстахъ бывалыхъ людей, вношены), чего ради отъ губернской канцеляріи и приказано было на каждую ландкарту записку имѣть, откуда что взято и гдѣ впредь повѣрка или дополнка надобна».

Карты эти были составляемы прапорщикомъ геодезіи Красильниковымъ съ товарищами и имѣютъ нынѣ значеніе для занимающихся судьбами оренбургскаго края въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. Карты позднѣйшихъ временъ, быть можетъ, болѣе исправны, но не въ состояніи дать понятія о прежнемъ оренбургскомъ краѣ, который быстро утрачивалъ свой первобытный характеръ и измѣнялъ первоначальный видъ вслѣдствіе сильнаго наплыва въ него переселенцевъ со всѣхъ концевъ Россіи. Къ этому надо присовокупить и то, что спеціальныя карты Красильникова и товарищей его отличаются своею обстоятельностью: тамъ занесены, напримѣръ, самыя незначительныя деревеньки и поселки [1]). По этимъ уваженіямъ, здѣсь признано небезполезнымъ помѣстить въ III-мъ приложеніи обстоятельное описаніе названныхъ картъ.

Обращаясь къ печатному изданію «Оренбургской Топографіи», находимъ, что при первой части ея нѣтъ никакого вступленія, но въ началѣ второй есть «предисловіе», гдѣ Рычковъ говоритъ:

---

[1]) Вотъ примѣръ тому: извѣстно, что одинъ изъ близкихъ родственниковъ Карамзина отвергалъ преданіе, что исторіографъ родился въ селѣ Михайловкѣ-Карамзинкѣ, лежащей въ бывшей оренбургской, нынѣ самарской губерніи, только на голословномъ увѣреніи, что это село не существовало около 1765 года, когда родился Карамзинъ. Въ послѣдствіи дознано, что это селеніе уже было въ 1773 году въ сосѣдствѣ съ другими двумя: Ляховомъ и Путиловою. (См. «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» изд. Отдѣленіемъ русск. языка и словесности, СПБ. 1866 г., стр. 453, 454.) Карта Красильникова, составленная за десять лѣтъ до рожденія исторіографа и представляющая большую московскую дорогу отъ Оренбурга до Кичуевскаго Фельдшанца, окончательно рѣшаетъ, что помянутый родственникъ Карамзина ошибался: въ 1755 году деревня Карамзина уже значится здѣсь въ нынѣшнемъ бузулукскомъ уѣздѣ, рядомъ съ деревнями Путиловой и Ляховомъ.

....«Великая за-яицкая степь, гдѣ располагаются двѣ киргизъ-кайсацкія и одна каракалпацкая многолюдныя орды, нынѣ подданныя россійской имперіи, и обширныя башкирскія мѣста, наполненныя разныхъ минеральныхъ и древнихъ признаковъ, которыя въ разсужденіи всѣхъ частей исторіи достойны осмотровъ и испытанія отъ людей, во всѣхъ наукахъ совершенныхъ. Россійская наша исторія могла бъ изъ того имѣть знатное приращеніе тѣмъ паче, что отъ оныхъ обитающихъ здѣсь народовъ, между которыми никакихъ ученыхъ людей не бывало и нѣтъ, о такихъ мѣстахъ и вещахъ обстоятельно и достовѣрно вывѣдать невозможно. Въ разсужденіе сего не мало надлежитъ сожалѣть, что посланные отъ санктпетербургской императорской Академіи Наукъ гг. профессоры Миллеръ и Гмелинъ, за прежде бывшимъ башкирскимъ бунтомъ, здѣшней губерніи одинъ токмо край съ сибирской стороны, да и сего небольшую часть видѣли; а притомъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ не могло имъ быть безъ препятствій и опасностей въ ихъ намѣреніяхъ. Напротивужъ того сибирская губернія и самая отдаленнѣйшая Камчатка счастливѣе были тѣмъ, что отъ оныхъ, въ наукахъ толь славныхъ мужей безъ всякаго помѣшательства осмотрѣны и описаны. А между тѣмъ сіе мое первое и простое описаніе служить можетъ для извѣстія». Свое предисловіе авторъ заканчиваетъ такимъ желаніемъ: «Даждь, Боже! чтобъ главные правители здѣшнихъ дѣлъ и народовъ съ ихъ помощниками всегда просвѣщаемы были совершеннымъ знаніемъ всего того, что внутрь и внѣ сей обширной губерніи для государственныхъ интересовъ надобно и полезно, и здѣшняя бъ азіатская коммерція дѣйствительно распространялась и умножалась во всей полуденной Азіи до самой Индіи по извѣстнымъ намѣреніямъ блаженной и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго, а чрезъ то бъ и описаніе оренбургской губерніи отъ искуснѣйшихъ людей приведено было въ полное совершенство, чего я, какъ вѣрный рабъ и сынъ отечества, всеусердно желаю. Писано въ Оренбургѣ апрѣля 22, 1760 года».

Въ томъ же 1762 году сочиненіе Рычкова вышло отдѣльною книгою въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Топографія Оренбургская, то есть обстоятельное описаніе оренбургской гу-

берніи, сочиненное коллежскимъ совѣтникомъ и императорской Академіи Наукъ корреспондентомъ Петромъ Рычковымъ», въ 8°, I, 331; II, 262 стр. Миллеръ, извѣщая объ отдѣльномъ изданіи Топографіи, высказалъ о необходимости подобныхъ трудовъ и въ прочихъ губерніяхъ: «что же при такомъ сочиненіи наблюдать надлежитъ, въ томъ Оренбургская Топографія вѣрною и достаточною предводительницею служить можетъ» [1]).

Въ началѣ 1763 г. Рычковъ былъ въ Москвѣ и оттуда писалъ къ Миллеру, 9 января: «Топографія здѣсь у многихъ хорошо пріемлется».... 6 февраля:.... «Присланные мнѣ экземпляры Топографіи послужили мнѣ изряднымъ способомъ рекомендовать себя тутъ, гдѣ я еще не очень знакомъ былъ. Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой говорилъ: длячего при нихъ нѣтъ ландкартъ и чертежей? Я инако не могъ его сіятельству донесть, что хотя оные отъ меня въ Академію и посланы и аппробованы къ печати, но знатно не исправились напечатаніемъ ихъ. Онъ на то отозвался, что они весьма бъ нужны, и рекомендовалъ мнѣ, чтобъ я о тамошнихъ странахъ описанія мои продолжалъ»...

Появленіе въ свѣтъ «Топографіи Оренбургской» было для своего времени событіемъ замѣтнымъ и въ литературѣ, и въ обществѣ. Изъ нея въ первый разъ узнаны были разныя подробности о такомъ краѣ, который мало былъ извѣстенъ не только большинству публики, но и самому правительству. Послѣднее, отправляя туда главныхъ начальниковъ, давало имъ полномочія, въ силу которыхъ тѣ могли распоряжаться въ странѣ по собственному усмотрѣнію и не отдавая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ Россіи смутно знали, что въ оренбургскомъ краѣ идетъ отчаянная борьба между туземнымъ населеніемъ и новыми пришельцами изъ нашихъ; что тамъ безпрерывныя возстанія; что туда требуются войска, и т. д. При такомъ положеніи края трудъ о немъ Рычкова былъ важною новостью для современниковъ. Нынѣ онъ, конечно, не имѣетъ уже этой цѣны, но все таки остается единственною справочною книгою, безъ которой нѣтъ никакой возможности обойтись, какъ скоро рѣчь заходитъ о состояніи оренбургскаго края въ прошломъ столѣтіи.

---

[1]) «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ», мартъ 1763 г., стр. 269, 270.

Шлецеръ обратилъ на «Топографію Оренбургскую» особенное вниманіе и составилъ обширный обзоръ ея, который помѣщенъ въ Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen [1]). «Къ достопамятствамъ сего жъ 1766 году въ разсужденіи меня, записано въ автобіографіи Рычкова, и сіе причесть надлежитъ, что въ Геттингенскихъ объявленіяхъ объ ученыхъ дѣлахъ, подъ дирекціею королевскаго собранія наукъ, въ мартѣ мѣсяцѣ напечатана рецензія на Оренбургскую мою Топографію съ немалымъ выхваленіемъ. Я ее, переведя на русскій языкъ, пріобщилъ къ той моей Топографіи, коя въ домашней моей библіотекѣ имѣется»...

Академикъ Палласъ, во время путешествія своего по оренбургскому краю въ 1769 году, принялся за переводъ Топографіи на нѣмецкій языкъ, о чемъ Рычковъ писалъ къ Миллеру 11 ноября 1770 года: «Г. профессоръ Палласъ пишетъ ко мнѣ, что онъ самъ зачалъ переводить на нѣмецкой языкъ Топографію Оренбургскую и намѣренъ пріобщить къ ней свои примѣчанія, а потомъ напечатать ее въ Берлинѣ. Съ его переводу намѣряюсь я сдѣлать переводъ на русской языкъ только такъ, какъ онъ напишетъ. Увѣдомьте меня, милостивый государь мой, можетъ-ли сія книга вторично напечатана быть въ университетѣ [2]) на нашемъ языкѣ съ примѣчаніями г. профессора и съ моими дополненіями. Г. профессоръ по нѣскольку листовъ переводу своего хотѣлъ ко мнѣ присылать, а я ихъ, переводя на русской языкъ, сталъ бы къ вамъ присылать для напечатанія. И на сіе буду отъ васъ увѣдомленія ожидать»... 18 ноября 1770 года: «Г. Палласъ отъ 4 ноября пишетъ ко мнѣ: mit Uebersetzung der Topographie bin ich bis in die Mitte des vierten Capitel gekommen, und werde, wann es Ew. Hoch... angenehm ist, eine Probe davon aber in Schwarzen zu überschicken die Ehre haben»... 4 декабря 1770 года: «теперь получилъ я письмо отъ г. профессора Палласа и перевода его Оренбургской Топографіи пять листовъ мелкаго нѣмецкаго письма. Переводъ весьма прекрасной»...

Что̀ Палласъ придавалъ особенное значеніе труду Рычкова, то можно видѣть изъ словъ его въ предисловіи къ «Путешествію

---

[1]) I Band, 1766, SS. 217—230; 249—254; 284—288.

[2]) Московскомъ, такъ какъ Миллеръ съ 1765 г. жилъ уже въ Москвѣ.

по разнымъ провинціямъ россійской имперіи», гдѣ послѣ упоминанія съ похвалою о «Топографіи Оренбургской» замѣчено, что она «по справедливости достойна быть переведена на другіе языки». Продолженіе своего перевода «Топографіи Оренбургской» Палласъ вѣроятно оставилъ по тому, что въ 1771 и 1772 годахъ напечатаны два нѣмецкіе перевода этого сочиненія, а именно:

Въ V-й части извѣстнаго изданія Бюшинга Magazin für die neue Historie und Geographie, 1771, (стр. 457 sq.) — первая часть «Топографіи Оренбургской» въ переводѣ Христіана Генриха Газе, пастора въ Зульцѣ, а въ VI-й части—окончаніе ея (стран. 473 sq.). Бюшингъ въ общемъ предисловіи къ V-й ч. своего Магазина говоритъ: «переводъ описанія оренбургской губерніи г. Рычкова, безъ сомнѣнія, будетъ принятъ съ удовольствіемъ, такъ какъ, по важности этого труда, его давно желали видѣть на нѣмецкомъ языкѣ. Замѣчательно, что переводъ сдѣланъ проповѣдникомъ въ альтенбургскомъ княжествѣ, который былъ самъ себѣ учителемъ въ русскомъ языкѣ и изучалъ его при пособіи немногихъ вспомогательныхъ источниковъ, найденныхъ имъ въ Вольфенбюттельской библіотекѣ»... Не удивительно поэтому, что въ переводѣ Газе не мало неточныхъ мѣстъ и промаховъ: они указаны Миллеромъ въ рукописной статьѣ его «Погрѣшности г. Газа въ переводѣ оренбургской исторіи»,—хранящейся, вмѣстѣ съ другими бумагами академика, въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ [1]). «Могу сказать, писалъ Рычковъ къ Миллеру 14 сентября 1771 года, что не непріятно мнѣ было видѣть изъ письма вашего о переводѣ и о напечатаніи Топографіи моей въ Германіи. Вы много одолжите меня, милостивый государь мой, ежель г. Бюшинга Историческаго Магазейна тѣ части, въ коихъ оная Топографія будетъ, пожалуете мнѣ достанете. Деньги» и проч.—18 іюля 1773 года: «Переводъ Оренбургской Топографіи и Казанской Исторіи читаетъ г. губернаторъ, но не хвалитъ его, да и я примѣтилъ нѣкоторыя выраженія, съ моимъ подлинникомъ не оченъ сходныя. Г. профессора Палласа переводъ гораздо будетъ лучше и совершеннѣе»...

---

[1]) «Герардъ Фридрихъ Миллеръ» г. Соловьева въ Современникѣ 1854 года, т. XLVII, отд. II, стр. 148.

Секретарь и переводчикъ въ Ригѣ Родде издалъ тамъ Orenburgische Topographie въ двухъ частяхъ въ 1772 г. Въ предисловіи его сказано: «Топографія Оренбургская, какъ сочиненіе, отличающееся превосходными достоинствами, не требуетъ пространной оцѣнки. Образованной публикѣ извѣстно, что до сихъ поръ мало знали описанныя тамъ страны и что недоставало надлежащей достовѣрности тому немногому, что встрѣчалось въ отрывочныхъ описаніяхъ о нихъ. Господинъ сочинитель съ давнихъ уже поръ живетъ въ оренбургской губерніи и теперь находится тамъ же начальникомъ главнаго соляного правленія. Слѣдовательно онъ имѣлъ случай почерпать извѣстія изъ оффиціальныхъ дѣлъ оренбургской губерніи. Онъ часто ссылается на нихъ, и они носятъ на себѣ печать достовѣрности. Многіе предметы онъ самъ видѣлъ и изслѣдовалъ наблюдательнымъ окомъ, а то, что основано на устныхъ разсказахъ, оправдывается ссылками на заслуживающихъ довѣрія людей. Главное, что во всемъ сочиненіи видѣнъ безпристрастный человѣкъ, усердный желатель раскрытія истины и споспѣшествователь общественному благу».

Въ 1763 г. Миллеръ предложилъ русскимъ читателямъ на рѣшеніе вопросы: почему русскихъ государей называютъ бѣлыми царями, а часть Литвы Бѣлою Россіею [1])? Прочитавъ это приглашеніе, Рычковъ послалъ въ отвѣтъ Миллеру свою статью по этому предмету.

Академикъ былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что изъ читателей его изданія выискался наконецъ одинъ, который прислалъ отвѣтъ на печатно предложенный вопросъ: Миллеръ и прежде помѣщалъ въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ задачи на рѣшеніе любителей и знатоковъ, но таковыхъ въ тѣ времена не находилось. «Я получилъ, отвѣчалъ Миллеръ Рычкову 7 іюля 1763 года, два экземпляра вашей статьи о бѣломъ царѣ. Она меня очень обрадовала — вы одни доказываете, что мои старанія не тщетны [2])»...

Статья Рычкова въ формѣ письма къ Миллеру помѣщена

---

[1]) Ежемѣсячныя сочиненія, 1763 года апрѣль, стр. 381 — 383; май, стр. 478 — 480.

[2]) V-й портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ въ архивѣ академической конференціи.

въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ [1]) съ примѣчаніемъ; ...«хотя въ ономъ совершеннаго помянутыя задачи рѣшенія не находится, чего по видимому надѣяться и не можно, однако всякой признавать долженъ, что историческія и географическія розысканія, здѣсь сообщенныя, вящшей похвалы достойны»... По мнѣнію Рычкова, титулъ бѣлаго царя придавался русскимъ государямъ потому, что «цвѣтъ бѣлой въ Россіи издревле былъ почтеннѣйшій, а напротивъ того черной значилъ всегда подлость и уничтоженіе»... Онъ утверждалъ также, что азіатскіе государи придавали русскимъ царямъ этотъ титулъ въ подражаніе русскимъ. Это же говорилъ и генералъ-маіоръ Тевкелевъ. «Онъ, писалъ Рычковъ къ Миллеру 14 сентября 1763 г., подтвердилъ мое мнѣніе, что то званіе изъ Россіи къ нимъ пришло. Только-де сперва, когда татарскіе государи были сильнѣе россійскихъ, россійскихъ государей именовали акъ-біи, т. е. бѣлой князь и государь; а наконецъ изъ того уже акъ-падыша, т. е. бѣлый царь, или императоръ произошло»... Названіе Бѣлой Россіи Рычковъ производилъ отъ бѣлаго платья, «въ Россіи въ великомъ употребленіи бывшаго», и въ подтвержденіе тому ссылался на сочиненія Татищева. При этомъ Миллеръ сдѣлалъ слѣдующее справедливое возраженіе: «Г. Рычковъ да позволитъ намъ при семъ примѣчать, что свидѣтельства новѣйшихъ сочинителей о древнихъ происшествіяхъ доказательствомъ историческимъ служить не могутъ, если на свидѣтельствахъ древнихъ не основаны. Намъ не безызвѣстно было, что г. Татищевъ въ ономъ мнѣніи находился, хотя мы о томъ именно не объявляли. Почтеніе наше къ похвальнымъ заслугамъ сего искуснаго мужа по истиннѣ превелико, и не можемъ мы не сожалѣть о томъ, что изрядныя его сочиненія—тридцатилѣтнихъ трудовъ плоды—въ печать не производятся: но сего по нашему мнѣнію не довольно, чтобъ съ нимъ въ семъ дѣлѣ согласиться. Мы ссылаемся на всѣ россійскіе лѣтописцы, на Нестора преподобнаго съ его продолжателями. Изъ нихъ бы было доказать, что Бѣлая Русь до Москвы и далѣе простиралась, чего мы въ нихъ не нашли. И того ради остаемся мы при прежнемъ мнѣніи»...

Въ томъ же 1763 году Миллеръ предлагалъ рѣшить: отчего

---

[1]) 1763 года, августъ, стр. 120—133.

произошло названіе Чермной Россіи [1])? Рычковъ прислалъ отвѣтъ, заимствованный, по его словамъ, изъ сочиненій Татищева; но при этомъ онъ предупреждалъ Миллера (30 августа 1763 года): «мнѣ мнится весьма трудно и не надежно отгадывать древнія званія городовъ и мѣстъ, и не думаю, чтобъ то при всякомъ случаѣ нужно было. Кажется, что въ томъ весьма немного реальнова или существеннаго найдется къ исторіи. Сіе я вамъ, какъ истинному другу и милостивцу, осмѣливаюсь сказать... (31 августа 1763 года): «дѣла и вещи, которыя отъ гаданія нашего происходятъ, рѣдко вѣроятными бываютъ... Я по нынѣ того мнѣнія, что сія задача ваша (о бѣломъ царѣ), такъ какъ и о Чермной Россіи съ Черною, суть не рѣшимыя. Вы сами лучше моего изволите знать, что о такихъ вещахъ въ старину не только у насъ, но и у другихъ народовъ весьма мало думали, и званія мѣстамъ и людямъ часто прилагались по одному воображенію безъ всякаго свойственнаго имъ резона»...

Когда была окончена печатаніемъ «Топографія Оренбургская», то Миллеръ совѣтовалъ Рычкову приняться за составленіе географіи Россіи.

«Я бъ, отвѣчалъ онъ изъ Спасскаго 28 марта 1763 года, охотно взялся за то, чтобъ сочинить введеніе къ географіи всероссійской имперіи; но ежель оное обстоятельное надобно, то въ немъ гораздо больше трудности, нежель въ историческомъ сочиненіи. Что до исторіи надлежитъ, сіе можно брать изъ разныхъ книгъ и сочиненій, а въ географіи нужно будетъ справки и сношенія имѣть съ такими людьми, которые о принадлежностяхъ къ ней никакого почти понятія не имѣютъ. Довольно для меня, ежели бъ я и Казанскую губернію подъ именемъ Топографіи Казанской описалъ. Сдѣлайте мнѣ отъ Академіи формальное предложеніе и доставьте мнѣ требующіеся къ тому способы, дабы я могъ свободную корреспонденцію имѣть и надобныя къ тому извѣстія получать, то бъ я сію часть географіи россійской, а можетъ быть и астраханскую бъ на себя взялъ; но не могу и тутъ обнадежить васъ скорымъ исполненіемъ всего того, а буду отъ времени до времени продолжать сколько моя возможность, по слабости силъ

[1]) Ежемѣсячныя сочиненія 1763 г. іюль, стр. 96.

моихъ, допуститъ. Изъ такихъ частныхъ или мѣстныхъ описаній не трудно уже будетъ и всецѣлую географію сочинить»...

Вслѣдствіе этого письма, Миллеръ, 5 мая 1763 года, представлялъ академической канцеляріи, чтобъ изъ сената былъ вытребованъ указъ объ оказаніи Рычкову содѣйствія при составленіи имъ географическихъ описаній казанской и астраханской губерній [1]).

Донесеніе Миллера оставалось въ академической канцеляріи безъ помѣты и исполненія до 15 мая. Въ этотъ день Ломоносовъ далъ туда знать, что онъ уволенъ вовсе изъ Академіи [2]), а Таубертъ тогда же распорядился записать въ канцелярское постановленіе, чтобы о Рычковѣ представить въ сенатъ по возвращеніи его изъ Москвы въ Петербургъ. 26 августа 1763 года это дѣйствительно было исполнено, но сдѣлано ли что нибудь сенатомъ о Рычковѣ, изъ тогдашней переписки о немъ въ академической канцеляріи не видно.

Между тѣмъ Рычковъ продолжалъ писать къ Миллеру о необходимости оффиціальнаго содѣйствія; такъ 26 мая 1763 года онъ сообщалъ ему: «Признаніе ваше въ ученыхъ извѣстіяхъ ободряетъ меня къ сочиненію географіи [3]); но буду ожидать отъ васъ къ тому плана и наставленія, о чемъ я на предварившихъ почтахъ писалъ. Г. Волковъ [4]), нынѣ въ Оренбургѣ обрѣтающійся вице-губернаторомъ, не чаю, чтобъ мнѣ съ своей стороны доставлялъ къ тому хорошіе способы, хотя онъ мнѣ весьма уже давно знакомъ, а я его всегда считалъ моимъ пріятелемъ. Я къ нему при письмѣ, какъ къ другу, послалъ Оренбургскую Топографію, но онъ, сказываютъ, и не посмотря въ нее, отдалъ ее другому и на мое

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга подъ № 275.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ стр. 603.

[3]) Здѣсь Рычковъ разумѣетъ хвалебный о немъ отзывъ Миллера въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ 1763 г. мартъ, о чемъ говорено выше на стр. 64.

[4]) Дмитрій Волковъ пользовался особеннымъ значеніемъ на дѣла при императорѣ Петрѣ III, а по возшествіи на престолъ императрицы Екатерины II былъ назначенъ въ Оренбургъ вице-губернаторомъ на мѣсто возвращеннаго оттуда Адодурова. Въ Государственномъ Архивѣ хранится письмо къ Волкову Рычкова 16 іюня 1762 года, писанное слѣдовательно до низложенія Петра III. Здѣсь Рычковъ напоминаетъ Волкову о его къ нему «снисходительствахъ», особенно же въ послѣднюю его бытность въ Петербургѣ, и проситъ содѣйствія объ опредѣленіи вновь на службу.

письмо отвѣту (sic) не удостоилъ. Не знаю тому причины, но сей опытъ худую надежду подастъ мнѣ въ собраніи оттудова къ дополненію оной книжки. Сіе вамъ, какъ моему истинному другу, разсудилось сообщить»...

Изъ слѣдовавшихъ за тѣмъ писемъ Рычкова въ іюнѣ — августѣ 1763 года видно, что онъ приступилъ-было къ приготовительнымъ работамъ по составленію географическихъ описаній названныхъ двухъ губерній, но другія занятія и надежда быть вызваннымъ въ Петербургъ для участія въ работахъ по коммиссіи о коммерціи отвлекли Рычкова отъ географіи. О кабинетныхъ своихъ работахъ онъ вспомнилъ только послѣ рѣзкаго замѣчанія Миллера о его суетномъ желаніи служить въ Петербургѣ (см. выше, гл. IV, стр. 52), и 31 іюля 1764 года увѣдомлялъ его: «Помнится я къ вамъ писывалъ о сочиненіи казанской исторіи, и вы сами меня къ тому ободряли исходатайствованіемъ указа о дачѣ мнѣ потребныхъ къ тому извѣстій. Я тогда же было-принялся за нее и нѣсколько главъ написалъ. Нынѣ у досугу разсматривалъ. Она доходитъ до времени царя Ивана Васильевича. Сожалѣю, что обстоятельнѣе не могъ я писать за недостаткомъ у меня потребныхъ къ тому извѣстій; но чтобъ и тотъ мой трудъ небольшой втунѣ не остался, думалъ я оное до васъ послать подъ именемъ «Опыта казанской исторіи»... Другую часть сего Опыта послѣ могу прислать. Въ ней показаны будутъ походы къ Казани царя Ивана Васильевича и нынѣшнее города состояніе. За симъ можно и легче будетъ прочія сей губерніи мѣста описывать»...

7 августа 1764 года: «На прошедшей почтѣ послалъ уже я до вашего высокоблагородія первый листокъ Опыта моего казанской исторіи. Опытомъ назвалъ я ее какъ еще несовершенную, а притомъ и вашему послѣдуя [1])... Я васъ, какъ друга и милостивца, прошу посылаемое нынѣ разсмотрѣть и неисправности выправить по вашему разсужденію и искусству. Можетъ быть, что я во многомъ ошибся и не такія доказательства приводилъ, какія требуются. Я изъ того выбиралъ, что у меня нынѣ есть. Сожалѣю, что и писца исправнаго у меня нынѣ нѣтъ: кое-какъ переписано, а мнѣ самому не удалось хорошенько высмотрѣть,

---

[1]) Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» 1761 года помѣщенъ Миллеромъ «Опытъ новѣйшія исторіи о Россіи».

но сіе у васъ можетъ быть исправлено... Списокъ казанской исторіи г. Пестрикова, который уже покойникъ, весьма плохъ. Многое такъ дурно писано, что выразумѣть трудно, и я принужденъ въ слѣдующихъ главахъ употреблять мой. Но можетъ быть отъ сего моего опыта подастся поводъ другимъ лучшее и обстоятельное описаніе учинить. Я вашего мнѣнія: что нибудь лучше, нежель ничего!»

20 ноября 1764 года: «Послѣ отсылки къ вамъ второй части Опыта казанской исторіи, кою я выписывалъ изъ описанія бывшаго въ Казани географа Пестрикова, получилъ я еще описаніе казанское. Надпись его есть слѣдующая: «Сказаніе вкратцѣ о začалѣ царства казанскаго и о побѣдахъ великихъ князей московскихъ со царьми казанскими, и о взятіи того жъ царства казанскаго благочестивѣйшимъ царемъ и великимъ князёмъ Іоанномъ Васильевичемъ». Сочинитель не именовалъ сего, но видно, что онъ былъ русской изъ военныхъ людей, попалъ въ полонъ и жилъ въ Казани при ханѣ Сипъ-Гиреѣ въ близости и въ милости его двадцать лѣтъ. По взятьѣ жъ Казани, вышелъ онъ къ царю Ивану Васильевичу и обращенъ паки въ христіанство. Кажется, что оно самое то, изъ котораго г. Пестриковъ выписывалъ. Только списокъ попался мнѣ худаго письма и со многими описками. Я, сличая то и другое, разсудилъ въ свободные часы мое сочиненіе снова переписать все моею рукою, и какія несходства или въ семъ послѣднемъ пополненія явятся, оныя внесть подъ чертою въ примѣчаніяхъ или на полѣ подъ × »...

Миллеръ не былъ доволенъ Опытомъ казанской исторіи Рычкова и 13 сентября 1764 г. писалъ къ нему: «по моему мнѣнію вы притомъ должны еще воспользоваться Лызлова Скиѳскою Исторіею. Вы упоминаете Пестрикова, а слѣдуетъ ссылаться только на извѣстныхъ казанскихъ лѣтописцевъ, изъ которыхъ Пестриковъ, какъ кажется, выписывалъ слово въ слово [1])»...

«Пріятнѣйшее ваше письмо отъ 13 сентября получилъ я, отвѣчалъ 27 ноября 1764 г. Рычковъ, 22 числа сего ноября.... Лызлова Скиѳской Исторіи у меня нѣтъ. И такъ, ежель возможно и вамъ не трудно, то не соизволите-ль вы у себя изъяс-

[1]) V-й портфель писемъ исторіографа Миллера, въ архивѣ академической конференціи.

нить и дополнить мое описаніе вашими примѣчаніями. Я уже доносилъ, что попалось мнѣ въ руки и то, изъ коего Пестриковъ выбиралъ и въ первую мою часть что̀ надлежитъ изъ него дополнилъ примѣчаніями подъ чертой. Ежели-бъ письмо ваше ускорилось, то бъ я, не упоминая Пестрикова, все въ самой текстъ внесъ. Теперь надобно будетъ все снова передѣлывать—не знаю, дозволитъ ли мнѣ время, ибо нѣсколько слабъ здоровьемъ нахожусь»...

Несмотря на такія отговорки, Рычковъ однако послѣдовалъ скоро совѣту Миллера и принялся за поправки и дополненія, но академикъ рѣшительно не удовлетворялся этимъ. «Казанскую исторію, писалъ онъ 27 декабря 1764 г., безъ сомнѣнія слѣдуетъ переработать. Кромѣ Лызлова есть много другихъ рукописей и въ особенности лѣтописцовъ временъ Ивана Васильевича, но объ этомъ подробнѣе въ другой разъ [1])»...

«Опытъ казанской исторіи» Рычкова печатался при Академіи уже послѣ отъѣзда изъ Петербурга Миллера, о чемъ авторъ увѣдомлялъ его 18 ноября 1766 года: «Опыту моего казанской исторіи первыя главы Иванъ Ивановичъ Таубертъ съ г. профессоромъ Шлецеромъ посылалъ въ Геттингенъ (?), чтобъ экзаменовать ихъ въ историческомъ собраніи; но наконецъ всю книжку приказалъ онъ печатать съ моего манускрипта и прислалъ уже ко мнѣ семь главъ печатанныхъ, что̀ половину книжки сочиняетъ, и требовалъ, дабы я ко оной книжкѣ дедикацію на имя ея величества и предувѣдомленіе поскорѣе прислалъ, что̀ я и отправилъ къ нему изъ Оренбурга 28 сентября на его разсмотрѣніе; но по сіе время не имѣю отъ него на то извѣстія. Со оной дедикаціи и предувѣдомленія для вашего свѣдѣнія прилагаю при семъ копіи. Не погнѣвайтесь, милостивый государь мой, что я тутъ имя ваше употребилъ, не согласясь съ вами; за скоростію сіе сдѣлалъ изъ благодарности и почтенія моего къ вамъ въ сходственность моей идеи. Книжку самую противъ той, какова отъ меня послана была къ вамъ, во многихъ мѣстахъ я поправилъ противъ данной мнѣ отъ васъ казанской лѣтописи. Тутъ же прибавилъ особую главу

---

[1]) V-й портфель писемъ исторіографа Миллера, въ архивѣ академической канцеляріи.

о татарскихъ ханахъ, начавъ отъ Батыя до послѣдняго, по совѣту вашему»...

«Опытъ казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ» напечатанъ въ 1767 году[1]), и въ мартѣ того года Рычковъ представилъ Екатеринѣ II свою книгу, о чемъ говорено уже выше на стр. 54, гл. IV. «Всѣ великіе государи, сказано въ посвященіи императрицѣ, были всегда великіе любители исторіи. Ваше императорское величество, превосходя ихъ..., чтеніе историческихъ книгъ почитаете всегда пріятнѣйшимъ упражненіемъ. Потому осмѣливаюсь я сей малый» и пр...

Въ предисловіи Рычковъ выражаетъ сначала желаніе имѣть полную исторію Россіи. «...Да и нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, чтобъ то не исполнилось. Съ начала санктпетербургской императорской Академіи Наукъ, основанной императоромъ Петромъ Великимъ, отцемъ отечества, потрудились уже и нынѣ въ ней упражняются самые знатные и ученые люди. Собранія, отъ искусныхъ и трудолюбивыхъ мужей учиненныя, и издаваемые въ печать разные манускриптиты подъ именемъ Россійской Библіотеки послужатъ къ тому великимъ способомъ и руководствомъ. Начало ея оставилъ уже намъ покойный статскій совѣтникъ Ломоносовъ — примѣръ, достойный подражанія».

«Но... общая исторія всей Россіи, чтобъ быть ей полною и совершенною, по великости имперіи и по множеству ея провинцій, изъ которыхъ въ древнія времена во многихъ бывали особенныя царства и княженія, необходимо требуетъ особенныхъ описаній. Такое описаніе о началѣ Новгорода и великомъ семъ княженіи имѣемъ уже мы ученымъ мужемъ[2]) сочиненное; сибирское царство имъ же описано; отдаленнѣйшая Камчатка имѣетъ уже свою исторію[3]); новая оренбургская губернія, подъ именемъ исторіи и топографіи, по возможности моей представлена... Исторія казанскаго царства, по ея многимъ перемѣнамъ, мѣшавшися съ исторіею о всей Россіи, была бъ для насъ еще важнѣе и полезнѣе

---

[1]) Въ 8⁰, 10 нен. стр. (посвященіе и предисловіе), 196 стр. и реестръ на 36 нен. стр.

[2]) Миллеромъ.

[3]) Крашенинникова.

сибирской... Опытъ сей казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ послужитъ къ тому началомъ»...

Отсутствіе исторической критики и ученыхъ пріемовъ—главные недостатки этого труда Рычкова. Какъ перерабатывалъ онъ имѣвшіеся подъ руками его матеріалы, видно изъ собственнаго его разсказа на стр. 67 о спискахъ казанскаго лѣтописца: «въ послѣдованіи сего Опыта, всѣ оные списки, сличая, буду считать за одинъ и стану изъ нихъ сокращать и вносить здѣсь одно то, *что покажется мнѣ* вѣроятнѣе, достойнѣе примѣчанія и съ нынѣшнемъ состояніемъ сходственнѣе»... Рычковъ, что впрочемъ нерѣдко встрѣчаемъ и у современныхъ намъ составителей статей по русской исторіи, не понималъ различія между первоначальными источниками и вспомогательными и пользовался ими безразлично. Такъ Миллеръ ему указывалъ, что онъ сдѣланное Пестриковымъ извлеченіе изъ лѣтописи положилъ въ основаніе всему своему разсказу, какъ первоначальный источникъ, а между тѣмъ Пестриковъ составлялъ свое извлеченіе въ тѣ времена, въ которыя жилъ и Рычковъ, и притомъ изъ тѣхъ же лѣтописцовъ, которые были, какъ оказалось послѣ, и въ рукахъ Рычкова.

Въ «Опытѣ казанской исторіи» нѣтъ также того, что дѣлаетъ донынѣ «Оренбургскую Топографію» полезною книгою для справокъ,—это по возможности обстоятельныхъ, собранныхъ очевидцемъ извѣстій о современномъ состояніи края. Четырнадцатая глава «Опыта» озаглавлена «О мѣстоположеніи города Казани и о нынѣшнемъ состояніи онаго» и есть ничто иное, какъ краткое описаніе, сдѣланное тѣмъ же Пестриковымъ въ 1739 году, т. е. почти за тридцать лѣтъ до выхода книги.

Шлецеръ посвятилъ и этому сочиненію Рычкова довольно обширную рецензію [1]), гдѣ высказалъ, что о казанскомъ царствѣ существуютъ на русскомъ языкѣ множество рукописныхъ сказаній то искаженныхъ, то интерполированныхъ и, стало быть, требующихъ такой же трудной и тонкой критики, какъ и всѣ прочія русскія лѣтописи. «Однако, продолжаетъ Шлецеръ, всѣ эти рукописныя сказанія, кажется, принадлежатъ одному сочинителю, именно неизвѣстному русскому XVI вѣка, который попалъ въ

---

[1]) Göttingische Anzeigen, 1769, B. 2, SS. 1340–1349.

Казань плѣннымъ и жилъ двадцать лѣтъ при дворѣ Сипъ-Гирея... Г. Рычковъ предлагаетъ извлеченіе изъ этой лѣтописи, но не столько для удовлетворенія читателя, сколько для возбужденія любопытства и вниманія его въ качествѣ предвозвѣстника полнѣйшаго описанія примѣчательной казанской губерніи, котораго желаетъ и онъ, и каждый другъ и знатокъ исторіи»... Въ первой главѣ говорится о древнихъ обитателяхъ казанскаго края. Здѣсь много темнаго, но не по винѣ трудолюбиваго автора—его ввели только въ заблужденіе плохіе руководители. Лызловъ, писавшій въ 1690 г., рагузеннинъ Орбини, который переведенъ по приказанію Петра въ 1722 году, Бароній и тому подобные не имѣютъ уже болѣе никакого значенія при изслѣдованіяхъ о темныхъ и сбивчивыхъ временахъ переселенія народовъ, и мы желали бы лучше вмѣсто ихъ видѣть имена Дюканжа, Пейсонеля, Дегиня, Эрбло и др. Никогда славяне не жили на Волгѣ, а тѣмъ менѣе переходили, какъ баснословитъ Орбини, изъ Скандинавіи чрезъ Померанію къ Каспійскому морю. Историкъ въ 1767 г. не долженъ вовсе упоминать подобныхъ разсказовъ, или же говорить о нихъ такъ, какъ взрослый человѣкъ говоритъ о глупостяхъ своего дѣтства. Геродотъ зналъ объ этихъ странахъ очень мало, а его последователи Страбонъ, Плиній и пр. еще менѣе. Что за народъ были булгары—это теперь еще загадка»... Въ заключеніе Шлецеръ говоритъ: «Теперь слѣдуетъ прежде всего собрать съ полъдюжину казанскихъ лѣтописей и напечатать лучшую и полнѣйшую изъ нихъ in extenso и буквально, какъ Никоновскую Лѣтопись, а отмѣны остальныхъ помѣстить на поляхъ. Голое извлеченіе возбуждаетъ только любопытство, не удовлетворяя его; возбуждаетъ смущеніе въ историкѣ; расплождаетъ давнишнія заблужденія лѣтописцевъ-неучей и подаетъ поводъ къ высиживанію новыхъ заблужденій»...

Рычковъ услыхалъ объ этомъ разборѣ въ 1770 г. и тотчасъ же просилъ Миллера о доставленіи ему статьи хотя бы только для прочтенія. Желаніе его вскорѣ за тѣмъ было исполнено, но справедливыя замѣчанія Шлецера не были ему по-сердцу, и онъ подъ вліяніемъ раздраженнаго авторскаго самолюбія писалъ, 2 іюня 1770 г., къ Миллеру: «Рецензію г. Шлецера я читалъ. Она меня не трогаетъ, но показываетъ въ разныхъ мѣстахъ чрез-

мѣрное самолюбіе, или паче самохвальство сочинителя ея. Неуваженіе тѣхъ писателей, которыхъ я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употреблялъ, не заслуживаетъ (?) возраженія. Славяна-ль по Волгѣ жили, или татара въ старину подъ именемъ болгаръ, онъ и самъ не знаетъ и ничего не утверждаетъ. Сіе ему, какъ историку, чести не дѣлаетъ (!), но что тутъ въ давныя времена русскіе и новгородцы находились, на сіе мы очень много находимъ у себя вѣроятныхъ доказательствъ. Оставляю сіе»...

Изъ писемъ Рычкова къ Миллеру въ 1768 и 1769 годахъ видно, что первый занимался матеріалами, касающимися исторіи Астрахани и 31 января, 1769 г., послѣ отсылки двухъ первыхъ частей ея, писалъ: «Ко астраханской исторіи принадлежащаго имѣю я у себя только Разина бунтъ, и тамошнее отъ него раззореніе описано съ нарочитымъ пространствомъ. Я думаю сіе внесть къ симъ собраніямъ особою частію, начавъ сперва тамошнимъ замѣшательствомъ, причиненнымъ отъ Марины Сендомирской побѣгомъ ея туда; потомъ бунтъ Разина, а напослѣдокъ въ 1704 году при Петрѣ Великомъ бывшее замѣшательство, о которомъ Страленбергъ упоминаетъ»...

По полученіи отъ Миллера примѣчаній и дополненій на первыя двѣ части астраханской исторіи, Рычковъ 1 августа 1769 года отвѣчалъ: «...Примѣчанія ваши неоднократно я читалъ: они достойны великаго вниманія. Я къ моему сочиненію намѣренъ ихъ, переведя на русской языкъ, особымъ примѣчаніемъ сообщить; но прежде нежели сіе учиню, оное примѣчаніе на ваше разсужденіе къ вамъ сообщу и буду слѣдовать вашему наставленію. Подлинно, что столь отдаленныя отъ насъ времена инако не можемъ мы разбирать какъ догадками, но кто просвѣщеннѣе науками и достаточенъ во чтеніи, тотъ основательнѣе и ближе приходитъ къ истинѣ, покрайней мѣрѣ къ вѣроятности. Мнѣ кажется и наши лѣтописцы (sic), хотя они и не самимъ Несторомъ писаны, не во всѣхъ случаяхъ отвергать надобно. Въ спискѣ Никона патріарха, кой въ печать изданъ, Команы и Русь не въ одномъ мѣстѣ за единъ народъ признаваются. Другіе гораздо сего старѣе тоже утверждаютъ. Равномѣрно и о Тмуторокани еще во время царя Ивана Васильевича говорили и писали (чтò и въ вашей, сообщенной ко мнѣ выпискѣ изъ лѣтописи сего государя показано), что она тутъ

была, гдѣ нынѣ Астрахань. И такъ сіе мнѣніе гораздо старѣе Лызлова и уже прошло ему болѣе двухсотъ лѣтъ. Уповаю и тогда были какія нибудь о семъ сказанія иль старые люди, сему послѣдовавшіе. Преподобный Несторъ, упоминая многія княжества, весьма мало изъясняетъ о ихъ мѣстоположеніяхъ. Имъ самимъ сказуемую Тмуторокань не трудно къ нынѣшнимъ астраханскимъ предѣламъ причесть, разсуждая разные набѣги и уходы, въ Тмуторокань бывшіе. Вотъ, дражайшій другъ, почти все то, что я на примѣчанія ваши сказать могу».

Сочиненіе, о которомъ говорится въ сейчасъ приведенныхъ выпискахъ изъ писемъ Рычкова, напечатано было въ Москвѣ въ 1774 году, подъ заглавіемъ: «Введеніе къ Астраханской топографіи, представляющее въ первой части разныя извѣстія о древнемъ состояніи сей губерніи и обитавшихъ въ ней народовъ; а во второй — о покореніи сего царства подъ державу россійскихъ монарховъ», въ 8°, на 76 стр.

Этотъ трудъ Рычкова не имѣетъ никакой цѣны, потому что здѣсь еще болѣе замѣтны поспѣшность и полнѣйшее отсутствіе критики, такъ что авторъ не дѣлаетъ никакого различія, наприм. между лѣтописцами и Лызловымъ; Эминымъ, творцемъ россійской исторіи и Миллеромъ и т. д., но всѣхъ ихъ приводитъ съ одинаковою вѣрою въ ихъ непогрѣшимость.

Изъ писемъ Рычкова къ Миллеру можно видѣть, что сверхъ обмѣна мнѣній по поводу печатавшихся отъ времени до времени сочиненій перваго, онъ сообщалъ ему разныя свѣдѣнія по части географіи и исторіи оренбургскаго края.

Такъ 26 февраля 1758 года Рычковъ доставилъ Миллеру роспись картъ и журналовъ, хранившихся въ Оренбургѣ при «географическихъ дѣлахъ». Въ отвѣтѣ своемъ 30 мая 1758 г. Миллеръ писалъ [1]: «Я не знаю чтó изъ нихъ выбрать—всѣ хороши и всѣ надобны, а при оренбургской канцеляріи надобны-ли, того мнѣ неизвѣстно. Ежели тамъ не надобны, то кажется бы можно учинить канцелярское опредѣленіе, чтобъ для вящшей пользы и для поправленія и дополненія россійскаго атласа послать оныя въ Академію. Можетъ быть сыщется въ оренбургской канцеляріи и

---

[1]) Портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ, въ архивѣ академич. канцеляріи.

указъ, при которомъ оный атласъ въ тамошнюю, какъ во всѣ прочія губерніи, посланъ въ такой силѣ, чтобъ сообщить въ Академію все, что служить можетъ оному атласу въ поправленіе и дополненіе. И изъ прочихъ губерній уже не мало ландкартъ сообщено. Чего ради и оренбургская губернія потому же исполнить можетъ: но сіе я пишу токмо примѣромъ, а больше полагаюсь на собственное ваше раченіе и услужливость, довольно вѣдая, что сими качествами болѣе добра дѣлается въ канцеляріяхъ, нежели многократно подтвержденными приказами»...

19 октября 1758 года Рычковъ увѣдомлялъ Миллера: «я приказалъ при здѣшнихъ географическихъ дѣлахъ новую ландкарту сочинять такъ, чтобъ на оной всѣ здѣшнія и сибирскія пограничныя мѣста и смежные къ нимъ народы до самой китайской стѣны показаны были съ частію китайскаго государства, коя къ Россіи ближе... Вы, уповаю, простите мнѣ, что я въ незнаемыхъ и неописанныхъ мѣстахъ извѣстную вамъ Страленбергову карту и приложенную при переводѣ татарской исторіи Абулгази Хана французскую (печатанную въ Лейденѣ) употребить велѣлъ, ибо безъ того о тамошнихъ мѣстахъ полной идеи имѣть намъ не можно бъ»... 3 декабря того же 1758 года, Рычковъ эту карту доставилъ въ Академію.

По требованію Миллера, Рычковъ 28 іюля 1759 года сообщалъ ему: «киргизцы называютъ себя просто казаками, а иногда и съ приложеніемъ слова кыргызъ, или кыргызъ-казакъ. Слово кыръ значитъ на ихъ собственномъ языкѣ степь, а казакъ — вольный человѣкъ; изъ чего слагается степной или вольной человѣкъ. Сара-казакъ почти тожъ, только съ персидскаго языка, ибо сара на персидскомъ языкѣ — степь. Степь еще и аланзъ называютъ здѣшніе народы; потому изъясненіе нѣкихъ башкирцовъ, вамъ учиненное, не ложно»...

Въ 1759 году былъ отправленъ въ среднюю киргизъ-кайсацкую орду геодезистъ, который, возвратясь оттуда, сочинилъ карту всѣмъ посѣщеннымъ имъ мѣстамъ. Ее Рычковъ также пересылалъ Миллеру, равно какъ и вѣдомости всѣхъ горныхъ заводовъ въ губерніяхъ оренбургской и казанской.

25 ноября 1759 г. онъ же писалъ Миллеру: «усматривая изъ письма вашего, съ какою благоугодностію принимаются у

васъ новыя ландкарты, прилагаю при семъ карточку Закамской линіи, которую я во второй части моей Топографіи при описаніи Ставропольскаго вѣдомства обстоятельно описалъ, наипаче для того, что сія линія, какъ уже покинутая, а многимъ казеннымъ коштомъ строенная, со временемъ оставитъ о себѣ малые токмо признаки и подастъ причину къ разнымъ мнѣніямъ. Уповаю, сіе апробовать изволите»...

Въ письмѣ отъ 16 декабря 1759 года онъ такъ объясняетъ извѣстный у киргизовъ обычай: «баранта разумѣется захватъ въ такомъ случаѣ, ежель киргизецъ одинъ у другаго украдетъ что-либо и добровольно не отдаетъ, то обиженный старается отогнать или отхватить лошадей, а иногда и людей захватываютъ и такъ долго держатъ, пока къ раздѣлкѣ принудятъ. Такимъ образомъ и цѣлые роды одинъ за другимъ разбираются. Да и въ здѣшнихъ дѣлахъ захватъ киргизцевъ повелѣно чинить, когда они воровство или злодѣйство учинятъ».

24 февраля 1760 года Рычковъ доставилъ Миллеру «записку о экспедиціи князя Бековича», говоря притомъ: «я здѣсь болѣе извѣститься о томъ не могъ». Между тѣмъ въ томъ же году въ январской книжкѣ «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» (стр. 1 и слѣд.) Миллеръ помѣтилъ «Извѣстіе о песошномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отправленіяхъ и о строеніи крѣпостей при рѣкѣ Иртышѣ». Здѣсь между прочимъ упоминается вкратцѣ о посылкѣ князя Александра Бековича Черкасскаго въ Хиву съ офицерами Александромъ Когинымъ (sic) и княземъ Васильемъ Урусовымъ. Прочитавъ эту статью, Рычковъ, 16 марта 1760 года, писалъ къ Миллеру, что о князѣ Бековичѣ сообщилъ ему со словъ генералъ-маіора Тевкелева. «Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я, продолжаетъ Рычковъ, сочиненіе вашего высокоблагородія о песошномъ золотѣ и пр. Сожалѣю, что за отлученіемъ моимъ отсюда трудно будетъ выписать о крѣпостяхъ иртышскихъ, ниже Омска построенныхъ, такожъ и о тѣхъ, кои по Ишиму строены: нынѣ всѣ оныя Новою Сибирскою линіею именуются. Сіе началось въ 1743 году, когда Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, съ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ въ Шадринску видѣлись. Я съ Иванъ Ивановичемъ тамъ былъ, и все дѣло

было моихъ рукъ по тогдашнему времени въ разсужденіи зюнгорцевъ, частію же и для китайцевъ. Ежель вы формально отъ меня о семъ потребуете, то изъ деревни формально жъ потребую выписки изъ канцеляріи и васъ оными примѣчаніями оттуда увѣдомлю. Въ описаніи оренбургскомъ хотя и есть о томъ, но очень кратко: я его писалъ не ради того, чтобъ ему напечатану быть».

«Видно, что вамъ трудно находить обстоятельныя извѣстія, касающіяся до экспедиціи князя Александра Бековича[1]). Мое, здѣсь учиненное можетъ служить за нѣкоторое дополненіе. Князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ едва былъ ли съ Бековичемъ. Онъ здѣсь главнымъ командиромъ былъ и меня безмѣрно любилъ. Про Бековича я отъ него ничего не слыхалъ. То знаю, что онъ съ Кожинымъ для описанія Каспійскаго моря отъ государя посыланъ былъ, и оное описали они обстоятельно. Достохвальное ваше раченіе ко описаніямъ въ здѣшней сторонѣ имѣющихся владѣній влагаетъ мнѣ мысль когда нибудь, а наче по возвратѣ изъ отпуску извѣстіями объ оныхъ служить. Сіе можетъ со временемъ третью часть составить здѣшняго описанія»...

6 апр. 1760 г. Рычковъ послалъ Миллеру копіи съ инструкціи, данной Петромъ Великимъ князю Александру Бековичу Черкасскому, и съ двухъ указовъ поручику Кожину. Эти матеріалы попались Рычкову въ копіяхъ съ писемъ государя къ генералъ-адмиралу Апраксину. 23 мая того же года къ Миллеру же доставленъ стараніями Рычкова «проспектъ г. Оренбурга», сочиненный инженеръ-капитаномъ Ригельманомъ.

Миллеру были надобны извѣстія о добываніи сѣры около Волги, и Рычковъ 3 іюня 1760 г. писалъ по этому случаю: «Сѣрной заводъ на той сторонѣ (т. е. на правой по теченію) Волги, отъ города Самары, какъ помнится, верстъ 18 или 20, къ оренбургской губерніи не принадлежитъ. Я тамъ самъ неоднократно

---

[1]) Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ первой печатной статьи Миллера о князѣ А. Черкасскомъ, въ изданномъ 1772 г. «Журналѣ или поденной запискѣ» Петра Великаго т. II, стр. 341 — 397, сообщены подробныя и обстоятельныя извѣстія о неудачной экспедиціи этого князя въ Хиву. Въ Москвитянинѣ 1842 года, часть VI, № 12, Ист. матер., стр. 373 — 394, «Записка о поѣздкахъ Александра Бековича князя Черкасскаго къ восточному берегу Каспійскаго моря и о сухопутной экспедиціи его въ Хиву». Записка эта составлена также на основаніи современныхъ матеріаловъ.

бывалъ проѣздомъ, но не любопытствовалъ. То только знаю, что онъ на самомъ берегу Волги подъ высокой горой. Сѣрную землю выкапываютъ тутъ изъ горы и вывариваютъ изъ нея сѣру. А сѣрнымъ ключамъ быть тутъ не надѣюсь; попадаетъ же тутъ и натуральная сѣра, цвѣтомъ и чистотою подобная янтарю. Помнится я нѣсколько кусочковъ до вашего высокоблагородія ея отправилъ. Ожидаю къ себѣ въ гости изъ Ставрополя г. подполковника Куроѣдова, кой въ тамошней канцеляріи присутствуетъ и мнѣ дядя. Онъ, по близости сего мѣста находясь, все знаетъ. Я, отъ него извѣстясь, васъ увѣдомлю, а можетъ быть и самъ тамъ не буду ль. О пригородѣ Сергіевскѣ во второй части моей Топографіи найдете вы по обстоятельнѣе, нежель въ первой. Только нынѣ приономъ сѣрнаго и никакого заводу тутъ нѣтъ. Бывшій тутъ заводъ сѣрной перенесенъ на вышеозначенное мѣсто за Волгу. Чертежи оренбургскихъ публичныхъ строеній вмѣсто того, чтобъ имъ праздно у меня лежать, разсудилъ я нынѣ къ вамъ отправить; не пригодятся-ль они у васъ? У меня къ черной книгѣ въ концѣ также сообщены по сему: 1. Церковь соборная лѣтняя. 2. Тожъ зимняя. 3. Приходская петропавловская. 4 и 5. Троицкая и никольская. 6. Загородная св. Георгія. 7. Губернская канцелярія. 8. Губернаторскій домъ. 9. Гостиной дворъ. 10. Мѣновой дворъ. 11. Питейные выходы, надъ которыми полиція и корчемная контора. 12. Артиллерійской дворъ. 13. Соборная церковь въ Ставрополѣ. 14. Тожъ въ Троицкой крѣпости. Все каменное».

(P. S). «Г. Подполковникъ Куроѣдовъ у меня здѣсь уже былъ. О сѣрномъ заводѣ обстоятельное извѣстіе онъ обѣщалъ мнѣ прислать изъ Ставрополя, къ чему я ему записку далъ. Между тѣмъ онъ меня увѣрилъ, что сѣрную землю изъ горы добываютъ, а не изъ ключей вывариваютъ. Заводъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи. Для работы приписано нѣсколько крестьянъ ясашныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые и въ здѣшней губерніи въ пригородѣ Сергіевскѣ живутъ. Командиромъ опредѣляется офицеръ отъ помянутой канцеляріи. Онъ привезъ мнѣ нѣсколько самородной сѣры, но я помню, что оной кусокъ нарочитой величины къ вашему высокоблагородію я послалъ».

Въ іюлѣ Рычковымъ доставлено обѣщанное извѣстіе о сѣрномъ заводѣ, но его не сохранилось въ видѣнныхъ мною бумагахъ Миллера.

Въ апрѣльской книжкѣ 1760 г. «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» Миллеръ помѣстилъ свое изслѣдованіе «О началѣ и происхожденіи казаковъ», гдѣ (на стр. 307) говоритъ, откуда могло произойти названіе казакъ, а также и о яицкихъ казакахъ, при чемъ (стр. 322) есть ссылка на Оренбургскую исторію Рычкова. Послѣдній, 5 іюня 1760 года писалъ объ этомъ къ академику: «Мнѣ никакой противности нѣтъ, что при описаніи происхожденія казачья Исторію Оренбургскую сокращеннѣе и не тѣми словами навели, какъ въ ней написано; но то, что вы Сакмарскъ показали на устьѣ рѣки Сакмары (стр. 326), требуетъ, кажется, изъясненія, ибо онъ отъ устья вверхъ верстъ съ 50; по меньшей мѣрѣ 40 ниже Сакмарска—Сеитова слобода и Бердская казачья. О семъ изъ моего описанія ясняя изволите усмотрѣть. Прочее все великой похвалы достойно»...

18 февраля 1762 г. Рычковъ послалъ къ Миллеру уцѣлѣвшую у него часть Географическаго Лексикона Татищева, а 26 мая того же года писалъ: «ежели я буду по досужнѣе, то, исправя, до вашего высокоблагородія сообщу Василья Никитича сочиненія. Я сберу всѣ, сколько у меня ихъ отъ пожарнаго случая осталось, и до васъ по частямъ буду сообщать. Весьма много тутъ найдется достойнаго къ внесенію въ мѣсячныя книжки.... Уфинскую, такъ называемую Золотую Книгу нынѣ достать уже не можно, потому что всѣ тамошнія дѣла и архивъ погорѣли. А городъ Уфа послѣ казанскаго взятья спустя года три или четыре застроенъ. Трудно такія извѣстія точно показывать, гдѣ къ сохраненію ихъ никакого тщанія никогда не имѣлось»...

7 ноября 1768 г. Рычковъ, послѣ полученія отпечатанныхъ Миллеромъ въ Москвѣ листовъ «Исторіи россійской», Татищева, увѣдомлялъ: «за сообщенный мнѣ экземпляръ трудовъ его превосходительства Василья Никитича Татищева покорнѣйше благодарю. Что до примѣчанія моего надлежитъ на стр. 277 и слѣд., гдѣ описалъ его превосходительство титулъ по содержанію моего сообщеннаго къ нему извѣстія [1]), то помнится на требованіе ваше

[1]) Во 2-й части I-й книги «Исторіи росс.» Татищевъ на стр. 277 упоми-

доносилъ уже я вамъ, что какъ татарское ахуномъ сочиненное, такъ и переводъ съ него между прочихъ книгъ, у меня имѣвшихся, въ бывшій въ домѣ моемъ пожаръ згорѣли. Ежель оное вамъ нужно, то уповаю Евграфъ Васильевичъ (сынъ Татищева) не можетъ ли пріискать у себя то самое, которое я къ покойному родителю его послалъ; но мнѣ мнится, что въ томъ большой нужды нѣтъ: оное ахуномъ сочинено было тогда, когда я Абулгазіи хановой исторіи у себя не имѣлъ, а нынѣ, справясь съ оною, доношу».

«Въ главѣ 3-й описываетъ онъ точно, что Аланча ханъ имѣлъ двухъ сыновъ близнецовъ: одинъ назывался Татаръ, а другой—Могулъ; изъ коихъ отъ перваго родъ татаръ произошелъ, которыхъ многія племена или поколѣнія описаны у него особливо во 9-й главѣ. И такъ невозможно сказать, чтобъ совсѣмъ неизвѣстно было, отчего имя Татаръ произошло и гдѣ начало имѣло (стран. 277, строки 2 и 3 [1]). Я думаю, что оно изчезло или угасло для бывшихъ у мугульцовъ съ татарами великихъ и частыхъ междоусобей. Не множество-ль примѣровъ въ исторіи, что имена народовъ премѣнились, и такія званія нынѣ употребляются, кои ни малаго сходства съ древними не имѣютъ, да и не знаютъ уже они головой, какъ назывались они встарину. Въ Топографіи моей стр. 73 и 74, часть I, сіе жъ означено. Во второй части на стр. 48 и слѣд. упомянулъ я и вышеозначенное ахунское сочиненіе (ибо тогда было оно еще въ рукахъ моихъ), гдѣ извольте еще усмотрѣть, что до сего имени принадлежитъ. Впрочемъ, не знаю я основаній, по которымъ Василій Никитичь сказанія Абулгазіевы (на стран. 279) отвергаетъ».

«На стр. 278 сверху строка 14 — Карабанъ татара живутъ на острову *сосснаго* озера. Думаю, что надлежитъ быть соленаго озера. По обстоятельству можетъ быть то Аральское озеро, но и другихъ соленыхъ и островистыхъ озеръ тамъ много. Станется, что въ древности имѣли обычай золотить зубы они *яно страрѣе-*

наетъ о доставленіи ему «любомудрымъ ассессоромъ» Рычковымъ свѣдѣній о татарахъ, о чемъ, см. выше стр. 18.

[1]) Татищевъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ: «что имени татаръ принадлежитъ, отчего оно произошло и гдѣ начало имѣло, о томъ никто не извѣстенъ, хотя ученыхъ было довольно»...

віе почитаются—опечатка: надлежитъ конечно читать: яко старѣйшіе».

«Тутъ же сверху строка 26, гдѣ жилъ 25 лѣтъ, надлежитъ быть 250 лѣтъ, какъ то и у Абулгазія читается[1])».

«Имена Афетовыхъ дѣтей по Абулгазію: 1. Туркъ. 2. Гарабъ. 3. Саклапъ. 4. Русъ. 5. Маникакъ. 6. Звинъ. 7. Конарь. 8. Гарахъ. Кажется мнѣ, что ахуинъ нѣсколько выписывалъ и изъ Абулгазіевой исторіи; но можетъ быть списокъ его былъ противъ переводу французскаго и русскаго въ семъ мѣстѣ инаковъ».

«Вотъ все, что я по письму вашему объявить нынѣ могъ. Впрочемъ, примѣтилъ я много опечатокъ и неясныхъ словъ въ напечатанномъ экземплярѣ. Видно, что и тотъ самый, который отъ Евграфа Васильевича сообщенъ въ университетъ къ печатанію, не сличенъ съ подлиннымъ и имѣетъ множество ошибокъ. Весьма изрядно предостерегли вы честь свою въ вашемъ предувѣдомленіи»...

VI.

Доставленіе Рычковымъ извѣстій въ Академію Наукъ по части естествовѣдѣнія. Статьи его, помѣщенныя въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества. Сношенія его съ современными писателями и учеными. Участіе въ ученой экспедиціи сына его, Николая Петровича Рычкова. Посѣщеніе с. Спасскаго академиками Лепехинымъ, Палласомъ и другими.

Всѣ точныя науки въ послѣднее время сдѣлали громадные успѣхи и далеко опередили то, что еще недавно казалось въ нихъ едва досягаемымъ. Вотъ почему бо́льшая часть новѣйшихъ спеціалистовъ по этимъ наукамъ почти всегда пренебрегаютъ исторіческою стороною своей науки. Гордые только вчера добытыми результатами, они заняты только ими и оставляютъ безъ вниманія и длинный путь, который велъ къ позднѣйшимъ открытіямъ, и труды и усилія предшествовавшихъ дѣятелей, быть можетъ заблуждавшихся, но тѣмъ не менѣе облегчавшихъ возможность этихъ

[1]) Всѣ замѣченныя Рычковымъ опечатки исправлены и стр. 278 перепечатана. Только по недосмотру, вм. старѣйшіе, и здѣсь напечатано «страрѣйшіе».

открытій. При всемъ глубокомъ уваженіи къ спеціалистамъ, изучающимъ свою науку въ ея послѣднемъ фазисѣ развитія, я, однако, смѣю думать, что для полнаго пониманія этого развитія, для вѣрной оцѣнки каждой вновь добытой истины, наконецъ, для уразумѣнія того направленія, которому надобно слѣдовать для дальнѣйшаго преуспѣянія науки, для всего этого мало одного, хотя бы даже и глубокаго знанія современнаго состоянія науки. Знакомство съ ея прошедшею судьбою и съ трудами нашихъ предшественниковъ, даже ихъ ошибки и заблужденія при отысканіи истинъ, все это служитъ въ поученіе тому, кто хочетъ не только вполнѣ овладѣть наукою, знать настоящіе ея успѣхи, но и содѣйствовать успѣхамъ ея въ будущемъ.

Современный естествоиспытатель, взглянувъ на содержаніе настоящей главы, быть можетъ встрѣтитъ съ недовѣріемъ, если не болѣе, имя Рычкова являющимся въ лѣтописяхъ естественныхъ наукъ въ Россіи XVIII столѣтія. Между тѣмъ въ дѣйствительности это было такъ. Переписка Рычкова съ Миллеромъ, когда она касается естественныхъ наукъ, лучше всего показываетъ, на какой невысокой степени стояли онѣ не далѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ. Незнакомый даже съ азбукою предмета, Рычковъ однако успѣлъ нѣкоторыми изъ своихъ наблюденій и извѣстій упредить дѣятеля съ такимъ громкимъ именемъ въ исторіи естествовѣдѣнія, каковымъ былъ Палласъ. Разгадку тому слѣдуетъ искать въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыя поставленъ былъ Рычковъ, жившій долгое время въ маловѣдомомъ оренбургскомъ краѣ, въ любознательности его, а также въ близкомъ общеніи его съ Академіею Наукъ.

Въ 1758 г. въ Novi Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae [1]) была между прочимъ напечатана статья Іоанна Георга Гмелина, подъ заглавіемъ «Mus aquaticus exoticus Clar. Auctor Raii Synops. quadrup. Russ. выхухоль». Краткое обозрѣніе ея помѣщено, по принятому тогда обычаю, въ началѣ Комментарій [2]), и здѣсь академикъ Миллеръ, тогдашній непремѣнный секретарь Академіи, объяснивъ неточности и противорѣчія разныхъ ученыхъ въ описаніи выхухоли, приводитъ по-

[1]) T. IV, pp. 383—388.
[2]) Ibid., pp. 46, 49.

томъ извѣстія, которыя Рычковъ доставилъ объ этомъ животномъ, водящемся по берегамъ Волги и Яика (Урала), и заканчиваетъ свой обзоръ такими словами:

Hactenus notitiae a Ritschkovio V. Ampliss. suppeditatae, ex quibus abunde patet, notabilem esse morum diversitatem inter animal Americanum et nostrum, nisi quis suspicari velit, quaedam falsa Sarrazino impacta fuisse ab aliis, aut minus recte ab ipso intellecta, quae forsitan nec in ipsa Canada fidem merentur».

25 февраля 1759 года Миллеръ обратился съ просьбою къ Рычкову о доставленіи изъ оренбургской губерніи разныхъ предметовъ для натуральнаго кабинета барона Александра Сергѣевича Строганова, который составилъ свое собраніе во время заграничнаго путешествія и желалъ пополнить его произведеніями и животными, составляющими принадлежность собственно Россіи, какъ-то: всякаго рода руды и камни съ указаніемъ мѣстонахожденій ихъ; большой кусокъ илецкой соли; кусокъ самородной соли изъ окрестностей Самары; нѣсколько гнѣздъ птички ремеза (parus pendulinus)[1]), чучелу земляного зайца (mys jaculus), бѣлужій камень и т. п. «Касательно камня изъ бѣлуги, писалъ тогда же Миллеръ, прошу васъ помочь намъ рѣшить недоумѣніе о его свойствахъ. Когда докторъ Гмелинъ и я были въ 1733 году въ Казани, то намъ подарилъ тамъ нѣсколько камней Пеѳедъ Никитичъ Кудрявцевъ, говоря, что ихъ находятъ въ головѣ бѣлуги[2]). Но потомъ здѣсь разсматривали внимательно нѣсколько бѣлужьихъ головъ, въ которыхъ не нашлось подобныхъ камней. Не бываютъ-ли они быть можетъ въ желудкѣ или въ жабрахъ рыбы? Глотаетъ-ли она ихъ или же они зарождаются въ ней? Не встрѣчается-ли такихъ камней на берегахъ рѣкъ, гдѣ водится бѣлуга? Какое употребленіе и какая польза этихъ камней? Подробные отвѣты на эти вопросы будутъ помѣщены въ изданіяхъ Академіи какъ это уже случилось по поводу недоразумѣнія, разрѣшеннаго вами ка-

---

[1]) О рѣдкости ремезовыхъ гнѣздъ въ европейскихъ натуральныхъ кабинетахъ упоминаетъ Штраленбергъ на 417 стр. своего сочиненія о Россіи «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia», Stockholm, 1730.

[2]) Штраленбергъ въ томъ же сочиненіи о Россіи, на стр. 323, 324 говоритъ, что эти камни находятъ въ головѣ бѣлуги.

сательно выхухоли, что̀ заслужитъ похвалу не только въ Россіи, но и у иностранныхъ народовъ. Не можете ли вы также приказать сдѣлать рисунокъ съ живой выхухоли и доставить его въ Акȧдемію?»[1]).

Рычковъ, по обычной своей услужливости, а также и по тому, что баронъ Строгановъ, какъ зять тогдашняго вице-канцлера, графа Воронцова, былъ вліятельнымъ человѣкомъ, взялся охотно исполнить всѣ эти порученія, о чемъ и увѣдомлялъ подробно Миллера 29 марта 1759 года «Предварительно жъ сіе могу донесть, писалъ онъ тогда, что оный камень въ головѣ бѣлуги никогда не находится, а находятъ по бо́льшой части въ желудкѣ ихъ. Земляные зайцы здѣсь находятся. У нихъ переднія ноги весьма короткія, а заднія очень долги. Поймать и побитыхъ переслать ихъ нетрудно. Какъ объ нихъ, такъ и о птицахъ, какихъ въ вашей сторонѣ не находится, закажу и пересылкою оныхъ служить не премину»...

6 мая 1759 года, Рычковъ, посылая въ Академію чучелу выхухоли, писалъ: «ее прислали ко мнѣ изъ Сорочинской крѣпости (которая отсѣль[2]) въ 176 верстахъ по рѣкѣ Самарѣ); послана живая, и въ пути была жива сутки, потомъ издохла. Вы сами изволите усмотрѣть, что весь запахъ состоитъ у нее въ хвостѣ, а шерсть, уповаю, отъ онаго духу набирается, и пахнетъ тѣмъ же и со временемъ выдыхается. Въ рту у нея сверху только два зуба весьма острые и всегда наружѣ, одинъ съ другимъ очень плотно соединены; видомъ они на подобіе сошниковъ. Больше ничего примѣчанія достойнаго объ ней не знаю»...

13 мая 1759 года: «...при семъ посылаю три гнѣздышка ремезиныхъ, которыя я вчерась получилъ отъ воеводы исецкой провинціи. О птичкѣ пишетъ онъ, что еще поймать не могли: какъ поймана будетъ, то пришлетъ. О гнѣздахъ никакого иного примѣчанія сообщить не могу кромѣ сего, что здѣсь у женщинъ есть обыкновеніе по кусочку изъ оныхъ класть на уголье и окуривать тѣмъ въ домахъ, а особливо дѣтей—признаваютъ, что то здорово. Я сіе пробовалъ: духъ отъ сего куренья показался мнѣ непроти-

[1]) П портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ лицамъ, 1757—1759 годовъ.

[2]) Отъ Оренбурга.

венъ; но вы сами сіе лучше изслѣдовать можете»... Впослѣдствіи Рычковъ выслалъ нѣсколько чучелъ ремеза, а 1 іюля 1759 года добавилъ: «Ремезовы гнѣзда бываютъ по большей части на таловыхъ кустахъ и на березовыхъ сучьяхъ обыкновенно близь воды. Матерія, изъ коей гнѣздо состоитъ, по большой части таловой цвѣтъ и нѣсколько жилокъ крапивныхъ и другихъ травъ, кои имѣютъ волокно на подобіе льну. Въ зимнія времена сихъ птичекъ не видать, но куда они отлетаютъ, освѣдомиться я не могъ. Болѣе я не могъ освѣдомиться. Впрочемъ Страленбергово описаніе сея птички и Тиціусово, находящееся въ Лейпцигскихъ Комментаріяхъ вашему высокоблагородію не безъизвѣстно».

Труднѣе было Рычкову добыть бѣлужій камень, который наконецъ получилъ отъ яицкаго войсковаго атамана Андрея Никитича Бородина.

«По его объявленію, писалъ Рычковъ къ Миллеру 2 іюня 1759 года, въ бѣлугахъ и въ осетрахъ камни весьма рѣдко находятся, что̀ подтверждается и симъ, яко онъ неоднократно ко мнѣ отзывался въ письмахъ, что во всемъ ихъ городѣ не могъ такой камень промыслить, а принужденъ былъ писать въ Гурьевъ и на другія рыбныя ватаги, дабы, отыскавъ, къ нему прислали, и нынѣшній полученъ имъ оттуда.

«Они двоякаго существа: одни бываютъ морскіе и рѣчные, поглощенные помянутыми рыбами, находятся въ кутыряхъ, то есть въ желудкахъ тѣхъ рыбъ. Сіи весьма крѣпки и во всемъ подобны тѣмъ, которые въ тамошнихъ водахъ ординарно находятся и отъ натуральныхъ камней никакого различія и особливости не имѣютъ. И такъ мое прежнее донесеніе, что тѣ камни не въ головахъ оныхъ рыбъ, но въ желудкахъ находятся, основано было на семъ родѣ. Однакожь я, въ моихъ пунктахъ сумнѣваясь, о истинѣ не оставилъ г. войсковаго атамана нарочно спрашивать и о томъ: одново-ль свойства тѣ камни или разныхъ и не суть-ли поглощенные рыбами изъ морскихъ и рѣчныхъ каменьевъ, что̀, какъ выше значитъ, и не напрасно я учинилъ; да и Страленбергъ во описаніи своемъ такого-жъ мнѣнія былъ».

«О другомъ настоящемъ, т. е. въ бѣлугѣ родящемся камнѣ, г. войсковой атаманъ объявляетъ, что онъ находится не въ кутырѣ, т. е. въ желудкѣ, и не въ кишкахъ помянутыхъ рыбъ, но

есть у нихъ жила къ наросту по ниже клея, на которой обыкновенно у сихъ рыбъ, а именно:, у самцовъ жировые молоки, а у самокъ икра ложится; и на концѣ-де оной жилы бываетъ кошелекъ или перепонка, гдѣ тотъ камень находится, но весьма не во многихъ и очень рѣдко. А кромѣ сего мѣста въ кутыряхъ и нигдѣ индѣ не находится. При томъ случаѣ какъ сей камень изъ рыбы вынимается, есть онъ мягокъ, а когда пообсохнетъ, тогда бываетъ крѣпокъ, однакожъ теркою отирать или ножемъ оскабливать его можно. О матеріи его и къ чему онъ пригоденъ объявилъ г. атаманъ, что у нихъ неизвѣстно; но я отъ многихъ яицкихъ старшинъ и казаковъ, да и отъ покойнаго войсковаго жъ атамана Ильи Меркульева слыхалъ, что наскобля его даютъ женщинамъ въ самыхъ трудныхъ родахъ и якобы отъ того дѣлается имъ весьма скорое разрѣшеніе, но безъ крайней нужды на то его не употребляютъ. Сей камень, который я нынѣ посылаю до васъ, имѣетъ фигуру на подобіе сердца цвѣтомъ изъ желта бѣловатъ; наружность его ноздревата, но внутренность крѣпче и поскобленая даетъ видъ и глянцъ, схожій къ рыбной кости. Впрочемъ чувствуется отъ него изрядный запахъ, но изъ какихъ матерій онъ состоитъ—сіе ваше высокоблагородіе достовѣрнѣе испытать изволите. Впрочемъ отъ г. доктора Риндера, находящагося здѣсь, слышалъ я, что онъ такіе камни имѣлъ напередъ сего разныхъ фигуръ, но всѣ были они цвѣтомъ бѣловаты, такъ какъ и вышеописанный. А матерія-де ихъ имѣетъ сходство съ жерновкой, т. е. съ камешками, изъ раковъ вынимаемыми (Krebs Stein)».

При донесеніи сего не могъ я преминуть и о семъ васъ увѣдомить, что я какъ отъ яицкихъ, такъ и отъ башкирскихъ старшинъ и гулебщиковъ неоднократно слыхалъ, якобы изъ дикихъ свиней, коихъ на заяицкой степи весьма много, у большихъ кабановъ, или вепрей, въ головахъ изрѣдка попадаются каменья жъ; но мнѣ ихъ видывать не случалось. Помянутый г. докторъ объявилъ мнѣ, что они находятся у сихъ звѣрей въ желудкахъ, а не въ головахъ, и онъ самъ такой камень видывалъ величиною больше курячьева яица. Постараюсь я о семъ удостовѣриться, и, ежель достану и узнаю что либо въ томъ вѣроятное, о семъ ваше высокоблагородіе впредь увѣдомить не примину»...

24 іюля 1759 года: «Отъ 3 числа іюня посылая до васъ бѣ-

лужій камень, доносилъ я, что буду стараться и находящійся въ кабанахъ, то-есть въ дикихъ свиньяхъ, отыскивать. Г. яицкой войсковой атаманъ Бородинъ на сихъ дняхъ прислалъ ко мнѣ оный чрезъ сына своего, который я имѣю честь при семъ до вашего высокоблагородія послать. Вы сами лучше, нежель я, о свойствѣ и надобностяхъ онаго изволите разсудить. По запаху его урнинному легко можно понять, что онъ въ пузырѣ того звѣря родится, какъ то̀ меня и многіе знающіе про то увѣряли; но притомъ сказывали, что онъ весьма изрѣдка у сихъ звѣрей бываетъ. Яицкіе казаки употребляютъ его съ немалою пользою въ запорахъ урины и въ каменныхъ болѣзняхъ. Да и г. докторъ Риндеръ, здѣсь обрѣтающійся, рекомендуетъ его за немалый въ такихъ случаяхъ способъ. Впрочемъ, его превосходительство г. генералъ-маіоръ Тевкелевъ сказывалъ мнѣ, что у киргизъ-кайсаковъ о семъ кабаньемъ камнѣ есть разныя суевѣрства, а особливо содержатъ они то, яко бы ихъ колдуны и ворожецы, кладя сей камень въ воду съ нѣкоторыми церемоніями и словами, лѣтомъ — дожди, а зимою бури и всякія непогоды, когда ни похотятъ, могутъ производить, и ежель они, киргизцы, спознаютъ того, кто оный камень при себѣ имѣетъ, почитаютъ его обществу ихъ за вредительнаго человѣка и не токмо бить, но иногда и до смерти убить его стараются»...

Въ ноябрѣ 1759 г. Рычковъ переслалъ къ Миллеру новый камень, встрѣчающійся изрѣдка въ желудкахъ барановъ.

Будучи въ Башкиріи, а также въ своемъ имѣніи, Рычковъ обратилъ вниманіе на весьма рѣдкую въ остальной Европѣ птичку — водянаго воробья (sturnus cinclus, cinclus aquaticus). «Я, писалъ онъ 13 января 1760 года, въ нынѣшнюю мою бытность въ Башкиріи на тѣхъ рѣчкахъ, кои никогда не мерзнутъ, моими глазами видѣлъ родъ водяныхъ воробьевъ, кои въ воду ныряютъ и въ берегахъ гнѣзды свои имѣютъ. Для сей особливости остановившись, съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ они вылетаютъ и паки подъ воду уходятъ. Перья на нихъ черноваты; подъ шеей нѣсколько бѣло; величиною немного побольше обыкновеннаго воробья. Одинъ офицеръ обѣщалъ мнѣ, застрѣливъ ихъ пары двѣ, прислать, кои до васъ отправлю»... 22 іюля 1761 года: «Въ Топографіи Оренбургской означено уже отъ меня, что въ здѣшней

губерніи есть особливой родъ воробьевъ, которые гнѣзда свои имѣютъ и дѣтей выводятъ въ береговыхъ норахъ, куда они не иначе входятъ какъ сквозь воду, и для того избираютъ такія рѣки, которыя зимою или всѣ не мерзнутъ или большія полыньи имѣютъ и быстраго теченія. Я самъ, въ 1760 году въ январѣ мѣсяцѣ будучи въ Башкиріи, на одномъ мѣстѣ долго на нихъ смотрѣлъ, удивляясь, какъ они то изъ воды выстали и сидѣли при берегахъ и на закраинахъ льда, то паки въ воду, власно какъ бы брошеной камень, повергались и уходили въ свои норы. Нѣкоторые-жъ и въ берегу подъ водою на сучьяхъ имѣвшагося тутъ валежника сидѣли, такъ что ихъ тутъ не очень глубоко сквозь чистую и прозрачную воду видѣть было можно. Величина ихъ поболыше обыкновеннаго воробья, но перья темняя и издали почти черными кажутся; подзобокъ, на груди и на брюхѣ перья у нихъ сѣроваты. Подробно всего затѣмъ я не описываю, что при семъ посылаю до васъ онаго въ натурѣ, который на сихъ дняхъ здѣсь у меня въ селѣ (Спасскомъ) застрѣленъ. Вы сами его разсмотрѣть и описать лучше моего можете. Они и въ здѣшнихъ мѣстахъ не на всѣхъ рѣкахъ и изрѣдка усматриваются, такъ что у меня въ селѣ, когда его усмотрятъ, почитаютъ за диковинку. Простой народъ мнятъ здѣсь, якобы кровью и жиромъ ихъ у людей помазанныя ноги и въ самые жестокіе морозы не зябнутъ; но сіе я отъ достовѣрныхъ слышалъ, что обмороженные у людей члены жиромъ ихъ скоро залечиваются»...

Рычковъ, 30 января 1760 года, увѣдомлялъ также Миллера объ употребленіи, которое дѣлаютъ башкиры изъ обыкновенной крапивы: «въ за-уральской Башкиріи будучи, почти во всѣхъ башкирскихъ деревняхъ видѣлъ, что башкирскія бабы и дѣвки, сбирая въ осень крапиву, умѣютъ такъ ее учреждать какъ посконь: прядутъ изъ нея нитки и дѣлаютъ изъ нихъ холстины. Я признаваю, что сіе ихъ обстоятельство и рукодѣлье не недостойно описанія. Ежель потребно, то я могу кудели, ниток и холста крапивныхъ на разсмотрѣніе отправить. Мнѣ мнится по куделѣ, что веревки и канаты не хуже пеньковыхъ изъ крапивной кудели могутъ дѣланы быть»...

Миллеръ, какъ видно по отвѣтамъ Рычкова, не рѣдко задавалъ ему дѣлать описанія разныхъ предметовъ, встрѣчавшихся

въ оренбургскомъ краѣ. Такъ 6 апрѣля 1760 года Рычковъ писалъ: «О киргизскихъ овцахъ доношу: вообще одинъ родъ ихъ въ обѣихъ ордахъ, то-есть и въ меньшой и въ средней. Они курдюки имѣютъ круглые и толстые на подобіе большихъ и круглыхъ короваевъ, въ коихъ бываетъ ветчинное и другое сало завернуто, и которые о срединѣ своей имѣютъ раздѣленіе снизу. Помнится мнѣ, въ первой части моей Топографіи оныя овцы уже описаны. Бываютъ изрѣдка пригоняемы отъ нихъ (?) и трухменскія овцы, коихъ здѣсь (въ Оренбургѣ) называютъ и бухарскими. Онѣ величиною не больше обыкновенной русской овцы, ноги имѣютъ короткія, шерсть мягкую и кудрявую. У сихъ курдюковъ нѣтъ, но хвосты длинные и плосковатые. Черкасскія же овцы въ здѣшнихъ мѣстахъ хотя у многихъ есть, но онѣ курдюковъ на здѣшней травѣ не получаютъ, но еще и шерсть свою отмѣняютъ: она становится отъ времени до времени несиговата и жестока. Напротивъ того, киргизскія овцы, когда отгоняютъ ихъ вдаль, бывшіе свои курдюки года черезъ два совсѣмъ теряютъ. Я мню, что тамошнія травы такой состанціи (субстанціи) не имѣютъ, какая въ родящейся на киргизскихъ степяхъ есть; да и здѣсь на хуторахъ годъ отъ году тѣ ихъ курдюки меньше становятся, и овцы мельчаютъ. Можетъ быть, то наше содержаніе въ хлѣвахъ и въ запертыхъ мѣстахъ не сходно съ ихъ натурой»...

24 сентября 1761 года: «между прочаго писали вы о вишневомъ кустарникѣ, кой находится въ Исецкой провинціи: есть-ли онъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и пр.? Оногдась позабылъ я на то доносить. Его здѣсь очень много, и вишни случаются такъ крупны, что не хуже садовыхъ и вкусомъ, и величиною. Да и во многихъ дачахъ его не мало. Ежель онъ въ огородъ пересаженъ бываетъ, то какъ кустъ, такъ и плодъ на хорошей землѣ лучше дѣлается. И я вашего мнѣнія, что садовыя шпалеры изъ него могутъ быть не худы, но не надѣюсь, чтобъ онъ выше человѣка вверхъ подниматься могъ»...

«Письма съ пустыми вѣжливостями пишу я, говорилъ Миллеръ Рычкову въ письмѣ своемъ отъ 24 сентября 1761 года, очень не неохотно. Надобно-ли, чтобъ я всегда васъ утруждалъ новыми порученіями? Если да, то вотъ вамъ одно: желаютъ знать

что это за слово *карлукъ*[1]), татарское или калмыцкое и что оно собственно значитъ? Понимать-ли подъ нимъ рыбный пузырь (Blase) или приготовленный рыбій клей? Далѣе, хотятъ имѣть свѣдѣнія: какъ приготовляется рыбій клей? и притомъ получить подробное описаніе всего производства; изъ какихъ рыбъ и изъ какой именно добывается лучшій? изъ одного ли пузыря или и изъ другихъ частей? Изъ всѣхъ ли вмѣстѣ пузырей онъ выдѣлывается или изъ каждаго отдѣльно?»

«О клеѣ я, отвѣчалъ на это Рычковъ 21 октября 1761 г., уповаю вамъ услужить нарочитымъ описаніемъ. Изъ письма вашего выписавъ, посылаю я въ Оренбургъ къ моему корреспонденту, дабы онъ о всемъ, подробнѣе освѣдомясь, меня увѣдомилъ. Сіе я, получа, постараюсь въ порядокъ привесть и къ вамъ сообщить. Мнѣ весьма пріятно, когда вы мнѣ предлагаете о такихъ матеріяхъ, кои я исполнить въ состояніи нахожусь»...

20 ноября 1761 года Рычковъ выслалъ къ Миллеру обѣщанное «Описаніе, какъ въ Яицкомъ городкѣ клей дѣлается», и имъ воспользовался нашъ академикъ въ статьѣ своей «О рыбьемъ клеѣ»[2]). Изъ нея узнаемъ, что французскій ученый Дю Гамель, по порученію парижской Академіи Наукъ, обращался къ Миллеру о сообщеніи достовѣрныхъ свѣдѣній, какъ приготовляется рыбій клей въ Россіи, о чемъ въ тѣ времена мало знали за границею.

Въ февралѣ 1762 года Рычковъ, получивъ отъ своего пріятеля, командира Сакмарской дистанціи, маіора Пазухина, кость и полагая, что она должна принадлежать къ остову какой нибудь допотопной огромной птицы, послалъ кость въ Академію; но здѣсь, по отзыву адъюнкта Протасова, кость эта оказалась частью передняго ребра, сросшагося по какому нибудь случаю съ грудною костью у оленя или лося[3]).

29 іюля 1762 года Рычковъ писалъ къ Миллеру:

«Послѣ дождливыхъ погодъ, продолжавшихся здѣсь съ мѣсяцъ,

---

[1]) О словѣ Carluck oder Hauszblasen упоминается у Штраленберга на стр. 323 «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia»..

[2]) Ежемѣсячныя сочиненія, декабрь 1763 года, стр. 483—495.

[3]) Протоколы 1762 года подъ 15-мъ апрѣлемъ, въ архивѣ академической конференціи.

на поляхъ появилось здѣсь такое множество червей, что прежде никогда ихъ столько не видано. Они шли и по дорогамъ стадами въ такомъ множествѣ, что почти всю землю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрывали. Сперва напали они на посѣянные конопли, на горохъ и на макъ, и гдѣ нападали тутъ все на-чисто поѣдали. Усматриваны уже были они и на другомъ хлѣбѣ, особливо на ячменѣ, на овсахъ и полбѣ, а частію и на ржѣ, и всѣхъ здѣшнихъ обывателей привели-было въ отчаяніе хлѣбовъ (sic), да инаково и быть не могло бъ, ежели бъ сія многочисленная гадина съ такою жъ алчбою и безъ разбору все пожирать стала, какъ сперва начала. Послѣ того какъ миновались мокрыя погоды и сильные дожди, оставя хлѣбы, стала она жрать траву лебеду, осотъ и другія мягкія. А понеже сихъ травъ и между посѣянныхъ хлѣбовъ было весьма много, то оставляя хлѣбъ въ цѣлости, оную траву на многихъ десятинахъ всю пожрала и хлѣбъ такъ, какъ выполола. Я самъ съ великимъ удивленіемъ смотрѣлъ на одну десятину посѣяннаго у меня проса, кое было еще не полото и заросши травою, кою крестьяне называютъ осотъ. Сей десятины одну половину оныя черви такъ чисто выпололи, что ни одной травинки въ ней не осталось, а просо все въ цѣлости. Однимъ словомъ — руками такъ чисто нигдѣ не выполото; а другая половина осталась съ травою и выполота бабами. Нынѣ оной гадъ почти весь уже пропалъ — видно, что отъ сухихъ и жаркихъ дней. И такъ отъ чаемаго вреда Богъ спасъ. Величина оныхъ червей съ небольшимъ въ дюймъ, цвѣтомъ темносѣрые съ желтоватыми полосками вдоль ихъ, а нѣкоторые были и зеленоватые»...

19 сентября 1762 года Рычковъ увѣдомлялъ Миллера, что намѣренъ поднести президенту Академіи Наукъ клыкъ мамонта, необыкновенный по величинѣ ($2\frac{1}{2}$ аршина) и вѣсу (1 пуд. 30 фунтовъ) и что на рудникахъ Твердышева найдено окаменѣлое дерево въ 160 пудъ. Послѣднее Рычковымъ описано въ статьѣ «О мѣдныхъ рудахъ и минералахъ» [1]). 30 января 1763 года онъ же писалъ Миллеру: «Я слышалъ, что окаменѣлаго дерева большую шкуку, у Твердышева въ Оренбургѣ имѣющуюся, разсудили вы взять въ Академію, и о томъ отъ васъ въ

[1]) Труды Вольнаго экономическаго общества, часть IV, стр. 56.

правительствующій сенатъ взнесено доношеніе; но жаль, что резолюція продолжается и какъ бы способное къ переѣзду время совсѣмъ не прошло. Она конечно болѣе 100 пудъ и достойна того, чтобъ ей быть при Академіи для очевиднаго доказательства тѣмъ, которые претворенію изъ существа въ существо спорятъ. Я чаю, можно-бъ и цѣлое дерево обрыть и вынуть, но на то уже не малой коштъ понадобится. Перевозъ онаго могъ бы поштучно учиненъ быть, которыя по привозѣ на мѣсто собрать и составить не трудно. Но вѣдаю, что у насъ такія дѣла не безъ труда исполнить»...

Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ»[1]) была помѣщена статья «О травахъ, изъ которыхъ краски дѣлаются». Здѣсь въ концѣ было упомянуто о растущей въ Украйнѣ травѣ Polygonum Polonicum, на которой въ началѣ лѣта находятъ красные шарики Coccus Polonicus, окрашивающіе въ алый цвѣтъ и замѣняющіе потому кошениль. Прочитавъ это, Рычковъ, 29 іюня 1763 года, писалъ къ Миллеру: «Въ здѣшней сторонѣ такіе шарички находятся на кореньѣ травы, изъ которой растетъ ягода клубника. Изъ оныхъ шаричковъ выходятъ червячки или коровки, наполненныя самою алою краскою; но тѣ шарички подъ кореньемъ не красные, но синеваты; только тогда бываютъ красны, когда ихъ поджарятъ. Я, сравнивая ихъ съ кошенилемъ (по нашему: канцелярское семя), признаваю ихъ за сущую ту краску. Въ Кинельской черкасской слободѣ находящіеся черкасы[2]), да и здѣсь, собирая оные шарички изъ подъ клубники во свое время, красятъ шерсть и другія вещи въ самую хорошую и кармазину подобную краску. Я велѣлъ нынѣ домашнимъ моимъ робятамъ немного оныхъ шариковъ собрать, которые на ваше разсмотрѣніе при семъ нынѣ посылаю. Они по бóльшей части мелковаты, но сіе можетъ быть отъ сего, что еще не поспѣли; однакъ червочки изъ нихъ уже выходили, а нѣкоторые между ими и такой величины, какъ я въ самой хорошей кошенили видалъ. Сказываютъ, что сіи червочки, побывши на клубничныхъ кореньяхъ, переходятъ на коренья другихъ травъ, получаютъ другой видъ и другаго цвѣта краску производятъ. Ежель вы признаете

---

[1]) Апрѣль, 1762 г., стр. 454—459.

[2]) Такъ въ то время обыкновенно называли малороссовъ.

за надобно, то я постараюсь о семъ больше развѣдать и, сдѣлавъ описаніе, оное до васъ сообщу. Извольте посмотрѣть въ Гюбнеровомъ натуральномъ лексиконѣ подъ словомъ кошениль, Cochenille, то найдете великое сходство оныхъ шариковъ съ сею краскою, съ тою токмо разностію, что въ Америкѣ сбираютъ ихъ на нѣкоторыхъ деревьяхъ. Я мню, что въ здѣшней и въ казанской губерніи не мало сей краски можно сбирать, когда бы собираніе оныхъ введено было въ обычай. Одну вѣточку приложилъ я при семъ нарочно, дабы могли вы видѣть, какъ оные шарички или червочки подъ корешкомъ сидятъ. Когда краску дѣлаютъ, то изсушивши ихъ полегоньку, толкутъ. Думаю, что также надобно и съ ними поступать, какъ кошениль употребляютъ. Однакъ я отпишу въ черкасскую слободу нарочно о семъ, чтобъ меня увѣдомили»...

Вѣроятно, что чтеніе этого письма Рычкова навело Миллера на мысль: не происходитъ ли названіе Червонной Руси отъ червца (coccus polonicus), о чемъ и было имъ высказано въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ [1]). Сверхъ того, 4 августа 1763 года, онъ писалъ къ Рычкову: «открытіе такого неизвѣстнаго въ натуральной исторіи предмета, какъ кошениль въ оренбургской и казанской губерніяхъ и притомъ на кустикахъ земляники (und an Erdbeer - Stauden), заслуживаетъ великой признательности. Я не премину огласить это во всеобщую извѣстность для вашего прославленія; но предварительно необходимо болѣе разысканій и свѣдѣній, изъ которыхъ горный совѣтникъ и профессоръ химіи г. Леманъ обѣщалъ составить статью для пересылки къ вамъ [2])»...

«Я, отвѣчалъ на это Рычковъ 31 августа 1763 года, радъ что здѣшній coccus, находящійся подъ кустиками клубничника (сія ягода и видомъ, и вкусомъ отмѣнна отъ той земляники, коя у васъ въ сторонѣ родится и называется Erdbeere, хотя подлинно того же роду, но другой специсъ новый—о томъ уповаю извѣстны). Когда г. совѣтникъ и профессоръ Леманъ сочинитъ объ

---

[1]) Іюль, 1763 г., стр. 96: «Во времена великаго князя Владиміра Великаго былъ въ той странѣ городъ Червень и тамошніе городы вообще червенскими городами назывались. Отчего сіе? Не по червѣ ли, или по инсекту (coccus polonicus), красную краску производящему, коей и въ Малой Россіи довольно?»...

[2]) V портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ.

ней свое предложеніе, то не премину я онымъ клубочкамъ и червячкамъ описаніе сдѣлать, поелику развѣдать о нихъ можно».... 5 сентября 1763 года: «...При семъ прилагаю краткое описаніе, которое я сдѣлалъ, освѣдомясь у кинельскихъ черкасъ; да и пробу онаго, отъ нихъ же присланную... Черкасы называютъ то червецъ. И мѣсяцъ іюнь, въ коемъ оной собирается, по старинному ихъ нарѣчію червецъ же именуется»...

Въ слѣдствіе этого описанія адъюнктомъ Академіи по части естественныхъ наукъ Кёльрейтеромъ составлена была статья, о которой Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру отъ 20 декабря 1763 года отозвался: ...«приложенное описаніе г. доктора Кёльрейтера о червецѣ я прочиталъ. Оно такъ сочинено какъ ученому человѣку сочинять надлежитъ, а особливо примѣчаніе о самомъ червочкѣ весьма тщательно, и на будущее лѣто послужитъ мнѣ къ наблюденіямъ моимъ способомъ. 5 пунктовъ, на концѣ онаго прилагаемые, кажется, что въ моемъ краткомъ описаніи отвѣтствованы». Ниже будетъ еще сказано, что Рычковъ свои наблюденія надъ червцемъ, вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ статьи Кёльрейтера, послалъ потомъ въ Вольное Экономическое Общество, которое помѣстило это въ «Трудахъ» своихъ. Далѣе, изъ протоколовъ академической конференціи видно, что 20 августа 1767 года директоръ Академіи, графъ Владиміръ Орловъ предложилъ на разсмотрѣніе академиковъ присланные отъ Рычкова образцы клубники (potentilla), вмѣстѣ съ водящимися на нихъ насѣкомыми (coccus). 23 августа аптекарь и почетный членъ Академіи Модель сообщилъ ей результаты сравненій кошениля американскаго, польскаго и оренбургскаго: оказалось, что послѣдній, уступая во многомъ первому, далеко однако превосходилъ польскій.

15 ноября 1763 года Рычковъ писалъ къ Миллеру: «Въ надеждѣ вашей ко мнѣ благости и дружбы, прилагаю я при семъ три плитки, изъ коихъ бѣловатая почитается здѣсь за самородную флюсовую извѣстку и употребляется у меня при мѣдномъ моемъ заводѣ съ хорошимъ успѣхомъ и дѣйствомъ вмѣсто сженой извѣсти. Она лежитъ въ горѣ; по бóльшей части мелка такъ, какъ мука; а между тѣмъ есть и куски на подобіе камня, но весьма мягкіе, изъ коихъ я плиточку для способности къ посылкѣ ножемъ обрѣзалъ. Желтоватыя жъ двѣ плитки изъ такой же мягкой ма-

теріи состоятъ и въ мѣдиплавильной печкѣ вмѣсто флюса служатъ. Но мнѣ разсудилось ихъ послать до васъ на разсмотрѣніе: не будутъ ли онѣ сходствовать съ галмеемъ? Покорно прошу васъ ихъ разсмотрѣть и увѣдомить меня по вашему свѣдѣнію, за какую матерію почитать ихъ надлежитъ. Обѣ оныя матеріи неподалеку одна отъ другой и въ высокой горѣ находятся отъ села моего верстахъ въ шести. Я бы радъ былъ, когда бъ то настоящій галмей оказался, котораго, сколько мнѣ извѣстно, у насъ въ государствѣ еще понынѣ не отыскано. Еще покорно прошу прислать ко мнѣ для пробы и виду кусочекъ каменнаго угля самово хорошаго. Есть здѣсь и онаго признаки. Чего ради съ настоящимъ углемъ хочется мнѣ ихъ сличить, а по сличеніи бъ до васъ на разсмотрѣніе и ихъ послалъ».

Что̀ писалъ въ отвѣтъ на это письмо Миллеръ не извѣстно, такъ-какъ въ черновой его перепискѣ не уцѣлѣло многихъ изъ его писемъ къ Рычкову.

20 декабря 1763 года было напечатано «Извѣстіе о сочиняемой россійской минералогіи», въ которомъ объявлено было, что Ломоносовъ намѣренъ «сочинить описаніе рудъ и другихъ минераловъ, находящихся на всѣхъ россійскихъ заводахъ», а потому къ заводчикамъ была обращена просьба о доставленіи академику образцевъ имѣвшихся у нихъ рудъ. Какъ скоро дошло о томъ свѣдѣніе до Рычкова, то онъ, 1 мая 1764 года, отправилъ къ Ломоносову чрезъ Миллера описаніе мѣдныхъ рудъ своего завода, которымъ Ломоносовъ остался доволенъ[1]). По смерти его оно было препровождено Рычковымъ (въ іюлѣ 1766 года) въ Вольное Экономическое Общество и тамъ напечатано въ «Трудахъ», о чемъ будетъ указано ниже.

1 сентября 1767 года Рычковъ послалъ къ Миллеру описаніе землянаго зайца, (lepus minitus или dipus jaculus). Этого описанія не сохранилось при письмѣ, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «прилагаю описаніе землянаго заіца, котораго я теперь имѣю у себя живаго и, смотря на него, оное учинилъ. Звѣрокъ весьма куріозный, а особливо когда скачетъ, то больше схожъ на прекрасную птичку, нежель на звѣрочка. Ежель не умретъ и

---

[1]) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, приложеніе къ VIII т. Записокъ Академіи Наукъ, № 7, стр. 71—73.

оказія будетъ, намѣряюсь послать его зимой къ графу Володиміру Григорьевичу (Орлову). Два чучелка послалъ уже я къ Ивану Ивановичу Тауберту, хотя они и были попорчены».

Въ засѣданіи академической конференціи 2 ноября 1767 года разсматривалась эта посылка Рычкова, и академикъ Палласъ высказалъ по этому случаю свое предположеніе, что въ оренбургскомъ краѣ должны еще найтись неизвѣстныя животныя, которыя ожидаютъ описаній[1]).

«Для поощренія въ Россіи земледѣльства и экономіи», въ 1765 году составилось въ Петербургѣ Вольное Экономическое Общество. Членами учредителями его являются или первѣйшіе изъ тогдашнихъ сановниковъ: графы Орловы, Воронцовы, Чернышевы, или люди, приближенные къ императрицѣ, каковыми были: Адамъ Олсуфьевъ, баронъ Александръ Черкасовъ, Григорій Тепловъ, или, наконецъ, академики: Леманъ, Фалькъ и распоряжавшійся судьбами Академіи, совѣтникъ ея Иванъ Таубертъ[2]). Послѣдній былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Рычковымъ, а потому неудивительно, что съ самого начала существованія Общества онъ былъ избранъ въ число членовъ его.

«При окончаніи сего 1765 года, разсказываетъ Рычковъ въ своихъ Запискахъ, получилъ я ордеръ отъ г. тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Адама Васильевича Олсуфьева изъ Санктпетербурга отъ 10 числа ноября, коимъ онъ увѣдомилъ меня, что 2 числа того жъ (мѣсяца) выбранъ я въ члены Вольнаго Экономическаго Общества для поощренія въ Россіи земледѣлія и домостройства, при которомъ сообщилъ онъ и письмо ея императорскаго величества, коимъ изволила она то общество аппробовать и подтвердить. Сіе избраніе, безъ всякаго моего исканія учиненное, и пріобщеніе меня къ толь знатному обществу, въ которомъ знатнѣйшія особы и многіе сенаторы присутствуютъ, почитаю я въ нынѣшней моей приватной деревенской жизни не только знат-

---

[1]) Протоколы 1767 г. въ архивѣ академической конференціи.

[2]) Исторія И. Вольнаго Экономическаго Общества съ 1765 по 1865 годы, СПБ. 1865 г., стр. 1—4.

нымъ приключеніемъ, но и за промыслъ Божій, ведущій меня явно къ продолженію службы»...

Эта надежда на поступленіе вновь на службу при посредствѣ вліятельныхъ и сановныхъ членовъ Вольнаго Экономическаго Общества, а также и горячность, съ какою обыкновенно принимался Рычковъ за всякое новое дѣло, сдѣлали то, что въ первые годы существованія общества онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ его по доставленію сельско-хозяйственныхъ статей.

«Я, писалъ онъ къ Миллеру, 5 февраля 1766 года, уже пять піесъ отправилъ въ собраніе Экономическаго Общества. Г. Клингштетъ[1]) пишетъ ко мнѣ нынѣ, что тѣ, кои получены и въ собраніи читаны, приняты изрядно... Весьма полезно, когда бъ и во всѣхъ губерніяхъ экономическія собранія учредить разсудили. Въ здѣшней (оренбургской) я въ состояніи лучшихъ людей къ тому привесть, ежель мнѣ оное рекомендовано будетъ, а паче, когда я буду въ Оренбургѣ. Надобно токмо разсмотрѣніе имѣть въ сочиненіяхъ ихъ человѣку искусному, ибо многіе хорошо мыслятъ, но не всѣ такъ пишутъ, чтобъ годилось въ публику или въ вышнее собраніе»....

31 марта 1766 года: «Полезное бъ было дѣло, ежели бъ въ собраніи нашего общества должность секретарская такому человѣку прилежному была поручена какъ вы, милостивый государь! Отъ сего очень много зависитъ. Повѣрьте, милостивый государь мой и другъ, я бы самъ отъ того не отрекся для споспѣшества полезнымъ намѣреніямъ нашего общества, ежели бъ мнѣ дали жалованье, или бъ для полученія онаго причислили бы меня къ такому мѣсту, чтобъ я, получая отъ моего жалованья, безъ нужды содержаться могъ. Недостатки мои и не малолюдное семейство мое не дозволяютъ мнѣ безъ онаго служить»...

---

[1]) Тимофей Ивановичъ фонъ-Клингштетъ вице-президентъ юстицъ коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ и членъ-основатель Вольнаго экономическаго общества. Къ нему обращалась иногда Екатерина II, требуя мнѣній его о разныхъ отрасляхъ управленія; онъ подавалъ представленія касательно просвѣщенія и торговли въ Россіи. Нѣкоторыя изъ его статей помѣщены въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества. См. «Алфавитный указатель статей, напеч. въ Трудахъ», В. Всеволодова (СПБ. 1849 года) стр. 113, 114.

25 ноября 1769 года Вольное Экономическое Общество присудило Рычкову серебряную медаль за сообщеніе туда разныхъ сочиненій и опытовъ. 20 января 1770 года, оно выразило своему сочлену удовольствіе за доставленные имъ «колпакъ и ширинку холста, которые сдѣланы изъ пуха травы кипрейника», а женѣ его выдана тогда же золотая медаль «въ знакъ благодарности за оказанное усердіе нашему обществу сообщеніемъ какъ прежняго [1]), такъ и нынѣшняго новаго рукодѣлія». Увѣдомляя о томъ Рычкова, Тауберть писалъ 21 января 1770 года: «Я поздравляю ее (Алену Денисьевну Рычкову) съ ея отличною честію, о которой извѣстна уже всемилостивѣйшая государыня, и которая всемѣрно возбудить должна и другихъ дворянскихъ женъ къ подражанію ея примѣру»...

«Что жена моя, говорилъ Рычковъ въ письмѣ къ Миллеру 24 февраля 1770 года, удостоена золотой медали, о семъ она и я имѣемъ уже извѣстіе чрезъ Ивана Ивановича Тауберта... Я недавно медаль получилъ съ вырѣзаніемъ на оной моего имени при письменномъ благодареніи, но серебряную. Жена моя счастливѣе меня, но я ей не завидую»...

31 октября 1770 года, Таубертъ снова увѣдомлялъ Рычкова: «Вчера Экономическое наше Общество праздновало генеральнымъ собраніемъ всѣхъ членовъ день своего учрежденія въ домѣ его сіятельства графа Захара Григорьевича Чернышева. Сколь скоро въ исходѣ перваго часа пополудни всѣ члены съѣхались, то во первыхъ читано было письмо ея императорскаго величества къ обществу, которымъ оное подъ высочайшее свое покровительство всемилостивѣйше принять соизволила. Потомъ объявлено было президентомъ о розданныхъ по разнымъ задачамъ медаліяхъ. Изъ оныхъ опредѣлены вамъ, милостивому государю моему, одна большая золотая, а г. капитану Болотову такая-жъ по задачѣ о сочиненіи наказа для деревенскаго управителя. Сердечно васъ поздравляю сею отличною честію. Бывшіе въ семъ комитетѣ члены: его сіятельство графъ Романъ Ларіоновичъ (Воронцовъ), Григорій Николаевичъ Тепловъ, полковникъ Александръ Андреевичъ Волковъ и я тѣмъ довольно доказали, сколько

---

[1]) Рычковъ прежде прислалъ образчики издѣлій изъ козьяго пуха.

мы всѣ готовы вашимъ заслугамъ при всякомъ случаѣ отдать справедливость. Теперь уповаю вы перестанете завидовать любезной вашей супругѣ и оставите сію страсть одному ея полу»...

Изъ диплома на эту послѣднюю медаль (3 ноября 1770 года) видно, что сочиненіе Рычкова было представлено подъ девизомъ: «вѣкъ жить — вѣкъ учиться и трудиться», а Болотовъ, авторъ извѣстныхъ Записокъ, свою рукопись снабдилъ девизомъ: «устрой его въ дѣлахъ, яко же подобаетъ ему; аще не послушаетъ, всади его въ оковы [1])».

Полагаю не лишнимъ сообщить здѣсь описаніе статей Рычкова, напечатанныхъ въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ и нынѣ вниманія по заключающимся въ нихъ подробностямъ. Онѣ непремѣнно пригодятся со временемъ для исторіи оренбургскаго края, а между тѣмъ, будучи помѣщены въ сельско-хозяйственномъ изданіи, могутъ остаться не замѣченными.

«Труды», часть II, 1766 года: a) стр. 63 — 68. «Опытъ о козьей шерсти». Здѣсь предлагается пряденіе и вязаніе изъ козьяго пуха (или подсада), какъ новый способъ извлекать выгоду изъ козъ. По словамъ Рычкова выходитъ, что онъ первый ввелъ въ употребленіе подобныя издѣлія. Извѣстно, что вязаные изъ мягкой козьей шерсти платки, чулки и другія вещи приготовляются донынѣ въ одномъ только оренбургскомъ краѣ, откуда ихъ вывозятъ въ Петербургъ и за границу. b) Стр. 89 — 101, «О мануфактурахъ изъ хлопчатой бумаги и изъ верблюжей шерсти». Извѣстія о попыткахъ къ разведенію хлопчатой бумаги въ южныхъ мѣстахъ оренбургскаго края при помощи хивинцевъ, бухарцевъ и ташкентцовъ, въ странахъ которыхъ она произрастаетъ въ изобиліи. Для этой цѣли подъ Оренбургомъ въ 1745 году была основана татарская слобода Сеитова, такъ названная по имени татарина Сеита Хаялина. Цѣна бумажнаго хлопка въ Оренбургѣ была во времена Рычкова: въ сыромъ видѣ 10—15 копѣекъ за фунтъ; въ пряжѣ 30 — 40 коп. Въ концѣ статьи говорится о

---

[1]) Указанія объ этомъ можно найти въ Запискахъ Рычкова; также въ подлинномъ дипломѣ и письмахъ къ нему Тауберта и А. Нартова, сохраняющихся въ семейныхъ бумагахъ Д. Н. Рычкова.

полотнахъ изъ верблюжьей шерсти и о выгодѣ отъ сбыта ея за границу.

Часть IV, 1766 года: c) Стр. 30—56, «О мѣдныхъ рудахъ и минералахъ, находящихся въ Оренбургской губерніи». Это самое описаніе, какъ сказано выше на стр. 101, Рычковъ посылалъ Ломоносову. d) Стр. 57—64, «Опытъ о березовой водѣ».

Часть V, 1767 года: e) Стр. 43—59, «Опыты виннаго куренія на домашній расходъ» — разсказъ о гонкѣ спирта изъ молока и сыворотки. f) Стр. 70—77, «О дѣлѣ юфтей». Сообщается о выдѣлкѣ въ Россіи юфти. Статью эту первоначально не рѣшались печатать, о чемъ Рычковъ писалъ къ академику Штелину: «Я радъ, что сочиненіе мое о юфтяхъ втунѣ не осталось. Графъ Романъ Ларіоновичъ (Воронцовъ) сказывалъ мнѣ нѣкоторыя обстоятельства, для чего оно прежде напечатано не было, но мнѣ мнится, что тѣ причины не подлежатъ большому уваженію. Много околичностей при семъ дѣлѣ, для которыхъ въ другихъ государствахъ манифактуру сію размножить невозможно» [1]. g) Стр. 150—196, «О содержаніи пчелъ»; объ этомъ же предметѣ: часть IX, 1768 г., стр. 1—27, «Первое продолженіе о пчелахъ»; стр. 139—163, «Выпись изъ разныхъ писателей о пчелахъ и краткія объ нихъ примѣчанія»; часть XI, 1769 года, стр. 1—34: «Третіе продолженіе о пчелахъ». Всѣ эти статьи примѣчательны, какъ первое обстоятельное описаніе русскаго пчеловодства. Здѣсь можно найти разсказы и повѣрья нашихъ старинныхъ пчеляковъ, описанія ухода ихъ за пчелами и, наконецъ, состояніе въ XVIII столѣтіи этого промысла, процвѣтавшаго въ старинной Руси. Конечно, Рычковъ, не будучи ученымъ естествоиспытателемъ, внесъ въ свои разсказы много невѣроподобнаго, но тѣмъ не менѣе они и въ наше время полезны для изученія старинныхъ повѣрьевъ и пр. Для наблюденій своихъ Рычковъ, какъ видно изъ его статей, пытался устраивать стеклянные ульи. «Г. Таубертъ совѣтывалъ мнѣ, писалъ онъ къ Штелину, 24 мая 1767 года, чтобъ я сочиненіе мое о пчелахъ согласилъ съ описаніемъ Реомюровымъ и другихъ иностранныхъ писателей. Но мнѣ разсудилось напередъ то описать, какъ сіе содержаніе у насъ производ-

---

[1]) Записки Академіи Наукъ, т. VII, стр. 125.

дится. Другіе могутъ описать иностранныя описанія и примѣчанія. Я собственными моими опытами нашелъ, что оныя описанія съ натурою нашихъ пчелъ не во всемъ сходны, что означится и въ піесѣ моей. По изданіи ея въ публику, можно всякому своими испытаніями увѣриваться и продолжать сію экономію съ лучшимъ наблюденіемъ, которая и въ самыя наши древнія времена обществу великую пользу дѣлала и нынѣ приносить можетъ. Весьма полезно, ежебъ особо напечатанные экземпляры ко мнѣ пожалуете пришлете. Они многихъ возбудятъ къ примѣчаніямъ и представленіямъ о семъ полезномъ дѣлѣ»... [1]). 30 іюня 1767 года онъ же къ Миллеру: «до села Спасскаго доѣхалъ я (изъ Москвы) и съ женою моею благополучно. Теперь утѣшаюсь деревенскимъ житьемъ и дѣлаю опыты мои надъ пчелами, примѣчая движенья ихъ, посадя нѣсколько съ матками ихъ въ стеклянныя банки, а и улья нарочно для того по близости покоевъ моихъ поставилъ. По сіе время описаніе мое нахожу довольно справедливымъ»...

Часть VI, 1767 года: і) Стр. 56—68, «Примѣчанія о прежнемъ и нынѣшнемъ земледѣліи». По мнѣнію Рычкова земледѣліе въ старину было въ лучшемъ состояніи: «правители и самые хорошіе помѣщики почитали у насъ за первый пунктъ къ чести и благоденствію умножать въ крестьянахъ охоту къ земледѣлію и, живучи въ деревняхъ своихъ умѣренно, сами были въ томъ предводители и надзиратели. Такимъ многолѣтнимъ искусствомъ и присмотромъ, безъ сомнѣнія, извѣдали они всѣ правила земледѣлія... Прежде, когда процвѣтало и избыточествовало у насъ земледѣліе, самые лучшіе люди считали себѣ въ честь умножать оное и поощрять къ тому крестьянъ, а притомъ и жили въ деревняхъ своихъ умѣренно и бережно. Но нынѣ живущіе въ оныхъ молодые помѣщики за честь ставятъ себѣ то, когда выстроютъ себѣ пространные домы, уберутъ ихъ богато, имѣютъ при себѣ не малое число офиціантовъ и ливрейныхъ служителей, а къ тому для выѣзду нарядной, двойной, или еще и тройной экипажъ. Не давно и суще не болѣе двадцати лѣтъ назадъ, знатные, разумные и заслуженные штабъ-офицеры и дворяне не малопомѣстные, изъ которыхъ многіе были мнѣ друзьями и пріятельми, имѣли у себя

---

[1]) Записки Академіи Наукъ, т. VII, стр. 125.

домы посредственные, слугъ при себѣ человѣка по два или по три въ простомъ, но въ чистомъ платьѣ; для выѣзду одну или двѣ простыя-жъ, токмо хорошія, крѣпкія и спокойныя коляски съ принадлежностью. Однимъ словомъ: все было у нихъ надобное въ надлежащей умѣренности и крѣпости. Напротивъ того нынѣ дѣти ихъ и наслѣдники, имѣя тожъ число крестьянъ или еще и меньше и чинъ субалтерна или не выше капитанскаго, живучи въ деревняхъ своихъ уволенными отъ службы, не жалѣя себя и крестьянства своего, свою возможность употребляютъ въ тѣ излишества, о коихъ выше упомянуто... Надобно признаться, что нынѣшнія помѣщичьи деревни начинаютъ уже украшаться хорошими домами, убранными покоями, отчасти жъ и регулярными садами, вмѣсто того, что прежде за довольное украшеніе считали въ нихъ умѣренной, но спокойной домъ съ принадлежностьми, огородъ и садъ простой, но плодовитой; за самое жъ лучшее почитали хорошія житницы и на гумнахъ множество хлѣбныхъ кладей и одоньевъ. О прочемъ въ разсужденіи нынѣшняго деревенскаго житья не вступаю уже въ подробности, дабы не раздражить мнѣ тѣмъ многихъ моихъ знакомцевъ, сосѣдей и пріятелей»... k) Стр. 69—83, «О кошенилѣ и червецѣ», а также въ IX части 1768 года, стр. 164—173, «Прибавленіе къ сочиненію о кошенилѣ и червецѣ»; часть XV, 1770 года, стр. 80—87, «О размноженіи россійскаго червеца». Что объ этомъ предметѣ переписывался Рычковъ съ Миллеромъ, о томъ говорено выше на стр. 98. Въ первой статьѣ, кромѣ своихъ наблюденій, Рычковъ приводитъ способъ добыванія и употребленія червеца въ краску малороссіянами, жившими на рѣкѣ Кинели въ тогдашней оренбургской губерніи. l) Стран. 84—112, «О сбереженіи и размноженіи лѣсовъ». Здѣсь говорится о различныхъ родахъ деревьевъ въ Россіи и объ употребленіи каждаго изъ нихъ. При этомъ замѣчено, что въ Башкиріи вмѣсто пеньки и поскони употребляютъ крапиву: «они, ее подкашивая, мочатъ, стелютъ и треплютъ равномѣрно почти такъ, какъ у насъ со льномъ, съ конопляими и посконью поступаютъ... Сіе употребленіе въ Башкиріи есть самое старинное. Крапивные паруса, упомянутые въ Лѣтописи препод. Нестора, на стран. 26 (отъ 904 по 907 г.) не могутъ ли разумѣться за такія крапивныя холстины? Сіе оставляю на разсмотрѣніе другимъ»... (Ср. выше стр. 94).

Часть VII, 1767 года: m) Стр. 1—25, «О способахъ къ умноженію земледѣлія въ Оренбургской губерніи». Въ этой статьѣ сообщены довольно любопытныя извѣстія о правахъ и хозяйствѣ башкиръ, киргизовъ, калмыковъ, а также о переселеніи (около 1740 года) въ оренбургскій край, по распоряженію правительства, малороссіянъ. n) Стр. 111—212, «Отвѣты на экономическіе вопросы, касающіеся до земледѣлія по разности провинцій кратко и по возможности изъясненные въ разсужденіи оренбургской губерніи». И здѣсь есть полезныя свѣдѣнія для исторіи не только сельскаго хозяйства, но и состоянія цѣлаго края и его разнородныхъ обитателей въ прошломъ столѣтіи.

Часть IX, 1768 года: o) стр. 74—82, «О травяныхъ корешкахъ и семянахъ, пригодныхъ къ винной сидкѣ». p) Стр. 82—91, «О горячей угольной землѣ», гдѣ описаны опыты Рычкова съ каменнымъ углемъ, отысканнымъ въ дачахъ одной татарской деревни. Выше было уже приведено его письмо 1763 г., въ которомъ просилъ Рычковъ Миллера о доставленіи образчика каменнаго угля. Въ 1769 г. онъ писалъ къ академику Штелину: «Вы весьма меня одолжите, когда пришлете ко мнѣ нѣсколько экземпляровъ повторенной печати (т. е. втораго изданія) наставленія вашего къ сысканію каменныхъ угольевъ. Я того мнѣнія, что они въ здѣшней губерніи въ разныхъ мѣстахъ сысканы быть могутъ, когда приложится о томъ стараніе»... [1]).

Часть XIII, 1769 года: q) Стр. 44—64, «О травяномъ пухѣ и о домашнемъ его употребленіи вмѣсто хлопчатой бумаги и пр.» и «О краскѣ изъ травы кипрейника и о пухѣ изъ той же и еще изъ другой травы въ прибавленіе къ прежнему». r) Стр. 100—112, «О урожаѣ хлѣба» въ 1769 году.

Часть XV, 1770 года: s) Стр. 66—70, «О стручкахъ перечныхъ», которые разводили жители г. Самары. t) Стр. 71—75, «О крапивной кудели и о употребленіи въ пряжу и въ другія економическія надобности»; также въ части XVIII, 1771 года, стр. 215—226, «О крапивномъ холстѣ». Ср. выше статью подъ буквою l.

Часть XVI 1770 года: u) Наказъ прикащикамъ.

---

1) Записки Академіи Наукъ, т. VII, кн. 2, стр. 126.

Часть XVII, 1771 года: w) Стр. 167—174, «О пряжѣ изъ ветошекъ и тряпицъ и о употребленіи оной въ разныя рукодѣлія».

Часть XX, 1772 года: x) Стр. 25—61, «Описаніе Илецкой соли», съ подробнымъ планомъ Илецкой защиты и тогдашнихъ соляныхъ копей. Это первое и притомъ довольно подробное историческое описаніе илецкаго соляпаго промысла, тѣмъ болѣе имѣющее цѣну, что авторъ во время составленія статьи былъ главнымъ начальникомъ соляной части въ Оренбургѣ. Въ письмѣ Рычкова къ Миллеру 27 октября 1771 года между прочимъ читаемъ: «давно уже писали ко мнѣ изъ Экономическаго Общества о сочиненіи описанія илецкой соли. Нынѣ я вздумалъ оное написать, бывъ уже дважды по должности моей на мѣстѣ добыванія ея... Я почти исторически тутъ писалъ, не вступая ни въ какія физическія мои примѣчанія. Г. Академіи профессоръ Палласъ и докторъ Лепехинъ, будучи тамо, оное уже исполнили»...

Часть XXIV, 1773 года: y) Стр. 171—177, «Способъ къ сбереженію съѣстныхъ вещей отъ поврежденія и гнилости». Рычковъ предлагаетъ здѣсь для храненія припасовъ ящики со стѣнками изъ пластинокъ соли. z) Стр. 178—184, «О спиртѣ изъ вербовыхъ цвѣтовъ и изъ травы, называемой воробьиной».

Послѣднею статьею, посланною Рычковымъ въ Вольное Экономическое Общество, была подъ заглавіемъ «О приготовленіи въ пищу во время крайней нужды говяжьихъ и бараньихъ кожъ». Здѣсь сообщалось, что во время шестимѣсячной осады Оренбурга отъ Пугачева цѣны на хлѣбъ и вообще на всѣ съѣстные припасы возвысились до такой степени, что четверть ржи продавалась по 140 и 150 руб. Рычковъ, желая помочь бѣднымъ и неимущимъ жителямъ, придумалъ вываривать желе или студень изъ коровьихъ и бараньихъ кожъ и печь изъ нихъ булки, пироги и пр. Онъ при этомъ ссылался на весь городъ, что его изобрѣтеніе тамъ принесло пользу, потому что приготовленные по его способу хлѣбъ, студень и пр. продавались гораздо дешевле обыкновенныхъ и, по свидѣтельству докторовъ, нисколько не были вредны. Статью свою Рычковъ подписалъ полнымъ именемъ, а не скрылъ его, какъ требовалось то уставомъ Экономическаго Общества, подъ какимъ либо девизомъ. Поэтому, 5 января 1775 года, ему было дано знать, что хотя ему и слѣдовало бы

назначить за его полезное изобрѣтеніе золотую медаль, однако сдѣлать этого нельзя по несоблюденію означеннаго правила. Рычковъ отвѣчалъ на это Обществу, что ему именно необходимо было сказать, что его опыты удались въ тяжелую оренбургскую осаду: «къ тому жъ разсуждалъ, что она писана была мною не по задачѣ Экономическаго Общества, но единственно по моимъ опытамъ, а потому и мнилъ я, что нѣтъ резону скрывать въ ней имя такого сочинителя, который всѣ свои силы употребилъ съ нѣкоторымъ еще и расходомъ (претерпѣвая при томъ отъ самолюбивыхъ людей критику), въ пользу здѣшняго общества, утомленнаго тогда крайнею нуждою и опасностію»... Рычковъ, по обыкновенію своему, обратился къ Миллеру съ просьбою похлопотать за него у вліятельныхъ членовъ Экономическаго Общества, чтобы ему была выдана удержанная медаль. «Я, писалъ онъ къ Миллеру 5 марта 1775 года, въ разсужденіи бывшей здѣсь нужды и изобрѣтенія моего къ отрадѣ и пользѣ здѣшняго города, ожидалъ-было себѣ хорошаго за то воздаянія, но вмѣсто онаго и обыкновенную медаль у меня удержали. Разсудите, не убавится-ль или и не угаснетъ ли вовсе къ таковымъ трудамъ и изобрѣтеніямъ въ доброжелательныхъ людяхъ охота?»... Кажется, что домогательство Рычкова осталось неисполненнымъ отъ Экономическаго Общества; покрайней мѣрѣ 16 апрѣля 1775 года онъ писалъ къ Миллеру: «правда, что я огорченъ отъ экономическаго собранія удержаніемъ золотой медали, мнѣ присвоенной, и не знаю, могу-ль себя преодолѣть, чтобъ впредь піесы мои въ оное посылать».

Переписка Рычкова съ Миллеромъ, кромѣ сообщеній по части исторіи, географіи и естественныхъ произведеній оренбургскаго края, заключается по большей части въ изъявленіяхъ преданности и расположенія къ исторіографу, а также въ извѣстіяхъ объ исполненіи взаимныхъ порученій.

Въ самомъ началѣ возникновенія этой переписки, именно 18 февраля 1759 года, Рычковъ писалъ къ Миллеру: «я истинно за особливое мое удовольствіе почитаю съ такимъ ученымъ и честнымъ мужемъ, какъ ваше высокоблагородіе есть, дружество

и письменное сношеніе имѣть и пользѣ общей, елико знанія моего есть, споспѣшествовать. О пересылкѣ мѣсячныхъ книжекъ покорно вашего высокоблагородія прошу; изъ находящихся же въ реестрѣ (академической книжной лавки) ежель 5 и 6 томы ролленовой Исторіи вышли изъ печати, то оные прислать. А сверхъ того, буде въ книжной лавкѣ находятся на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующія, а именно: Homers Werke (Ilias), 3 Theile mit Kupfern in 4°, Frankf. 1753 — R. 18. Jablonski, Allgemeines Lexicon der Künste und Wissenschaften — 4, 50, Sara, Kunst stets fröhlich zu seyn — 35 [1])».

«Я оныя выбралъ изъ имѣющагося у меня реестра печатаннаго при Академіи 1755 году, но ежель нынѣ оныхъ книгъ въ наличности нѣтъ, покорно прошу выписать. А особливо желательно мнѣ имѣть у себя Гомерову поэму всю, ежель она есть на нѣмецкомъ языкѣ, ибо въ латинскомъ я весьма недостаточенъ. Кромѣ сихъ, ежель изъ моральныхъ новыми лучшими авторами меня снабдите, то почту я за великое ваше одолженіе. Деньги обязуюся съ должнымъ благодареніемъ пересылать, или, по приказанію вашему, эквивалентомъ изъ здѣшнихъ вещей служить. Гомера, ежель изволите достать, прошу въ самой лучшій переплетъ положить; прочія жъ и здѣсь могутъ переплетены быть. Пересылка же ихъ, ежель нарочныхъ къ намъ не случится, можетъ, уповаю, и на ординарной почтѣ учинена быть; потребно только увязать ихъ бережно и адресовать на мое имя такъ, какъ и письма изволите надписывать, припечатывая печатью академическою»...

24 декабря 1759 года: «Извѣстно мнѣ, что вы съ его высокородіемъ г. бригадиромъ Александромъ Петровичемъ Сумароковымъ имѣете дружеское и честное обхожденіе. Я почелъ бы себя весьма счастливымъ, когда бъ удостоился причтенъ быть въ число его друзей и услужниковъ. Буде не противно, прошу васъ,

[1]) Въ послѣдствіи времени Рычковъ уже не любилъ вовсе книгъ для легкаго чтенія. Такъ напр., 18 іюля 1773 г., онъ писалъ къ Миллеру: «Сказки арабскія и другія симъ подобныя не дѣлаютъ мнѣ удовольствія: я ихъ отдалъ моимъ дочерямъ. Онѣ охотно такія пустоши читаютъ. Изъ обертки оныхъ книгъ видѣлъ я, что отпечатывается лексиконъ русской географической»... а потому просилъ о покупкѣ его для себя.

какъ моего милостивца и друга, рекомендовать меня его высокородію при засвидѣтельствованіи моего должнѣйшаго почтенія».

Въ началѣ же своей переписки съ Миллеромъ, Рычковъ пересылалъ черезъ него поклоны Василью Кириловичу Тредьяковскому и женѣ его, Марьѣ Филиповнѣ. Послѣдняя была дочь протоколиста Филипа Сибилева, служившаго въ оренбургской экспедиціи въ одно время съ Рычковымъ.

Когда Рычковъ узналъ, что Миллеръ переходитъ на службу въ Москву, то писалъ къ нему, 15 января 1765 г.: «я твердо надѣюсь, что и въ тамошнюю вашу бытность не лишусь любезной и полезной мнѣ вашей корреспонденціи. А между тѣмъ вы же не оставите меня и въ томъ, какъ оную продолжать съ Академіею и къ кому адресъ мой имѣть»... 2 іюня 1765 года: «будете ли вы что въ Москвѣ печатать, пожалуй увѣдомить, дабы я и мои сочиненія, какія когда случатся, для того къ вамъ сообщить могъ». 5 февраля 1766 г.: ....«позвольте мнѣ признаться: я сумнителенъ былъ нѣсколько, не получая вашихъ писемъ на мои, къ вамъ посыланныя, и сіе самое было причиною, что я пересталъ было къ вамъ писать, дабы не трудить васъ напрасно при многихъ вашихъ окупаціяхъ; но въ разсужденіи дружбы ни малого сумнѣнія у меня не было. Дай Боже все по вашему желанію, и корреспонденція бъ наша также продолжаться могла какъ и прежде. Иванъ Ивановичь Таубертъ ко мнѣ благосклоненъ и корреспонденція моя по Академіи съ нимъ [1])»... 8 октября 1766 года: «увѣрьтесь, милостивый государь мой, что никакая корреспонденція больше не можетъ меня веселить какъ та, которую я съ вами имѣлъ и желаю имѣть»...

30 іюня 1767 года[2]): «Г. Шлецеръ пишетъ ко мнѣ, требуя моей корреспонденціи, и обѣщаетъ сочиненія мои, переводя, сообщать отъ себя шведской и геттингенской Академіямъ, къ чему

---

[1]) Переписка Рычкова съ Таубертомъ пока не отыскана, за исключеніемъ немногихъ писемъ послѣдняго. Они хранятся въ семейныхъ бумагахъ Д. Н. Рычкова, о которыхъ упоминалось выше. Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру 9 іюня 1771 года, такъ говорилъ по случаю смерти Тауберта: «о кончинѣ Ивана Ивановича Тауберта перваго вашего письма не получилъ. Узналъ впервые изъ нынѣшняго: очень, крайне сожалѣю и не могъ удержаться отъ слезъ, лишившись столь любезнаго и полезнаго друга»...

[2]) Съ 1767 г. Рычковъ писалъ къ Миллеру въ Москву по такому адресу: «домъ его за Яузскимъ мостомъ, идучи на гору, первыя каменныя низменныя полаты на лѣвой сторонѣ, гдѣ прежде бывала аптека».

онъ разныя матеріи мнѣ предложилъ. Я не знаю его состоянья. Иванъ Ивановичъ Таубертъ пишетъ ко мнѣ, дабы я о томъ васъ спросилъ, а онъ самъ моральный его характеръ не весьма выхваляетъ. Покорно прошу увѣдомить меня дружески, могу ль я съ нимъ вступить въ корреспонденцію и какъ далеко оную распространять». 1 сентября 1767 года: «Г. Шлецеръ дважды ко мнѣ писалъ, и я ему также отвѣтствовалъ; впрочемъ буду я слѣдовать вашему совѣту[1])»... Въ послѣдствіи времени, Рычковъ, въ порывѣ раздраженнаго авторскаго самолюбія, отзывался неблагопріятно о Шлецерѣ за его разборъ «Опыта Казанской Исторіи», о чемъ было уже говорено выше въ гл. V, на стран. 78, 79.

Всѣ сыновья Рычкова, по тогдашнему обыкновенію, были съ малолѣтства записаны въ разные полки. Одинъ изъ нихъ, Николай Петровичъ, родился, какъ видно изъ записокъ отца, въ 1746 году отъ первой его жены[2]) и числился сначала въ драгунскихъ троицкомъ, потомъ въ ревельскомъ, наконецъ пензенскомъ пѣхотномъ полкахъ. Въ послѣднемъ молодой Рычковъ, въ 1763 году, произведенъ былъ въ прапорщики, а въ 1767 году выпущенъ въ отставку съ чиномъ капитана. О немъ старикъ Рычковъ писалъ къ Миллеру 14 января 1767 года: «вручитель сего, сынъ мой Николай, котораго не изволили еще видывать. Рекомендую его въ вашу милость и призрѣніе въ надеждѣ той дружбы и милости, которыми вы меня жалуете, уповая, что онъ полезными вашими совѣтами и наставленіями, какъ молодой человѣкъ, будетъ пользоваться»... 26 іюня 1767 года: «извѣстенъ я, что сынъ мой Николай, по старанію моему, опредѣленъ въ команду г. профессора Палласа, о чемъ и самъ г. профессоръ ко мнѣ пишетъ»...[3]).

«Команда Палласа» была ничто иное, какъ одна изъ пяти

---

[1]) Къ сожалѣнію въ черновой перепискѣ Миллера не сохранилось письма его о томъ, какъ поступать въ сношеніяхъ съ Шлецеромъ.

[2]) П. И. Рычковъ былъ женатъ два раза: въ первый — на Аннсьѣ Прокофьевнѣ Гуляевой, скончавшейся въ 1751 г.; второй разъ — въ 1752 г. на дочери симбирскаго помѣщика, отставнаго капитанъ-поручика преображенскаго полка Дениса Никитича Чирикова, Аленѣ Денисьевнѣ.

[3]) 14 сентября 1771 года въ письмѣ къ Миллеру Рычковъ, говоря о сынѣ своемъ Николаѣ и Палласѣ, прибавлялъ: «они съ нимъ великіе друзья»...

ученыхъ экспедицій, которыя были снаряжены, по волѣ императрицы Екатерины II, Академіею Наукъ въ 1768 году, а окончили свои разысканія въ 1773 году. Эти экспедиціи, въ силу данныхъ имъ отъ Академіи пространныхъ инструкцій, обязаны были обращать вниманіе на все, что имѣло отношеніе къ климату, почвѣ, естественнымъ произведеніямъ, промысламъ, ремесламъ, обычаямъ, преданіямъ, языкамъ и т. п. Счастливый выборъ ученыхъ, ихъ неутомимое рвеніе и благородная любовь къ наукамъ, все это произвело то, что добытыми въ эти путешествія результатами справедливо гордилась и донынѣ гордится наша Академія Наукъ.

Молодой Рычковъ, состоя въ распоряженіяхъ Палласа и получая изъ казны 200 рубл. въ годъ жалованья, объѣздилъ въ 1769 и 1770 годахъ часть нынѣшнихъ губерній: казанской, оренбургской, уфимской, вятской и пермской. Не имѣя ученой подготовки, въ чемъ откровенно сознавался самъ, онъ выказалъ однако много добросовѣстности и усердія при выполненіи данной ему инструкціи, такъ-что его описанія и донынѣ могутъ служить съ пользою въ особенности по значительному количеству довольно точныхъ для своего времени чертежей и извѣстій о древнихъ городищахъ и объ устныхъ преданіяхъ, съ ними связанныхъ [1]; также о правахъ, обычаяхъ и занятіяхъ разнородныхъ обитателей проѣханныхъ имъ странъ [2]; наконецъ о состояніи горнаго дѣла въ названныхъ губерніяхъ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Трудъ Н. Рычкова напечатанъ на счетъ Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ: «Журналъ, или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ россійскаго государства 1769 и 1770 году» (СПб., 1770, въ 4°) и «Продолженіе Журнала, или дневныхъ записокъ путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ россійскаго государства 1770 г.» (СПб., 1772, въ 4°). О третьей книжкѣ описанія путешествія Н. Рыч-

---

[1]) Какъ напр.: о развалинахъ болгарскаго города Булумера въ пригородѣ Билярскѣ; о чертовѣ городищѣ близь Елабуги; о развалинахъ Старой Казани; о городищѣ около г. Чердыни и о мн. др.

[2]) Какъ-то: въ I части о черемисахъ, стр. 78—94; 152—156; о тептяряхъ 129—142; о вотякахъ, 156—166. Во II-й части помѣщены извлеченія изъ вятской лѣтописи «О древностяхъ города Хлынова и вятской страны», стр. 36—52; подробности о соляномъ промыслѣ въ Соликамскѣ, стр. 95—107 и пр.

кова, изданной около того же времени, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ [1]).

Всѣ ученые, которые участвовали въ оренбургскихъ ученыхъ экспедиціяхъ, долгомъ считали побывать въ селѣ Спасскомъ или видѣться съ владѣльцемъ его въ Оренбургѣ. Первый, посѣтившій Рычкова въ его имѣніи, былъ академикъ Лепехинъ. Онъ, какъ отмѣчено въ запискахъ Рычкова, пріѣхалъ туда съ сыномъ его Николаемъ 30 августа 1768 года, послѣ осмотра мѣстъ по рѣкѣ Черемшану.

«Время, говоритъ по этому случаю Лепехинъ, было уже позднее и для растенія мало надежное; почему я за полезное для меня призналъ просить совѣта у г. статскаго совѣтника Петра Ивановича Рычкова, мужа отмѣнными любопытными упражненіями у насъ знаменитаго, который въ то время жительствовалъ въ селѣ своемъ Спасскомъ, отстоящемъ въ ста верстахъ отъ Черемшанской крѣпости, куда я на другой день и пріѣхалъ... По пріѣздѣ нашемъ въ Спасское село, г. статскій совѣтникъ П. И. Рычковъ принялъ меня съ особливою благосклонностью и ласкою, гдѣ между разговорами о моемъ путешествіи совѣтовалъ мнѣ предпріять возвратный путь къ Волгѣ по Соку, которая рѣка по самой срединѣ ставропольской провинціи протекаетъ; но чтобы оный путь съ большимъ успѣхомъ могъ быть совершенъ, совѣтовалъ требовать изъ бугульминскаго вѣдомства отставного вахмистра Василья Кривцова и выборнаго въ селѣ Сокъ-Кармалѣ новокрещеннаго мордвина Айткула, которыхъ онъ, г. статскій

[1]) Николай Петровичъ Рычковъ, какъ видно изъ писемъ отца его къ Миллеру въ 1772 г., въ этомъ же году былъ переименованъ въ коллежскіе ассессоры и назначенъ «на Ахтубу къ новозаводимымъ тамъ шелковымъ заводамъ главнымъ директоромъ»... «онъ инструкцію имѣетъ не отъ мануфактуръ-коллегіи, но за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ; денежнаго жалованья 500 р. въ годъ, притомъ еще разныя выгоды»... «Ахтубинская шелковая фабрика зачата была въ государствованіе Елизаветы Петровны, но пришла скоро въ разстройку. А деревья тутовыя, какъ увѣряютъ нѣкоторыя, еще при Петрѣ Великомъ посажены, кои нынѣ устарѣли и листье ихъ для червей почитаютъ не полезнымъ»... «Сынъ мой Николай (писано въ сентябрѣ 1772 года) могъ уже до сорока крестьянскихъ семей, подчиненныхъ ему, склонить на то, что каждой изъ нихъ шелковой промыселъ добровольно своимъ семействомъ урокомъ производить обязался, что у Двора совсѣмъ невѣроятнымъ казалось. Заводъ отъ Царицына верстахъ въ 30-ти на здѣшней, т. е. на луговой сторонѣ Волги, отъ устья Ахтубы вверхъ не знаю сколь далеко»...

совѣтникъ, прежде употреблялъ для пріиска мѣдной руды по Соку. Получа такія наставленія, немедленно отправилъ я солдата въ Черемшанскую крѣпость за моимъ обозомъ, а остатки дня препроводилъ въ разсматриваніи любопытныхъ его (т. е. Рычкова) упражненій надъ пчелами, котораго сообщества таинствы испытуя, употреблялъ онъ улей съ стеклянными окошками, сдѣланный на подобіе того, какой въ такихъ же упражненіяхъ употребляемъ былъ славнымъ насѣкомыхъ испытателемъ Реомюромъ».

«По утру, въ провожаніи г. статскаго совѣтника, пошли мы на ближайшія противъ его села горы, гдѣ по подгорью попалося намъ въ великомъ изобиліи воробьиное семя[1])».... Находя разведеніе его невыгоднымъ для сельскихъ хозяевъ, Лепехинъ совѣтуетъ сѣять подсолнечники (helianthus annuus), такъ-какъ кромѣ масла, стебли ихъ можно употреблять на топливо, и потомъ продолжаетъ: «Съ горъ возвратилися мы часу во второмъ по полудни, гдѣ г. статскій совѣтникъ приказалъ приготовить намъ постной столъ изъ такихъ рыбъ, какія въ небольшой, мимо его села протекающей рѣчкѣ Майтанкѣ водятся. Рыбы сіи тѣмъ большаго примѣчанія достойны, что намъ ихъ прежде нигдѣ видѣть не случилося. Это были пеструшки (salmo fario) и кутема (salmo lacustris). Послѣ обѣда предметомъ нашего осмотра были алебастровыя горы, верстахъ въ четырехъ отъ села находящіяся»... Алебастръ оказался смѣшаннымъ съ сѣрными частицами, «что самъ г. статскій совѣтникъ съ немалымъ своимъ урономъ извѣдалъ въ новопостроенной каменной церкви, отчего весь иконостасъ такъ почернѣлъ, какъ бы онъ уже за долгое время былъ позолоченъ. По возвращеніи съ алебастровыхъ горъ, показывали намъ близь села Спасскаго остатки двухъ рудниковъ, принадлежащихъ ему же, г. совѣтнику»... За тѣмъ у Лепехина слѣдуютъ тѣ самыя извѣстія, которыя Рычковъ помѣстилъ въ посланной имъ прежде Ломоносову, а потомъ напечатанной въ «Трудахъ Экономическаго Общества» статьѣ, см. выше стр. 106.

«8 числа, пишетъ Лепехинъ, г. статскій совѣтникъ пріуготовилъ намъ любопытное зрѣлище. Призвавъ одного башкирца,

---

[1]) Lithospermum officinale, о которомъ, какъ видѣли выше на стран. 110, Рычковъ прислалъ статью въ Вольное Экономическое Общество.

приказалъ ему показать способъ, какъ они лазятъ въ свои борти и сохраняютъ соты отъ лакомыхъ до меду медвѣдей»... И здѣсь подробности у Лепехина приведены тѣ же, которыя помѣстилъ Рычковъ въ своихъ статьяхъ о пчеловодствѣ, напечатанныхъ въ тѣхъ же «Трудахъ». Лепехинъ не пропустилъ также распрашивать и о крапивѣ (urtica sibirica), изъ которой у башкиръ дѣлались холсты, о чемъ прежде Рычковъ сообщалъ и Миллеру и Вольному Экономическому Обществу. «Позднее время, заключаетъ Лепехинъ, не дозволило болѣе медлить въ Спасскомъ селѣ. И такъ выѣхали оттуда въ село Борисоглѣбское»... [1]).

«Октября 4 числа (1768 года), отмѣчено въ Запискахъ Рычкова, пріѣхалъ ко мнѣ г. профессоръ Палласъ для совѣтованія о дѣлахъ, до его экспедиціи принадлежащихъ, а 11 числа того жъ поѣхалъ онъ отъ меня для осмотру по р. Соку лежащихъ мѣстъ. А сынъ мой Николай на другой день отправленъ отъ него въ Оренбургъ»...

Въ знаменитомъ «Путешествіи по разнымъ провинціямъ россійской имперіи» [2]) Палласъ разсказываетъ: «пятаго числа (октября) проѣхали мы по лежащей отъ Кичуя почтовой дорогѣ деревню Малую Бугульму на рѣчкѣ того же имени и прибыли въ Спасское село, въ которомъ обыкновенно живетъ прославившійся своими сочиненіями и по заслугамъ почтенія достойный г. статскій совѣтникъ Рычковъ, гдѣ я по причинѣ ласковаго принятія и весьма пріятнаго обхожденія онаго преученаго мужа, пробылъ до 11 числа сего мѣсяца. Помянутое село стоитъ на превеселомъ мѣстѣ, которое окружаютъ горные, отчасти лѣсомъ оброслые увалы. Почти въ срединѣ села бьетъ большой чистый ключъ и течетъ по бѣлому мергелю, который примѣчанія достоинъ наипаче по тому, что скотъ охотно его ѣстъ, хотя и не находится въ немъ соляныхъ частицъ»... За тѣмъ слѣдуютъ упоминанія о рыбѣ кутемѣ (salmo lacustris) и о водяномъ воробьѣ (sturnus cinclus). О послѣднемъ Палласъ сказалъ то же самое, что (см. выше стр. 93) писалъ Рычковъ въ письмахъ къ Миллеру. Далѣе Палласъ описываетъ земляного зайца (lepus minutus, dipus jaculus),

---

[1]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Т. III, Спб. 1821 г. Записки академика Лепехина, стр. 144, 201, 204—210.

[2]) Изд. 2-ое, Спб. 1809 г. ч. I, стр. 148.

выхухоль (sorex moschatus), сѣрный городокъ, червецъ (coccus polonicus), водящійся на кустахъ клубники (potentilla reptans)[1]). Всѣ эти описанія знаменитаго естествоиспытателя послѣ извѣстныхъ уже намъ, первоначальныхъ извѣстій Рычкова о тѣхъ же предметахъ, не представляютъ ничего новаго.

Проводивъ изъ Спасскаго ученыхъ гостей своихъ, Рычковъ писалъ 7 ноября 1768 года къ Миллеру: «г. профессоръ Палласъ жилъ у меня здѣсь больше недѣли, а прежде его былъ г. докторъ Лепехинъ и жилъ столько же. Я уповаю, довольны они моими совѣтами. Они зимуютъ въ Симбирскѣ».

Въ 1769 году, въ оренбургскую губернію пріѣзжали, также по порученію Академіи Наукъ, астрономы: Морицъ Ловичъ[2]). Вольфангъ Людовикъ Крафтъ[3]) и младшій сынъ знаменитаго математика, артиллерійскій поручикъ Христофоръ Ейлеръ[4]). Изъ писемъ къ Миллеру Рычкова оказывается, что всѣ эти ученые долгомъ сочли побывать въ селѣ Спасскомъ, чтобы видѣться съ владѣльцемъ его. По вступленіи вновь на службу, будучи уже въ Оренбургѣ, Рычковъ познакомился съ членами другой ученой экспедиціи, равномѣрнымъ образомъ снаряженной Академіею Наукъ, — Іоанномъ Петромъ Фалькомъ и Іоанномъ Готлибомъ Георги. О нихъ-то Рычковъ писалъ къ Миллеру 28 октября 1770 года: «письмо къ г. аптекарю Георги вчерась

---

[1]) Ibid., стр. 234, 235, 283, 308, 309.

[2]) Его астрономическія наблюденія въ Гурьевѣ напечатаны въ «Collectio omnium observationum, quae occasione transitus Veneris per solem A. MDCCLXIX ...fuerunt». Petropoli MDCCLXX. Ловичъ занимался потомъ геодезическими работами по устройству канала между Волгою и Дономъ и въ августѣ 1773 г. былъ умерщвленъ сообщниками Пугачева. Bacmeister's Russische Bibliothek, III, 414—416.

[3]) Плодомъ путешествія этого академика въ оренбургскій край были, между прочимъ, помѣщенныя въ Novi Commentarii Academiae Petropolitanae статьи: T. XIV, pars secunda, pp. 555—569: «Determinatio longitudinis geographicae observatorii orenburgensis; T. XV, pp. 571 sq.: Observationes astronomicae annis 1769, 1770 institutae, una cum determinationibus geographicis aliquot locorum Imperii Rossici inde deductis», гдѣ есть точное опредѣленіе широты и долготы г. Уфы. Кромѣ того Крафту принадлежитъ «Auszug aus den Beobachtungen, welche zu Orenburg bey Gelegenheit des Durchgangs der Venus vorbey der Sonnenscheibe angestellt worden sind»... S.P.burg, 1769.

[4]) Христофоръ Ейлеръ прохожденіе Венеры чрезъ Солнце наблюдалъ въ Орской крѣпости; онъ также производилъ астрономическія наблюденія въ Яицкомъ городѣ. Ср. Collectio omnium observationum quae occasione transitus Veneris etc. и Russische Bibliothek von Bacmeister, I, 296.

же я отослалъ. Онъ и г. профессоръ Фалькъ, какъ слышу, здѣсь; но ко мнѣ рѣдко ходятъ, хотя и недалеко отъ меня живутъ»... И въ постскриптумѣ: «Г. Георги теперь у меня былъ, сказывалъ, что г. профессоръ Фалькъ боленъ, зачѣмъ и ѣхать нынѣ не можетъ» [1]).

Любовь Рычкова къ наукамъ не могла не быть извѣстна Академіи, и этимъ можно объяснить себѣ, почему всѣ бывавшіе въ оренбургской губерніи академики, посылаемые отъ ученаго общества, искали случая видѣться съ гостепріимнымъ владѣльцемъ Спасскаго. Его знаніе края и обширныя, вслѣдствіе давняго пребыванія тамъ, связи конечно были очень полезны путешественникамъ въ такой отдаленной сторонѣ. Пишущій эти строки, самъ уроженецъ оренбургской губерніи, позволяетъ себѣ занести здѣсь одну черту изъ семейныхъ воспоминаній. Изъ нихъ впервые онъ услыхалъ о Рычковѣ, такъ какъ въ царствованіе императрицы Екатерины II секундъ маіоръ Николай Николаевичъ Пекарскій служилъ въ Уфѣ по соляной части, которою въ оренбургскомъ краѣ завѣдывалъ Рычковъ. Этотъ Пекарскій, какъ подчиненный его, любилъ въ разговорахъ съ своими дѣтьми вспоминать объ умѣ и знаніяхъ своего начальника, казавшихся отставному секундъ маіору необыкновенными, а также и о томъ, что на немъ, по порученію Рычкова, въ бытность въ Уфѣ нашихъ академиковъ, лежала обязанность показывать «ученымъ вояжерамъ» (такъ называлъ ихъ мой дѣдъ) уфимскія окрестности, почему онъ, между прочимъ, ѣздилъ съ ними осматривать и ту удивительную пещеру, которая впервые была описана его начальникомъ (см. выше, стр. 61).

До 1770 года въ изданіяхъ Академіи Наукъ небыло помѣщено ни одного изслѣдованія о водящихся въ Россіи насѣкомыхъ. Иностранные ученые замѣчали этотъ пробѣлъ въ энтомологіи, и знаменитый Линней писалъ по этому поводу къ академику Эрику

---

[1]) Фалькъ, ученикъ Линнея, пріѣхавшій въ Россію по его рекомендаціи, страдалъ ипохондріею: во время путешествія, онъ ревностно старался о выполненіи своихъ обязанностей, но ему все казалось, что своими трудами наноситъ только вредъ и безчестіе Академіи. Въ 1774 г. въ Казани Фалькъ кончилъ жизнь свою пистолетнымъ выстрѣломъ. Изданіемъ въ свѣтъ его Записокъ занимался Георги, и онѣ изданы и на русскомъ языкѣ въ IV-мъ томѣ «Полнаго собранія путешествій по Россіи».

Лаксману: «Insecta ex omnibus fere orbis terrarum partibus accepi et nuperrime etiam magnam collectionem illarum quae Caput Bonae Spei abit, de Russicis autem et Sibiricis insectis entomologis nihil constat. Maximopere vellam ut nonulla eorum mittere». Это побудило Лаксмана заняться русскими насѣкомыми и обратиться при томъ къ Рычкову съ просьбою о содѣйствіи ему въ разысканіяхъ по этому предмету. «Писалъ ко мнѣ, говоритъ Рычковъ въ письмѣ къ Миллеру 18 ноября 1770 г., изъ Петербурга г. профессоръ Лаксманъ, увѣдомляя, что онъ намѣренъ издать въ публику собраніе его насѣкомыхъ, у насъ въ имперіи находящихся. Онъ не довольно знаетъ ихъ общія и особенныя званіи, проситъ меня, чтобъ я учинилъ въ томъ ему вспоможеніе. Увѣдомьте меня, милостивый государь мой, о его обстоятельствахъ и можно ль мнѣ содержать съ нимъ въ томъ и въ прочемъ корреспонденцію?»

Въ семейныхъ бумагахъ потомка Рычкова уцѣлѣлъ и черновой отвѣтъ его къ Лаксману: «Намѣреніе ваше издать въ публику собраніе ваше о инсектахъ, у насъ въ имперіи находящихся, весьма похвально и полезно, а наипаче ежели бъ оное изъяснено было притомъ микроскопическими примѣчаніями, а потомъ и физическими разсужденіями, каковыя мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ видать случалось. У насъ по се время ни одной книги о сей матеріи нѣтъ. Не знаю, государь мой, въ состояніи ль я собрать наименованія тѣмъ изъ сихъ животныхъ, которымъ, кромѣ генеральныхъ, никакихъ особенныхъ именъ у насъ нѣтъ; однакъ по возможности моей для толь полезнаго зданія стараться не отрицаюсь, когда экземпляры сихъ животныхъ отъ васъ получу. Между тѣмъ прилагаю при семъ реестръ тѣмъ, кои мнѣ теперь на память пришли; но сіи имена у насъ по бóльшей части генеральныя на цѣлый родъ. Спеціальныя званія подлинно вновь вымышлять у насъ надобно»...

Въ XIV т. (pars prior) Novi Commentarii Academiae Petropolitanae, стр. 593—604 напечатано Лаксманомъ «Novae insectorum species» съ двѣнадцатью изображеніями разныхъ насѣкомыхъ. Статья эта и есть первое научное изслѣдованіе по части русской энтомологіи.

Рычковъ былъ также въ перепискѣ съ историкомъ княземъ

Михаиломъ Михайловичемъ Щербатовымъ [1]) и зналъ Козицкаго, бывшаго адъюнкта Академіи, а потомъ служившаго при кабинетѣ императрицы Екатерины II. О немъ-то Рычковъ писалъ къ Миллеру 28 января 1776 года: «Здѣсь очень много говорятъ о несчастливой кончинѣ Григорья Васильевича Козицкаго. Покорно прошу, съ какими обстоятельствами и по какой причинѣ оная ему учинилась — увѣдомить. Мнѣ мнится, что онъ былъ человѣкъ разумной и надобной. Сказываютъ, что онъ самъ себя изколюлъ ножемъ [2])»...

VII.

1770 — 1773 годы.

Бѣгство калмыкъ изъ русскихъ предѣловъ въ Китай. Неудовольствіе на Рычкова оренбургскаго губернатора за описаніе этого событія. Извѣстія о возмущеніи на Яикѣ. Избраніе Рычкова въ Москвѣ въ члены Вольнаго россійскаго собранія.

Богатыя соляныя копи, при которыхъ только въ XVIII-мъ столѣтіи построена русская крѣпостца, подъ названіемъ Илецкая Защита, были доступны, до окончательнаго покоренія и умиренія оренбургскаго края, всѣмъ и каждому. «Всякъ для себя ѣздилъ за солью, говоритъ Рычковъ, ломалъ и бралъ ее на мѣстѣ добыванія, сколько кому вознадобилось, да и ссужаться имъ между собою было не запретно»... Уже Кириловъ, этотъ первый «на-

[1]) Такъ въ письмѣ къ Миллеру 26 декабря 1774 г. Рычковъ писалъ: «Письмо мое къ его сіятельству князю Михайлѣ Михайловичу Щербатову покорно прошу при случаѣ отдать и подкрѣпить меня въ его милости»...

[2]) Увольненіе Козицкаго изъ службы совпадаетъ съ тою эпохою, когда князь Григорій Григорьевичъ Орловъ потерялъ вліяніе при дворѣ и, вмѣстѣ съ своими братьями, удалился отъ дѣлъ. Козицкому покровительствовали Орловы. Поручикъ Васильевъ въ своемъ дневникѣ такъ занесъ о самоубійствѣ Козицкаго: «Статскій совѣтникъ Григорій Васильевичъ Козицкій, причинившій самъ себѣ смерть, отпѣтъ былъ въ церкви Григорія Богослова, что̀ между Петровки и Дмитровки. Сему доброму и ученому человѣку, буди вѣчная память. Причина его смерти меланхолія, и хотя нѣсколько покололъ себя ножемъ въ бокъ и, сказываютъ сдѣлалъ 32 раны, только наконецъ въ памяти отцу духовному исповѣдалъ все.» Отеч. Записки, 1856 г., т. CV, № 4, отд. I, стр. 506.

чинатель» въ дѣлѣ утвержденія русскаго господства въ краѣ, въ 1734 году обращалъ вниманіе правительства на добываніе илецкой соли, какъ на источникъ государственныхъ доходовъ: «славная илецкая соль отъ сего города (Оренбурга) имѣетъ быть въ близости, кою-де въ приращеніе высочайшихъ интересовъ употребить можно». Но башкирцы еще не были усмирены окончательно, а потому и солью продолжали всѣ пользоваться по старинѣ безданно и безпошлинно. Въ 1753 году однако учреждено было особое соляное коммиссарство и опредѣлено съ того времени соль продавать отъ казны по 35 коп. за пудъ, добываніе котораго обходилось отъ $4^1/_2$ до 6 копеекъ. Послѣ того одинъ только годъ за башкирцами было оставлено право брать соль даромъ: въ 1754 году оно было уничтожено, а въ вознагражденіе за то съ нихъ прекращено взиманіе ясака въ 2054 руб. 78 коп. ежегодно. 8 февраля 1770 года окончательно утвержденъ былъ докладъ о мѣрахъ къ увеличенію дохода казны отъ распространенія илецкой соли внутри Россіи. Тогда-то получило начало главное правленіе оренбургскихъ соляныхъ дѣлъ, а начальство надъ нимъ ввѣрено было Рычкову[1]).

Весь 1770 годъ прошелъ у новаго начальника въ заботахъ и хлопотахъ объ увеличеніи дохода казны. Въ январѣ 1771 года онъ по служебнымъ дѣламъ ѣздилъ въ Москву, откуда вернулся въ оренбургскій край 26 января 1771 года, а 17 слѣдующаго февраля писалъ къ Миллеру: «не задолго до пріѣзду моего сюда, произошло въ здѣшней сторонѣ нечаянное происшедшее (sic): вольскіе калмыки во многихъ тысячахъ и едва не всѣ, встревожась, съ женами, и съ дѣтьми и со скотомъ перешли черезъ рѣку Яикъ на киргизскую сторону, учиня не мало злодѣйствъ, и, какъ слышно успѣльствомъ пробираются на тѣ мѣста, гдѣ прежде зюнгорцы, ихъ однородцы, кочевали. Вотъ какая чудная революція! Вы легко можете понять, какое при сихъ обстоятельствахъ свѣдѣніе и проницаніе надобно. Сіе я единственно для вашего знанія сообщаю»...

Надобно думать, что въ началѣ въ Россіи не ясно понимали все значеніе этого событія. Это можно видѣть изъ отвѣта Рыч-

---

[1]) «Описаніе илецкой соли» въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества, часть XX. стр. 29—40.

кова Миллеру 7 апрѣля 1771 года: «калмыки вольскіе не для отмщенія киргизцамъ чрезъ Яикъ перешли, но съ худшимъ намѣреніемъ, причиня напередъ великія злодѣйства. Между прочаго жъ и ту роту драгунскую обманомъ съ собою захватили, коя обыкновенно при ихъ намѣстникѣ находилась. Они, кромѣ малой части всѣ взволновались и теперь, какъ сказываютъ, въ вершинахъ уже Эмбы находятся, ежель еще не далѣе. Сей револьтъ въ системѣ здѣшнихъ заграничныхъ дѣлъ великую перемѣну дѣлаетъ и могутъ отъ него быть дурныя послѣдованія, ежель поступлено будетъ не съ такимъ предусмотрѣніемъ, какъ должно. Я не пріобщенъ къ этимъ дѣламъ, да и приватно не спрашиваютъ моего объ нихъ мнѣнія, хотя я въ подобныхъ сему случаяхъ довольно уже искусился и могу выговаривать, что здѣшнія заграничныя обстоятельства не меньше мнѣ извѣстны, какъ и внутреннія. Опасаюсь крайне того, чтобъ вспомня обо мнѣ, что я здѣсь, не заставили меня трудиться въ нихъ тогда, когда не будетъ уже способа обратить ихъ въ лучшую сторону. И мои силы совсѣмъ оскудѣваютъ. Самому мнѣ вызываться на то непристойно и не буду».

«Со всѣхъ сторонъ производятъ не малолюдные наряды. Главный корпусъ опредѣляется въ степь изъ Орской крѣпости, надъ которымъ командиромъ главнымъ полковникъ Траубенбергъ. Съ нимъ же командированъ и старшій мой сынъ Андрей, въ сергіевскомъ полку подполковникомъ находящійся. Не знаю, какой они возмогутъ поискъ сдѣлать, имѣя людей и лошадей, крайне изнуренныхъ, а особливо въ нынѣшнее время, когда вездѣ великое разлитіе водъ и притомъ многіе недостатки».

«Вотъ, милостивый государь мой, нынѣшнее состояніе здѣшнихъ главныхъ и самонужнѣйшихъ дѣлъ. Увидимъ, что будетъ послѣ. Изъ сего легко вамъ понять, могу ль я продолжать оренбургскую исторію и писать о такихъ дѣлахъ, о какихъ со мною, да и ни съ кѣмъ здѣсь не говорятъ, а содержатъ ихъ въ вышнемъ секретѣ. Все сіе написалъ я къ вамъ, какъ истинному другу и милостивцу, единственно для вашего свѣдѣнія».

Удаленіе калмыковъ изъ предѣловъ Россіи принадлежитъ, безспорно, къ любопытнѣйшимъ событіямъ нашей исторіи XVIII столѣтія. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого переселенія на-

рода не съ Востока на Западъ, какъ обыкновенно происходили подобныя переселенія въ давнія времена, но съ Запада на Востокъ, становится очевиднымъ тѣсная связь этого происшествія съ тѣми волненіями, которыя послѣдовательно, почти одно за другимъ, возникали въ восточныхъ предѣлахъ европейской Россіи и подъ конецъ разрѣшились пугачевщиною. Поэтому удаленіе калмыковъ изъ Россіи стоитъ внимательнаго и всесторонняго изученія; но здѣсь слѣдуетъ говорить о немъ на столько, на сколько это можетъ служить объясненіемъ переписки Рычкова съ Миллеромъ въ продолженіи 1771 года.

Упомянутый въ предыдущей главѣ сынъ Рычкова, Николай Петровичъ, какъ только узналъ, что изъ Орской крѣпости отправляется отрядъ въ киргизскую степь для преслѣдованія калмыковъ, то поспѣшилъ присоединиться къ нему для «изслѣдованія достопамятныхъ мѣстъ, находящихся во владѣніи киргизъ-кайсацкаго народа и собранія продуктовъ, находимыхъ въ той странѣ». Такимъ образомъ Николай Рычковъ является современнымъ свидѣтелемъ и въ нѣкоторой степени участникомъ событій, бывшихъ прямымъ послѣдствіемъ переселенія калмыковъ.

Въ изданныхъ Академіею Наукъ 1772 года «Дневныхъ Запискахъ путешествія капитана Николая Рычкова въ киргизъ-кайсацкой степѣ (sic) 1771 году [1])», авторъ, между прочимъ, разсказываетъ, что отъ намѣстника калмыцкаго ханства Убаши было послано къ киргизъ-кайсацкому хану нѣсколько калмыковъ, изъ которыхъ одинъ увѣрялъ, что переселеніе его единовѣрцевъ послѣдовало единственно по волѣ ихъ властителей и что народъ идетъ за ними противъ своего желанія. Киргизцы, попавшіе въ плѣнъ къ калмыкамъ и потомъ бѣжавшіе отъ нихъ, разсказывали, что послѣдніе «съ жалостнымъ воплемъ» вспоминаютъ о Волгѣ и что главнѣйшею причиною удаленія ихъ съ береговъ ея были наущенія ихъ ламы Лаузина Ланчина [2]), который, пользуясь ихъ суевѣріемъ, заклиналъ народъ именемъ боговъ возвратиться въ Зюнгорію. Какъ свидѣтельство калмыка, такъ и разсказъ киргизцевъ до нѣкоторой степени должны быть справедливы, но изъ нихъ

---

[1]) Въ 4°, на 104 страницахъ.

[2]) Веніаминъ Бергманъ, поправляя Рычкова, называетъ этого ламу Loosang Dschaltsan.

нельзя еще понять окончательно причины переселенія такой огромной массы народа. Паллась[1]) при описаніи бѣгства калмыковъ прежде всего ссылается на «Дневныя Записки» Николая Рычкова, потомъ говоритъ о вліяніи на народъ духовныхъ ихъ, которые стращали калмыковъ, что русскіе намѣрены вводить у нихъ христіанство, земледѣліе и рекрутство; наконецъ намекаетъ, что было множество другихъ второстепенныхъ причинъ и неизбѣжныхъ обстоятельствъ, по которымъ калмыки считали себя обиженными отъ русскаго начальства. Все это ускорило удаленіе калмыковъ съ Волги.

Китайскій князь Циши[2]) всю вину этого событія приписываетъ внушеніямъ мятежныхъ единоплеменниковъ ихъ изъ поколѣній Дербетовъ, Хантовъ и Хошутовъ[3]), которые, послѣ пораженія ихъ китайцами въ Зюнгоріи, въ 1756 году перешли на жительство къ волжскимъ калмыкамъ. «Сіи-то самые нечестивые пришельцы, говоритъ названный китайскій писатель, хитрыми своими совѣтами успѣли обольстить слабаго Убаши, тургутскаго (т. е. калмыцкаго) хана, и склонить къ тому, что онъ рѣшился, оставивъ навсегда Россію, бѣжать въ Зюнгорію»... О. Іоакинѳъ, въ своемъ «Историческомъ обозрѣ Ойратовъ или калмыковъ» (СПб., 1834 года) на стр. 229 — 230, и г. Левшинъ въ «Описаніи киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей (СПб., 1832 года), ч. II, стр. 250—252, повторили только извѣстія китайскаго сочинителя.

Наиболѣе обстоятельное описаніе удаленія калмыковъ изъ Россіи составлено Веніаминомъ Бергманомъ въ его статьѣ, подъ заглавіемъ «Versuch zur Geschichte der Kalmüken Flucht von der Wolga»[4]). Здѣсь все приписано интригамъ и хитрымъ внушеніямъ Цёбекъ-Дорджи, родственника тогдашняго намѣстника калмыцкаго ханства Убаши. Н. Нефедьевъ въ сочиненіи

---

[1]) Samlungen historischen Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, Petersb. 1776, I, Th., SS. 88—90.

[2]) Переводъ его съ китайскаго подлинника, сдѣланный С. Липовцовымъ, помѣщенъ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ Григорія Спасскаго, 1820 года, часть XII, стр. 168—188.

[3]) О. Іоакинѳъ называетъ ихъ: Дурботъ, Хойтъ и Хошотъ, а предводителя ихъ — Сэрынъ Тайцзи Чжуньгарскій.

[4]) Bergman's Nomadische Streifereien unter den Kalmüken, Riga 1804, Th. I, SS. 139—246.

«Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ» (СПб., 1834 г.), на стр. 67, 68, повторяетъ вкратцѣ предположеніе Бергмана, не указывая, впрочемъ, на первоначальный источникъ.

Подполковникъ Кишинскій, бывшій приставомъ при помянутомъ Убаши, нестерпимою гордостью и надменнымъ обращеніемъ съ нимъ много способствовалъ, по словамъ Бергмана, къ скорѣйшему осуществленію калмыками намѣренія покинуть навсегда русскіе предѣлы. Астраханскій губернаторъ Бекетовъ имѣлъ о томъ достовѣрныя извѣстія, а потому и предупреждалъ Кишинскаго, но этотъ не обращалъ на то никакого вниманія. Въ концѣ 1770 года Бекетовъ былъ въ Петербургѣ, и къ этому-то времени долженъ относиться, «всеподданнѣйшій докладъ[1]), подписанный графомъ Никитою Панинымъ, княземъ Александромъ Голицынымъ, графомъ Григорьемъ Орловымъ и Никитою Бекетовымъ. Въ этомъ, по многимъ отношеніямъ любопытномъ документѣ подробно разсматриваются жалобы Убаши на стѣсненія калмыцкаго народа отъ иностранныхъ колонистовъ, начавшихъ селиться при Екатеринѣ II по луговой сторонѣ Волги. Замѣчательно, что Кишинскій соглашался, что это стѣсненіе дѣйствительно существуетъ, но не отъ однихъ иностранныхъ колонистовъ (извѣстно, что ими завѣдывалъ и вообще распоряжался о переселеніи иностранцевъ въ Россію всесильный тогда графъ Григорій Орловъ), но и вообще отъ сильнаго прилива всякаго рода переселенцевъ, начавшихъ въ недавнія только времена занимать тѣ страны. Названныя лица въ помянутомъ докладѣ подтвердили это, прибавивъ, что точно переселенцы стали захватывать земли, которыми дотолѣ пользовались безраздѣльно одни калмыки. По этимъ уваженіямъ въ докладѣ представлялось, чтобы снять карту мѣстностей, обитаемыхъ калмыками, и потомъ постановить о недопущеніи тамъ на будущее время новыхъ поселеній. На докладѣ было уже написано «поручить астраханскому губернатору, а впрочемъ быть по сему», но это рѣшеніе нельзя было исполнить: 5 января 1771 года калмыки съ семействами и стадами своими тронулись съ береговъ Волги въ древнюю отчизну свою Зюнгорію (см. IV приложеніе).

---

[1]) Безъ года и числа, въ дѣлахъ Государственнаго Архива, разрядъ XVI.

Рычковъ относился неодобрительно къ распоряженіямъ мѣстнаго начальства касательно погони за калмыками: его видимо оскорбляло, что оренбургскій губернаторъ не только не просилъ совѣтовъ, но даже ничего не говорилъ ему о томъ. Такъ 14 апрѣля 1771 года Рычковъ, извѣщая Миллера, что въ Оренбургѣ о калмыкахъ ничего неизвѣстно, прибавилъ: «да едва и есть ли здѣсь знающіе прямо ихъ намѣренія. Кажется мнѣ, что предпріемлемые на то наряды очень коловратны (kräbsgängig) происходятъ»... За тѣмъ въ продолженіи апрѣля и мая 1771 года Рычковъ писалъ къ Миллеру о томъ, что ему сообщали изъ степи сыновья его Андрей и Николай. Такъ какъ въ «Дневныхъ Запискахъ» послѣдняго весь походъ русскаго отряда описанъ полнѣе, то и не настоитъ надобности передавать здѣсь писемъ о томъ старика Рычкова, который 9 іюня 1771 года увѣдомилъ Миллера: «команды, отправленныя для преслѣдованія калмыкъ, не возмогши ничего надъ ними произвесть, за великимъ ихъ отдаленіемъ, будучи отъ походу степнаго, а наче отъ худыхъ водъ и за недостаткомъ провіанта принуждены возвращаться на линію. Нѣкоторые уже и возвратились (въ томъ числѣ и дѣти мои), изнуренные крайнимъ голодомъ и болѣзньми. Словомъ—едва спаслись они отъ погибели и возвратились въ жалостномъ состояніи»...

24 іюня 1771 года: «...вы давно уже изволили ко мнѣ писать, чтобъ сообщить вамъ извѣстіе о побѣгѣ волскихъ калмыкъ. Мнѣ не можно, по нынѣшнимъ здѣшнимъ обстоятельствамъ, сдѣлать описаніе, справливаясь съ происходившими о томъ дѣлами; но развѣдывалъ я отъ пріѣзжавшихъ сюда изъ Астрахани, изъ Яицкаго городка изъ изъ другихъ мѣстъ; также и отъ бывшихъ въ партіяхъ (изъ сихъ въ главной двое дѣтей моихъ было), а съ того и сочинено краткое извѣстіе, которое при семъ къ вашему высокоблагородію посылаю [1]). Ежель разсудите вы изъ того что-либо передать публикѣ, то прошу васъ имени моего тутъ не употреблять. Я не знаю и не могу провидѣть, чимъ дѣло сіе окончается. Сынъ мой большой (Андрей) командированъ на сибирскую линію для подкрѣпленія оной въ нужномъ случаѣ съ тѣмъ корпусомъ, которой въ степи былъ... Другой сынъ здѣсь и лежитъ

[1]) Этого описанія не сохранилось при письмѣ.

боленъ отъ понесенныхъ въ томъ походѣ великихъ трудностей».

8 сентября 1771 года: «...для меня ничего на семъ свѣтѣ нѣтъ пріятнѣе какъ споспѣшествовать высочайшимъ интересамъ. Удовольствіе мое было чрезвычайное, что сочиненіе мое о уходѣ калмыкъ стараніемъ вашимъ до высочайшаго свѣдѣнія дошло. Выходъ зюнгорскихъ калмыкъ въ Россію, бывшій въ 1758 году, былъ въ бытность мою при здѣшнихъ губернскихъ и заграничныхъ дѣлахъ [1]); могу сказать и то, что—подъ моимъ распоряженіемъ; но нынѣ къ этимъ дѣламъ ни малѣйшаго приступа имѣть мнѣ не можно. ...Теперь вспомнилъ я одно разумнаго человѣка изреченіе о книгахъ (Монтанье, кн. 2, часть 9): тѣ однѣ исторіи прямо добрыми назвать можно, которыя отъ такихъ людей писаны, кои сами въ правленіи дѣлъ были или знатное участіе въ нихъ имѣли. Римскія исторіи почти всѣ такія [2]). Ежели вы хотите другу своему еще сдѣлать честь и благодѣяніе, употребите въ своемъ представленіи оную Монтаніеву рѣчь. Вспомните къ ней мои о здѣшнихъ мѣстахъ сочиненія и представьте отъ себя, какъ вы сами лучше признаете. Я въ угодность высочайшей и всемилостивѣйшей моей монархини, сколько силъ моихъ есть и будетъ, трудиться не престану».

14 сентября 1771 года: «сынъ мой Андрей, находящійся на иртышской линіи съ корпусомъ, пишетъ ко мнѣ отъ 16 августа изъ Шулбинскаго форпоста слѣдующее: «г. маіоръ Зейфертъ, посыланной для развѣдыванія о калмыкахъ, пріѣздомъ своимъ рѣшилъ наше сумнѣніе. Калмыки вообще приняты въ подданство китайское. Слѣдственно дѣло наше рѣшено». Весьма разумна была пропозиція ваша о посылкѣ по симъ дѣламъ въ Китай нарочного»... 29 сентября 1771 года: «большой мой сынъ пишетъ, что онъ получилъ уже ордеръ съ командою своею назадъ слѣдовать и надѣется въ ноябрѣ здѣсь быть. Повторяетъ, что калмыки приняты въ подданство китайское и потому посылка нашихъ войскъ безплодно окончилась; но при лучшемъ ихъ рас-

---

1) Рычковъ напоминаетъ здѣсь о зюнгорцахъ, которые, будучи разбиты китайцами, переселились изъ Зюнгоріи на берега Волги къ калмыкамъ.

2) Рычковъ это мѣсто изъ Опытовъ Монтаня привелъ на 71, 72 стран. своего «Введенія къ астраханской топографіи».

поряженія могли бъ они желаемой успѣхъ имѣть; токмо знающихъ здѣшнія мѣста и способы въ совѣтъ на то не призывали[1])».

Надобно думать, что Рычковъ не ограничился порицаніемъ мѣръ мѣстныхъ властей въ письмахъ къ Миллеру, но высказывался такимъ же образомъ и при другихъ случаяхъ. Въ провинціи подобные пересуды быстро расходятся въ обществѣ и составляютъ насущную потребность его. Неудивительно, что оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ, о которомъ сначала Рычковъ говорилъ съ отличной стороны, узналъ объ отзывахъ послѣдняго, отчего послѣдовала перемѣна въ ихъ отношеніяхъ. Такъ 10 ноября 1771 года Рейнсдорпъ писалъ къ Миллеру: «я постоянно сообщаю г. статскому совѣтнику Рычкову часть содержанія вашихъ писемъ, и это потому, что я, не говоря о другихъ добрыхъ качествахъ, очень хорошо знаю образъ его мыслей и не нахожу благоразумнымъ сообщать ему безразлично всякія новости[2])»...

Еще болѣе раздосадованъ былъ Рейнсдорпъ, когда узналъ отъ самого Миллеръ, что Рычковъ переслалъ къ нему описаніе объ удаленіи калмыковъ. «Усмотрѣвъ изъ вашего письма отъ 28 декабря, писалъ Рейнсдорпъ къ исторіографу 19 января 1772 года, что г. статскій совѣтникъ Рычковъ составилъ историческое сочиненіе о бѣгствѣ калмыковъ, я удивляюсь болѣе тому, что этотъ человѣкъ, изъ суетной довѣрчивости въ силу своего пера, взялъ на себя описаніе о событіяхъ, которыя для него были совершенно сокрыты, почему это описаніе должно быть полно невѣрностей. Вся переписка по этому дѣлу какъ въ военной, такъ и въ государственной коллегіяхъ считается тайною. Всѣ предписанія и донесенія пишутся по секрету, и полное собраніе бумагъ заключается въ кипѣ документовъ изъ пятидесяти дестей. Это и

---

[1]) Далѣе изъ письма Рычкова отъ 17 ноября 1771 года видно, что тогда же онъ послалъ къ Миллеру «ко описанію о уходѣ калмыхъ окончаніе», составленное по извѣстіямъ его сына Андрея, который слышалъ ихъ отъ киргизовъ и маіора Зейферта.

[2]) ...«Habe ich... dem H. Etats-Rath Rytschkow jederzeit einen Theil von Inhalte Dero Schreiben communiciret, weil ich bey einer gantz genauen Kentniss seiner Denkungs Art (ohngeachtet aller übrigen guten Eigenschafften) nicht rathsame befunden habe, ihm alle Neuigkeiten ohne Unterschied mitzutheilen». См. XXII портфель писемъ къ исторіографу Миллеру въ архивѣ академической конференціи.

есть чистѣйшій источникъ, изъ котораго можетъ быть почерпнутъ истинный ходъ этого неприятнаго событія. Впрочемъ, у меня образовалось изъ трехлѣтняго опыта почти математическое доказательство, что у этого человѣка неограниченное себялюбіе есть любимая страсть. Изъ тщеславія онъ выказывается признательнымъ; но какъ скоро произносится сообразный съ истинною приговоръ его пустымъ проектамъ или безвкуснымъ компиляціямъ, то низкая зависть направляетъ его къ самымъ чернымъ поступкамъ для того, чтобы коварно придуманнымъ злословіемъ возбудить сомнѣніе къ проницательности возражателя. Это настоящій портретъ Тартюфа! Впрочемъ я отдаю всю справедливость его, хотя и невоздѣланному уму»... [1]).

Николай Рычковъ, оканчивая описаніе въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ» [2]) удаленія калмыковъ изъ Россіи, сказалъ: «калмыцкой побѣгъ былъ источникомъ, родившимъ различное зло и разрушившимъ спокойствіе народовъ, обитающихъ въ оренбургской губерніи. Излишно бы было исчислить весь вредъ, происшедшій изъ сего случая. Всякой, вошедъ въ связь сего дѣла и изчисля убытки, нанесенные казнѣ отправленіемъ двухъ многолюдныхъ корпусовъ противу сихъ мятежниковъ, разрушеніе на тотъ годъ

---

[1]) ...«Da ich aus Eur Hochwohlgebohrnen schätzbaren Schreiben vom 28 Decembre ersehe, dasz der H. Etats-Rath **Rytschkow** eine historische Verfassung vom Abzuge der Kalmüken zusammen getragen, so wundert mir nichts mehr als dasz dieser Mann, aus eitelem Vertrauen auf seine Stärke in der Feder, eine Beschreibung unternommen hat, deren Anecdoten ihm gäntzlich verborgen sind, und die folglich voller Unrichtigkeiten seyn musz. Der gantze Verlauf dieser Sachen ist so wohl vom Reichs- als Krieges-Collegio als eine geheime expidition tractiret worden. Alle ordres und raports sind по секрету expediret, und die Samlung aller Chartequen beträgt einen Stoss acten von 50 Buch Papier welches wohl die reineste Qwelle bleibet, aus welcher der wahre Zusammenhang dieses unangenehmen Vorfalles, geschöpfet werden könnte. Im übrigen habe ich aus einer dreyjährigen Erfahrung, fast Mathematische Beweise, dasz eine unumschränkete Eingeliebe die lieblings Leidenschafft dieses Mannes ausmachet. Er scheinet aus Eitelkeit dankbahr, so bald man aber seine seichten projecte oder seine abgeschmackten compilationes pflichtmässig beurtheilet, so lenket ihn der finstere Neyd zu den schwärtzesten Anschlägen, um die Einsichten eines Wiedersprechers, durch heimtückische erdichtete Verleumdungen zu ahnen, dieses ist die wahre Abschilderung eines Tartuffe! Im übrigen lasze ich seinem, ob zwar ungebildeten Genie alle Gerechtigkeit wiederfahren»... XXII портфель писемъ исторіографа **Миллера**.

[2]) СПб. 1772 года, стр. 99. 100. Г. Нилъ **Поповъ**, въ сочиненіи «Татищевъ и его время», на стр. 353, приписалъ ошибочно это описаніе погони за калмыками Петру **Рычкову**.

коммерціи и съ нею наилучшей части доходовъ оренбургской губерніи, и, наконецъ, самую пользу, бывшую отъ сего скотоводствующаго народа, легко понять можетъ, сколь много сіе смятеніе нанесло вреда и сколь потеря сія должна намъ быть чувствительна»...

Начало слѣдующаго 1772 года въ оренбургской губерніи ознаменовалось новыми смутами. «Вы, писалъ старикъ Рычковъ къ Миллеру 19 января того года, довольно уже знаете исторію о побѣгѣ калмыковъ. Теперь у насъ въ сторонѣ такой же чрезвычайной случай произшелъ. Яицкіе казаки, по многимъ своимъ преждебывшимъ дерзостямъ, до такой отважности дошли, что бывшаго у нихъ въ городкѣ генерала-маіора Михаила Михайловича фонъ Траубенберга (человѣка честнаго и добраго) съ нѣсколькими офицерами и съ частію его команды убили до смерти. Вы легко можете понять, какія по сей причинѣ могутъ быть въ здѣшней сторонѣ вновь движенія. Сіе случилось 12 числа сего мѣсяца. Что впредь будетъ изъ сего, не премину я васъ увѣдомить»... 16 февраля 1772 года: «башкирцы спокойны, а возмутились яицкіе казаки, убивъ до смерти генералъ-маіора Траубенберга. О семъ ожидается здѣсь резолюція, что̀ повелѣно будетъ дѣлать?» За тѣмъ въ письмахъ Рычкова краткія извѣстія о пріѣздѣ генералъ-маіора Фреймана для усмиренія яицкихъ казаковъ и при этомъ предупрежденія, что ему, Рычкову, неизвѣстны всѣ подробности, такъ какъ онъ не имѣетъ доступа къ подлиннымъ бумагамъ объ этомъ дѣлѣ. 10 мая 1772 года онъ извѣщалъ исторіографа: «Здѣсь у насъ все по прежнему. Состояніе яицкаго, вамъ уже извѣстнаго дѣла..... весьма критично; ибо никакихъ обстоятельствъ онаго въ достовѣрность не знаю. Время покажетъ намъ, чимъ сіе дѣло кончится. Какъ бы не сдѣлалось оно наконецъ похожимъ на калмыцкое». Говоря послѣднее, Рычковъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду какія нибудь основанія, такъ какъ впослѣдствіи оказалось, что сами яицкіе казаки намѣревались передаться въ подданство турецкому султану, и о томъ же подавалъ имъ мысль Пугачевъ, когда еще не принималъ на себя самозванства[1]). 7 іюля 1772 года: «здѣсь нѣтъ у насъ ничево новаго

[1]) «Допросы Пугачева» въ Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. москов., 1858 г., кн. II, матер., стр. 6, 7.

хорошего. Яицкія дѣла, какъ слышно, что далѣ, то гаже (je länger, je ärger); но обстоятельно увѣдомить мнѣ васъ нынѣ не можно, ибо я ни мало къ нимъ не участенъ»... 14 іюня 1772 г.: «Здѣсь обстоитъ все по прежнему. Яицкое дѣло вскрылось тѣмъ, что собравшись они тысячахъ въ десяти, отважились препятствовать идущему къ нимъ подъ командою г. генералъ-маіора Фреймана корпусу (кой состоялъ въ трехъ тысячахъ); не допустя его до своего городка верстъ за 60, выжгли степь. Окружа его со всѣхъ сторонъ своимъ людствомъ, требовали, чтобъ онъ къ нимъ не ходилъ, а возвратился бъ назадъ; но сей искусной генералъ, простоявъ на безводномъ мѣстѣ сутки, дабы степной пожаръ угасъ, не смотря на ихъ многолюдство, пошелъ къ городку прямо и отбивая ихъ отъ корпуса пушками, принудилъ ихъ самихъ возвратиться назадъ. Они, прибывъ въ городокъ, думали было противиться; но многіе отъ того отреклись, изъ за чего главные ихъ зачинщики человѣкъ съ 300 бѣжали, а прочіе отъ побѣгу удержаны и покорились, и г. Фрейманъ безпрепятственно съ командою своею вступилъ въ ихъ городокъ. Вотъ на чемъ яицкое наше дѣло вскрылось. Надобна была неустрашимость и храбрость противу превосходнаго людства, кою г. генералъ маіоръ дѣйствительно исполнилъ (sic). Теперь потребенъ разумъ и хорошее распоряженіе, какимъ образомъ поступить въ изслѣдованіи бывшаго безпокойства и въ установленіи между оными людьми наилучшихъ порядковъ»... 21 іюня 1772 года: «О яицкомъ дѣлѣ, чимъ оно кончилось, я къ вамъ уже писалъ. Къ тому сіе служитъ въ прибавокъ, что и бѣжавшіе казаки всѣ переловлены. Слѣдствіе о ихъ бунтѣ и злодѣйствахъ производимо будетъ здѣсь. Весь сей нерегулярный корпусъ имѣетъ быть учрежденъ на другомъ уже основаніи».

12 іюля 1772 года: «У насъ развѣ сіе одно новымъ почесть, что о яицкихъ мятежникахъ коммиссія уже здѣсь начата и пойманныхъ злодѣевъ (коихъ со сто человѣкъ сюда привезено) допросы производятся. Главные изъ нихъ говорятъ, что послѣднее ихъ намѣреніе было бѣжать съ женами и дѣтьми на Каспійское море и тамъ усилиться; особливо же намѣревались они завладѣть Астработомъ или Хивою»...

Зимою 1772 года Рычковъ собрался было ѣхать по дѣламъ

службы въ Москву, но при этомъ случаѣ губернаторъ нашелъ возможность хотя отчасти выместить Рычкову за его пересуды и поспѣшное доставленіе въ столицы описанія событій во ввѣренной Рейнсдорпу губерніи. «Что до ѣзды моей къ вамъ въ Москву надлежитъ, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ декабрѣ 1772 года, то хотя и получилъ я отъ главнаго моего командира, т. е. отъ Михайла Яковлевича Маслова, формальной ордеръ и думалъ я по сіе число быть уже въ дорогѣ; однакъ, сверхъ чаянія моего, сдѣлалось въ томъ небольшое запинаніе. Иванъ Андреевичъ, здѣшній г. губернаторъ, не имѣя у себя отъ Михаила Яковлевича никакого о томъ сообщенія, на репортъ мой къ нему поданной съ прошеніемъ дозволенія и подорожной, отозвался мнѣ предложеніемъ своимъ, что онъ при нынѣшнихъ, якобы многодѣльныхъ у меня въ коммиссіи обстоятельствахъ къ отъѣзду моему согласиться не можетъ»...

Рейнсдорпъ съ своей стороны писалъ Миллеру 24 декабря 1772 года: «г. статскій совѣтникъ Рычковъ еще здѣсь и теперь не можетъ еще отправиться во первыхъ потому, что этого не допускаютъ новыя соляныя учрежденія, а во вторыхъ онъ меня обошелъ, какъ хозяина дома, и просилъ о дозволеніи безъ моего вѣдома [1])».

Рычкова видимо огорчало это происшествіе. 20 декабря 1772 года писалъ онъ къ Миллеру: «уныніе и слабость моего духа по штилю сего письма узнать изволите. Трудно противъ рожна прать. Простите меня въ худости моихъ выраженій».

Рейнсдорпъ могъ только отдалить поѣздку Рычкова, который въ январѣ 1773 года отправился-таки въ Москву. Здѣсь, учрежденное при московскомъ университетѣ учено-литературное общество — Вольное Россійское Собраніе предложило ему званіе своего члена. Въ письмѣ къ Рычкову по этому поводу, между прочимъ, говорилось: «Вольное Россійское Собраніе, совершенно извѣстное, съ какою ревностію вспомоществовали всегда с. петер-

---

[1]) «П. E. R. Rytschkow ist noch hier und wird auch vor der Hand nicht reysen können, weil es vors erste die neuen Saltz Einrichtungen nicht erlauben, und weil er zweitens mir als Wirth vom Hause vorbey gegangen ist, so dasz er ohne mein Vorwiszen um Urlaub gebethen hat»... XXII портфель писемъ къ истор. Миллеру въ архивѣ академической конференціи.

бургской Академіи Наукъ и Вольному Экономическому Обществу, основательно питаетъ себя надеждою, что если предложеніе вами будетъ принято, то сообщенія ваши не менѣе принесутъ пользы и чести, какъ донынѣ приносили обоимъ упомянутымъ мѣстамъ»... Внеся это письмо въ свои записки, Рычковъ отмѣтилъ также тамъ: «марта 2 числа имѣлъ я честь въ первые присутствовать въ Вольномъ Россійскомъ Собраніи московскаго университета. Къ сему предводителемъ моимъ былъ самъ тайный совѣтникъ и кураторъ Иванъ Ивановичъ Мелиссино, и одинъ изъ профессоровъ говорилъ на русскомъ языкѣ касающуюся до меня рѣчь»...

Покинувъ Москву въ началѣ марта, Рычковъ заѣхалъ въ село Спасское, гдѣ оставался за распутицею довольно долгое время; 28 апрѣля 1773 года пріѣхалъ въ Оренбургъ и оттуда 15 мая извѣщалъ, между прочимъ, Миллера: «Вчерась обѣдалъ я у г. губернатора. Могу сказать вамъ, какъ моему истинному другу, что онъ нынѣ ко мнѣ очень хорошъ и благосклоненъ, и старается самъ о построеніи для меня казеннымъ коштомъ весьма хорошаго и покойнаго дому».

VIII.

1773 — 1777 ГОДЫ.

Пугачевщина. Записки о ней Рычкова. Враждебныя отношенія къ нему оренбургскаго губернатора. Послѣднія работы Рычкова по описанію оренбургскаго края. Кончина.

До сентября 1773 года письма Рычкова къ Миллеру не отличались особенною занимательностью. По бóльшей части въ нихъ шла рѣчь о покупкѣ разныхъ книгъ и о печатаніи Вольнымъ Россійскимъ Собраніемъ при московскомъ университетѣ «Введенія къ астраханской топографіи».

Въ сентябрѣ 1773 года словоохотливый въ перепискѣ съ исторіографомъ Рычковъ вдругъ сдѣлался скрытнымъ и таинственнымъ. 3 числа того мѣсяца онъ писалъ: «мы никогда еще въ такомъ безпокойствѣ не находились какъ нынѣ; а въ чемъ оно состоитъ, о томъ увѣдомлю васъ впредь». Однако въ слѣдующемъ

письмѣ отъ 5 сентября нѣтъ никакого разъясненія помянутому безпокойству, и есть только обыкновенное извѣстіе: «у насъ здѣсь все по прежнему: засуха еще продолжается, отчего и хлѣбъ дорожаетъ. Я съ дѣтьми по сіе число здоровъ» и пр. 12 сентября Рычковъ все письмо наполнилъ о книгопродавцѣ Веверѣ, о глинѣ, находимой при Чебаркульской крѣпости и пр., и мимоходомъ замѣтилъ: «теперь нѣтъ у насъ ничего новаго». 19 сентября: «здѣсь у насъ нѣтъ ничего новаго. Да и что можетъ быть въ такой отдаленности достойное къ вашему увѣдомленію? Вы насъ онымъ не оставляйте»... Наконецъ 26 сентября Рычковъ рѣшился сдѣлать такой неясный намекъ при упоминаніи о тамошнемъ губернаторѣ: «не знаю, будетъ-ли онъ къ вамъ сегодня писать за недосугомъ своимъ по причинѣ нѣкотораго, вновь около Яицкаго городка оказавшагося безпокойства, куда посылаетъ онъ команды». Вновь оказавшееся безпокойство происходило отъ появленія въ окрестностяхъ Яицкаго городка Пугачева. Здѣсь въ первый разъ 15 августа 1773 г. одинъ пьяный казакъ разболталъ, что у нихъ на хуторахъ проживаетъ царь Петръ Ѳедоровичъ [1]), что̀ и побудило тамошняго коменданта подполковника Симонова посылать команды для поимки самозванца. Извѣстно, что эти поиски кончились ничѣмъ, и 5 октября Пугачевъ началъ осаду Оренбурга.

«Наши обстоятельства, писалъ оттуда Рычковъ къ Миллеру 25 ноября 1773 года, такія, какихъ спачала здѣшняго города не бывало, и я отъ роду моего не видывалъ. Долговременное неполученіе писемъ моихъ даетъ вамъ идею, сколь трудно находить способъ къ отправленію отсюдова писемъ; а почты ординарной уже съ два мѣсяца нѣтъ отъ насъ въ отправленіи. Супостатъ нашъ, не малое число людей и около ста артиллерійскихъ орудій имѣющій, многократно уже покушался на взятье города; но всегда былъ отбиваемъ, и нынѣ стоитъ отъ насъ недалеко, т. е. въ Бердской слободѣ. Помощь наша отъ Господа, сотворшаго небо и землю: мы всю нашу надежду имѣемъ на него. Когда спасемся отъ злодѣевъ, тогда буду я писать обстоятельнѣе и постараюсь ваше любопытство удовольствовать.... Въ нынѣшнее стропотное наше время сдѣлалъ я описаніе съ имѣющейся у меня

---

[1]) «Записка полковника Пекарскаго» Москвитянинъ 1841 г. № 6, истор. матеріалы, стр. 440, 441.

старинной и невразумительной почти тетради о бунтѣ Стеньки Разина и его единомышленниковъ[1]). Оно по его подробностямъ гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ какъ я читывалъ у нашихъ и иностранныхъ писателей. Какъ скоро отворится у насъ безопасный проѣздъ, то я сіе описаніе перешлю къ вамъ»...

Безопаснаго проѣзда, о которомъ писалъ Рычковъ, пришлось ожидать долго. «Мы, сообщалъ онъ Миллеру 4 декабря 1773 года, еще и по нынѣ въ осадѣ отъ злодѣевъ. Недавно покушались они овладѣть Верхне-Озерною крѣпостью, дѣлали къ ней сильные приступы; однакожъ отбиты съ немалымъ урономъ. Къ нашему городу не дѣлаютъ они нынѣ приступовъ, зная, что городъ топерь въ хорошемъ оборонительномъ состояніи. Мнятъ принудить они насъ къ сдачѣ хлѣбнымъ недостаткомъ, коего мы еще не имѣемъ, а между тѣмъ ожидаемъ съ вашей стороны помощи. Г. Каръ и Фрейманъ сюда еще не бывали»... Только въ концѣ марта 1774 года побѣда князя Голицына надъ мятежниками освободила Оренбургъ отъ долговременной осады. «Бѣдственное наше состояніе, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ апрѣлѣ того года, съ начала октября понынѣ продолжавшееся, не допущало меня къ пріятнѣйшей съ вами перепискѣ. Въ какой мы нуждѣ и крайности находились, топерь не достаетъ мнѣ времени описывать: изъ приложенной вѣдомостцы продажному здѣсь хлѣбу и харчу легко вамъ узнать, далеко-ль мы были отъ погибели[2]). Топерь избавились мы отъ злодѣевъ божескимъ и монаршескимъ защищеніемъ, стараніемъ же его сіятельства князя Петра Михайловича Голицына и его превосходительства Өедора Юрьевича Фреймана».

«Во время осады, когда нечего было дѣлать, описалъ я астра-

---

[1]) Повидимому Рычковъ любилъ останавливаться на тѣхъ событіяхъ изъ прошедшаго, которые напоминали ему настоящее. Такъ въ 1772 г., когда во всей Россіи были толки о моровой язвѣ, онъ послалъ къ Миллеру списокъ «о бывшемъ въ Россіи во время царя Алексѣя Михайловича моровомъ повѣтріи».

[2]) Объ этой вѣдомости Рычковъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ объ оренбургской осадѣ; но вѣроятно Пушкинъ не имѣлъ ее въ доставленныхъ ему спискахъ Записокъ, почему она и не помѣщена при «Исторіи пугачевскаго бунта». Ср. «Сочиненія Пушкина» изд. П. В. Анненкова, т. VI, стр. 487 и 556. По этой причинѣ означенная вѣдомость помѣщена мною въ приложеніи V.

ханской бунтъ Стеньки Разина и его сообщниковъ. Сіе извѣстіе прилично къ астраханской исторіи, а потому и прилагаю я оное при семъ на ваше дружеское разсмотрѣніе. Не разсудите-ль вы сообщить его общему нашему милостивцу, Ивану Ивановичу Мелиссино? Можетъ быть прикажетъ онъ его напечатать въ историческихъ издаваемыхъ нынѣ отъ университета сочиненіяхъ[1])...

Въ исторической литературѣ о пугачевщинѣ Рычковъ занимаетъ видное мѣсто какъ авторъ записокъ объ этомъ событіи. Подобно современнику своему, полковнику Пекарскому, также описывавшему мятежъ, Рычковъ былъ только очевидцемъ осады г. Оренбурга, и потому въ запискахъ обоихъ этихъ лицъ особенно обстоятельно занесены разныя подробности сейчасъ названнаго эпизода изъ пугачевскаго бунта. Разница же между ними та, что Рычковъ свою лѣтопись составилъ тотчасъ послѣ осады, употребляя литературные пріемы, соблюдая искусственность въ изложеніи и вмѣщая притомъ оффиціальныя бумаги разныхъ вліятельныхъ лицъ, которыя знали его какъ извѣстнаго литератора. Михаилъ Николаевичъ Пекарскій въ пугачевщину былъ четырнадцатилѣтнимъ сержантомъ; сочинялъ свою записку по памяти въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ, безъ всякой литературной обработки. Онъ не распространялся о малоизвѣстныхъ ему военныхъ дѣйствіяхъ главныхъ начальниковъ, но изъ сыновней любви къ памяти отца своего, Николая Николаевича, занесъ, напр., въ свое описаніе, что при осадѣ г. Уфы во время одной вылазки отбита у мятежниковъ пушка маіоромъ Пекарскимъ[2]).

Записки Рычкова, какъ и бо́льшая часть матеріаловъ русской исторіи XVIII столѣтія, изданы съ описками и безъ критической оцѣнки. Пушкинъ, напечатавшій ихъ при своей Исторіи пугачевскаго бунта, мало былъ знакомъ съ біографіею ихъ автора, котораго считалъ академикомъ. Митрополитъ Евгеній[3]) Записки

---

[1]) Здѣсь Рычковъ разумѣетъ періодическое изданіе «Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія», въ которомъ, однако, не было напечатано извѣстіе Рычкова.

[2]) «Записка полковника Пекарскаго о бунтахъ яицкихъ (что̀ нынѣ уральскіе) казаковъ и о самозванцѣ Емельянѣ, донскомъ казакѣ Пугачевѣ» напечатана въ Москвитянинѣ 1841 года, № 6, истор. матер., стр. 438 — 468. Подлинникъ хранится нынѣ въ Публичной Библіотекѣ, куда поступилъ изъ погодинскаго древнехранилища.

[3]) «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», II, стр. 159.

П. И. Рычкова о пугачевскомъ бунтѣ приписалъ сыну его Николаю. Въ весьма недавнее время часть этихъ записокъ и притомъ любопытнѣйшая, на основаніи невѣрныхъ и произвольныхъ соображеній, приписана была Матвѣю Черньппеву, никогда не думавшему прибавлять ни одной строки къ лѣтописи Рычкова[1]).

Мысль составить описаніе осады Оренбурга первый подалъ Рычкову князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, побѣдитель Пугачева. «Его сіятельство, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ апрѣлѣ 1774 года, бывъ здѣсь въ городѣ недолго, весьма благосклонно со мною обошелся. Я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ: рекомендовалъ мнѣ сдѣлать описаніе злодѣйской осады въ бытность тутъ губернатора»...

Въ маѣ 1774 года: «...Его сіятельство князь Петръ Михайловичъ ко мнѣ очень благосклоненъ и просилъ меня разсмотрѣть и въ порядокъ привесть походныя его записки со всѣми дѣйствами, до освобожденія Оренбурга и многихъ здѣшнихъ мѣстъ учиненными, что̀ я уже и сдѣлалъ, чѣмъ онъ весьма доволенъ былъ. Уповаю, что сей журналъ скоро онъ и отправитъ. Дѣла и распоряженія его всѣ достойны великой славы. Словомъ погибли бъ мы здѣсь, ежели-бъ не спасъ насъ его сіятельство, разбивъ предводителя и самозванца Пугачева на двухъ сраженіяхъ.

«Что касается до описанія того, сколько мы претерпѣли, то не надѣюсь я, дабы его превосходительство г. губернаторъ согласился на письмо ваше давать мнѣ потребныя къ тому извѣстія изъ имѣющихся у него. Да и самъ онъ немного ихъ имѣетъ, ибо коммуникація сюда и отсѣль совсѣмъ была пресѣчена. Я, по елику видѣлъ самъ и слышалъ отъ другихъ, содержалъ у себя для памяти и собственнаго моего свѣдѣнія ежедневную записку, чтобъ со временемъ можно было составить изъ нея сего бѣдственнаго нашего времени описаніе; но опасаюсь, какъ бы тѣмъ не подвергнуть мнѣ себя у друзей моихъ еще бо́льшему нареканію противъ того, какому подверженъ былъ сынъ мой Николай за описаніе похода, бывшаго за бѣжавшими калмыка́ми. Я люблю правду и не могу инако не только писать, но и говорить. Прошу васъ, какъ моего истиннаго друга, сказать мнѣ на сіе ваше мнѣніе».

---

[1]) Русскій Архивъ 1865 года, № 3, стр. 335, 336.

За тѣмъ, послѣ краткихъ извѣстій о дальнѣйшихъ движеніяхъ Пугачева, прибавлено: «Жена его, на коей онъ женился на Яикѣ (была она тамъ великая волочайка, а собой недурна), и кою онъ называлъ царицею, и всѣ тамошніе злодѣи также ее признавали, поймана, и скоро, уповаю, сюда будетъ привезена... Село мое Спасское и еще двѣ деревни, близь онаго имѣющіяся, злодѣями совсѣмъ разорены, не только домы, но и церкви разграблены. Убытку мнѣ по меньшей мѣрѣ тысячъ на десять рублевъ. Пуще всего сожалѣю я объ моей библіотекѣ, коя отъ злодѣевъ сожжена и истреблена».

8 мая 1774 года: «Новаго у насъ ничево нѣтъ кромѣ сего, что Пугачева жена, на коей онъ женился въ Яицкомъ городкѣ, сюда привезена. Другая его жъ жена и съ дѣтьми содержится въ Казани. Здѣшнія барыни изъ любопытства видѣть въ предупомянутой отмѣнную красоту ѣздятъ ее смотрѣть; но на мои глаза не нашелъ я никакого чрезвычайнаго въ ней хорошества»...

19 мая 1774 года: «Вчерась пріѣхалъ сюда въ городъ его сіятельство г. генералъ-поручикъ и кавалеръ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Щербатовъ, да и обѣдали мы вчерась всѣ вмѣстѣ у здѣшняго г. прокурора Ушакова на именинахъ жены его. Его сіятельство васъ довольно знаетъ, о чемъ самъ мнѣ сказывалъ. За столомъ, не нарочно сдѣлался у насъ разговоръ о исторіи здѣшняго осаднаго времени. Его сіятельство разсуждалъ, что надобно оной быть безпристрастной и упредить, чтобъ французы и другіе иностранные народы не издали въ публику о сей нашей осадѣ и о самозванцѣ Пугачевѣ несправедливыхъ извѣстій. Всѣ согласовали, что я къ оному сочиненію способнѣе другихъ. Я отзывался, что текущихъ или настоящихъ временъ исторію всякому сочинителю, а наипаче справедливому и безпристрастному писать сумнительно. Притомъ надобно имѣть обо всемъ полное свѣдѣніе и пр. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ отзывался, чтобъ я, написавъ оную какъ самовидѣцъ многихъ бывшихъ дѣлъ, не издавалъ ее нынѣ въ публику. Всѣ на то согласовали, а г. губернаторъ, сидя подлѣ меня, сказывалъ, что вы къ нему писали, дабы онъ снабдилъ меня потребными къ тому извѣстіями и пр.; да и обѣщалъ свои журналы и анекдоты, принадлежащіе къ тому, сообщить. Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ журналъ свой мнѣ уже

поручить, и оной уже изготовленъ по освобожденіе Оренбурга отъ осады. Князь Өедоръ Өедоровичъ тожъ обѣщалъ, а потому и всему отъ онаго труда невозможно мнѣ было отговориться. Я при случаѣ сдѣлаю тому напередъ планъ и покажу имъ, да и вамъ пришлю. Вы, какъ мой истинный другъ, не худо сдѣлаете, когда въ этомъ подкрѣпите и исходатайствуете какое нибудь къ тому одобреніе. Довольно бъ было для меня ежели бъ сіе дѣло пристойнымъ образомъ Академія или кто изъ знатныхъ господъ мнѣ отрекомендовали, ибо я опасаюсь какъ бы, принявшись за оное, не придти мнѣ въ слабость и безсиліе. Весьма уже началъ я оскудѣвать въ моихъ силахъ по причинѣ ввѣренныхъ мнѣ здѣшнихъ соляныхъ дѣлъ, въ великую разстройку злодѣями приведенныхъ, и не знаю, достанетъ ли моихъ силъ, возстановить оныя и привесть въ тотъ порядокъ, въ которой они отъ меня были приведены»...

29 мая 1774: «Иванъ Андреевичъ (губернаторъ Рейнсдорпъ) далъ уже мнѣ списывать свой журналъ. Князя Петра Михайловича журналъ имѣю жъ. Ежель поотдосужусь, буду я изъ нихъ и изъ моихъ записокъ составлять описаніе. Не знаю, буду-ли я ободренъ чимъ нибудь по претерпѣннымъ мною великимъ разореніямъ. По сіе время питаютъ меня еще одними обѣщаніями. Весьма много бъ поспѣшествали къ моей пользѣ, ежели-бъ нашли случай изъясниться о томъ съ Петромъ Дмитріевичемъ Еропкинымъ и съ Михайломъ Яковлевичемъ Масловымъ, моимъ шефомъ»... Въ PS: «доношу вамъ, милостивому государю моему: я съ моей стороны всѣ способы употребляю привлекать къ себѣ благосклонность его превосходительства Ивана Андреевича; но сей, весьма мною любимой человѣкъ отвращаемъ бываетъ людьми, суще не достойными его милости, привыкшими къ самолюбію и ласкательству. Я не могу быть таковъ, какъ они, и никогда такимъ не бывалъ: черное не называю бѣлымъ. Вотъ вамъ, любезной мой другъ и милостивецъ, причины тому, для чего я часто выдерживаю огорченія и возбуждаю противу себя ненавистниковъ добру. Изъ сего краткаго вы все прочее понять и разсудить можете по вашему во всѣ дѣла проницанію».

Въ іюлѣ 1774 года у Рычкова была уже готова первая часть его Записокъ, гдѣ онъ описалъ о яицкихъ казакахъ, волненіяхъ въ Яицкомъ городкѣ и первое появленіе Пугачева до его

приближенія къ Оренбургу, т. е. до 1 октября 1773 года. Послѣ того Рычковъ сдѣлался боленъ, и потому работа его остановилась. 3 сентября 1774 г., пославъ первую часть Миллеру, онъ писалъ: «каждая часть будетъ въ себѣ содержать теченіе мѣсячнаго времени. Изъ послѣдующихъ увидите вы, милостивый государь мой, много чуднаго, и я сумнѣваюсь, описывая справедливо все, какъ (бы) не сдѣлать себѣ предосужденія. У меня приготовлено уже къ перепискѣ октябрь, ноябрь и декабрь. Осталось приготовить январь, февраль и мартъ. Прочее въ другомъ томѣ будетъ описывано... Прошу васъ дать мнѣ ваше мнѣніе и совѣтъ, ежель сіе издавать въ публику годится, то гдѣ напечатать? Не лучше-ль въ Академіи, гдѣ вы о томъ, чрезъ кого пристойно, постараться можете»... Черезъ 8 дней Рычковъ уже сообщилъ, что описаніе осады имъ уже почти окончено, а 18 сентября 1774 года имъ же писано къ Миллеру:

«Два извѣстія имѣю вамъ теперь сообщить ко взаимному нашему удовольствію. Первое, что Пугачевъ съ сообщниками его, ниже Царицына верстъ со сто (Царицынымъ завладѣть онъ не могъ) г. полковникомъ Михельсономъ совершенно разбитъ, какъ то вы изъ приложенной при семъ съ приказу копіи усмотрѣть изволите. А другое еще того важнѣе, что и самъ онъ, Пугачевъ, пойманъ его жъ сообщниками и связанной привезенъ уже въ Яицкой городокъ, гдѣ теперь и содержится. Онъ, послѣ пораженія его г. Михельсономъ, пробирался къ Яицкому городку, слѣдовательно снова къ намъ и въ Башкирію; и будучи верстахъ въ 50 отъ Яицкаго городка на узеняхъ (узенями называются тѣ мѣста, кои, начинаясь вблизи онаго городка, пошли къ самому Каспійскому морю, гдѣ великіе болота, камыши и кустарники), имѣя при себѣ сообщниковъ не болѣе 150 человѣкъ, оными своими сообщниками связанъ; отъ коихъ по увѣдомленію въ Яицкой городокъ, посланною за нимъ командою и тѣми его сообщниками привезенъ въ городокъ и отданъ находящемуся тутъ по слѣдственной секретной коммиссіи гвардіи капитанъ-поручику Маврину. Вотъ, милостивый государь мой, извѣстіе новое, которымъ каждый вѣрный сынъ отечества обрадованъ быть долженъ. Сей великой злодѣй въ алатырскомъ, въ саранскомъ и въ пензенскомъ уѣздахъ ужасное множество дворянъ съ ихъ фамиліями погубилъ и несмѣтныя причи-

ніяъ губительства и разоренія. Даруй Боже, чтобъ изъ сего здѣсь поскорѣе возстановлена была тишина и спокойствіе; но злодѣй почти всю чернь возмутилъ, а притомъ башкирцовъ и киргизцовъ»...

P.S. «Теперь снова посѣщенъ я печалью, но такою, которой для меня больше быть не можетъ: сынъ мой старшій (34 лѣтъ), тотъ, который былъ полковникомъ и симбирскимъ комендантомъ, деташированъ былъ съ малою командою на скопившихся около Симбирска злодѣевъ. Онъ трафилъ на многочисленную толпу злодѣевъ. Онъ тутъ скончался — убитъ оными злодѣями. Сдѣлайте въ такомъ случаѣ своему другу отраду и утѣшеніе. Кончина его тѣмъ хороша, что онъ жизнь положилъ за отечество».

Потерю сына описалъ Рычковъ и въ своихъ Запискахъ, которыя за послѣдніе особенно годы не отличались пространными извѣстіями: «Во время бывшей г. Оренбургу отъ злодѣя Пугачева шестимѣсячной осады, не только въ ежедневномъ страхѣ и погибели весь городъ, слѣдовательно и я съ женою и дѣтьми и со всѣми домашними находился, но и село мое Спасское съ двумя деревнями сообщниками злодѣя разорены, и бывшіе тамъ пожитки, а притомъ святыя церкви и немалая моя бывшая тамъ библіотека расхищена; и хуторъ мой подгородній, называвшійся тогда Маловскимъ, самимъ злодѣемъ ограбленъ и выжженъ; которое мнѣ разореніе, по самой меньшей цѣнѣ считая, гораздо больше двадцати тысячъ. Но все оное, хотя и великое разореніе не столько меня огорчило, какъ безвременная кончина старшаго моего сына. Сей мой любезной и долголѣтней жизни достойной сынъ, будучи въ г. Симбирскѣ полковникомъ и комендантомъ, зная, что отъ возмущенія Пугачева въ симбирскомъ уѣздѣ едва не вся чернь взволновалась и устремилась на убійство и ограбленіе дворянъ, да и самой уже городъ угрожаемъ былъ отъ нихъ нападеніемъ и погибелью, для охраненія по возложенной на него должности, какъ комендантъ и вѣрный сынъ отечества, собравъ изъ гарнизона, до прибытія его въ великой разстройкѣ бывшаго, около ста человѣкъ, да столько жъ изъ улановъ и копейщиковъ, недавно составленныхъ изъ помѣщичьихъ слугъ и крестьянъ, съ одною пушкою (ибо и всѣхъ при семъ городѣ было только двѣ), выступили противъ оныхъ скопляющихся въ уѣздѣ мятежниковъ и бунтовщи-

ковъ. Онъ имѣлъ счастіе сбить и разсыпать двѣ злодѣйскія толпы многолюдныя: одну — въ селѣ Озеркахъ, гдѣ оные злодѣи дважды на команду его нападали, а другую — подъ деревней, называемой Щучья, въ коей живутъ новокрещены и нѣсколько помѣщичьихъ мужиковъ. Узнавъ же, что подъ пригородомъ Корсуномъ, верстъ со ста отъ Симбирска, есть еще злодѣйское сборище, въ коемъ находилось ихъ болѣе 700 человѣкъ, имѣя у себя предводителемъ помѣщика Кондакова слугу, который отъ Пугачева названъ былъ полковникомъ и коего прозванье было Фирсовъ. И хотя корсунскіе жители передались всѣ на сторону злодѣевъ, однако онъ, не уважая великаго ихъ людства, пошелъ туда и вступилъ съ ними въ сраженіе. Слабая его команда здѣсь поколебалась: нѣкоторые передались злодѣямъ, а другіе побѣжали назадъ. Притомъ бывшій гарнизонный капитанъ Крыжанъ убитъ былъ напередъ, а онъ самъ, какъ начальникъ, имѣя при себѣ не болѣе уже 20 человѣкъ, сколько силъ его было, оборонялся; былъ тутъ раненъ двумя тяжкими ранами въ спину и руку. Видя жъ, что ничего надъ тѣми злодѣями одержать было ему невозможно, устремясь на нихъ въ послѣднее, одному изъ нихъ саблею снесъ голову, а другаго умертвилъ своими жъ руками, изъ за чего остервенѣвшіе злодѣи, бросившись на него, окончили его жизнь копьями и саблями своими. При семъ его смертномъ случаѣ два солдата, бывшіе при немъ, своими штыками двухъ злодѣевъ, коихъ они, поймавъ, отсѣкли имъ головы и положили одну подлѣ головы, а другую въ ногахъ у покойнаго и обще съ ними подвизавшагося командира. Тѣло его погребено тогда въ Корсунѣ при тамошней церкви: сынъ же его, а мой внукъ до самой кончины при немъ находился, а потомъ двумя доброжелательными уланами (кои были изъ людей его родственниковъ) спасенъ отъ погибели. Все оное происходило сего 1774 года 26 числа августа».

Въ 1774 году неудовольствія между губернаторомъ Рейнсдорпомъ и Рычковымъ снова возобновились по поводу составленія послѣднимъ описанія оренбургской осады. Когда до Оренбурга дошло свѣдѣніе, что графъ Петръ Ивановичъ Панинъ назначенъ былъ главнокомандующимъ оренбургской, казанской и нижегородской губерній, то Рычковъ (14 августа 1774 г.) обратился къ Миллеру: «Его сіятельству, уповаю, надобны будутъ люди, на-

чаю и составъ прежнихъ учрежденій и намѣреній знающіе. Я хотя и знакомъ его сіятельству бывалъ, но давно; мнѣ мнится, что я, по свѣдѣнію здѣшнихъ дѣлъ и народовъ, могъ бы употребленъ быть нынѣ съ пользою высочайшихъ интересовъ и съ моимъ авангажемъ, но самому на то набиваться дурно. Нѣтъ ли вамъ, милостивый государь мой, дороги и способу рекомендовать меня его сіятельству?»... Миллеръ, а также Еронкинъ (Петръ Дмитріевичъ[1]) говорили графу Панину о Рычковѣ, и вслѣдствіе того онъ былъ потребованъ въ Симбирскъ для личныхъ объясненій съ графомъ по дѣламъ оренбургской губерніи. Рычковъ туда отправился изъ Оренбурга 13 сентября 1774 года.

Этотъ вызовъ долженъ былъ еще болѣе разсердить Рейнсдорпа, и досада его дѣйствительно видна въ желчныхъ выходкахъ противъ Рычкова въ письмѣ къ Миллеру отъ 16 октября: «г. Рычковъ получилъ отъ меня и другихъ генераловъ всѣ матеріалы для пугачевской исторіи. Дѣйствительно онъ написалъ ее и показывалъ разнымъ лицамъ, но для меня его хартія до сихъ поръ остается тайною, изъ чего я съ увѣренностью вывожу, что онъ, по своему обыкновенію, наполнилъ ее сказками и лжами. Онъ нашелъ способъ быть вызваннымъ въ Симбирскъ отъ его сіятельства графа Панина. Нѣсколько книгъ съ бумагами, наполненными легкомысленными проектами, суть его путевые спутники; но такой проницательный мужъ (гр. Панинъ) непремѣнно сорветъ маску съ его глупости. Короче — только въ могилѣ такой человѣкъ разстанется съ своей черной душой[2])».

Что касается до Рычкова, то изъ его писемъ того времени къ Миллеру можно судить, какъ онъ былъ доволенъ и вызовомъ

---

[1]) Изъ письма Рычкова къ Миллеру 27 ноября 1774 г., видно, что первый сообщилъ Еронкину первую часть составленнаго имъ описанія оренбургской осады, которую этотъ и передалъ графу Панину.

[2]) ...«H. Rytschkoff hat alle Materialen zur Historie des Pugatschew von mir und andere General erhalten, er soll sie würklich geschrieben, und verschiedenen gezeiget haben. Für mich ist diese Charteque aber bisz dato ein Geheimnisz und ich schliesse folglich mit Gewiszheit dasz er selbige nach Gewonheit mit Lügen und Märchen ausgefüllet. Er hat einen Canal gefunden, dasz ihn der H. Gr. Pan. Erl. nach Simbirsk verlanget. Einige Bücher mit windige Projecte angefüllete Papiere sind seine Reyse Gefährten, ein so einsichtsvoller Mann wird aber ohnfehlbar seiner Thorheit die Larve abziehen. Kurtz dieser Mensch wird von seiner schwartzen Seele erst im Grabe geschieden werden»... XXII портфель писемъ къ исторіографу Миллеру въ архивѣ академической конференціи.

и пріемомъ главнокомандующаго. Такъ въ письмѣ изъ Симбирска 24 октября 1774 года читаемъ: «Графъ Петръ Ивановичъ принялъ меня благосклонно и содержитъ милостиво. Изъясненія мои о состояніи нашей губерніи, какъ я примѣтилъ, были ему угодны; но съ чимъ и сколь скоро отсюдова отпуститъ онъ меня, о томъ только еще не знаю. Можетъ статься, что къ нынѣшнимъ моимъ солянымъ дѣламъ нѣкоторую часть возложитъ онъ на меня и другихъ, о чемъ впредь вамъ донесу».

«Супостата и злодѣя нашего Пугачева, уповаю, скоро увидите вы въ Москвѣ. Онъ отсѣль на сихъ дняхъ отправляется. Удивленія достойно, что столь плюгавой мужиченко могъ надѣлать великое множество злодѣйствъ».

«Здѣсь нынѣ такое людство, что каждодневно вижу маленькую Москву[1]). И обѣдаемъ у его сіятельства человѣкъ до шестидесяти и болѣе».

Въ другомъ письмѣ также изъ Симбирска въ октябрѣ 1774 года: «находясь здѣсь, пользуюсь я милостями графа Петра Ивановича и радуюсь, что трафилъ на такого человѣка, который во все проницаеть и узнаваеть существо всякаго дѣла. Таковому угождать и нравиться не трудно. Ласкаю себя надеждою, что пріѣздъ мой сюда въ разсужденіи государственной, а притомъ и моей собственной пользы будетъ не въ тунѣ; но не могу еще донесть, сколь долго продержитъ меня при себѣ его сіятельство. Можетъ статься, что пробуду при немъ и до ево отсѣль отбытія».

«Злодѣя Пугачева на сихъ дняхъ отправили къ вамъ въ Москву. Сіе чудовище мерзкое, уповаю, вы тамъ увидите. Я его здѣсь видѣлъ и съ нимъ говорилъ».

Графъ Панинъ отпустилъ Рычкова изъ Симбирска въ ноябрѣ мѣсяцѣ. 31 октября 1774 года было написано отъ главнокомандующаго къ оренбургскому губернатору, что на Рычкова возложено составленіе «историческихъ екстрактовъ» и для того ему должны быть открыты всѣ дѣла о киргизцахъ и башкир-

---

[1]) Въ бытность въ Симбирскѣ, Рычковъ досталъ, какъ онъ говорилъ, «нарочитое извѣстіе» объ этомъ городѣ, которое послалъ въ распоряженіе Миллера при письмѣ 12 февраля 1775 года.

цахъ [1]). Увѣдомляя о томъ Миллера, 20 ноября 1774 года, Рычковъ писалъ:

---

[1]) Вотъ иструкція, или, какъ называлъ Рычковъ, пункты, данные ему для составленія историческихъ екстрактовъ:

1. Какое отъ Двора и министерства предписаніе когда было въ разсужденіи какъ политическаго со онымъ народомъ наблюденія, такъ и какой образъ поведенія съ ними былъ предписанъ и употреблялся отъ оренбургскаго начальства.

2. Съ котораго времени вступленіе сего народа въ подданство россійское и какимъ образомъ произошло, а съ того времени и по нынѣшнее ихъ возмущеніе какіе когда поступки были, какъ отъ нашихъ къ нимъ начальниковъ, такъ и отъ нихъ въ повиновеніи и въ противностяхъ къ скипетру россійскому.

3. Сколько въ которомъ году со времени вступленія ихъ въ подданство, кромѣ нынѣшняго возмущенія, бывали-ли или нѣтъ отъ сего народа какія гдѣ впаденія, въ которомъ именно году въ наши границы; что они въ оныхъ когда вреднаго причинили.

4. Ко отвращенію и стражи отъ того сколько гдѣ воинскихъ нашихъ полевыхъ и гарнизонныхъ командъ содержалось.

5. Какія воинскія дѣйствія, когда тѣ наши команды при впаденіяхъ онаго народа въ наши границы производили и какое потому бывало сношеніе и расположеніе съ начальствомъ сихъ ордъ.

6. Тѣ наши воинскія команды съ котораго времени, по чьимъ повелѣніямъ убыли или ослабѣли, и сколько ихъ гдѣ оставалось противу прежняго оныхъ расположенія при начинаніи нынѣшняго произшедшаго въ семъ краю возмущенія.

7. Сколь многочисленны нынѣ могутъ быть поставляемы всѣ киргизскія орды.

8. Подъ какими названіями гдѣ которая изъ нихъ орда свое кочеваніе обыкновенно въ какое годовое время имѣетъ.

9. Отъ временъ учрежденія оренбургской съ симъ народомъ торговли по сложному о всякомъ году вычисленію показать, сколько по той сложности въ каждой годъ вступало казеннаго, какого именно отъ коммерціи съ тѣми народами дохода; насупротивъ того сколько жъ въ каждомъ году должно было полагать казенныхъ издержекъ на содержаніе полевыхъ войскъ и гарнизоновъ, употребленныхъ только на предохраненіе сей коммерціи.

10. По сложности же каждаго года вступившихъ пошлинъ, какая сумма ежегодно обращалась отъ обѣихъ сторонъ въ торговли.

11. При самомъ окончаніи онаго екстракта въ какомъ настоящемъ положеніи сей народъ находиться будетъ своими поступками противу Россіи въ сравненіи того, какое онъ имѣлъ до наступленія нынѣшняго возмущенія.

Другой екстрактъ о башкирцахъ, въ которомъ бы показано было:

1. Со времени учрежденія оренбургской губерніи какія о семъ народѣ отъ Двора и отъ прочихъ высшихъ правительствъ предписанія были въ разсужденіи управленія онымъ. 2. На какія онъ части, подъ какое начальство, съ какими основаніями раздѣленъ. 3. Съ того времени какое оному переписное счисленіе было ли и когда. 4. Въ какомъ числѣ онъ сначала и, наконецъ, предъ нынѣшнимъ послѣднимъ возмущеніемъ былъ. 5. Какую съ котораго времени подать въ казну платилъ. 6. Какія гдѣ службы, для чего, въ какомъ числѣ отправлялъ, и служивые какое казенное содержаніе при какомъ случаѣ имѣли или нѣтъ. 7. Не было-ль какихъ сначала особыхъ о семъ народѣ учрежденій

«Пугачевъ и сообщники его главные изъ Синбирска при мнѣ отправлены. Съ помянутымъ злодѣемъ разговаривая, нашелъ я въ немъ самаго отважнаго и предпріимчиваго казака. Въ разговорахъ его со мною примѣчалъ я въ немъ невѣжество и умѣнье притворять себя ко всему. Когда я упомянулъ ему объ моемъ сынѣ, который убитъ подъ Корсуномъ его сообщниками, и не могъ притомъ удержаться отъ слезъ, то и онъ сталъ плакать, показывая видъ сожалѣнія. Впрочемъ признавалъ онъ себя виноватымъ передъ Богомъ и государынею; но хотѣлъ еще вины свои заслуживать, ежель государыня повелитъ и пр.»... [1]).

«Описаніе оренбургской осады въ публику издать конечно такъ сходнѣе, какъ вы по совѣту съ его превосходительствомъ Иваномъ Ивановичемъ М(елиссино) писать ко мнѣ изволили; но что̀ я въ мое сочиненіе вносилъ, сіе все такая правда, которую и дѣлами, и людьми доказать можно. Не угодно-ль будетъ его превосходительству или вамъ изъ онаго сочинить другое такою методою, какъ пристойно для публики. Мое пускай останется въ архивѣ. Оно у меня все уже написано, и графъ одинъ списокъ взялъ въ свою канцелярію, чтобъ соединить его съ генеральнымъ обо всемъ бунтѣ описаніемъ, которое сочиняетъ у него г. Веревкинъ. Но сіе все, уповаю, не будетъ въ публикѣ, развѣ екстрактъ изъ онаго и то, уповаю, не скоро. И такъ нужно упредить изданіемъ въ публику такого, какъ вы судите, чтобъ иностранные писатели несправедливаго и невмѣстнаго не напечатали. Я къ вамъ буду сообщать списки съ моево, какъ я сочинилъ. Вы изъ

и ему запрещеній, а потомъ перемѣны или запущенія когда воспослѣдовавшихъ о несодержаніи у себя кузнецовъ и прочаго удобнаго къ вооруженію безъ позволенія правительствъ. 8. Сколько отъ вступленія ихъ подъ правленіе оренбургской губерніи когда было отъ нихъ бунтовъ, подъ какими именно предлогами, кѣмъ, когда они усмирены, какое за каждое ихъ возмущеніе было имъ наказаніе и прощеніе на какихъ основаніяхъ. 9. При сочиненіи сего екстракта всѣ-ли безъ изъятія онаго народа старшины и селенія найдутся во обращеніи къ прежнему подданническому повиновенію или кто, гдѣ и когда еще оставаться будетъ въ супротивности. 10. Какую сверхъ положенныхъ казенныхъ податей имѣетъ ли или нѣтъ выгоду или пользу отъ сего народа россійская имперія или партикулярно подданные ея величества.

Подписалъ: графъ Петръ Панинъ.

[1]) Это же самое, но только съ бо̀льшими подробностями Рычковъ внесъ въ 3-е прибавленіе къ своей лѣтописи, «Сочиненіе А. С. Пушкина», изд. П. Анненкова, т. VI, стр. 521—522.

него что̀ надобно выбирать можете, а напечатать не изволите-ль, не упоминая писателя. Что̀ его превосходительство (Мелиссино) на сіе скажетъ, о томъ прошу меня увѣдомить».

«Начало яицкихъ казаковъ отъ донскихъ въ Топографіи Ор. хотя изъ словесныхъ объявленій, однакъ достовѣрно показано. Они долгое время и состояли подъ вѣдомствомъ донскихъ казаковъ, что̀ изъ дѣлъ можно доказать; но вы сіе распространить и поправить можете по вашему свѣдѣнію»...

Въ настоящее время еще неизвѣстно, гдѣ хранятся работы Рычкова, предпринятыя имъ по порученію графа П. Панина для собранія свѣдѣній о киргизцахъ и башкирцахъ. Но что эти работы были начаты, то видно изъ писемъ Рычкова къ Миллеру. Такъ 4 декабря 1774 года онъ уже писалъ: «какъ я, такъ и приказные мои служители всѣ заняты у меня возложенными на меня отъ графа Петра Ивановича дѣлами, изъ коихъ одна часть на сихъ дняхъ къ нему и отправляется». 25 декабря 1774 года: «его сіятельство первымъ моимъ трудомъ, по предписанію его чиненнымъ, столько доволенъ былъ, что пожаловалъ мнѣ отъ имени ея величества 2000 руб. Вы знаете, милостивый государь, сколь они полезны оскудѣвшему отъ разоренія и ослабѣвающему въ силахъ своихъ человѣку. Я не успѣлъ еще его и благодарить, почувствовавъ отъ великаго восхищенія нѣкоторой припадокъ: онъ награждаетъ и обнадеживаетъ меня не по моимъ меритамъ. При случаѣ внушите ему, милостивый государь мой, глубочайшую мою благодарность, кая во вѣкъ мой будетъ со мною»... 5 февраля 1775 года (послѣ извѣстія о своемъ болѣзненномъ положеніи): «Всего мнѣ досаднѣе топерь, что я не могу отправлять возложенныхъ на меня отъ его сіятельства должностей такъ, какъ мнѣ желательно. Севодни едва могъ я отправить къ нему одно дѣло, по повелѣнію его мною сочиненное. Оно составляетъ инструкцію учрежденной здѣсь отъ его графскаго сіятельства пограничной и иновѣрческой экспедиціи, въ которую угодно было ему опредѣлить меня членомъ. Я надѣюсь, что она, или по меньшей мѣрѣ первая ея часть, до ординскихъ дѣлъ принадлежащая, разсматривана будетъ у васъ въ коллегіи, а потомъ и далѣе»...

По распоряженію графа Панина, оставшемуся въ полной силѣ и послѣ увольненія его отъ главнаго управленія оренбург-

скою, казанскою и нижегоротскою губерніями, Рычковъ, кромѣ завѣдыванія по прежнему соляною частію, принималъ, вмѣстѣ съ оренбургскимъ губернаторомъ, участіе по управленію заграничными дѣлами и инородцами въ краѣ. Неудивительно, что это не могло нравиться Рейнсдорпу: кромѣ того, что онъ лично не былъ расположенъ къ Рычкову, его самолюбіе по необходимости должно было страдать отъ назначенія ему помощника, такъ какъ тѣмъ самымъ высказывалось недовѣріе правительства къ силамъ и опытности начальника губерніи. По всей вѣроятности Рейнсдорпъ писалъ о томъ Миллеру, а этотъ въ свою очередь уговаривалъ Рычкова жить въ мирѣ. Покрайней мѣрѣ объ этомъ можно догадываться изъ слѣдующаго мѣста письма Рычкова отъ 19 февраля 1775 года: «вы, милостивый государь мой, многажды уже дѣлали мнѣ напоминанія къ согласію, которое я всегда наблюдалъ и наблюдаю; нынѣшнее ваше письмо и увѣщаніе, чтобъ я не созидалъ моего счастія ко вреду другихъ, довольно уже даетъ мнѣ знать, въ разсужденіи ково изволите писать. Я по крайней моей возможности стараюсь сохранять честь всѣхъ людей, а наипаче тѣхъ, отъ коихъ я еще и одолженъ бывалъ; но разсудите, милостивый государь мой, чего нѣтъ, можно-ли сказать, что оно есть, и что есть, можно-ли выговорить, что нѣтъ? Я во всю мою жизнь ласкателемъ и клеветникомъ не бывалъ; держусь справедливости и резону во всѣхъ моихъ поведеніяхъ... Научите вы, милостивый государь мой, меня, какъ въ такихъ обстоятельствахъ поступать. По благоразумію вашему надѣюсь вы сами иначе мнѣ не присовѣтуете. Я бы могъ больше изъясняться, но въ разсужденіи моей скромности и привычки къ терпѣнію всякое своенравіе сношу. Но позволь мнѣ покинуть сію матерію: тоска, отъ болѣзни происходящая, помрачаетъ мои рѣчи»...

Съ своей стороны Рейнсдорпъ писалъ къ Миллеру 28 іюля 1775 года: «если не избавлюсь прежде отъ нелѣпаго Рычкова и Оренбурга, то ничто въ мірѣ не удержитъ меня въ началѣ сентября мѣсяца просить графа Петра Ивановича объ отзывѣ»... [1]).

---

[1]) ...«Wenn ich nicht eher von den Hals unsinnigen Rytschkow und von Orenburg erlöset werde, so soll mich nichtes in der Welt abhalten den H. Graffen Peter Iwanowitsch um meine Zurückberufung im Anfange des Septembre Monathes zu bitten»...

Въ 1775 году въ письмахъ Рычкова чаще стали повторяться жалобы на нездоровье и слабость силъ. Болѣзненное его состояніе еще болѣе увеличилось отъ паденія на крыльцѣ, причемъ онъ раздробилъ себѣ ногу, такъ что потомъ уже не могъ ходить безъ клюки съ одной стороны и поддержки съ другой. Впрочемъ болѣзни и старость не могли измѣнить обычныхъ занятій Рычкова. Онъ въ 1775 году намѣревался приняться за сочиненіе статей «о коммерческихъ матеріяхъ»; писалъ продолженіе Оренбургской Исторіи на 1774 и 1775 годы, а въ 1776 году не на-шутку принялся-было за новый трудъ, о которомъ 28 января 1776 года такъ сообщалъ Миллеру: «Мнѣ разсудилось вмѣсто прибавленія къ вашему географическому лексикону [1]) собрать особливой на здѣшнюю губернію лексиконъ такъ, чтобъ ни едино жительство и обстоятельство, примѣчанія достойное, упущено въ немъ не было. Его превосходительство г. губернаторъ недавно сіе жъ самое рекомендовать изволилъ, и я разослалъ уже во всѣ присутственныя здѣшнія мѣста справки о присылкѣ потребныхъ къ оному извѣстій. Сей одной здѣшней губерніи лексиконъ можетъ служить образчикомъ и для другихъ губерній. Я можетъ быть найдусь въ состояніи изъяснить оный моими дополненіями и приложеніемъ потребныхъ къ тому ландкартъ. Съ одного моего запроса, посланнаго въ уфимскую провинціальную канцелярію, для свѣдѣнія вашего прилагаю при семъ копію, а все собравъ и приведши въ порядокъ, для надобнаго употребленія по разсмотрѣніи вашемъ, къ вамъ же, милостивому государю моему, сообщу»...

4 февраля 1776 года: «я къ вамъ на предварившей почтѣ послалъ, помнится, копію съ того моего запроса, по которому желательно мнѣ собрать отовсюду извѣстія къ сочиненію здѣшней губерніи географическаго и историческаго лексикона. Сіе зачалъ я по согласію съ Иваномъ Андреевичемъ, г. губернаторомъ; но есть уже здѣсь безпокойныя головы, которыя почитаютъ сіе за ненадобное дѣло, служащее къ отягощенію люда. И хотя я отъ такихъ безпутныхъ толковъ не имѣю опасенія, но чтобъ во правду не произошло изъ того помѣшательствъ, покорно прошу

[1]) «Географическій Лексиконъ россійскаго государства» собранный воеводою г. Верси Ѳедоромъ Полунинымъ,—изданъ съ дополненіями и поправками Миллеромъ въ Москвѣ 1773 года, въ 8°.

васъ отписать къ его превосходительству отъ себя, чтобъ и онъ въ томъ мнѣ способствовалъ съ своей стороны и не допущалъ бы безпокоить меня отъ такой негодной и вредной критики. Слышу, что здѣшній прокуроръ принимаетъ въ ней участіе, слушая приказныхъ служителей самыхъ подлыхъ душей. Вотъ каковы здѣшніе обстоятельства и какъ помогаютъ полезнымъ дѣламъ!»...

Можно-ли было ожидать тогда Рычкову содѣйствія отъ Рейнсдорпа, это лучше всего видно изъ письма его къ Миллеру 11 марта 1776 года, гдѣ онъ, между прочимъ, говорилъ: «не довольно того, что я въ Оренбургѣ уже потерялъ нѣжно любимую жену и пять дѣтей и подвергаюсь ежедневнымъ коварнымъ проискамъ нашего здѣшняго человѣконенавидца г. Р***, такъ какъ теперь мои страданія опять возобновились по случаю смерти тринадцатилѣтняго мальчика, подававшаго большія надежды. Я умолкаю»... [1]).

«Къ сочиненію здѣшняго географическаго лексикона, писалъ Рычковъ 17 марта 1776 года, на запросы мои изъ разныхъ мѣстъ получилъ уже я извѣстія, въ томъ числѣ изъ уфимской провинціи за всю сію провинцію. Правда, что не всѣ они съ полными обстоятельствами, но разомъ въ совершенство такое сочиненіе не можно привести: оно время отъ времени можетъ дополнено быть. По одной присланной изъ Уфы считается 521 жительство, а всѣхъ уповаю около двухъ или трехъ тысячъ будетъ. При началѣ такихъ дѣлъ встрѣчающіяся затрудненія и недостатки надобно преодолѣвать терпѣніемъ. Теперь изъ всѣхъ вѣдомостей выбираютъ у меня подъ алфабетъ одни званія, а потомъ уже станутъ дѣлать и описанія, которыя я елико возможно поправлять и дополнять буду. Это правда, что такая книга въ каждой губерніи не только для общенароднаго, но и для канцелярскаго употребленія весьма надобна и полезна»... 24 марта 1776 года: «о вспомоществованіи въ сочиненіи здѣшняго географическаго лексикона нѣтъ уже нужды писать вамъ къ его превосходительству здѣш-

[1]) ...«Es ist nicht genug dasz ich eine zärtlich geliebte Ehegattin und fünf Kinder in Orenburg bereits verloren habe, und dasz ich denen täglichen Schicanen unseres hiesigen Menschen-Feindes H. R*** ausgesetzet binn, denn mein Leid muste noch neulich durch den Todt eines Hoffnungs vollen Knaben von 13 Jahren vollen kommen gemacht werden, ich schweige!»...

нему г. губернатору. Я уже большую часть до сего принадлежащихъ извѣстій собралъ; осталось получить изъ исецкой только провинціи и изъ ставропольскаго вѣдомства. Критику на вопросы превозмогъ я моимъ терпѣніемъ»...

5 мая 1776 года Рычковъ послалъ къ Миллеру первую букву своего Словаря, прося притомъ совѣтовъ у исторіографа. Около того же времени онъ донесъ объ этомъ трудѣ тогдашнему генералъ-прокурору, князю Вяземскому, который одобрилъ предпріятіе Рычкова. Въ Запискахъ его занесено, что это одобреніе принесло ему пользу и въ матеріальномъ отношеніи. Подъ 1776 годомъ тамъ записано: «Впрочемъ домашнее мое упражненіе состояло бо́льшею частію въ сочиненіи топографическаго словаря на всю оренбургскую губернію, къ чему я побужденъ былъ письмомъ его сіятельства, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, генералъ-прокурора и разныхъ орденовъ кавалера, князя Александра Алексѣевича Вяземскаго; котораго первую часть отъ литеры А по литеру М и отправилъ я декабря 8 числа съ приношеніемъ моимъ къ его сіятельству, приложа притомъ по его совѣту и просительное мое письмо къ ея императорскому величеству о моихъ нуждахъ и недостаткахъ къ содержанію своему».

«1777, февраля, обрадованъ я былъ полученіемъ отъ его сіятельства на просьбу отвѣтнаго письма съ приложеніемъ притомъ копіи съ ея величества указа, даннаго правительствующему сенату, по которому ея величеству угодно было пожаловать мнѣ за службу и труды 15,000 рублей. Легко понять, въ какой восторгъ приведенъ я былъ сею великою и не по заслугамъ моимъ оказанною ко мнѣ высочайшею милостію»...

«Топерь я, писалъ Рычковъ къ Миллеру, 9 февраля 1777 года, изъ самой, могу сказать, крайней нужды, при великихъ моихъ недостаткахъ и сумнительствахъ, вдругъ сталъ снабженъ да и обогащенъ. Я весьма слабъ моимъ здоровьемъ. Сверхъ болѣзни въ ногѣ моей, мучитъ меня еще и лихорадка; однакожъ не взирая на оную, выѣзжаю еще къ моимъ должностямъ. Мое здоровье топерь не столько уже нужно для меня и для моихъ домашнихъ, развѣ не гожусь ли я сколько нибудь для отечества... Лексиконъ топографической на здѣшнюю губернію я уже окончилъ и надѣюсь

*

вторую часть онаго чрезъ двѣ почты отправить къ его сiятельству»[1]).

Подъ конецъ переписки своей, два старика Миллеръ и Рычковъ, такъ точно обмѣнивавшiеся между собою письмами въ продолженiи болѣе двадцати лѣтъ, вдругъ было поссорились. Миллеру надоѣло исполнять частыя порученiя Рычкова о разсылкѣ писемъ послѣдняго по знакомымъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ. 16 февраля 1777 года Рычковъ извинялся въ причиненныхъ Миллеру безпокойствахъ отъ подобныхъ порученiй. «Сожалѣю крайне, говорилъ онъ при этомъ случаѣ, что вы отъ моей неосторожности приведены въ нѣкоторой родъ алтерацiи, вѣдая, что такое состоянiе намъ, старикамъ, нездорово»... До 20 апрѣля 1777 года Рычковъ крѣпился и не писалъ, а въ этотъ день онъ извѣщалъ своего прiятеля: «Молчанiе мое происходило отъ послѣдняго вашего письма, но какъ я чистосердечно васъ люблю и почитаю, то и не могъ оставить безъ увѣдомленiя, что всемилостивѣйшей и прозорливой нашей монархинѣ угодно было 14 марта пожаловать меня главнымъ командиромъ въ Екатеринбургѣ къ тамошнимъ заводскимъ правленiямъ»...

Нѣсколько дней спустя по прибытiи въ Екатеринбургъ къ новой должности, 23 iюля 1777 года Рычковъ по нѣмецки увѣдомилъ о томъ Миллера; потомъ 17 августа и 9 сентября онъ сообщалъ ему же, что слабъ здоровьемъ и лежитъ въ постели, а 11 ноября того же года Алена Денисьевна Рычкова писала къ исторiографу: «Прiятное письмо ваше къ любезному вашему другу Петру Ивановичу, пущенное отъ 18 октября, получено мною 7 ноября, которое уже не застало его въ живѣ, ибо по произволенiю Божiю, къ несносному моему мученiю скончался онъ октября 15 дня, и я осталась теперь со всѣми моими дѣтьми въ наигорестнѣйшемъ состоянiи. Надѣюсь, что и вы, такъ какъ бывшiй другъ покойному моему Петру Ивановичу, примете соучастiе въ моемъ несчастiи»...

Тѣло Рычкова перевезено изъ Екатеринбурга въ село Спасское и похоронено при построенной имъ тамъ церкви.

---

[1]) Д. В. Полѣновъ сказывалъ пишущему эти строки, что у него въ имѣнiи хранится часть этого лексикона Рычкова. Уцѣлѣлъ-ли еще гдѣ нибудь полный списокъ послѣдняго труда его, неизвѣстно.

Въ предпослѣдній годъ жизни Рычкова нѣмецкій писатель Іоганнъ Георгъ Крюницъ (Krünitz, род. 1728 † 1796 г.), бывшій членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, обращался къ нему съ просьбою о доставленіи его портрета для приложенія его въ гравюрѣ къ издаваемой имъ съ другими учеными «Oekonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats-, Stadt-, Haus- u. Landwirthschaft in alphabetischer Ordnung»... «Они, писалъ поэтому поводу Рычковъ къ Миллеру 26 мая 1777 г., столь много меня восхваляли, что я не могъ имъ отказать въ ихъ требованіи, а потому и посылаю я присемъ письмо мое и тотъ требованной чертежъ, тушью сдѣланной (каково могли ево скопировать здѣсь съ моего портрета)».... Въ XXX части названнаго изданія, вышедшей въ Берлинѣ въ 1784 году помѣщенъ гравированный портретъ съ подписью «Peter Rietzkow»—такъ Рычковъ всегда подписывался самъ по нѣмецки. Что же касается до приложеннаго къ настоящей біографіи портрета его, то онъ срисованъ съ современнаго портрета масляными красками, хранящагося у правнука его, Д. Н. Рычкова.

156

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Сенатскій докладъ о винахъ Татищева.

Къ стр. 13.

По вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, бывшій начальникъ и покровитель Рычкова, В. Н. Татищевъ просилъ «отставить» учрежденную надъ нимъ слѣдственную коммисію и притомъ старался доказать, что онъ былъ жертвою гоненій Бирона, Остермана и гр. Головкина. По поводу этого прошенія, въ сенатѣ былъ составленъ докладъ слѣдующаго содержанія:

«Въ 1739 г., по протестамъ полковниковъ, что нынѣ бригадиры, Алексѣя Тевкелева и Ивана Бардекеевича и казанскаго купца Семена Иноземцова на тайнаго совѣтника Василья Татищева въ чинимыхъ имъ, Татищевымъ, въ бытность его въ оренбургской экспедиціи главнымъ командиромъ въ противность указовъ и непорядочныхъ поступкахъ, во взяткахъ и обидахъ; также, что онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, представлялъ на вышеозначеннаго Бердекеевича о нерадѣтельныхъ его поступкахъ и во взятьѣ лошадей, скота и прочаго, — учреждена была коммисія, изъ которой въ сенатѣ для разсмотрѣнія поданы екстракты со мнѣніемъ, что онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, на него, Бардекеевича, представлялъ неосновательно и тѣмъ его подъ слѣдствіе привелъ напрасно, за что по сентенціи 1740 году сентября 19 приговорено его, тайнаго совѣтника Татищева, лишить всѣхъ чиновъ, а его, Бардекеевича, отъ того слѣдствія освободить безъ всякаго штрафа и учиненнаго ему ареста въ подозрѣніе не причитать, и заслуженное жалованье, что онъ во время аресту не получалъ, ему выдать, на что въ томъ же 740 году октября 25 дня и конфирмація была. А что касается до него, тайнаго совѣтника Татищева, и о другихъ, о томъ, по рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, представить о каждомъ порознь со мнѣніемъ. А по собраніи потребныхъ къ тому справокъ, разсматривано, по которымъ онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, въ неисправленіи должности своей, въ непорядочныхъ поступкахъ въ противность указовъ и во многихъ взяткахъ, а бригадиръ Тевкелевъ и города Казани купецъ Семенъ Иноземцевъ въ нѣкоторыхъ на тайнаго совѣтника Татищева недоказа-

тельствахъ явились виновны, за что по силѣ указовъ и государственныхъ правъ и подлежали штрафовъ (sic), но по мнѣнію той коммиссіи, по силѣ состоявшихся вашего императорскаго величества всемилостивѣйшихъ указовъ, тѣхъ штрафовъ не положено. А что касалось до ущербу интересовъ вашего императорскаго величества и взятковъ, оное положено взыскать.

И по разсмотрѣнію въ сенатѣ тайный совѣтникъ Татищевъ явился виновенъ, а именно:

1. Для житья своего въ городѣ Самарѣ построилъ домъ съ огородами и пришпективою улицею, и прочее строилъ собою безъ указу, и для того ломалъ обывательскіе домы, а на тѣ строенія деньги употреблялъ и обывателямъ платилъ казенныя, которыхъ издержано 2645 руб. 89 к. съ половиною. Онъ же, Татищевъ, покупалъ въ Сибири на казенныя жъ деньги золото и серебро на дѣло посуды для трактованія хановъ. А какъ того ему употреблять не велѣно, то золото и серебро взялъ себѣ по цѣнѣ на 2050 руб. 91 коп. Въ то число заплатилъ 1000 руб., а достальные обѣщалъ заплатить изъ жалованья.

2. Въ 738 году, въ бытность свою въ Оренбургѣ, при отправленномъ въ Ташкентъ караванѣ, въ противность указомъ, посылалъ свои товары.

3. По смѣнѣ бывшаго въ Москвѣ отъ оренбургской экспедиціи коммиссаромъ брата своего роднаго, дворянина Никифора Татищева, не взявъ его, какъ прочіе для счету въ оренбургскую канцелярію были бираны, отправилъ къ нему въ Москву нарочно изъ Самары бухгалтера, и протоколиста Маркова, безъ канцелярскаго опредѣленія, плетьми сѣкъ.

4. Во время прибытія въ Оренбургъ къ присягѣ Абулхаиръ-хана выдалъ жалованье непорядочно: прежде ему, хану, и султаномъ и старшинамъ и Средней ордѣ; а Меньшая орда отъ выдачи прежде ихъ Средней ордѣ жалованья поставили себѣ за обиду, и, пришедъ отъ того во огорченіе, между собою при раздачѣ жалованья поссорились. И бывшій тогда въ Оренбургѣ Меньшей орды знатной и первой старшина Букенъ-бай батырь, поставя то себѣ за обиду жъ, не учиня присяги, отъѣхалъ и всѣхъ прибывшихъ киргизцовъ съ Абулхаиръ-ханомъ безъ мала съ 1000 человѣкъ къ присягѣ не привелъ, а приведены только одни старшины съ 50 человѣкъ. А жалованье въ роздачу производилъ онъ, Татищевъ, одинъ безъ общаго съ Тевкелевымъ согласія и безъ канцелярскаго опредѣленія; а протоколъ о томъ уже сочинилъ и закрѣпилъ одинъ послѣ того спустя нѣсколько времени.

5. Россійскимъ купцамъ въ Оренбургѣ лошадей и верблюжью шерсть покупать запрещалъ и бралъ съ нихъ взятки волками, и овчинками, и лошадьми на 195 руб.

6. Въ новостроющихся лучшихъ трехъ городкахъ въ Красносакмарскѣ, Красноборскѣ и въ Бузулукѣ отдалъ питейную продажу на откупъ одному купцу Издеберскому противъ прежняго платежа съ уменьшеніемъ въ годъ по 50 р. 21 копейкѣ.

7. Въ 737 году купя себѣ шесть лошадей сѣрыхъ, а за негодностью взялъ въ казенныя безъ оцѣнки и свыше положеныхъ въ статьѣ лѣтъ и выдалъ деньги за каждую по 15 рублевъ.

8. Въ томъ же году, подъ образомъ покупки перстня, съ подполковника Бахметева взялъ денегъ 300 руб. и въ то число отдалъ 200 р., а достальныхъ 100 р. не заплатилъ.

9. Пойманнаго съ отгонными крадеными отъ Абулхаиръ хана лошадьми башкирца отпустилъ безъ слѣдствія и взялъ двѣ лошади; такожъ съ киргизцовъ и ханскихъ дѣтей бралъ лошадьми жъ—всего 7 лошадей.

10. Съ двухъ казаковъ взялъ двѣ лошади.

11. Съ атамана Кабанки и есаула Бородина и отъ старшинъ взялъ 40 волковъ да двѣ лошади.

12. Съ купца Кубыликина взялъ за выдачу за поставочное подрядное вино денегъ во взятокъ 300 р.

13. Купленныя ему красныхъ кожъ 50 юфтей, кои привезены были въ Оренбургъ на казенномъ коштѣ, продалъ въ казну, и сверхъ покупной цѣны взялъ у каждой юфти по рублю.

14. Воровъ и бунтовщиковъ башкирцовъ двухъ человѣкъ, взявъ съ нихъ дву иноходцевъ, изъ подъ караула отпустилъ.

15. Главныхъ бунтовщиковъ-заводчиковъ, башкирскихъ старшинъ Аиъ-бая, Юсупа Никаева, не отославъ въ коммиссію башкирскихъ дѣлъ къ слѣдствію и розыску, по просьбѣ вѣрныхъ старшинъ отпустилъ.

16. По силѣ учиненнаго въ 736 году консиліума—о выступленіи для скорѣйшаго прекращенія и искорененія башкирскаго бунта, въ 737 году весною ранѣе всѣмъ командамъ,—не исполнилъ и назначенныхъ къ тому консиліуму 3000 человѣкъ крестьянъ не собралъ, и по границѣ къ опредѣленнымъ въ крѣпостяхъ заводамъ и деревнямъ офицерами не распредѣлилъ и отъ того учинилъ великую оплошность.

17. Онъ же, Татищевъ, въ 737 году на полковника, что нынѣ бригадиръ, Бардекеевича, въ бывшій Кабинетъ якобы о нерадѣтельныхъ его поступкахъ и во взятыхъ башкирскихъ лошадей, скота и прочаго во удержаніи у себя, представлялъ неосновательно, и тѣмъ его, Бардекеевича, привелъ подъ слѣдствіе и держанъ былъ подъ арестомъ, о чемъ показано выше сего.

(Слѣдуетъ выписка изъ законовъ о взяточникахъ и лихоимцахъ).

Въ 737 году. въ опредѣленіи тайнаго совѣтника Татищева, генералъ-маіора, что потомъ былъ генералъ-лейтенантъ, Соймонова и прочихъ написано: съ башкирцевъ подарки и взятки брать запретить, чтобъ отъ того какого вреда не произошло. А офицеромъ ни до какихъ башкирскихъ пожитковъ ни подъ какимъ видомъ не касаться, дабы изъ того вреднаго лакомства, невиннымъ разоренія и въ дѣйствахъ военныхъ, яко же и справедливости вреда не учинилось. Да сентября 2 дня того-жъ 737 году въ посланномъ къ тайн. сов. Татищеву изъ бывшаго Кабинета указѣ написано: публиковать при всѣхъ тамошнихъ войскахъ съ тако-

нымъ изъясненіемъ, что хотя который офицеръ въ малѣйшемъ какомъ лакомствѣ явится, тотъ смертью казненъ быть имѣетъ. И оныя екзекуціи, ежели таковыя обрящутся дѣйствительно, для пострaху (sic) другимъ и чтобъ сами башкирцы видѣли, что такіе лакомые поступки чинятся противно указомъ, и тѣмъ бы скорѣе къ надлежащему наказенію и перестанію отъ бунта приведены были, и, не списываясь, надъ ними учинить главному командиру.

И хотя помянутаго тайнаго совѣтника Татищева за вышепоказанные. учиненные его противные поступки, по силѣ вышеписанныхъ указовъ, подлежало лишить всѣхъ чиновъ и учинить смертную казнь, но по силѣ состоявшихся вашего императорскаго величества всемилостивѣйшихъ 1741 декабря 15 и 1744 годовъ іюля 15 чиселъ указовъ, то ему упустить, ибо онъ, Татищевъ, вышеписанные противные поступки чинилъ до тѣхъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшихъ указовъ.

А понеже онъ, Татищевъ, нынѣ обрѣтается въ астраханской губерніи губернаторомъ, которому за вышепоказанными подозрѣнія въ той губерніи губернаторомъ, по разсужденію сенатскому, уже быть не можно. Того ради вашему императорскому величеству сенатъ всеподданнѣйше представляетъ, не соизволите ли ваше императорское величество указать его, Татищева, изъ той губерніи перемѣнить, а на мѣсто его опредѣлить губернатора другаго. А хотя по вышеписаннымъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшимъ указомъ и повелѣно посланныхъ за показанныя въ тѣхъ указахъ вины на каторгу и въ ссылки свободя, годныхъ и указомъ непротивныхъ по прежнему опредѣлить въ службу и къ дѣламъ; но понеже онъ, Татищевъ, не токмо по вышеписанному дѣлу явился во многомъ преступленіи и взяткахъ, но и прежде того по дѣлу жъ, слѣдующемуся о московскихъ денежныхъ компанейщикахъ, явился во взятьѣ съ нихъ взятковъ и въ 1734 г. особливымъ именнымъ блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны указомъ въ томъ прощенъ. Но онъ, Татищевъ, и за тѣмъ, какъ выше сего показано, паки поступалъ противно и бралъ взятки жъ. И для того сенатъ, видя его, Татищева, не воздержна и опасаясь, дабы отъ того въ интересахъ вашего императорскаго величества не послѣдовало впредь какого упущенія и ущербу, затѣмъ ему, Татищеву, губернаторомъ быть не можно; такожъ и впредь ни къ какимъ дѣламъ его не опредѣлять. И о томъ сенатъ у вашего императорскаго величества всеподданнѣйше проситъ всемилостивѣйшаго указу. Что же онъ, Татищевъ, какъ выше сего показано, на строеніе въ Самарѣ двора и прочаго употреблялъ казенныя деньги, оныя, буде то строеніе оренбургской губерніи не надобно, такожъ и за золотую и серебряную взятую имъ посуду достальныя деньги, ежели понынѣ отъ него не заплачены, и издержанныя на коммиссію и взятыя имъ взятки опредѣлено взыскать съ него, Татищева.

29 сентября 1745 г., генералъ прокуроръ князь Никита **Трубецкой** докладывалъ императрицѣ, что на мѣсто **Татищева**, по ея повелѣнію, въ Астрахань назначенъ **Брылкинъ** «а онъ, тайный совѣтникъ **Татищевъ**, напредъ сего просилъ, чтобъ его изъ Астрахани для излеченія болѣзни отпустить, того ради нынѣ оному тайному совѣтнику, по смѣнѣ изъ Астрахани, ѣхать и жить до указу въ деревняхъ его, а въ Санктпетербургъ не ѣздить».

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Письмо Татищева къ Рычкову 1749 года.

Къ стр. 18.

Государь мой Петръ Ивановичъ.

Въ началѣ поздравляю васъ наступающимъ праздникомъ. Ваше присланное описаніе народовъ многое мнѣ удовольствіе принесло, ибо въ немъ много того, чего до днесь или не знали, или вовсе смятно разумѣли. Однако-жь какъ оное есть первое сочиненіе, такъ много требуетъ дальшего и внятнѣйшаго увѣдомленія. Для того я что упамятовалъ, записавъ кратко, вамъ посылаю, либо способъ дастся что либо дополнить или изъяснить. И если что пріобрѣтете, то прошу мнѣ сообщить, вамъ же сіе годится къ сочиненію оренбургскаго описанія, которое, какъ я вамъ прежде писалъ, требуетъ многой дополнки.

Я объ ономъ съ бывшимъ у меня недавно съ членомъ Академіи[1]) разсуждалъ, чтобъ оное напечатать; но онъ, прочитавъ мое напомненіе черное, сказалъ, что оное описаніе онъ видѣлъ у президента и усмотря, что многаго недостаетъ, а другое въ избытокъ пространно, для того уничтожилъ. И для того совѣтую вамъ оную негдѣ передѣлать, а многое старое останется, къ чему и дополнить многое можете. По которомъ я о напечатаніи и награжденіи вашего труда всеконечно надѣюся вамъ услужить.

Ваша ландкарта хотя презрядно сочинена: не взирая на малые недостатки и погрѣшности, довольно служить, а со временемъ одно мѣсто, по другомъ исправлять можно. Мой совѣтъ вамъ, если годится, чтобъ не дѣлать одну, но раздѣлить на три или четыре и всѣ по одному масштабу то вамъ легче переправлять и дополнять.

Другое: весьма нужды при оныхъ описанія, ибо все изобразить въ картахъ неудобно. Мнѣ видится при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ нѣкто былъ достаточный географъ, что онъ, не имѣя ученыхъ въ землеописаніи и острономіи описателей, велѣлъ предѣлы описывать. Въ началѣ дороги, потомъ рѣки ово съ сущею, ово со сказанною мѣрою, и оная его географія, или большой чертежъ нынѣ пользуетъ не мало. А понеже Сибирь и Башкирь тогда, яко недовольно свѣдомыя, недостаточно описаны,

---

[1]) Татищевъ, кажется, разумѣетъ здѣсь Григорія Теплова, который былъ въ 1749 году въ Москвѣ при президентѣ Академіи Наукъ, графѣ Кириллѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ.

того ради я по ландкартамъ взялъ для примѣра р. Обь описать, которой начало вамъ приложилъ, чтобъ геодезисты вашего вѣдомства могли рѣки знатныя описать по оному, яко Яикъ, Бѣлую, Самару, Тоболъ и другія, кто гдѣ будетъ, а при каждой впадающія, тогда намъ легче карты поправлять и обстоятельную географію сочинить.

При описаніи никто лучше реестра не сочинитъ, какъ самъ авторъ; хотя нѣколико видится трудно, но зная то искусство или способъ, не трудно. Для того я вамъ образецъ приложилъ всѣ достопамятныя имена или дѣла писать одно подъ другое, показуя главы, статьи, или страницы при каждомъ. И какъ на всю книгу напишешь, тогда разрѣзавъ все. выбрать начинающіяся съ А и расклавъ по порядку, писать на бѣло. И тако одна по другой буквы разберутся. И какъ я такихъ нѣколико имѣлъ нужду дѣлать, то я имѣю столько ящиковъ, сколько буквъ, чтобъ бумажки по разобраніи не утратились. Я токмо по столу раскладу, а человѣкъ у меня пишетъ на бѣло, чрезъ что можно скоро безъ труда сдѣлать. Бумаги на оное у меня всѣ односторонныя, полълиста на четыре столбца, какъ я нынѣ на первую часть исторіи сдѣлалъ слишкомъ 7,000 словъ. А что одно имя въ одной главѣ въ разныхъ §§ или въ разныхъ главахъ, то всѣ нумеры приономъ положены, иначе было бы пространнѣе болѣе нежели вдвое или втрое, понеже нѣкоторое имя разъ пять или шесть упоминаемо съ разными обстоятельствы. И сіе можетъ вамъ годится.

За тѣмъ желаю вамъ здравіа и пребываю
вамъ, моему государю,
охотнымъ слугою
В. Татищевъ.

С. Болдино
Дек. 1749.

Напомненіе на присланное описаніе народовъ, что въ описаніи географическомъ наблюдать нужно.

1. Имя чтобъ положено было точно по изреченію тому, какого оное языка, или какъ тотъ народъ самъ именуется, не премѣняя кончаніе, яко вмѣсто Оралъ—Оралцъ, Ташкентъ, Ташкенцы и пр. ибо изъ того иногда смятеніе происходитъ, какъ преславный географъ Мартиніс примѣтилъ.

2. Понеже многимъ народамъ, областямъ или знатнымъ урочищамъ отъ постороннихъ разныхъ народовъ разныя и самимъ именованнымъ невѣдомыя имена даются, яко Россіи древнее и правильное званіе Русь, у грекъ—Россосъ и Славаносъ; у полякъ—Москва и московиты; у финновъ—Венсенма; у эстовъ—Улима; у литвы — Креветаки; у шведовъ—Бармія и Гордорики; у датчанъ—Остергардъ и Остерунгъ; у европскихъ—Рутени, Руци, Рутикли, у татаръ—Урусъ и пр. Оныя, сколько извѣстно, всѣ, а притомъ, настоящаго наипаче, и другихъ знаменованія положить, напр. Казань татар. котелъ, Орь—ухо, Саратовъ татар. Саратау, то есть желтая гора.

3. Различать обстоятельства: область, предѣлъ, градъ и пр. Область

значить цѣлое владѣніе, яко Русь, Польша, Германія и пр. Предѣлъ: Великая Русь, Литва, Саксонія, и всѣ, яко губерніи и провинціи съ уѣзды, заключаются въ единой области.

Грады хотя бòльшею частію съ ихъ присуды едино имя имѣютъ, и особливо невѣдущіе пользы исторіи и географіи, оставя древнія предѣловъ званія, отъ градовъ новопостроенныхъ именуютъ.

Народъ есть особное отъ оныхъ, ибо хотя видимъ большею частію въ древности отъ государей или вождей проименовались. Другіе, оставя свое жилище, къ другимъ перешедъ, имя тѣхъ обладанныхъ пріали. А многіе отъ рѣкъ или горъ, при которыхъ обитаютъ, имя получили. Однакожъ народъ есть весьма особное отъ области, предѣла и града, хотя нѣкогда и оные пріемлютъ, но бываетъ въ одномъ предѣлѣ или градѣ разные народы, напримѣръ Месчора пред. древніе жители Мордвы, или по нихъ Мори, потомъ русскими обладаны и населены. Напослѣдокъ нѣколико 1000 нагайцевъ поселено, что во многихъ находится, яко въ Астрахани числится четырнадцать народовъ.

4. Въ землеописаніи или географіи главныя два обстоятельства, яко: собственно географія и гидрографія. Первая описуетъ земли, вторая воды со всѣми принадлежностями. Однако онѣ такъ связаны, какъ земля и вода единъ шаръ составляютъ; такъ, описуя одно, не можно другаго не коснуться, а особливо воды на(и)болѣе границами положеній, и всѣ жилища великія и малыя строятся при водахъ, яко: моряхъ, заливахъ, озерахъ и рѣкахъ, а нѣкоторыя на островахъ и кругомъ обняты. А для сочиненія обстоятельствъ и правильныхъ ландкартъ нуждно рѣки такъ описать, чтобъ ихъ истокъ и устье, по малой мѣрѣ тѣхъ, которыя для жилищъ положить нуждно, а притомъ и долготу теченія объявить.

6 [1]). Качества географіи иногда кратки, иногда пространны со всѣми принадлежащими обстоятельствы, яко острономическое, физическое, политическое и историческое. Въ острономическомъ нуждно по вѣрнымъ наблюденіямъ, а въ недостаткѣ того по вычетомъ разстояній, градусы широты и долготы объявить.

Въ физическомъ состояніи воздуха и земли, отъ которыхъ происходятъ всѣ довольства, обиліе и недостатки, какъ отъ подземныхъ, такъ и поверхнихъ плодовъ; въ подземныхъ не токмо руды крушцовъ, но камни и земли во что либо полезные. А потому богатства и убожества оныхъ познаваются, хотя иногда прилежность и лѣность не меньшею причиною бываютъ; но сіе до политическаго принадлежитъ.

Политическое описаніе представляетъ порядокъ правительства гражданскаго, духовнаго и пр. Потомъ народы, ихъ правы, рукодѣлія и промыслы, сила военная, селенія и укрѣпленія.

Строенія, по качеству, званіями раздѣляются: 1. грады; 2. городки или остроги; 3. крѣпости; 4. слободы; 5. монастыри; 6. села; 7. пу-

[1]) Въ подлинникѣ 5-го пункта нѣтъ.

стыни; 8. деревни. Сіи всѣ обстоятельствами рознятся. Градъ имѣетъ присудъ; городки и остроги, малыя укрѣпленія безъ присуда; крѣпости для защиты границъ съ присудами или безъ присуда, но гварнизонъ содержатъ. Слободы собственно тѣ, гдѣ купечество живутъ, магистрату градскому подсудно, хотя при томъ и поселянство.

Историческое: описанія отъ начала всѣ премѣны и приключенія, счастливыя или напаственныя, касающіяся точно описаннаго.

7. Симъ порядкомъ если предпріемлю градъ описать, то нуждно его имя со знаменованіемъ изъяснить. 2[1]). Ежели извѣстно по наблюденіямъ или по исчисленію широту и долготу градусовъ. 3. Въ какой области или предѣлѣ. 4. При какой водѣ и съ которую сторону разумѣя внизъ по теченію. 5. Отстояніе другихъ знатныхъ мѣстъ. 6. Имѣетъ ли присудъ и какъ далеко границы и съ кѣмъ по порядку положеній, начавъ отъ Сѣвера, на Востокъ, Югъ и Западъ. 7. Какое правительство. 8. Число обывателей сколько извѣстно. 9. Онаго привольства и недостатки. 10. Промыслы и рукодѣлія. 11. Укрѣпленіе и безопасность природная и хитростная. 12. Приключенія онаго; кѣмъ, когда построенъ и потомъ что претерпѣлъ или знатное учинилъ. Ежели присудъ имѣетъ, то и въ ономъ знатное не преминуть, напримѣръ: торжища, негдѣ токмо седмичныя, въ другихъ годовыя, въ иныхъ обоя; оныхъ время, когда бываютъ, колико продолжаются, откуда купцы пріѣзжаютъ, какіе товары знатнѣйшіе, какія способности, пользы и препятства пріѣзжающимъ и пр.

8. Воды, моря, заливы, озера, рѣки судоходныя или малыя рѣчки и ручьи, при которыхъ знатныя жилища или въ исторіи упоминаемы родники или ключи отмѣнные, яко горячіе и студеные, лекарственные и вредные, нефтяные, сѣрные, купоросные, квасцовые и пр. Особливо роды животныхъ и другихъ дивностей, въ нихъ находящихся.

9. Сіе хотя весьма все нуждно, но разсудя тѣ обстоятельства и народовъ состояніе, съ которыми вы вашъ трудъ имѣете, что оные никакого въ томъ знанія и ума просвѣщенія науками нуждными не имѣютъ, а баснословіемъ и самохвальствомъ преисполнены, то не токмо трудно у нихъ о всемъ допытаться, но и получа извѣстіе не меньше труда истину познать, которымъ многіе описыватели сихъ странъ вѣроятностію обманувся, многія басни внесли. Однакожъ нельзя и всему не вѣрить. Для того надобно токмо, порядокъ всякаго урочища памятуя, не одного, но разныхъ спрашивать, и потомъ изъ оныхъ вѣроятнѣйшее вносить, чрезъ что хотя не вскорѣ, но лучшее познаніе о сихъ пріобрѣтемъ.

Сколько же я неяснаго, или недостаточнаго и сумнительнаго нахожу, то вамъ для памяти и разсмотрѣнія здѣ напомяну:

1. Что ахунъ сказуетъ о горахъ имайскихъ, рѣкѣ Таръ и проч. оное видимо взято отъ европскихъ писателей, которое мало доказательства имѣетъ.

---

[1]) Перваго пунктѣ въ текстѣ нѣтъ.

2. О Татаръ-Ханѣ и Туркѣ, правнукахъ Афетовыхъ, присвоеніи Руси и Германіи къ татарамъ вымышлено по принятіи магометанскаго закона и есть сущая басня, что наиболѣе Афета обитаніе при Волгѣ и Яикѣ обличаетъ, но сіе остается токмо въ ихъ сказаніи, ибо нѣкогда и басни случаются къ знанію нужды.

3. Алатай горы, мню, тѣже, что сибирскія и зюнгоры именуютъ Алтай и Алтытау, т. е. шестимѣсячныя, что Плиній и Птоломей уже слышали, якобы за оными народъ шесть мѣсяцъ спятъ. Сіи горы, отдѣлясь отъ Урала, къ Востоку Сибирь отъ Юга ограничили. И тѣмъ сіе паче утверждается, что оные киргизы при границѣ Сибири между рѣкъ Иртыша и Оби купно съ каракалы находятся. А по описанію вашему якобы не далеко отъ Ташкента, слѣдственно или иные, или неправильно сказано.

4. Алюнскій предѣлъ, или область, и другіе многіе по описаніямъ Кирилова всѣ недостаточны, а наче другимъ географамъ неизвѣстны. Оныя надобно разсмотрѣть, съ какихъ извѣстій онъ взялъ, и знаютъ ли бухары, торгующіе съ Индіею или въ тѣ страны? Оные могутъ обстоятельнѣе сказать.

5. Аралъ морце еще недостаточно описано, а знаніе его весьма нужно, особливо какъ изъ Каспійскаго, такъ изъ онаго видимыхъ протоковъ нѣтъ, однакожъ въ описаніи Соймонова Каспійскаго моря на восточной сторонѣ въ заливъ Карабугасъ сильное теченіе, великое и непрестанное; слѣдственно оное неинуда какъ въ Сѣверное или Восточное подъ землею. Потому потребно навѣдываться о Аральскомъ, не имѣетъ-ли гдѣ такого знака на западной сторонѣ или между островами. О солености воды и рыбахъ хотя въ описаніи Оренбурга упомянуто, но есть ли керпы, бѣлуги, лососи, которые кромѣ морь не водятся, того не написано. Рѣки, въ оное текущіе Аму, Сыръ, Кувақанъ, нужно внятнѣе начало и долготу теченій со впадающими описать.

6. Бухаръ градъ описанъ, но недостаточно, ибо воды приономъ не упомянуто. Бухаріи же большую и меньшую потребно каждую особно описать.

7. Караколъ народъ, мню, тотъ народъ, который по рѣкѣ сего имени, текущей слѣва въ рѣку Катунъ при границѣ Кузнецкой за горами Алтай. Близъ оныхъ и вышеупомянутые киргизы обитаютъ.

8. Кипчакъ. Въ исторіи о Чингизѣ, которую мнѣ въ Сибири съ татарскаго перевели, написано шесть знатныхъ родовъ. Между оными Катай, Кипчакъ, Табынъ, Аіли знатнѣйшие положены и они почти во всѣхъ областяхъ по малой мѣрѣ въ Крыму, Нагаяхъ астраханскихъ, у кайсакъ и башкиръ знатны.

Имя же Кипчакъ мнѣ переводчикъ якобы съ сегодайскаго перевелъ конюхъ, или коней пасущій, которое въ описаніи положенному несогласно, а потребно внятнѣе изъяснить.

9. Мещерякъ имя получили отъ пред. Месчоръ; но оба (?) татарскіе, и что значитъ неизвѣстно. Они рода нагайскихъ татаръ, поселенныхъ

царемъ Іоанномъ II-мъ въ Месчорѣ, а потомъ при Годуновѣ во время бунта башкиръ переведено 500 и называны служивые. Видно, что они сначала жалованье получали. Тептери же пахотные крестьяне, бобуль или неимущіи и у насъ въ книгахъ писцовыхъ упоминаемы, по калмыцки называются байгушъ.

NB. Мещоране частію въ Тамбовской, частію въ Елецкой провинціи, грады Темниковъ, Кадомъ, Елатма и Касимовъ.

10. Татары нынѣ въ губерніи московской почти нѣтъ. Въ Москвѣ была особая слобода. Въ Романовѣ поселенъ былъ изъ Месчоры внукъ князя Юсупа нагайскаго, котораго помощію Астрахань взята. И Романовымъ до днесь князь Юсуповъ владѣетъ, токмо въ обоихъ магометанъ почти нѣтъ.

11. Въ Ташкентской области 7 городовъ, а въ описаніи токмо 6. Знатно одинъ писцомъ проронёнъ. Сверхъ сего въ описаніи Оренбурга о Ташкентѣ и Туркестандѣ пространнѣе, но съ симъ нѣчто разное положено.

12. Трухмени—историкъ русскій, описуя нашествія Тосхусъ и Аккодай хановъ, сыновей Чингизовыхъ, раздѣляетъ татаръ на 4 рода: монгулы, торки, т. е. турки, татара и трухмени.

Трухмени обитаютъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря отъ предѣла персидскаго Астрабатъ до рѣки Кумы; преходно междо онымъ Огурчинскіе острова владѣютъ. Въ 1744 году прислали пословъ въ Астрахань, прося, чтобъ ихъ принять въ подданство и для торгу построить у нихъ въ Тюкъ Карагаѣ или Мангишлакѣ крѣпость, обѣщевая къ тому помощь чинить. Токмо я, отправя ихъ къ высочайшему двору, самъ отлучился, и что съ ними учинено не знаю.

13. Чеготаи другіе именуютъ Чегоды, у европейцовъ Загатаи, область или королевство. Абулфеда, владѣтель сирійскій, въ географіи его именуетъ Масалкиагаръ (?) или Загатай, въ которомъ главный градъ Самарканда, и кромѣ онаго въ области той 47 гр. съ показаніемъ градусовъ широты и долготы положилъ, но притомъ все пространство оной области весьма не велико, ибо сказуетъ 20 пара сангъ длина и 10 широта или русскихъ 60 длина и 30 поперегъ.

Астраханскіе и бухары ученые сказываютъ, яко бы чегодайскій языкъ есть старѣйшій и полнѣйшій во всѣхъ татарскихъ языкахъ, а прочіе всѣ болгарскимъ испорчены, и онаго всѣ прилежатъ научиться.

Прочіе недостатки или погрѣшенія въ именахъ по вышеописанному легко усмотрѣть можете.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

О картахъ оренбургской губерніи 1752 года.

Къ стр. 63, 64.

Рукописное собраніе картъ оренбургской губерніи съ текстомъ первой части «Оренбургской Топографіи» Рычкова озаглавлено такъ: «Ландъкарты или чертежи географическія на которыхъ представляется оренбургская губернія съ смѣжными къ неи мѣстами. Сочинены въ оренбургѣ по определенію оренбургской губернской канцеляріи декабря дня 1752 года прі оренбургскихъ географическихъ дѣлахъ из разныхъ прежнихъ и новыхъ описаней чрезъ геодезіи прапорщика Красилникова с товарищій. Для лутчаго жъ опыхъ ландкартъ изъясненія пріобщено к ним краткое особое историческое описаніе подъ имяненъ Топографіи Оренбургской губерніи впредь для вѣдома к дополненію жъ и поправленію отъ искуснѣйшихъ еже все собрано въ оренбургѣ изъ разныхъ опиней русскихъ и іностранныхъ и по извѣстностямъ въ губернской канцеляріи имѣющимся 1755» [1]).

О главномъ составителѣ этихъ картъ прапорщикѣ Красильниковѣ изъ переписки Рычкова съ Миллеромъ видно только, что онъ занимался и послѣ составленіемъ картъ оренбургскаго края и въ 1758 году былъ подпоручикомъ геодезіи. Его не должно смѣшивать съ Андреемъ Дмитріевичемъ Красильниковымъ, бывшимъ также сначала прапорщикомъ, и съ 1749 г. поручикомъ геодезіи, а въ 1753 года адъюнктомъ нашей Академіи, извѣстнымъ многочисленными и весьма вѣрными для своего времени астрономическими наблюденіями.

Слѣдующія подробности о каждой изъ означенныхъ картъ въ отдѣльности доставлены академикомъ Д. М. Перевощиковымъ:

I. «Карта генеральная оренбургской губерніи и смежныхъ къ ней мѣстъ, изъ которыхъ простирающееся въ Полуденную Азію по обстоятельствамъ о коммерціи оной губерніи нарочно до самаго Индостана показаны». По масштабу 105 верстъ въ градусѣ. Карта замѣчательна тѣмъ, что географическія долготы считаются отъ меридіана, проходящаго чрезъ

---

[1]) Въ заглавіи здѣсь сохранено правописаніе подлинника.

Ставрополь и на полградуса къ Западу отъ Астрахани. На ней изображены: 1) Ставропольское управленіе. 2) Провинціи: уфимская и исетская. 3) Степь качующихъ киргизъ-кайсаковъ, меньшой и среднай орды. 4) Каспійское и Аральское моря со слѣдомъ рѣки, вытекавшей изъ втораго въ первое. 5) Рѣки Сыръ-Дарьи и Аму-Дарья. 6) Форты по рѣкамъ Самарѣ и Яику, и 7) означены мѣста владѣній хивинскихъ и бухарскихъ.

Въ исетской провинціи показаны городъ Челябинскъ и линія фортовъ по рѣкѣ Ую между ея устьемъ въ Тоболъ и Яикомъ.

Самара: широта 53° (53° 11′), долгота 0° 30′ (67° 45′).
Уфа: широта 54° 40′ (54° 43′), долгота 5° 30′ (73° 36′).
Оренбургъ: широта 52° 0′ (51° 45′), долгота 6° (72° 46′).

Очерки Каспійскаго и Аральскаго морей весьма не сходны съ ихъ изображеніями на картѣ оренбургскаго края 1851 года.

Астрахань: широта 46° 30′ (46° 21′), долгота 0° 30′ (65° 42′)
Баку: широта 41° 22′ (40° 22′).
Дербентъ: широта 42° 30′ (42° 4′).

Судя по времени изданія карты (1752 г.), географическія широты показаны довольно удовлетворительно.

II. «Карта ставропольскаго вѣдомства, въ которомъ крещеные калмыки между Закамской линіи и рѣки Черемшана съ жительствомъ и кочевками расположены».

Границы: съ Запада — Волга; съ Юга — Волга и Сокъ; съ Сѣверо-Запада и Сѣвера — Черемшанъ; съ Востока и Юго-Востока редуты и, кажется, ровъ. Масштабъ: 10 верстъ въ $^1/_2$°. Средина «вѣдомства» почти вся пустая и поселенія находятся по его границамъ.

Ставрополь: широта 53° 32′ (53° 28′), лежитъ при рукавѣ Волги.

III. «Карта, представляющая отъ Оренбурга большую московскую дорогу до Кичуйскаго фельдшанца и всю Закамскую линію и отъ онаго жъ внизъ по рѣкѣ Яику до Яицкаго казачья городка, а по Самарѣ до г. Самары новопостроенныя крѣпости и съ ставропольскимъ вѣдомствомъ и смежными къ тому мѣстами». Масштабъ 30 верстъ въ $^1/_2$°. Замѣчательна подробнымъ изображеніемъ рѣкъ: Иргиза, Самары съ редутами по ней, Сока, Кинели, Яика, Сакмары и пр.

IV. «Карта генеральная уфимской провинціи и Башкиріи, съ показаніемъ смежныхъ съ ней мѣстъ». Масштабъ тотъ же. Замѣчательна по обстоятельности изображенія рѣкъ: Бѣлой, Дёмы и многихъ другихъ.

V. «Карта уфимской провинціи казанской и осинской дорогъ съ смежными мѣстами». Та же самая карта, что̀ и предыдущая, съ бо̀льшими топографическими подробностями.

VI. «Карта уфимской провинціи сибирскія дороги и смежныхъ той дорогѣ мѣстъ». Распространеніе предыдущей карты къ Востоку.

VII. «Карта уфимской провинціи нагайской дороги и смежныхъ той

дорогѣ части. Распространеніе той же карты къ Уфѣ. И такъ уфимская провинція изображена на четырехъ картахъ.

VIII. «Карта Исетской провинціи съ зауральскою Башкиріею, съ частію [illegible] сибирской губерніи и уфимской провинціи прилежащихъ частей». Она замѣчательна подробнымъ изображеніемъ [illegible] Течи, Міасъ и пр. и множествомъ озеръ. [illegible] Челябинскъ, Шадринскъ, Далматовъ. Тутъ же изображена рѣка Тоболъ [illegible] по [illegible] уѣзду.

IX. «Карта Верхнеяицкой, Сакмарской, Орской и Уйской дистанцій съ показаніемъ на тѣхъ дистанціяхъ находящихся крѣпостей, редутовъ и другихъ селеній съ смежными къ ней мѣстами». Замѣчательныя рѣки: Сакмара и Яикъ съ фортами.

X. «Карта нижней яицкой дистанціи до Гурьева городка и до Каспійскаго моря и кочевныхъ мѣстъ киргизъ-кайсацкой меньшой орды съ частію Аральскаго моря». Яикъ съ фортами, и рукавъ Волги при ея устьѣ весьма [illegible] съ картою 1851 года.

XI. «Карта [illegible], на которой наибольшая часть Каспійскаго и Аральскаго морей съ смежными къ нимъ мѣстами представлены». Ничѣмъ не замѣчательна.

XII. Карта [illegible], на которой изображены всѣ три киргизскія орды. Не замѣчательна и походитъ болѣе на [illegible], чѣмъ на карту [illegible]. Здѣсь между прочимъ отмѣчена «Развалина стараго города Джанкента», о которомъ [illegible] нѣкоторое время въ [illegible] 1867 года.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что Татищевъ давалъ Рычкову наставленія, какъ должны составлять геодезисты карты оренбургской губерніи. О нихъ см. выше на стр. 161 и 163.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

О причинахъ удаленія изъ Россіи калмыковъ.

Къ стр 125, 126.

Въ мартѣ 1767 года сенатъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о мѣрахъ для размежеванія земель калмыцкихъ отъ тѣхъ, на которыхъ жили русскіе переселенцы, объяснялъ: «Коллегія иностранныхъ дѣлъ поданнымъ въ сенатъ доношеніемъ изъясняетъ, коимъ образомъ вступили въ ту коллегію отъ намѣстника ханства калмыцкаго Убаши и отъ астраханскаго губернатора, генералъ-маіора Бекетова, также и отъ находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ подполковника Кишенскаго представленія, что тѣ мѣста, гдѣ напредъ сего калмыки кочевали, заняты селеніями и въ близости оныхъ калмыкъ кочевать не допускаютъ, и происходятъ съ обѣихъ сторонъ непрестанныя ссоры, грабежи и драки; захватываютъ другъ у друга людей и скотъ, а иногда дѣлается смертное убійство и въ скотѣ великая утрата. И потому намѣстникъ ханства домогается, чтобъ то селеніе уничтожено было. А подполковникъ Кишенскій представляетъ, не соизволено-ль будетъ всѣ тѣ заселенныя мѣста освидѣтельствовать и около оныхъ, по пропорціи жителей, отмежевать при посланныхъ отъ намѣстника ханства людяхъ, дабы калмыки, будучи свѣдомы о точныхъ границахъ тѣхъ жительствъ, впредь кочевьемъ во оныя не входили; а и россійскіе калмыкамъ подъ видомъ ихъ дачь за потраву сѣнныхъ покосовъ и прочихъ угодій такъ, какъ нынѣ, притѣсненій дѣлать не могли. Съ которымъ подполковника Кишенскаго разсужденіемъ и астраханскій губернаторъ согласенъ»... Сенатъ полагалъ, что для снятія на карту всѣхъ земель, о которыхъ рѣчь шла въ докладѣ, необходимо отправить офицеровъ изъ инженернаго корпуса; но когда спросили о томъ гр. Григорія Орлова, бывшаго тогда фельдцейгмейстеромъ, то онъ отозвался, что у него недостатокъ въ инженерныхъ офицерахъ. За такимъ отзывомъ, размежеваніе не было еще осуществлено и въ концѣ 1769 года, что̀ видно изъ слѣдующаго документа.

Ея императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ.

Разсмотрѣвъ мы, нижеподписавшіеся, произшедшія отъ намѣстника ханства калмыцкаго жалобы, о случившемся, по предъявленію его, утѣсненіи калмыцкому народу въ нужномъ и необходимомъ, по образу жизни сего народа, перехожденіи съ одного мѣста на другое отъ заведенныхъ по луговой сторонѣ Волги изъ иностранцевъ селеній, а равнымъ образомъ разобравъ и представленія находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ подполковника Кишенскаго, которыми онъ дополнилъ, что такое утѣсненіе хотя и дѣйствительно настоитъ, но не больше отъ селеній, изъ иностранцевъ учрежденныхъ, какъ и отъ всѣхъ другихъ, по луговой же сторонѣ недавно начавшихся изъ разнаго званія людей и отъ присвоенія жителями горнаго берега Волги хотя и старыми, но многихъ мѣстъ на луговой сторонѣ лежащихъ, которыми они напредь сего отнюдь не пользовались; а наконецъ сдѣлавъ и соображеніе съ сими жалобами и представленіями полученнымъ извѣстіямъ чрезъ канцелярію опекунства иностранныхъ и подполковника Кишенскаго о всѣхъ разныхъ селеніяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя изъ иностранцевъ учреждены, и о занятыхъ ими мѣстахъ, примѣчаемъ: съ одной стороны, что калмыки свои причины имѣютъ жалобы приносить, но съ другой и способы къ поправленію того нетрудные находимъ.

Калмыки, пришедъ въ 1630 году на Волгу, чаятельно сперва почитаемы были буде не за непріятелей, но меньшой мѣрѣ произвели нужду быть отъ нихъ въ осторожности. Потомъ же, когда они по привольству волгскихъ мѣстъ навсегда на оныхъ остались, то хотя въ 1673, 1677 и 1684 году и взяты отъ нихъ называемыя по тогдашнему времени записи о бытіи имъ въ здѣшнемъ подданствѣ и о спокойномъ обращеніи, но точныхъ мѣстъ для нихъ пребыванія назначивано не было, можетъ быть для того, что ни они о томъ не заботились по пространству волгскихъ, по большой части тогда въ пустѣ лежавшихъ, ни со здѣшней стороны. Слѣдовательно такіе для нихъ отводы дѣлать ни малѣйшаго случая и повода не представлялось.

Продолженіемъ времени, и что далѣе, то болѣе, пріучаясь калмыки къ послушанію и къ разумѣнію должностей подданства, толь меньше напротивъ того въ сомнѣніи приходить могли и отъ новыхъ поселеній, въ близости ихъ пребыванія напредь сего заводимыхъ, когда всегда еще и при томъ для нихъ довольно мѣстъ оставалось.

Они, восходя до Самары, хотя и давно уже ниже сего города, на луговой сторонѣ Волги лежащаго, разныя селенія находятся, ни сами въ томъ тѣсноты однакоже не чувствовали, ни тамошнимъ жителямъ безпокойства не причиняли, да и нынѣ взаимныхъ жалобъ не слышно, хотя также калмыки иногда и до тамошнихъ мѣстъ доходятъ.

Занятыя и нынѣ подъ иностранцевъ выше и ниже Саратова на луговой сторонѣ мѣста не долженствовали ихъ тревожить, состоя не въ

такомъ пространствѣ, чтобъ дѣйствительное отъ нихъ утѣсненіе произошло, но дѣло состоитъ въ томъ, что они отъ сихъ селеній, какъ напослѣдки начавшихся, взяли только причину къ своимъ представленіямъ' а прямое существо ихъ жалобъ составляютъ по большей части, какъ и подполковникъ Кишенскій доносилъ, захваченныя горнаго берега жителями многія мѣста на луговой сторонѣ по неизвѣстному вовсе или сомнительному праву, и разныя, вновь же начавшіяся и на сей самой сторонѣ, сверхъ состоящихъ иностранцевъ, селенія безъ всякаго однакожъ имъ отводу, коликою мѣрою земли они владѣть должны, почему въ ихъ произволеніи и остается на всѣ тѣ мѣста калмыкъ не допускать, гдѣ они ихъ видѣть не хотятъ, и гдѣ они однакожъ напредь сего располагались.

Въ такихъ обстоятельствахъ находятся всѣ жители горнаго берега, начиная отъ самарскаго уѣзда до самаго города Царицына, которые противъ всякаго своего жилища на луговой сторонѣ въ займищахъ или лугахъ завели отчасти хлѣбопашество, а больше сѣнные покосы; а притомъ и дубовскаго волгскаго войска казаки, которымъ данною изъ военной коллегіи въ 1734 году на ихъ мѣста привиллегіею не токмо на луговой сторонѣ сѣнныхъ покосовъ имѣть запрещено было, но ни для чего къ притѣсненію калмыкъ на оную переѣзжать не велѣно, какъ сами тамъ захватили, такъ и стоящему въ Царицынѣ астраханскому драгунскому полку не мало сѣнныхъ покосовъ отвели по полученному недавно отъ военной коллегіи разрѣшенію, и дабы калмыки къ онымъ не приближались, по всѣмъ займищамъ поставили грани; хотя напредь сего въ бытность на Царицынской линіи не одного, но и многихъ полковъ, они безъ луговой стороны обходились.

Заведенныя же вновь на луговой сторонѣ селенія состоятъ изъ раскольниковъ, малороссіянъ, не помнющихъ родства, приписныхъ къ ахтубинскому шелковому заводу, также и къ дворцовымъ волостямъ, и изъ оныхъ послѣднія поселяются по большей части по рѣкѣ Иргизу, по которой калмыки всегда располагались.

Калмыцкому народу сколько нужна для зимы простирающаяся отъ горнаго берега Волги степь, находя они для себя и для скота своего защиту и убѣжище отъ стужи, нѣкоторые при Каспійскомъ морѣ въ камышахъ, а множайшіе при Кумѣ рѣкѣ въ тамошнихъ лѣсахъ и закрытыхъ мѣстахъ, столько необходима уже и луговая для мѣста, чтобъ пока они на сей сторонѣ остаются, на горной въ то время выростающая трава для будущей зимы сохранена быть могла.

Статься можетъ, что калмыки, дѣлая нынѣ переходы свои съ одного мѣста на другое, нѣсколько смятно, не обждая одинъ улусъ другаго и располагаясь также непорядочно, хотя стараніе и прилагается ввесть у нихъ и въ томъ установленіе, да и впредь продолжаемо быть имѣетъ, тѣмъ самымъ меньше и сберегаютъ скотопажитныя мѣста, нежели сколько хранить ихъ должны были бъ, а вытравливаютъ и вытаптываютъ больше,

значить цѣлое владѣніе, яко Русь, Польша, Германія и пр. Предѣлъ: Великая Русь, Литва, Саксонія, и всѣ, яко губерніи и провинціи съ уѣзды, заключаются въ единой области.

Грады хотя большею частію съ ихъ присуды едино имя имѣютъ, и особливо невѣдущіе пользы исторіи и географіи, оставя древнія предѣловъ званія, отъ градовъ новопостроенныхъ именуютъ.

Народъ есть особное отъ оныхъ, ибо хотя видимъ большею частію въ древности отъ государей или вождей проименовались. Другіе, оставя свое жилище, къ другимъ перешедъ, имя тѣхъ обладанныхъ пріали. А многіе отъ рѣкъ или горъ, при которыхъ обитаютъ, имя получили. Однакожъ народъ есть весьма особное отъ области, предѣла и града, хотя нѣкогда и оные пріемлютъ, но бываетъ въ одномъ предѣлѣ или градѣ разные народы, напримѣръ Месчора пред. древніе жители Мордвы, или по ихъ Мори, потомъ русскими обладаны и населены. Напослѣдокъ нѣколико 1000 нагайцевъ поселено, что во многихъ находится, яко въ Астрахани числится четырнадцать народовъ.

4. Въ землеописаніи или географіи главныя два обстоятельства, яко: собственно географія и гидрографія. Первая описуетъ земли, вторая воды со всѣми принадлежностями. Однако онѣ такъ связаны, какъ земля и вода единъ шаръ составляютъ; такъ, описуя одно, не можно другаго не коснуться, а особливо воды на(и)болѣе границами положеній, и всѣ жилища великія и малыя строятся при водахъ, яко: моряхъ, заливахъ, озерахъ и рѣкахъ, а нѣкоторыя на островахъ и кругомъ обняты. А для сочиненія обстоятельствъ и правильныхъ ландкартъ нужно рѣки такъ описать, чтобъ ихъ истокъ и устье, по малой мѣрѣ тѣхъ, которыя для жилищъ положить нужно, а притомъ и долготу теченія объявить.

6 [1]). Качества географіи иногда кратки, иногда пространны со всѣми принадлежащими обстоятельствы, яко астрономическое, физическое, политическое и историческое. Въ астрономическомъ нужно по вѣрнымъ наблюденіямъ, а въ недостаткѣ того по вычетомъ разстояній, градусы широты и долготы объявить.

Въ физическомъ состояніи воздуха и земли, отъ которыхъ происходятъ всѣ довольства, обиліе и недостатки, какъ отъ подземныхъ, такъ и поверхнихъ плодовъ; въ подземныхъ не токмо руды крушцовъ, но камни и земли во что либо полезные. А потому богатства и убожества оныхъ познаваются, хотя иногда прилежность и лѣность не меньшею причиною бываютъ; но сіе до политическаго принадлежитъ.

Политическое описаніе представляетъ порядокъ правительства гражданскаго, духовнаго и пр. Потомъ народы, ихъ правы, рукодѣлія и промыслы, сила военная, селенія и укрѣпленія.

Строенія, по качеству, званіями раздѣляются: 1. грады; 2. городки или остроги; 3. крѣпости; 4. слободы; 5. монастыри; 6. села; 7. пу-

---

[1]) Въ подлинникѣ 5-го пункта нѣтъ.

стыни; 8. деревни. Сіи всѣ обстоятельствами рознятся. Градъ имѣетъ присудъ; городки и остроги, малыя укрѣпленія безъ присуда; крѣпости для защиты границъ съ присудами или безъ присуда, но гварнизонъ содержатъ. Слободы собственно тѣ, гдѣ купечество живутъ, магистрату градскому подсудно, хотя при томъ и поселянство.

Историческое: описанія отъ начала всѣ премѣны и приключенія, счастливыя или напаственныя, касающіяся точно описаннаго.

7. Симъ порядкомъ если предпріемлю градъ описать, то нуждно его имя со знаменованіемъ изъяснить. 2[1]). Ежели извѣстно по наблюденіямъ или по исчисленію широту и долготу градусовъ. 3. Въ какой области или предѣлѣ. 4. При какой водѣ и съ которую сторону разумѣя внизъ по теченію. 5. Отстояніе другихъ знатныхъ мѣстъ. 6. Имѣетъ ли присудъ и какъ далеко границы и съ кѣмъ по порядку положеній, начавъ отъ Сѣвера, на Востокъ, Югъ и Западъ. 7. Какое правительство. 8. Число обывателей сколько извѣстно. 9. Онаго привольства и недостатки. 10. Промыслы и рукодѣлія. 11. Укрѣпленіе и безопасность природная и хитростная. 12. Приключенія онаго; кѣмъ, когда построенъ и потомъ что претерпѣлъ или знатное учинилъ. Ежели присудъ имѣетъ, то и въ ономъ знатное не преминуть, напримѣръ: торжища, негдѣ токмо седмичныя, въ другихъ годовыя, въ иныхъ обоя; оныхъ время, когда бываютъ, колико продолжаются, откуда купцы пріѣзжаютъ, какіе товары знатнѣйшіе, какія способности, пользы и препятства пріѣзжающимъ и пр.

8. Воды, моря, заливы, озера, рѣки судоходныя или малыя рѣчки и ручьи, при которыхъ знатныя жилища или въ исторіи упоминаемы родники или ключи отмѣнные, яко горячіе и студеные, лекарственные и вредные, нефтяные, сѣрные, купоросные, квасцовые и пр. Особливо роды животныхъ и другихъ дивностей, въ нихъ находящихся.

9. Сіе хотя весьма все нуждно, но разсудя тѣ обстоятельства и народовъ состояніе, съ которыми вы вашъ трудъ имѣете, что оные никакого въ томъ знанія и ума просвѣщенія науками нуждными не имѣютъ, а баснословіемъ и самохвальствомъ преисполнены, то не токмо трудно у нихъ о всемъ допытаться, но и получа извѣстіе не меньше труда истину познать, которымъ многіе описыватели сихъ странъ вѣроятностію обманувся, многія басни внесли. Однакожъ нельзя и всему не вѣрить. Для того надобно токмо, порядокъ всякаго урочища памятуя, не одного, но разныхъ спрашивать, и потомъ изъ оныхъ вѣроятнѣйшее вносить, чрезъ что хотя не вскорѣ, но лучшее познаніе о сихъ пріобрѣтемъ.

Сколько же я неяснаго, или недостаточнаго и сумнительнаго нахожу, то вамъ для памяти и разсмотрѣнія здѣ напомяну:

1. Что ахунъ сказуетъ о горахъ имайскихъ, рѣкѣ Таръ и проч. оное видимо взято отъ европскихъ писателей, которое мало доказательства имѣетъ.

---

[1]) Перваго пунктѣ въ текстѣ нѣтъ.

2. О Татаръ-Ханѣ и Туркѣ, правнукахъ Афетовыхъ, присвоеніи Руси и Германіи къ татарамъ вымышлено по принятіи магометанскаго закона и есть сущая басня, что наиболѣе Афета обитаніе при Волгѣ и Якѣ обличаетъ, но сіе остается токмо въ ихъ сказаніи, ибо нѣкогда и басни случаются къ знанію нужды.

3. Алатай горы, мню, тѣже, что сибирскія и зюнгоры именуютъ Алтай и Алтытау, т. е. шестимѣсячныя, что Плиній и Птоломей уже слышали, якобы за оными народъ шесть мѣсяцъ спятъ. Сіи горы, отдѣлясь отъ Урала, къ Востоку Сибирь отъ Юга ограничили. И тѣмъ сіе паче утверждается, что оные киргизы при границѣ Сибири между рѣкъ Иртыша и Оби купно съ каракалы находятся. А по описанію вашему якобы не далеко отъ Ташкента, слѣдственно или иные, или неправильно сказано.

4. Алюнскій предѣлъ, или область, и другіе многіе по описаніямъ Кирилова всѣ недостаточны, а паче другимъ географамъ неизвѣстны. Оныя надобно разсмотрѣть, съ какихъ извѣстій онъ взялъ, и знаютъ ли бухары, торгующіе съ Индіею или въ тѣ страны? Оные могутъ обстоятельнѣе сказать.

5. Аралъ морце еще недостаточно описано, а знаніе его весьма нуждно, особливо какъ изъ Каспійскаго, такъ изъ онаго видимыхъ протоковъ нѣтъ, однакожъ въ описаніи Соймонова Каспійскаго моря на восточной station сторонѣ въ заливъ Карабугасъ сильное теченіе, великое и непрестанное; слѣдственно оное неинуда какъ въ Сѣверное или Восточное подъ землею. Потому потребно навѣдываться о Аральскомъ, не имѣеть-ли гдѣ такого знака на западной сторонѣ или между островами. О солености воды и рыбахъ хотя въ описаніи Оренбурга упомянуто, но есть ли керпы, бѣлуги, лососи, которые кромѣ морь не водятся, того не написано. Рѣки, въ оное текущіе Аму, Сыръ, Кувакапъ, нуждно внятнѣе начало и долготу теченій со впадающими описать.

6. Бухаръ градъ описанъ, но недостаточно, ибо воды при ономъ не упомянуто. Бухаріи же большую и меньшую потребно каждую особно описать.

7. Караколъ народъ, мню, тотъ народъ, который по рѣкѣ сего имени, текущей слѣва въ рѣку Катунь при границѣ Кузнецкой за горами Алтай. Близь оныхъ и вышеупомянутые киргизы обитаютъ.

8. Кипчакъ. Въ исторіи о Чингизѣ, которую мнѣ въ Сибири съ татарскаго перевели, написано шесть знатныхъ родовъ. Между оными Катай, Кипчакъ, Табынъ, Аіли знатнѣйшіе положены и они почти во всѣхъ областяхъ по малой мѣрѣ въ Крыму, Нагаяхъ астраханскихъ, у кайсакъ и башкиръ знатны.

Имя же Кипчакъ мнѣ переводчикъ якобы съ сегодайскаго перевелъ конюхъ, или коней пасущій, которое въ описаніи положенному несогласно, а потребно внятнѣе изъяснить.

9. Мещерякъ имя получили отъ пред. Месчоръ; но оба (?) татарскіе, и что значитъ неизвѣстно. Они рода нагайскихъ татаръ, поселенныхъ

царемъ Іоанномъ II-мъ въ Месчорѣ, а потомъ при Годуновѣ во время бунта башкиръ переведено 500 и называны служивые. Видно, что они сначала жалованье получали. Тептери же пахотные крестьяне, бобуль или неимущіи и у насъ въ книгахъ писцовыхъ упоминаемы, по калмыцки называются байгушъ.

NB. Мещоране частію въ Тамбовской, частію въ Елецкой провинціи, грады Темниковъ, Кадомъ, Елатма и Касимовъ.

10. Татары нынѣ въ губерніи московской почти нѣтъ. Въ Москвѣ была особая слобода. Въ Романовѣ поселенъ былъ изъ Месчоры внукъ князя Юсупа нагайскаго, котораго помощію Астрахань взята. И Романовымъ до днесь князь Юсуповъ владѣетъ, токмо въ обоихъ магометанъ почти нѣтъ.

11. Въ Ташкентской области 7 городовъ, а въ описаніи токмо 6. Знатно одинъ писцомъ проронепъ. Сверхъ сего въ описаніи Оренбурга о Ташкентѣ и Туркестандѣ пространнѣе, но съ симъ нѣчто разное положено.

12. Трухмени—историкъ русскій, описуя нашествія Тосхусъ и Акколай хановъ, сыновей Чингизовыхъ, раздѣляетъ татаръ на 4 рода: монгулы, торки, т. е. турки, татара и трухмени.

Трухмени обитаютъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря отъ предѣла персидскаго Астрабатъ до рѣки Кумы; преходно междо оныхъ Огурчинскіе острова владѣютъ. Въ 1744 году прислали пословъ въ Астрахань, прося, чтобъ ихъ принять въ подданство и для торгу построить у нихъ въ Тюкъ Карагаѣ или Мангишлакѣ крѣпость, обѣщевая къ тому помощь чинить. Токмо я, отправя ихъ къ высочайшему двору, самъ отлучился, и что съ ними учинено не знаю.

13. Чеготаи другіе именуютъ Чегоды, у европейцовъ Загатаи, область или королевство. Абулфеда, владѣтель сирійскій, въ географіи его именуетъ Масалкнагаръ (?) или Загатай, въ которомъ главный градъ Самарканда, и кромѣ онаго въ области той 47 гр. съ показаніемъ градусовъ широты и долготы положилъ, но притомъ все пространство оной области весьма не велико, ибо сказуетъ 20 пара сангъ длина и 10 широта или русскихъ 60 длина и 30 поперегъ.

Астраханскіе и бухары ученые сказываютъ, яко бы чегодайскій языкъ есть старѣйшій и полнѣйшій во всѣхъ татарскихъ языкахъ, а прочіе всѣ болгарскимъ испорчены, и онаго всѣ прилежатъ научиться.

Прочіе недостатки или погрѣшенія въ именахъ по вышеописанному легко усмотрѣть можете.

161

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

О картахъ оренбургской губерніи 1752 года.

Къ стр. 63, 64.

Рукописное собраніе картъ оренбургской губерніи съ текстомъ первой части «Оренбургской Топографіи» Рычкова озаглавлено такъ: «Ландъкарты или чертежи географическія на которыхъ представляется оренбургская губернія съ смѣжными къ нен мѣстами. Сочинены въ оренбургѣ по определенію оренбургской губернской канцеляріи декабря дня 1752 года прі оренбургскихъ географическихъ дѣлахъ из разныхъ прежнихъ и новыхъ описаней чрезъ геодезіи прапорщика Красилникова с товарищій. Для лутчаго жъ оныхъ ландкартъ изъясненія пріобщено к нимъ краткое особое историческое описаніе подъ именемъ Топографіи Оренбургской губерніи впредь для вѣдома к дополненію жъ и поправленію отъ искуснѣйшихъ еже все собрано въ оренбургѣ изъ разныхъ описанеи русскихъ и іностранныхъ и по извѣстностямъ въ губернской канцеляріи имѣющимся 1755» [1]).

О главномъ составителѣ этихъ картъ прапорщикѣ Красильниковѣ изъ переписки Рычкова съ Миллеромъ видно только, что онъ занимался и послѣ составленіемъ картъ оренбургскаго края и въ 1758 году былъ подпоручикомъ геодезіи. Его не должно смѣшивать съ Андреемъ Дмитріевичемъ Красильниковымъ, бывшимъ также сначала прапорщикомъ, и съ 1749 г. поручикомъ геодезіи, а въ 1753 года адъюнктомъ нашей Академіи, извѣстнымъ многочисленными и весьма вѣрными для своего времени астрономическими наблюденіями.

Слѣдующія подробности о каждой изъ означенныхъ картѣ въ отдѣльности доставлены академикомъ Д. М. Перевощиковымъ:

I. «Карта генеральная оренбургской губерніи и смежныхъ къ ней мѣстъ, изъ которыхъ простирающееся въ Полуденную Азію по обстоятельствамъ о коммерціи оной губерніи нарочно до самаго Индостана показаны». По масштабу 105 верстъ въ градусѣ. Карта замѣчательна тѣмъ, что географическія долготы считаются отъ меридіана, проходящаго чрезъ

---

[1]) Въ заглавіи здѣсь сохранено правописаніе подлинника.

Ставрополь и на полградуса къ Западу отъ Астрахани. На ней изображены: 1) Ставропольское управленіе. 2) Провинціи: уфимская и исетская. 3) Степь качующихъ киргизъ-кайсаковъ, меньшой и средпай орды. 4) Каспійское и Аральское моря со слѣдомъ рѣки, вытекавшей изъ втораго въ первое. 5) Рѣки Сыръ-Дарьи и Аму-Дарья. 6) Форты по рѣкамъ Самарѣ и Яику, и 7) означены мѣста владѣній хивинскихъ и бухарскихъ.

Въ исетской провинціи показаны городъ Челябинскъ и линія фортовъ по рѣкѣ Ую между ея устьемъ въ Тоболъ и Яикомъ.

Самара: широта 53° (53° 11′), долгота 0° 30′ (67° 45′).

Уфа: широта 54° 40′ (54° 43′), долгота 5° 30′ (73° 36′).

Оренбургъ: широта 52° 0′ (51° 45′), долгота 6° (72° 46′).

Очерки Каспійскаго и Аральскаго морей весьма не сходны съ ихъ изображеніями на картѣ оренбургскаго края 1851 года.

Астрахань: широта 46° 30′ (46° 21′), долгота 0° 30′ (65° 42′)

Баку: широта 41° 22′ (40° 22′).

Дербентъ: широта 42° 30′ (42° 4′).

Судя по времени изданія карты (1752 г.), географическія широты показаны довольно удовлетворительно.

II. «Карта ставропольскаго вѣдомства, въ которомъ крещеные калмыки между Закамской линіи и рѣки Черемшана съ жительствомъ и кочевками расположены».

Границы: съ Запада — Волга; съ Юга — Волга и Сокъ; съ Сѣверо-Запада и Сѣвера — Черемшанъ; съ Востока и Юго-Востока редуты и, кажется, ровъ. Масштабъ: 10 верстъ въ $^1/_2$°. Средина «вѣдомства» почти вся пустая и поселенія находятся по его границамъ.

Ставрополь: широта 53° 32′ (53° 28′), лежитъ при рукавѣ Волги.

III. «Карта, представляющая отъ Оренбурга большую московскую дорогу до Кичуйскаго фельдшанца и всю Закамскую линію и отъ онаго жъ внизъ по рѣкѣ Яику до Яицкаго казачья городка, а по Самарѣ до г. Самары новопостроенныя крѣпости и съ ставропольскимъ вѣдомствомъ и смежными къ тому мѣстами». Масштабъ 30 верстъ въ $^1/_2$°. Замѣчательна подробнымъ изображеніемъ рѣкъ: Иргиза, Самары съ редутами по ней, Сока, Кинели, Яика, Сакмары и пр.

IV. «Карта генеральная уфимской провинціи и Башкиріи, съ показаніемъ смежныхъ съ ней мѣстъ». Масштабъ тотъ же. Замѣчательна по обстоятельности изображенія рѣкъ: Бѣлой, Дёмы и многихъ другихъ.

V. «Карта уфимской провинціи казанской и осинской дорогъ съ смежными мѣстами». Та же самая карта, что̀ и предыдущая, съ бо̀льшими топографическими подробностями.

VI. «Карта уфимской провинціи сибирскія дороги и смежныхъ той дорогѣ мѣстъ». Распространеніе предыдущей карты къ Востоку.

VII. «Карта уфимской провинціи нагайской дороги и смежныхъ той

дорогѣ мѣсть». Распространеніе той же карты къ Югу. И такъ уфимская провинція изображена на четырехъ картахъ.

VIII. «Карта исецкой провинціи съ зауральскою Башкиріею, съ частію екатеринбургской вѣдомству сибирской губерніи и уфимской провинціи принадлежащихъ мѣсть». Она замѣчательна подробнымъ изображеніемъ теченія рѣкъ: Исеть, Теча, Міясъ и пр. и множествомъ озеръ. Означены города: Челябинскъ, Шадринскъ, Далматовъ. Тутъ же изображена рѣка Тоболъ, протекающая по ялуторовскому уѣзду.

IX. «Карта Верхояицкой, Сакмарской, Орской и Уйской дистанцій съ показаніемъ на тѣхъ дистанціяхъ имѣющихся крѣпостей, редутовъ и другихъ селеній съ смежными къ ней мѣстами». Замѣчательныя рѣки: Сакмара и Яикъ съ фортами.

X. «Карта нижней яицкой дистанціи до Гурьева городка и до Каспійскаго моря и кочевыхъ мѣсть киргизъ-кайсацкой меньшой орды съ частію Аральскаго моря». Яикъ съ фортами, и рукавъ Волги при ея устьѣ весьма любопытны, но не сходны съ картою 1851 года.

XI. «Карта пріобщенная, на которой наибольшая часть Каспійскаго и Аральскаго морей съ смежными къ нимъ мѣстами представлены». Ничѣмъ не замѣчательна.

XII. Карта безъ заглавія, на которой изображены всѣ три киргизскія орды, не замѣчательна и походитъ болѣе на брульонъ, чѣмъ на карту отдѣланную. Здѣсь между прочимъ отмѣчена «Развалина стараго города Джикента», о которомъ, какъ о новооткрытомъ толковали нѣкоторое время въ газетахъ въ началѣ нынѣшняго 1867 года.

Въ заключеніе слѣдуетъ напомнить, что Татищевъ давалъ Рычкову наставленія, какъ должны составлять геодезисты карты оренбургской губерніи, о чемъ см. выше на стр. 161 и 163.

170

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

О причинахъ удаленія изъ Россіи калмыковъ.

Къ стр 125, 126.

Въ мартѣ 1767 года сенатъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о мѣрахъ для размежеванія земель калмыцкихъ отъ тѣхъ, на которыхъ жили русскіе переселенцы, объяснялъ: «Коллегія иностранныхъ дѣлъ поданнымъ въ сенатъ доношеніемъ изъясняетъ, коимъ образомъ вступили въ ту коллегію отъ намѣстника ханства калмыцкаго Убаши и отъ астраханскаго губернатора, генералъ-маіора Бекетова, также и отъ находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ подполковника Кишенскаго представленія, что тѣ мѣста, гдѣ напредъ сего калмыки кочевали, заняты селеніями и въ близости оныхъ калмыкъ кочевать не допускаютъ, и происходятъ съ обѣихъ сторонъ непрестанныя ссоры, грабежи и драки; захватываютъ другъ у друга людей и скотъ, а иногда дѣлается смертное убійство и въ скотѣ великая утрата. И потому намѣстникъ ханства домогается, чтобъ то селеніе уничтожено было. А подполковникъ Кишенскій представляетъ, не соизволено-ль будетъ всѣ тѣ заселенныя мѣста освидѣтельствовать и около оныхъ, по пропорціи жителей, отмежевать при посланныхъ отъ намѣстника ханства людяхъ, дабы калмыки, будучи свѣдомы о точныхъ границахъ тѣхъ жительствъ, впредь кочевьемъ во оныя не входили; а и россійскіе калмыкамъ подъ видомъ ихъ дачь за потраву сѣнныхъ покосовъ и прочихъ угодій такъ, какъ нынѣ, притѣсненій дѣлать не могли. Съ которымъ подполковника Кишенскаго разсужденіемъ и астраханскій губернаторъ согласенъ»... Сенатъ полагалъ, что для снятія на карту всѣхъ земель, о которыхъ рѣчь шла въ докладѣ, необходимо отправить офицеровъ изъ инженернаго корпуса; но когда спросили о томъ гр. Григорія Орлова, бывшаго тогда фельдцейгмейстеромъ, то онъ отозвался, что у него недостатокъ въ инженерныхъ офицерахъ. За такимъ отзывомъ, размежеваніе не было еще осуществлено и въ концѣ 1769 года, что̀ видно изъ слѣдующаго документа.

Ея императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ.

Разсмотрѣвъ мы, нижеподписавшіеся, произшедтія отъ намѣстника ханства калмыцкаго жалобы, о случившемся, по предъявленію его, утѣсненіи калмыцкому народу въ нужномъ и необходимомъ, по образу жизни сего народа, перехожденіи съ одного мѣста на другое отъ заведенныхъ по луговой сторонѣ Волги изъ иностранцевъ селеній, а равнымъ образомъ разобравъ и представленія находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ подполковника Кишенскаго, которыми онъ дополнилъ, что такое утѣсненіе хотя и дѣйствительно настоитъ, но не больше отъ селеній, изъ иностранцевъ учрежденныхъ, какъ и отъ всѣхъ другихъ, по луговой же сторонѣ недавно начавшихся изъ разнаго званія людей и отъ присвоенія жителями горнаго берега Волги хотя и старыми, но многихъ мѣстъ на луговой сторонѣ лежащихъ, которыми они напредь сего отнюдь не пользовались; а наконецъ сдѣлавъ и соображеніе съ сими жалобами и представленіями полученнымъ извѣстіямъ чрезъ канцелярію опекунства иностранныхъ и подполковника Кишенскаго о всѣхъ разныхъ селеніяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя изъ иностранцевъ учреждены, и о занятыхъ ими мѣстахъ, примѣчаемъ: съ одной стороны, что калмыки свои причины имѣютъ жалобы приносить, но съ другой и способы къ поправленію того нетрудные находимъ.

Калмыки, пришедъ въ 1630 году на Волгу, чаятельно сперва почитаемы были буде не за непріятелей, но меньшой мѣрѣ произвели нужду быть отъ нихъ въ осторожности. Потомъ же, когда они по привольству волгскихъ мѣстъ навсегда на оныхъ остались, то хотя въ 1673, 1677 и 1684 году и взяты отъ нихъ называемыя по тогдашнему времени записи о бытіи имъ въ здѣшнемъ подданствѣ и о спокойномъ обращеніи, но точныхъ мѣстъ для нихъ пребыванія назначивано не было, можетъ быть для того, что ни они о томъ не заботились по пространству волгскихъ, по большой части тогда въ пустѣ лежавшихъ, ни со здѣшней стороны. Слѣдовательно такіе для нихъ отводы дѣлать ни малѣйшаго случая и повода не представлялось.

Продолженіемъ времени, и что далѣе, то болѣе, пріучаясь калмыки къ послушанію и къ разумѣнію должностей подданства, толь меньше напротивъ того въ сомнѣніи приходить могли и отъ новыхъ поселеній, въ близости ихъ пребыванія напредь сего заводимыхъ, когда всегда еще и при томъ для нихъ довольно мѣстъ оставалось.

Они, восходя до Самары, хотя и давно уже ниже сего города, на луговой сторонѣ Волги лежащаго, разныя селенія находятся, ни сами въ томъ тѣсноты однакоже не чувствовали, ни тамошнимъ жителямъ безпокойства не причиняли, да и нынѣ взаимныхъ жалобъ не слышно, хотя также калмыки иногда и до тамошнихъ мѣстъ доходятъ.

Занятыя и нынѣ подъ иностранцевъ выше и ниже Саратова на луговой сторонѣ мѣста не долженствовали ихъ тревожить, состоя не въ

такомъ пространствѣ, чтобъ дѣйствительное отъ нихъ утѣсненіе произошло, но дѣло состоитъ въ томъ, что они отъ сихъ селеній, какъ напослѣди начавшихся, взяли только причину къ своимъ представленіямъ' а прямое существо ихъ жалобъ составляютъ по большей части, какъ и подполковникъ Кишенскій доносилъ, захваченныя горнаго берега жителями многія мѣста на луговой сторонѣ по неизвѣстному вовсе или сомнительному праву, и разныя, вновь же начавшіяся и на сей самой сторонѣ, сверхъ состоящихъ иностранцевъ, селенія безъ всякаго однакожъ имъ отводу, коликою мѣрою земли они владѣть должны, почему въ ихъ произволеніи и остается на всѣ тѣ мѣста калмыкъ не допускать, гдѣ они ихъ видѣть не хотятъ, и гдѣ они однакожъ напредь сего располагались.

Въ такихъ обстоятельствахъ находятся всѣ жители горнаго берега, начиная отъ самарскаго уѣзда до самаго города Царицына, которые противъ всякаго своего жилища на луговой сторонѣ въ займищахъ или лугахъ завели отчасти хлѣбопашество, а больше сѣнные покосы; а притомъ и дубовскаго волгскаго войска казаки, которымъ данною изъ военной коллегіи въ 1734 году на ихъ мѣста привиллегіею не токмо на луговой сторонѣ сѣнныхъ покосовъ имѣть запрещено было, но ни для чего къ притѣсненію калмыкъ на оную переѣзжать не велѣно, какъ сами тамъ захватили, такъ и стоящему въ Царицынѣ астраханскому драгунскому полку не мало сѣнныхъ покосовъ отвели по полученному недавно отъ военной коллегіи разрѣшенію, и дабы калмыки къ онымъ не приближались, по всѣмъ займищамъ поставили грани; хотя напредь сего въ бытность на Царицынской линіи не одного, но и многихъ полковъ, они безъ луговой стороны обходились.

Заведенныя же вновь на луговой сторонѣ селенія состоятъ изъ раскольниковъ, малороссіянъ, не помнющихъ родства, приписныхъ къ ахтубинскому шелковому заводу, также и къ дворцовымъ волостямъ, и изъ оныхъ послѣднія поселяются по большей части по рѣкѣ Иргизу, по которой калмыки всегда располагались.

Калмыцкому народу сколько нужна для зимы простирающаяся отъ горнаго берега Волги степь, находя они для себя и для скота своего защиту и убѣжище отъ стужи, нѣкоторые при Каспійскомъ морѣ въ камышахъ, а множайшіе при Кумѣ рѣкѣ въ тамошнихъ лѣсахъ и закрытыхъ мѣстахъ, столько необходима уже и луговая для мѣста, чтобъ пока они на сей сторонѣ остаются, на горной въ то время выростающая трава для будущей зимы сохранена быть могла.

Статься можетъ, что калмыки, дѣлая нынѣ переходы свои съ одного мѣста на другое, нѣсколько смятно, не ожидая одинъ улусъ другаго и располагаясь также непорядочно, хотя стараніе и прилагается ввесть у нихъ и въ томъ установленіе, да и впредь продолжаемо быть имѣетъ, тѣмъ самымъ меньше и сберегаютъ скотопажитныя мѣста, нежели сколько хранить ихъ должны были бъ, а вытравливаютъ и вытаптываютъ больше,

нежели уже по необходимой нуждѣ требовалось бы. Совсѣмъ тѣмъ, какъ пріобученіе ихъ къ бережливости въ семъ случаѣ и къ разборчивости зависитъ еще отъ продолженія времени, а и тогда однакожъ они, по множеству скота своего, въ чемъ ихъ главнѣйшее имущество состоитъ, безъ довольныхъ, скотопажитныхъ и водою привольныхъ мѣстъ обойтись не могутъ, для чего и что свѣжихъ водъ внутри степи по луговой сторонѣ, сколько извѣстно, или очень мало, или почти нѣтъ, слѣдовательно долженъ быть тамъ недостатокъ и въ травѣ, выгорая оная скоро отъ жару какъ натурально малую влагу имѣющая, они и держатся при Волгѣ и при падающихъ въ оную рѣчкахъ,—то и нужно, видится, такія распоряженія принять, чтобъ они дѣйствительно оскудѣнія не имѣли ни въ водѣ, ни въ скотскихъ кормахъ, и въ томъ во всемъ единожды навсегда съ тамошними жителями, къ взаимному ихъ успокоенію, разведены были.

Что касается до заведенныхъ изъ иностранцевъ селеній при рѣчкахъ Караманахъ и Тарлыкахъ, то оставляя ихъ тутъ для того, что, какъ и выше донесено, оныя калмыкъ въ ихъ распоряженіяхъ не утѣсняютъ, да и переведеніе ихъ на всякое другое мѣсто не можетъ быть безъ убытка и сверхъ того безпокойства и изнуренія людей, разсуждается только отвесть подъ нихъ землю по берегу Волги хотя и всю, отъ рѣки Еруслана до рѣки Иргиза простирающуюся, дабы съ обѣ стороны ихъ дачи живыя межи имѣли; но въ ширину напротивъ того назначить столько, чтобъ однако же вершины нѣкоторыхъ рѣчекъ, чрезъ сіи мѣста протекающихъ, хотя на небольшое разстояніе остались за межою, имѣя калмыки въ тамошней водѣ нужду во время ихъ перехода съ рѣки Еруслана на рѣку Иргизъ, а притомъ дабы они свободно проѣзжать могли между селеній къ городу Саратову для продажи скота своего и покупки разныхъ вещей, и для того жъ и къ селу Малыковкѣ, то для города Саратова назначить прогоны отъ того и другаго поселенія, оставляя въ срединѣ Покровскую малороссійскую слободу и отводя къ оной потребное количество земли, каждый прогонъ шириною по нѣскольку верстъ, а для села Малыковки при рѣкѣ, называемой Вертубѣ, на одну версту, а затѣмъ все мѣсто отъ рѣки Вертубы до рѣки Иргиза и по ней на пятьдесятъ верстъ, считая отъ волгскаго берега, занято быть можетъ для иностранныхъ же поселенцевъ.

Вокругъ сихъ дачъ имѣютъ быть отъ находящейся въ Саратовѣ конторы опекунства сдѣланы грани, чтобъ калмыки за оныя ни подъ какимъ видомъ не входили и не располагались, и скота своего не пускали, а впрочемъ ни тѣмъ, ни другимъ взаимно обходиться и вещи свои продавать запрещенія не дѣлать, чтобъ калмыки, перенимая отъ поселенцевъ иностранныхъ разныя рукодѣлія, по мѣрѣ того и суровости своей, будучи еще по большей части всѣ изъ нихъ подлые оной наполнены, убавлять могли, а и поселенцы привычку дѣлали смотрѣть на нихъ безъ страха и противности. Пока жъ до того дойдетъ, то дабы ничего не оставить безъ употребленія къ ихъ взаимному разведенію служащаго и къ охраненію

поселенцевъ, могутъ въ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ селеніяхъ отъ стороны находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ командира и нарочные содержаны быть изъ офицеровъ или другихъ людей, а притомъ и каждому калмыцкому владѣльцу, селенія проходящему, отъ него жъ подтверждаемо будетъ за своимъ улусомъ смотрѣть, чтобъ ни отъ кого обидъ не происходило, опредѣляя, буде за нужно усмотрится, и нарочныхъ отъ каждаго улуса, пока который въ близости отъ поселеній будетъ, для надзиранія и опознанія калмыкъ, безпокойство иногда причиняющихъ.

Но какъ всѣ такія распоряженія, касаясь единственно до иностранныхъ поселенцевъ и калмыкъ, предоставляютъ нужду въ разсмотрѣніи, по колику калмыцкій народъ дѣйствительно угѣсненнымъ находится отъ заведенныхъ уже, и распространяющихся и еще и вновь заводимыхъ селеній изъ разнаго званія, кромѣ иностранцевъ, людей и отъ присвоенія жителями горнаго берега Волги многихъ мѣстъ луговой стороны, или калмыки, привыкнувъ токмо на всю обширность, прежде впустѣ лежавшую, смотрѣть, мечтаютъ безъ основанія быть въ угѣсненіи, то остается нынѣ же и сіе послѣднее изслѣдованіе предпріять.

Оно наилучше кажется исполнено быть можетъ, когда всѣ крѣпости жителей горнаго берега, которые нынѣ луговою стороною пользуются, а притомъ основанія и намѣренія, для какихъ и новыя на луговой сторонѣ жилища кромѣ состоящихъ изъ иностранцевъ заведены и умножаются, также и сколько которому въ дачу земли назначено и необходимо потребно, въ точное разсужденіе приняты будутъ, и потомъ которыя изъ нихъ крѣпости на мѣста ими владѣемыя имѣютъ, то по крѣпостямъ, а у которыхъ нѣтъ, то по настоящей нуждѣ, соображая притомъ съ другой стороны и необходимую нужду въ тамошнихъ мѣстахъ и для калмыцкаго народа, сколько дѣйствительно такая настоять будетъ, извѣстная мѣра земли для всякаго жилища отведется, и такимъ образомъ точная дача къ однимъ мѣстамъ назначится и обмежуется, дабы прочія затѣмъ нажити и воды калмыцкому народу въ употребленіе назначены были, кромѣ рыбныхъ ловель состоящихъ на оброкѣ, и тѣмъ оной въ своихъ жалобахъ успокоился и зналъ впредь о своихъ мѣстахъ; но уничтоженіе и переведеніе какихъ либо начавшихся уже селеній имѣетъ быть совсѣмъ тѣмъ, въ разсужденіи неминуемаго затруднительства, слѣдствіемъ крайней только необходимости, предоставляемой здѣшнему разсмотрѣнію.

Въ высочайшемъ вашего императорскаго величества соизволеніи состоитъ препорученіе сего не безважнаго и скораго исполненія требующаго дѣла астраханскому ли губернатору, находясь всѣ вновь заведенныя жилища въ порученной ему губерніи и калмыцкій народъ въ точномъ его вѣдомствѣ, или всемилостивѣйше угодно будетъ и нарочную для того персону назначить и отправить повелѣть; но кто бъ къ тому употребленъ ни былъ, надобно будетъ къ нему опредѣлить и двухъ, или трехъ человѣкъ межевщиковъ для отводу дачъ и снятія на планы, которые послѣ сего перваго дѣла могутъ потомъ положить на карту и все

пространство земли, лежащее между рѣкъ Волги и Яика, начиная отъ Самары и до Каспійскаго моря съ означеніемъ всѣхъ рѣчекъ и озеръ и другихъ приводьныхъ и примѣтныхъ мѣстъ и безводныхъ степей, каковой по нынѣ снято не было, а безъ оной въ самую подлинность и неизвѣстно, сколько дѣйствительно тамошнія мѣста неудобны, или между многими неудобными есть однакоже нѣкоторыя и удобныя къ занятію, или же по крайнѣй мѣрѣ къ назначенію калмыкамъ, вмѣсто употребляемыхъ подъ селенія въ близости отъ Волги лежащихъ, которыми нынѣ единственно они пользуются.

Такая нужная карта и скоро, и удобно однакожъ окончена быть можетъ, не требуясь притомъ астрономическая строгость въ положеніи каждаго мѣста и урочища подъ точный градусъ, а только описаніе всѣхъ мѣстъ и примѣрное разстояніе одного отъ другаго.

Между тѣмъ пока разсмотрѣніе учинено будетъ о правѣ горнаго берега жителей, пользующихся луговою стороною, и земли назначатся заведеннымъ вновь на сей послѣдней сторонѣ селеніямъ, а тѣмъ всѣмъ и снимаемою картою всего пространства между Волги и Яика достовѣрное свѣдѣніе получится, могутъ ли быть тамъ и еще селенія заведены безъ утѣсненія калмыцкаго народа, нужно кажется будетъ общее учинить запрещеніе, чтобъ впредь до времени на заведенныхъ по нынѣ новыми жителями не умножать, и никакихъ вновь не заводить, съ такимъ еще сверхъ того опредѣленіемъ, дабы и межи отводимымъ подъ поселенія также и горнымъ жителямъ по настоящей нуждѣ на луговой сторонѣ землямъ впредь до точнаго разсмотрѣнія и утвержденія непремѣнными почитаемы не были, что все однакожъ здѣсь всеподданнѣйше представляемое подвергаемъ монаршему вашего императорскаго величества благоизобрѣтѣнію.

Графъ Панинъ.
К. Александръ Голицынъ.
Графъ Г. Орловъ.
Никита Бекетовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Реестръ, по какимъ цѣнамъ въ городѣ Оренбургѣ во время злодѣйскаго облежанія хлѣбъ и другіе съѣстные припасы продавались 1774 года.

	Въ январѣ.		Въ февралѣ.		Въ мартѣ.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Муки аржаной и пшеничной } четв.	отъ 30	—	отъ 50	—	отъ 75	—
Крупъ разныхъ и солоду } четв.	до 50	—	до 75	—	до 140	—
Изъ муки аржаной хлѣбъ печеный одинъ фунтъ	—	отъ 15 до 20	—	отъ 20 до 25	—	отъ 25 до 33 и до 40
Масло коровье фунтъ	—	отъ 40 до 50	—	отъ 50 до 90	1	20
Масло деревянное фунтъ	—	35	—	40	—	отъ 50 до 60
Масло конопляное фунтъ	—	50	—	60	—	60
Сало баранье и говяжье, годное въ пищу, пудъ	2	—	2	—	2	40
Медъ сырецъ фунтъ	—	30	—	35	—	отъ 35 до 50
Яицъ десятокъ	—	15	—	20	—	25
Гусь одинъ	—	70	1	20	1	20
Утка	—	35	—	60	—	60
Курица	—	20	—	25	—	35 и 60
Мясо говяжье и баранье пудъ	3	25	3	75	отъ 5 до 6	—
Мясо лошадиное пудъ	—	80	1	20	3	50
Молока ведро	—	80	1	20	1	20
Рыбы щучины фунтъ	—	15	—	20	—	отъ 25 до 35
Рыбы мелкой	—	9	—	12	—	20
Икры соленой фунтъ	—	—	—	—	—	90
Сѣна возъ	7	—	9	—	20	—
Кожи коровьи боевыя	—	40	—	60	1 и 2	60
Сахаръ кенарской фунтъ	—	25	—	35	1	—
Капусты ведро { бѣлой	1	50	2	—	3	50
Капусты ведро { черной	—	80	—	90	2	20
Огурецъ соленой одинъ	—	3	—	5	—	10
Луку сотня	—	80	—	90	2	50

	Марта съ 17 по 22 число.		Съ 20 по 23.		Съ 23 то есть со дня побѣгу злодѣя изъ Бердской слободы по 24 число.		Съ 24 числа.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Мука аржаная и пшеничная также солодъ и крупы пудъ...........	отъ 10 до 8	—	отъ 13 до 13	—	отъ 7 до 6	—	—	отъ 80 до 50
Хлѣбъ печеной фун.	—	отъ 15 до 20	—	отъ 20 до 25	—	отъ 12 до 10	—	отъ 7 до 5
Сахаръ кенарской..	—	80	—	90	—	90	1	—
Рыбы свѣжей крупной фунтъ......	—	35	—	30	—	30	—	30
— — мелкой...	—	25	—	23	—	20	—	20
А прочіе припасы продавались въ пропорціи противъ вышеписанныхъ цѣнъ, а многихъ и совсѣмъ въ продажѣ не было.								

178

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

ПОПРАВКИ.

Стран.	*Напечатано.*	*Должно быть.*
6	Абуилъ-хаиръ	Абулъ-хаиръ.
9	Астраахни	Астрахани
17	именовановаyы	именованы
22	учпнить	учинить
23	разумѣли,	разумѣли.
29	нышнемъ	нынѣшнемъ
38	непечатана	напечатана
91	Комментаріяхъ	Комментаріяхъ,
97	шкуку	штуку
99	Erdbeer-Stauden	Erdbeer-Standen
102	самого	самаго
119	Вольфангъ	Вольфгангъ
128	коловратны	коловратно
128	изъ изъ другихъ	и изъ другихъ.
130	калмыхъ	калмыкъ
133	Астработомъ	Астрабатомъ
167	изъ разныхъ опи-	изъ разныхъ описа-
172	Царицынской липіи	Царицынской линіи.

I

Изъ письма Рычкова къ Ломоносову, 2 Февраля 1755 года

ажно быть.
лъ-хаиръ.
раханн
нованы
нить
зумѣли.
мѣшнемъ
печатаня
омментаріяхъ,
туку
dbeer-Standen
маго
ольфгангъ
оловратно
изъ другихъ.
калмыкъ
Астрабатомъ
изъ разныхъ описа-
Царицынской линіи.

I.

Изъ письма Рычкова къ Ломоносову, 2 Февраля 1755 года

Уповая на вѣстъ имѣютъ Вы, которою я
отъ Адмиралтейского Двора много удостоенъ въ бытность
мою въ Санктпетербургѣ, Посылаю при семъ на ваше
благосклонное разсмотрѣніе книжицу, въ которой описано
внутренне пограничное состояніе Оренбургской губерніи.

II.

Приписка къ предыдущему письму

P.S. Читая книжицу [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

III.

Изъ письма Рычкова къ Г. Ф. Миллеру. 23 Іюля 1777 года

[illegible] P. Rütschkow

P.S. [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
читанныхъ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 2.

ЛИТОВСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

СЪ ПЕРЕВОДОМЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

И. А. ЮШКЕВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 8 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 6 Іюля 1867 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ОПЫТЪ ПРИМѢНЕНІЯ РУССКОЙ АЗБУКИ КЪ ЛИТОВСКОМУ ЯЗЫКУ.

Звуковая сторона литовскаго языка, какъ языка кореннаго, имѣетъ свой отличительный характеръ, свои особенности, для выраженія которыхъ нужны и особенные буквенные знаки, приличные натурѣ литовскаго языка.

Но при этомъ не должно упускать изъ виду то обстоятельство, что литовскій языкъ раздѣляется на мѣстные говоры, которые хотя въ извѣстной степени и понятны всѣмъ литовцамъ, но при рѣчи о литовскомъ алфавитѣ нельзя однако оставить ихъ безъ вниманія; потому что литовскій алфавитъ изъ русскихъ буквъ, примѣненный къ одному какому-либо литовскому говору, былъ бы вполнѣ доступенъ только для извѣстной части литовцевъ, а не для всѣхъ, или по крайней мѣрѣ не для большинства ихъ, и могъ бы повести не-литовца къ невѣрному и одностороннему пониманію натуры и отличій литовскаго языка.

Живой литовскій языкъ раздѣляется на четыре мѣстныхъ говора: жмудскій или жямайтскій, восточно-литовскій, ейрёгольскій и прусско-литовскій. Въ звуковомъ отношеніи поименованные говоры представляютъ слѣдующія различія:

а) Звукъ е (= ę у г. Шлейхера) въ жмудскомъ и прусско-литовскомъ говорахъ произносится какъ русское е, иногда съ

примѣсью звука а, въ восточно-литовскомъ же и сірёгольскомъ— какъ ја (я). Напр. гєрс, хорошій; кє.ıc, дорога читается по-жмудски герс, кeльс, по-литовски-же — гярс, кяльс.

б) Носовые звуки ą, ə, ę, į, ų во всѣхъ говорахъ въ извѣстныхъ случаяхъ сохранили свой носовой характеръ; въ жмудскомъ говорѣ часто они произносятся съ особенною силою.

в) Звукъ ў въ жмудскомъ читается какъ у, въ прочихъ литовскихъ говорахъ—какъ уо, а въ сірёгольскомъ часто даже — какъ о. Напр. дўк дўнос, дай хлѣба, жямайты произносятъ дук дунос, литовцы же дуок дуонос и док донос.

г) Согласныя зубныя д и т въ жямайтскомъ говорѣ весьма часто, смягчаясь, не переходятъ въ ḍ и ч. Напр. по-жмудски говорится: ант аугąтю медю, на растущемъ деревѣ, по-литовски-же— ант аугąчю меḍю.

д) Звукъ ıе (= ё г. Шлейх.) въ жмудскомъ говорѣ произносится какъ і протяжно, въ литовскихъ же говорахъ — какъ е также протяжно. Напр. віена діена, одинъ день, читается пожмудски віна діна, по-литовски-же — вена дена.

е) Согласный звукъ ј, заканчивая слогъ, въ жмудскомъ говорѣ часто отпадаетъ, въ литовскихъ же говорахъ удерживается. Напр. вајкај, дѣти; пејлеј, ножи, по-жмудски говорится в'ака', пе'ле'.

ж) Вообще жямайты любятъ твердое произношеніе, литовцы же — мягкое. Такъ выраженіе: ір туріу рејкалą, жямайты читаютъ: ър туру рэ'калą.

з) Отличительную черту восточно-литовскаго говора составляетъ господствующее употребленіе звука л (лъ) вмѣсто смягченнаго ль (ль). Напр. слова: саулė, солнце; еглė или эглė, ель; шірдėлėлė, сердечко, восточные литовцы читаютъ: саулэ, аглэ или эглэ, шірдėлэлэ.

Въ слѣдущемъ литовскомъ алфавитѣ изъ русскихъ буквъ, кромѣ звуковыхъ отличій литовскаго языка отъ русскаго, приняты еще во вниманіе означенные мѣстные литовскіе говоры. Всѣхъ литовскихъ буквъ 36. Онѣ суть:

Аа, Ąą, Бб, Вв, Гг, Дд, Ďď, Ээ, Ее, Ėė, Єє, Ээ̨, Ęę, Жж, Зз, Іі, Įį, ы, Јј, Кк, Лл, Љљ, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Шш, Тт, Чч, Цц, Уу, Ųų, Ўў, ι.

Литовскіе звуки, которыхъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ, суть слѣдующія:

гласныя носовыя буквы: Ąą, Ээ̨, Ęę, Įį, Ųų,
гласныя: Ėė, Єє, Ўў,
согласныя: Ďď, Јј, Љљ,
смягчительный знакъ ι.

Они произносятся слѣдующимъ образомъ:

Носовое ą произносится въ сйрёгольскомъ говорѣ какъ французское en (ан), въ жмудскомъ большею частью какъ ун, иногда какъ он, въ восточно-литовскомъ же большею частію какъ он, рѣже какъ ун. Напр. ąстас, бревно; грąштас, буравъ, читаются по-ейрёгольски ранстас, граништас, по-жмудски рунстас, грунштас, рѣже ронстас, тронштас, у восточныхъ же литовцевъ ронстас, гронштас. рѣже рунстас, грунштас.

Носовыя: твердое ę и мягкое ę произносятся какъ французское in, un. Напр. тęсти. тянуть; пęкі, пять.

Носовое į въ жмудскомъ говорѣ произносится съ особенной силой. Напр. грįшті. воротиться; лįсті, лезть; трįс, три.

Носовое ų также сохраняетъ носовой характеръ, въ особенности же у жмайтовъ. Въ словахъ напр. скųстіес, жаловаться; сіųсті, посылать, носовое ų произносится съ замѣтнымъ участіемъ носоваго органа.

Гласная ė (съ точкою сверху) произносится мягко, какъ русское е, но протяжно. Бėгті, бѣжать; гулėті, лежать; вėлас, поздній.

О произношеніи смѣшаннаго є и гласной ў смотри выше въ статьѣ о говорахъ буквы а и б.

Согласная ď состоитъ изъ д и ж; въ произношеніи они сливаются въ одинъ звукъ. Ďаугіўс, радуюсь; ďусту, сохну.

Согласная ј представляетъ слѣдующія различія. Въ началѣ слога она облекаетъ гласную, какъ напр. въ словахъ јоју, ѣду

верхомъ; jaунас, молодой; Joнас, Иванъ (ёю, Яунас, Ёнас). Въ концѣ слога она замѣняетъ русское й съ краткимъ. Напр. эjну, иду; лєjдаj, ты пустилъ; зуjкеj зайцы (эйну, лейдай, зуйкей). Въ срединѣ слога она имѣетъ значеніе русскаго ь въ словахъ: бью, пью, шью. Напр. бjаурус, гадкій; пjауну, рѣжу; пjуклас, пила (бьяурус, пьяуну, пьюклас).

Согласная л произносится какъ латинское или французское l. Напр. кальбѐті, говорить; гульті, лечь; пакол, пока (кальбети, гульти, паколь).

Смягчительный знакъ ı (ı безъ точки) не выражаетъ никакаго звука. Онъ служитъ для смягченія согласныхъ въ сочетаніи ихъ съ гласными а, о, у, ў и двугласною ау, каковы напр. бıа, мıо, иıу, шıў, кıау и т. под. Напр. мıлıу, люблю; дарıау, я дѣлалъ; шıокс, сякой; шıўми, симъ.

Знакъ ıе, образовавшійся изъ смягчительнаго знака ı, и гласной е (ıе = ё г. Шлейхера), въ жмудскомъ говорѣ произносится какъ і, протяжно, въ литовскихъ же говорахъ какъ е. Напр. пıева, лугъ; спıегс, снѣгъ жямайты читаютъ пива, снигс, литовцы-же — пева, снегс (ср. ст. о говорахъ бук. д).

Прочія буквы произносятся такъ какъ и въ русскомъ языкѣ.

Твердое ы встрѣчается только въ восточно-литовскомъ говорѣ. Такъ напр. въ 28 пѣсни 4 строфѣ мы читаемъ:

Аглынѐлі сѐдѐjау,
Аглынѐлі тупѐjау.
Аглынѐлі вajкелус перѐjау.

Изъ нижеслѣдующихъ 34 пѣсенъ 14, 15, 16, 17, 18, 22, 27, 32, 33, 34 принадлежатъ къ жмудскому говору; 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 29, 30 и 31 — къ ейрёгольскому; а 1, 7, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26 и 28—къ восточно-литовскому.

Жмудскія пѣсни почти всѣ списаны отъ пѣсенницъ Колтынянскаго прихода, ейрёгольскія—близъ м. Ейрёголо, а восточно-литовскія — въ окрестностяхъ г. Поневѣжа.

1.

1.	Атлек сакалас	Прилетаетъ соколъ
	Ант эжерѐло,	На озеро,
2.	Нус'лејд сакалас	Спускается соколъ
	Ант эжерѐло.	На озеро.
3.	Таме эжере	На этомъ озерѣ
	Руту ловелѐ.	Руты *) гряда.
4.	Тоје ловелѐ'	На этой грядѣ
	Гулі тѐвеліс.	Батюшка лежитъ.
5.	Шоне тѐвело	Возлѣ батюшки
	Дукрелѐ сѐде,	Дочка сидитъ,
6.	Галвą шукўје,	Голову чешетъ,
	Плаукус лајдоје.	Волосы распускаетъ.
	* * *	* * *
7.	Ко ту, тѐвелі,	Почему ты, батюшка,
	Далес не скірі?	*Мнѣ* доли не выдѣляешь?
8.	Ко ту, матула,	Почему ты, матушка,
	Крајтю не крауні?	Приданаго не копишь?
9.	Ко ту, бролелі,	Почему ты, братецъ,
	Лауку не лідi?	*Меня* въ полѣ не провожаешь?
10.	Ко ту, сесула,	Почему ты, сестрица,
	Јўсту не аудi?	Кушаковъ не ткешь?
	* * *	* * *
11.	Мѐнў-тѐвеліс	Мѣсяцъ-батюшка
	Далелес скірѐ.	Долю выдѣлялъ.
12.	Саула-матула	Солнце-матушка
	Крајтелį клоје.	Приданое готовила.

*) Рута, *растеніе*, принадлежность каждаго палисадника при литовскихъ избахъ.

13.	Сėтін *)-бролеліс	Сетин-братецъ
	Лауку лідėје.	Въ полѣ провожалъ.
14.	Жвајгждė-сесула	Звѣзда-сестрица
	Јўстелес аудė.	Кушаки ткала.
15.	Діе'вед — бернеліс	Божье дерево — мой милый
	Вајнікą вітė.	Вѣнокъ сплеталъ.

2.

1	Ажўле, ажўлėлі,	О дубъ, дубочекъ,
	Карніту лапелу,	Съ зубчатыми листьями,
	Ко туіе аугај?	Зачѣмъ ты росъ?
	Аш ір ужаугау	Я и выросъ
	Відурі гірелėс.	Посреди рощи.
2.	Ант ір атэјна	Вотъ и приходятъ
	Трјс кіртујėлеј	Три дровосѣка.
	Жада тавę кірсті,	Хотятъ тебя рубить,
	Шакелес гепėті,	Вѣтки обрубить
	Струнелус струнўті:	Утварь наготовить:
	Іш леменėло	Изъ ствола
	Лентелес скальдіті,	Досокъ напилить,
	Струнелус даріті.	Утварь дѣлать.
3.	Мотінėлė сėдės,	Матушка будетъ сидѣть,
	Су светелејс кальбės.	Съ гостями бѣседовать.
	Сėд мано мочутė,	Сидитъ моя матушка,
	Кај дангујe саулė.	Какъ на небѣ солнце.
	* * *	* * *
4.	Ажўле, ажўлėлі,	О дубъ дубочекъ,
	Карніту лапелу,	Съ зубчатыми листьями,
	Ко туіе аугај?	Зачѣмъ ты росъ?
	Аш ір ужаугау	Я и выросъ
	Відурі гірелės	Посреди рощи.

*) Сетінас, *созвѣздіе*.

5. Ант ір атэјна
Тріс картујѐлеј
Жада тавę кірсті
Шакелес геиѐті,
Струнелус струнути:
Іш лемене̇ло
Лентелес скальдіті,
Струнелус дарѣті.

Вотъ и приходятъ
Три дровосѣка.
Хотятъ тебя рубить,
Вѣтки обрубить,
Утварь наготовить:
Изъ ствола
Досокъ напилить,
Утварь дѣлать.

6. Тѐвутѐліс сѐдѐс,
Су свстелејс кальбѐс.
Сѐд мано тѐвутѐліс,
Кај дангује мѐнулис.

Батюшка будетъ сидѣть
Съ гостями бесѣдовать.
Сидитъ мой батюшка,
Какъ на небѣ мѣсяцъ.

* * *

7. Ажуле, ажулѐлі,
ір т. т.

О дубъ, дубочекъ,
и такъ далѣе.

Токіу павејзду саугѐс ј бролі, і сесę.

Такимъ образомъ поютъ къ брату, къ сестрѣ.

Ј бролі гале:
Кај дангује сѐтинас
Ј сіаје:
Кај дангује жвајгждѐ.

Обращаясь къ брату на концѣ прибавляютъ:
Какъ на небѣ сѐтінас.
Къ сестрѣ:
Какъ на небѣ звѣзда.

3.

1. Вој Діеве, Діеве,
Діевулиау ману!
Во ір поварѐ
Ін крігą јоті.

Ой Боже, Боже,
Боже мой милый!
Вотъ и велѣли
На войну выступать.

2. Ін крігą јоті,
Жіргą балноті,
Ін крігą јоті,
Жіргą балноті.

На войну выступать,
Коня сѣдлать,
На войну выступать,
Коня сѣдлать.

3. Тèвеліс сенас
Броліліс мажас,
Рода перода
Рејкс бролуј јоті.

Батюшка старъ,
Братецъ малъ,
Хотя нехотя,
Надо брату ѣхать.

4. Віена сеселè
Бролелі ренгè
Антра сеселè
Жіргą балноју

Одна сестрицà
Братца готовила,
Другая сестрица
Коня сѣдлала.

5. Во ші тречіоjі,
Јауніаусіојі,
Бролелуј јојант,
Вартус аткèлè.

А вотъ третья,
Самая младшая,
Уѣзжающему братцу
Ворота отворила.

6. Бролужèлі!
Добілèлі!
Во ką парнеші
Трім сесерèлèм?

Ты, мой братецъ,
Ты, голубчикъ!
Что ты принесешь,
Тремъ сестрицамъ?

7. Віенај парнешіу
Ауксу жіеделі,
Антрај парнешіу
Шілку кускелę,

Одной принесу
Золотое кольцо,
Другой принесу
Шелковый платокъ,

8. Во шіај тречіајај,
Шіај јауніаусіајај,
Перлу вајніką,
Сідабру сегтą.

А этой третьей,
Самой-то младшей,
Жемчужный вѣнокъ,
Серебряную пряжку.

9. Эјме, сеселèс,
Ант аукштą калнą,
Ант аукштą калнą,
Бролелі лаукті.

Пойдемте, сестрицы,
На холмъ высокій,
На холмъ высокій
Дожидаться братца.

10. Мес парстовèјом
Аукштą кальнелі,
Мес паррімојом
Ўсіу творелес.

Мы изстояли
Высокій холмикъ,
Мы истерли
Осиныя ограды.

11.	Парбёг жіргєліс,	Прибѣгаетъ конь,
	Парпукштўја	Запыхивается,
	Шалё кілпєлёс	Съ боковъ стремена
	Парсвірўја.	Перевѣшиваются.
12.	Эјне, сесєлёс,	Пойдемте, сестрицы,
	Жіргєлі гаудіті,	Коня ловить,
	Жіргєлі гаудіти,	Коня ловить,
	Бролєлу клаусті.	О братцѣ спросить.
13.	Жіргужёлі!	Конь нашъ милый!
	Јўдбёрёлі!	Черногнѣденькій!
	Во кур падёјеј	О куда ты дѣвалъ
	Мусу бролєлі?	Нашего братца?
14.	Јусу бролєліс	Вашъ братецъ
	Крігужё кіртас,	Въ битвѣ изрубленъ,
	Крігужё кіртас,	Въ битвѣ изрубленъ,
	По коју мінтас.	Погами попранъ.
15.	Жіргужёлі!	О конь нашъ милый!
	Јўдбёрёлі!	Черногнѣденькій!
	Во кај парбёгај	О какъ ты перебѣжалъ
	Токі кєлєлі?	Такую дорогу?
16.	Дєвінєс упєс	Девять рѣкъ
	Плауктіе плауклау,	Плывя, я проплылъ,
	Во шę дешімтą	А въ этой десятой
	Дугнужлу нёрлау.	Ко дну я нырялъ.
17.	Вој, ој, ој, Дієве!	Вой, ой, ой, Боже!
	Дієвулиау мусу!	Боже нашъ милый!
	Во кас мумс падёс	О кто намъ поможетъ
	Бролиу гедёті?	Оплакивать брата?
18.	Саулєлё рустё	Солнышко скорбѣло
	Атсакідама:	Отвѣчая:
	Тај аш падёсіу	Я помогу
	Бролиу гедёті.	Оплакивать брата.

19. Дєвініус рітус	Девять утровъ
Міглужėj эjєiу,	Во мглѣ я пойду,
Во шį дєшімтą	А въ это десятое
Nej н'ужтскėсіу.	Я и не взойду.

4.

Ко тујеj, кунįгėлі*), судајчіо!	Что ты милый кунингъ, Судайчё!
Судајчіо, судајчıутėле!	Судайчё, судайчıутеле!
Ілгај памıегėлі?	Долго спалъ?
Міėгą бемıегąтıем	Когда ты спалъ,
Ішкірто карєлıус,	Изрубили ратниковъ,
Ішнілė пілєлę.	Расхитили припасы.
Катро тау, кунįгėлі,	Чего тебѣ, милый кунингъ,
Даугıау пагајлėје?	Болѣе жалко?
Ne тајн гајла ман пілєлėс,	Не столь мнѣ жалко припасовъ,
Кај ман гајла карєлıу.	Сколько мнѣ жалко ратниковъ.
Аш пілєлę супільсıу	Я припасы соберу
Двєjєjс, трєjєjс мєтєлејс,	Въ два, въ три года,
О карєлıу небужаугінсıу	А ратниковъ не выросчу
Nej дєшімтіс мєтєлıу.	И въ десять лѣтъ.

5.

Ко тау, тėвутėлі, судајчıо!	Что ты, батюшка, судайчё!
Судаучıо, судачıутėле!	Судаучё, судаучютеле!
Ілгај памıегėлі?	Долго ты спалъ?
Мıегą бемıегąтıем,	Когда ты спалъ,
Ужважıаво свєтелєj,	Наѣхали гости,
Ішвєжė Сунєлį.	Увезли Сына.
Катро тау, тėвутėлі,	Кого тебѣ, батюшка,
Даугıау пагајлėје?	Болѣе жалко?

*) Князь, старшій въ родѣ.

Ne тају гајла ман жіргєлю	Не столь жалко мнѣ коня
Кају ман гајла сунєлю.	Какъ мнѣ жалко сына.
Аш жіргєлį нупірксіу	Я коня куплю
Ір пірмајсіајс метєлејс	И въ первые *) годы,
О сунєлį небужаугјсіу	А сына не вырощу
Nej дешімтіс метєлју.	Ни въ десять лѣтъ.
* * *	* * *
Ко тујеj, мотінėлė,	Что ты матушка,
Ілгај паміегėлė?	Долго спала?
Міегą беміегątej,	Когда ты спала,
Ужважіаво свєтєлју,	Наѣхали гости,
Ішвєжė дукрєлę,	Увезли дочку,
Ір дукрєлėс крајтєлį.	И дочерино приданное.
Катро тау, мотінėлė,	Чего тебѣ, матушка,
Даугіау пагајлėјė?	Болѣе жалко?
Ne тају гајла ман крајтєлю	Не столь жалко мнѣ приданнаго,
Кај ман гајла дукрєлėс.	Какъ мнѣ жалко дочки.
Аш крајтєлį сукраусіу	Я приданное скоплю
Двејејс, трејејс метєлејс,	Въ два, три года,
О дукрєлėс небужаугјсіу	А дочки не вырощу
Nej дешімтіс метєлју.	И въ десять лѣтъ.

6.

1. Вој ту, анжўлє, ужаунінке,	Ой ты, дубъ шумящій,
Ужавај рітą, вакарėлį,	Ты шумѣлъ утромъ вечеромъ,
2. Ужавај рітą, вакарėлį,	Ты шумѣлъ утромъ вечеромъ,
Коль ужаугінај девінєс шакас	Пока выростилъ девять вѣтвей.
3. Коль ужаугінај девінєс шакас,	Пока выростилъ девять вѣтвей
Во шį дешіатą віршунєлę	И эту десятую вершину.
4. Вісас девінєс вėтружė лаужė	Всѣ девять буря сломала,
Nор, Дієве, лајкік віршунėлę!	Сохрани, Боже, хоть вершину!

*) въ годъ, два.

5.	Норс ір карвелуј інсітупті,	Хоть было бы гдѣ голубю присѣсть,
	Ріте, вакарѐліс набрукўті.	Утромъ вечеромъ поворковать.
	* * *	* * *
6.	Вој ту, тѐвелі, дусаунінке,	Ой ты, батюшка вздыхающій,
	Дусавај рітą вакарѐлј,	Ты вздыхалъ утромъ, вечеромъ,
7.	Дусавај рітą, вакарѐлј,	Ты вздыхалъ утромъ, вечеромъ,
	Колъ ужаугінај девінес дукрас	Пока выростилъ девять дочерей,
8.	Колъ ужаугінај девінес дукрас,	Пока выростилъ девять дочерей,
	Во шј дешімтą сунужѐлј.	И этого десятаго сына.
9.	Вісас девінес шалужę лејдај,	Всѣхъ девяти ты выпустилъ въ люди,
	Нор, Дієве, лајкік сунужѐлј!	Сохрани, Боже, хоть сына.
10.	Норс ір жіргужіус навадіоті,	Хоть было бы кому коней взнуздать.
	Смутнą шірделę сурамінті.	Печальное сердце утѣшить.
	* * *	* * *
11.	Вој ту, лепелѐ, ужапінкѐ,	Ой ты, липа шумящая,
	Ужавај рітą, вакарѐлј,	Ты шумѣла утромъ, вечеромъ
12.	Ужавај рітą, вакарѐлј,	Ты шумѣла утромъ, вечеромъ,
	Колъ ужаугінај девінес шакас,	Пока выростила девять вѣтвей,
13.	Колъ ужаугінај девінес шакас,	Пока выростила девять вѣтвей,
	Во шę дешімтą віршунѐлę.	Вотъ эту десятую вершину.
14.	Вісас девінес вѐтружѐ лаужѐ,	Всѣ девять буря сломала,
	Нор, Дієве, лајкік віршунѐлę.	Сохрани, Боже, хоть вершину.
15.	Норс, ір гегутеј інсітупті,	Хоть было бы гдѣ кукушкѣ присѣсть
	Ріте, вакарѐліс накукўті.	Утромъ, вечеромъ, покуковать.
	* * *	* * *
16.	Вој ту, мочіутѐ, дусаунінкѐ,	Ой ты, матушка вздыхающая,
	Дусавај рітą, вакарѐлі,	Ты вздыхала утромъ, вечеромъ,
17.	Дусавај рітą, вакарѐлј,	Ты вздыхала утромъ, вечеромъ,
	Колъ ужаугінај девініус сунус,	Пока выростила девять сыновей,
18.	Колъ ужаугінај девініус сунус,	Пока выростила девять сыновей,
	Во шę дешімтą дукружѐлę.	И эту десятую дочку.

19. Вісус девініус вајскужі ледај,	Всѣхъ девяти ты отправила въ войско,
Нор, Діеве, лајкік дукружėлę!	Сохрани, Боже, хоть дочку!
20. Норс ір гальвелеј најешкоті,	Хоть было бы кому головушку *поддержать*,
Смутнą шірделą сураминті.	Печальное сердце утѣшить.

7.

Ажумінė Јургеліс Мартелеј мыслę.	Загадалъ Егорушка невѣсткѣ загадку.
Чіутеле, чіута, лінаго!	Чютеле, чюта, лннаго!
Кас, тар, бėга, бėга бе којелу?	Кто, говоритъ, бѣжитъ, бѣжитъ безъ ногъ?
Кас, тар, ауга, ауга бе шакнелу?	Что, говоритъ, растетъ, растетъ безъ корней?
Кас, тар, јўдас, јўдас — недажітас?	Кто, говоритъ, черенъ, черенъ — непокрашенъ?
Кас, тар, балтас, балтас — невелėтас?	Кто, говоритъ, бѣлъ, бѣлъ — невыбѣленъ?
Кас, тар, маргас, маргас — не рашітас?	Кто, говоритъ, пестръ, пестръ — невыкрашенъ?
Атамінė мартелė Јургеле мјслę.	Отгадала невѣстка Егорушки загадку.
Унденėліс бėга, бėга бе којелу,	Водица бѣжитъ, бѣжитъ безъ ногъ,
Акменėліс ауга, ауга бе шакнелу,	Камень ростетъ, ростетъ безъ корней,
Варнеліс јўдас, јўдас — недажітас,	Воронъ черенъ, черенъ — некрашенъ,
Гулбелė балта, балта — невелėта,	Лебедь бѣлъ, бѣлъ — невыбѣленъ,
Генеліс маргас, маргас — нерашітас.	Дятель пестръ, пестръ — невыкрашенъ.
Віса тава, Јургелі, тава мјслė.	Вотъ вся твоя, Егорушка, загадка.

Примѣчаніе. Послѣ каждой строки долженъ слѣдовать припѣвъ:

Чіутеле, чіута, лінаго; чютеле, чюта, лннаго.

8.

1. Ужмітіко, уждерѐје
Кальне ріешутѐлеj,
Кальне ріешутаj,
Кальне ріешутѐлеj.

Удались, уродились
На горѣ орѣшки,
На горѣ орѣхи,
На горѣ орѣшки.

2. Нумiскјеiу, нубраукјеiу
Кальне ріешутѐлус,
Кальне ріешутус,
Кальне ріешутѐлус.

Я себѣ нащиплю, себѣ наберу,
На горѣ орѣшковъ,
На горѣ орѣховъ,
На горѣ орѣшковъ.

3. Сумiдѐјау, сумiскiшау
Кальне ріешутѐлу,
Кальне ріешуту.
Кальне ріешутѐлу.

Я себѣ набрала, себѣ нащипала,
На горѣ орѣшковъ,
На горѣ орѣховъ,
На горѣ орѣшковъ.

* * *

4. Ужмітiко, уждерѐје
Лауко добiлѐлеj,
Лауко добiлаj,
Лауко добiлѐлеj.

Удался, уродился
На полѣ трилистникъ,
На полѣ трилистникъ,
На полѣ трилистничекъ.

5. Нусѐје, нудулено
Бальтi бролутѐлеj.
Бальтi бролелеj.
Бальтi бролутѐлеj.

Поспѣли, *завершили*
Бѣлые братцы,
Бѣлые братья,
Бѣлые братцы.

6. Нумiшјове, нутрашкено
Лауко добiлѐлус,
Лауко добiлус,
Лауко добiлѐлус.

Скосили, свалили
На полѣ трилистники
На полѣ трилистники,
На полѣ трилистнички.

7. Сумiгрѐбѐ, судулено
Болтос сесерѐлѐс,
Балтос сесутѐс,
Балтос сесерѐлѐс.

Сгребли себѣ, *довершили*
Бѣлыя сестрички,
Бѣлыя сестрицы,
Бѣлыя сестрички.

8. Сумiгрѐбѐ, сумiдѐје
Лауко шенелј,
Лауко шенелј,
Лаукеле шенелј.

Сгребли, сложили
На полѣ сѣно,
На полѣ сѣно,
На полечкѣ сѣно.

* * *	* * *
2. Ужмітіко. уждерёјё	Удалась, уродилась
Кальне ругелеј,	На горѣ ржица,
Кальне ругелеј,	На горѣ ржица,
Кальнелі ругелеј.	На горочкѣ ржица.
10. Нусёје, нудулено	Засѣяли, *завершили*
Балтос сесерёлес,	Бѣлыя сестрицы,
Балтос сесутёс,	Бѣлыя сестрицы,
Балтос сесерёлес.	Бѣлыя сестрички.
11. Нупјовё, нубрашкено,	Скосили, свалили
Балтос сесерёлес,	Бѣлыя сестрички,
Балтос сесутёс,	Бѣлыя сестрицы,
Балтос сесерёлес.	Бѣлыя сестрички.

Такимъ образомъ поется о пшеницѣ, ячменѣ и прочихъ посѣвахъ.

9.

Гоштауте, гоштауте!	Гоштауте, гоштауте!
Гоштауте ріло!	Гоштауто рилё!
Аш регіау	Я видѣлъ
Діидус дівус.	Великое диво.
Лауке калнас.	На полѣ гора.
Авт то кално	На этой горѣ
Ду бержічіу	Двѣ березы
Двішакатіу.	Съ двумя вѣтвями.
Авт ту бержу	На этихъ березахъ
Дві гегуті	Двѣ кукушки
Бекукўјент.	Себѣ кукуютъ.
Мес не гелёс,	Мы не кукушки,
Тёво дукрёс.	Мы отца дочери.
Ко јус, дукрелёс,	Что вы, дочери,
Граудеј веркёт?	Горько плачете?

Јог прірішо
Кају прі стѐбо
Ір įмінė
Кају į пурвą.
Клаусė бернасъ:
Кас тај стѐбас?
— Јаунас бернас.
Кас тај пурвас?
— Варгіос діенос.

Насъ привязали,
Ровно къ столбу,
И втоптали
Словно въ грязь.
Спрашивалъ молодецъ:
Что это за столбъ?
— Молодой мужъ.
Что это за грязь?
— Тяжелые дни.

10.

Бітутė, лінго!
Бітė, лінго лінаго!
1. Кас бітę мокė
Лінго, бітутė!
Ану гражіу мокслелу?
Бітутė, лінго!
Бітė, лінго, лінаго!
2. Бітутіс мокė
Ану гражіу мокслелу
Лінго, бітутė!
Бітė, лінго, лінаго!
3. Сіук, сіук, бітутė,
Анўс гражіус корелус.
Лінго, бітутė!
Бітė, лінго, лінаго!
4. Нешк, нешк, бітутė,
Ану салдų медутį.

Пчелка, линго!
Пчела, линго, линаго!
1. Кто пчелу выучилъ
Линго, пчелка!
Этому прекрасному искуству?
Пчелка, линго!
Пчела, линго, линаго!
2. Пчела-*самецъ* выучилъ
Этому прекрасному искуству.
Линго, пчелка!
Пчела линго лінаго!
3. Строй, строй, пчелка,
Эти прекрасные соты.
Линго, пчелка!
Пчела, линго, линаго!
4. Неси, неси, пчелка,
Этотъ сладкій медъ.

* * *

Сесулė, лінго лінаго!
Сејė, лінго лінаго!

* * *

Сестрица, линго!
Сестричка, линго, линато!

Кас сесутę мокė	Кто сестрицу выучилъ
Лінго, сесутė!	Линго, сестрица!
Ану гражу дарбелу?	Этимъ прекраснымъ работамъ?
Сесутė, лінго!	Сестрица, линго!
Сејė, лінго, лінаго!	Сестричка, линго, линаго,
Мочутė мокė	Матушка выучила
Ану гражу дарбелу.	Этимъ прекраснымъ работамъ.
Лінго, сесутė!	Линго, сестрица!
Сејė, лінго, лінаго!	Сестричка, линго, линаго!
Верпк, верпк, дукрелė,	Пряди, пряди, дочка,
Анус балтус линелус.	Этотъ бѣлый ленъ.
Лінго, сесутė	Линго, сестрица!
Сејė, лінго, лінаго!	Сестричка, линго, линаго!
Ауск, ауск, дукрелė,	Тки, тки, дочка,
Анас плонас дробелес:	Эти тонкія полотна.
Лінго, сесутė!	Линго, сестрица!

11.

1. Чуто, чутеле!	Чюто, чютеле!
Руто, рутеле!	Руто, рутеле!
Страздас тупėјė	Дроздъ сидѣлъ
Аглелėс віршунė.	На вершинѣ ели.
Ne страздас тупėјė	Не дроздъ сидѣлъ
Аглелėс віршунė;	На вершинѣ ели;
Бролутіс стовėјė	Братецъ стоялъ
Ант аукшто кальнело,	На высокомъ холмѣ,
Жіргелį балнојė.	Коня сѣдлалъ.
2. Кур јосі, бернелі,	Куда поскачешь, мой милый,
Кур јосі, јаунасіс?	Куда поскачешь молоденькій
Пас саво мергелę.	Къ своей дѣвицѣ.
3. Паклаусиу мергелėс,	Спрошу дѣвицу,
Паклаусиу рожелėс:	Спрошу розочку:

Бег мокі, мергелė,	Умѣешь-ли, дѣвица,
Бег мокі, рожелė,	Умѣешь-ли, розочка,
Двініту, тріініту,	Двунитныя, трехнитныя,
Шешніту, рашіту?	Шестинитныя, писанныя? *)
4. Аш моку, бернелі,	Я умѣю, мой милый,
Аш моку, јаунасај,	Я умѣю, молоденькій,
Двініту, тріініту,	Двунитныя, трехнитныя,
Шешніту, рашіту.	Шестинитныя, писанныя.
5. Бег мокі, бернелі,	Умѣешь-ли, мой милый,
Бег мокі, јаунасај,	Умѣешь-ли, мой молодой,
Јаутелус пајунгті,	Воловъ запречь,
Дальгелус ішплакті?	Косы отбить?
6. Аш моку, мергелė,	Я умѣю, дѣвица,
Аш моку, рожелė,	Я умѣю, розочка,
Јаутелус пајунгті,	Воловъ запречь,
Дальгелус ішплакті.	Косы отбить.

12.

Ne журėкиет ант манęс панелėс.	Не глядите на меня, дѣвицы,
Ашај эсму жальнėрну бернеліс.	Я солдатскій молодецъ.
Жіба, твіска прієш анą шобелė.	Блеститъ, сверкаетъ на немъ сабля.
Кају аш јојау пар лігус лаукелус,	Когда я скакалъ по ровнымъ полямъ,
Ір прійојау ант тėво дварелио,	Я прискакалъ къ отцовской усадьбѣ,
Ір прагідо тėвелио гајделеј	И запѣли батюшкины пѣтухи.
Ар ман јоті, ар ман чионај стоті?	Скакать-ли мнѣ, или здѣсь стать,
Ар гајделу гиедачну клаусіті?	И пѣніе пѣтуховъ послушать?
Ір прійојау ант жалę гірелę.	И я прискакалъ къ зеленой рощѣ.

---

*) ткани ткать.

Чілба, вілба гірелёс наукштелеј.	Чирикаютъ, поютъ лѣсныя птички.

Ар ман јоті, ар ман чонај стоті?	Скакать-ли мнѣ, или здѣсь стать,
Ар наукштелу чілбачіу клаусіті?	И пѣніе птичекъ послушать?
Неј ман јоті, неј ман чонај стоті,	Ни мнѣ скакать, ни мнѣ здѣсь стать,
Неј наукштелу чілбачіу клаусіті.	Ни пѣнія птичекъ послушать.

Каји аш јојау пар жалę гірелę,	Когда я скакалъ по зеленой рощѣ,
Нусірёшкіау путіно шакелę.	Я себѣ сломалъ калиновую вѣтку,
Не тіек чонај путіно вўгелу,	Не столько здѣсь калиновыхъ ягодъ,
Кіек ішбіра гајлу ашарёлу.	Сколько вылилось горькихъ слезъ.

Стові вајскас, кај сауса нендрелė,	Стоитъ войско, какъ сухой тростникъ,
Лака кулкос, кај пілкос бітелёс,	Летаютъ пули, какъ сѣрыя пчелки,
Грıува кунај, кај мішку шекштелеј,	Валятся тѣла, какъ лѣсные стволы,
Крінта галвас, кај мішку лапелеј,	Падаютъ головы, какъ лѣсныя листья,
Тека краујес, кај сраује упелė.	Течетъ кровь, какъ стремнистая рѣчка.

Мусу броліо жіргас арнавојė,	Нашего брата конь скакалъ,
Пулкорėлеј шалі мадравојė.	Командиры возлѣ гарцовали.

13.

1.	Анксті ріта, рітелі	Утромъ рано, раненько,
	Шėріау бėра, жіргелі,	Я кормилъ гнѣдаго коня,
	Ір ішгірдау баландėлі	И я услышалъ голубя
	Бėро жірго стајнелі.	Въ конюшнѣ гнѣдаго коня.
2.	Та тај сенас тетушіс	То-то старый батюшка
	Сунулајчіус будіна:	Сыновей будилъ:

	Кєлкіет, кєлкіет, сунулајчеј,	Встаньте, встаньте, сыновья,
	Бролєлį палідėті.	Братца проводить.
3.	Кад ішэјту бролэліс,	Чтобы вышелъ братецъ,
	Тасај віcу мажлаусіс,	Этотъ самый младшій,
	Кад памауту мап жіргєлį	Чтобы взнуздалъ мнѣ коня
	Муштіпеме каманėлеме.	Наборными уздами.
4.	Кад ішэјту бролєліс,	Чтобы вышелъ братецъ,
	Тасај мана віраусіс,	Тотъ мой самый старшій,
	Кад балноту жіргєлį	Чтобы осѣдлалъ коня
	Шіў тімішу бальнєлу.	Этимъ темноцвѣтнымъ сѣдломъ.
5.	Ант жіргєло седėдамос	На конѣ сидя,
	Į кільпєлį спірдамос:	Въ стремена опираясь:
	Ір судеву мотінėлеј	И прощай, матушка,
	Ір мелам тетушėлуј!	И милый батюшка.
6.	Про вартєлус јодамас,	Чрезъ ворота скача,
	Кєпурėлę кєлдамас:	Шапку подпимая:
	Ір судеву бролужėлеме	И прощайте, братцы,
	Ір вісај гімінėлеј!	И вся моя родня.
7.	Кад аш јојау пар лауką,	Когда я скакалъ по полю,
	Пар лі[illegible]ус лаукєлус,	По ровнымъ полямъ,
	Спінда мана пінтінėліс,	Лучилась моя шпора
	Швесюсėс падкавėлėс.	И свѣтлыя подковки.

14.

1.	Шермукшнėліс гражус,	Рябинушка красивая,
	Шермукшнėліс жалпас,	Рябинушка зеленая
	Шермукшнėлю жалі лапај,	Рябинушки зеленыя листья,
	Раудонос ўгєлėс.	Красныя ягоды.
	* * *	* * *
2.	Прашė манę піршті,	Просилъ меня сватать,
	Прашė пе ужмірші,	Просилъ не забыть,

Прашė клаусті, ішсіклаусті,
Ар чок верпті, аусті?

Просилъ спросить-распросить,
Умѣешь-ли прясть, ткать?

3. О бернелі мана!
О јаунасіс мана!
Кас ішчокіс верпті, аусті,
Кад матушė̃с нера.

О молодчикъ мой!
О юный мой!
Кто выучитъ прясть, ткать,
Когда нѣтъ матушки.

4. О панелė мана!
О јаунојі мана!
Кукў гіріој гегужėлė,
О кас ана ішмокė?

О дѣвица моя!
О юная моя!
Кукуетъ въ рощѣ кукушка,
А кто ее выучилъ?

5. О бернелі мана!
О јаунасіс мана!
Ант то іра Діеву лејета —
Гірелėј баукўті.

О молодчикъ мой!
О юный мой!
То ей Богомъ дано —
Въ рощѣ куковать.

* * *

6. Прашу мане пірщті.
Прашу не ужміршті,
Прашу клаусті, ішсіклаусті,
Ар чок арті, пјауті?

Проситъ меня сватать,
Проситъ не забыть,
Проситъ спросить-распросить,
Умѣетъ-ли орать, косить?

7. О панелė мана!
О јаунојі мана!
Кас ішмокė арті, пјауті,
Кад тетушо нера.

О, дѣвица моя!
О, юная моя!
Кто выучитъ орать, косить,
Когда нѣтъ батюшки.

8. О, бернелі мана!
О. јаунасіс мана!
Ульбауи гірėј баландėліс,
Кас ана ішмокė?

О, молодчикъ мой!
О, юный мой!
Воркуетъ въ рощѣ голубокъ,
Кто его выучилъ?

9. О, панелė мана!
О, јаунојі мана!
Ант то іра Діеву лејета —
Гірелėј ульбауті.

О дѣвица моя!
О, юная моя!
На то есть воля Божія —
Въ рощѣ ворковать.

15.

1. Ду баланду клане гėрė Бегердаму судумојо: Ар мумс герті, ар не герті? Ар спарнелус папласноті? Геркıем, геркıем, кајп пагерема, Ір спарнелус папласносіем.	Два голубя въ лужѣ пили, И, пивши, задумались: Пить-ли намъ, или нѣтъ? Иль крыльями похлопать? Пьемте, пьемте, какъ напьемся, И крыльями похлопаемъ.
2. Ду бролелу келу јојо Бејодаму судумојо: Ар мумс јоті, ар не јоті? Ар жіргелус нубалноті? Јокıем, јокıем, кајп пріјосıем, Ір жіргелус нубалносма.	Два братца дорогой скакали. И, скача, задумались: Скакать-ли намъ, или не скакать? Иль коней разсѣдлать? Скачемте, скачемте, какъ прискачемъ, И коней разсѣдлаемъ.
3. Дві сеселі свірне сıува Бесıудамас судумојо: Ар мумс сıуті, а не сıуті? Ар не сıутус дованоті? Сıукıем, сıукıем, кајп пасıусма, Ір пасıутус дованосма.	Двѣ сестрицы въ клети шили, И, шивши, задумались: Шить-ли намъ, или не шить? Или нешитое подарить? Шьемте, шьемте, какъ сошьемъ, И сшитое подаримъ.
4. Дві бітелі медą нешė, Бенешдамас судумојо: Ар мумс нешті, ар не нешті? Ар добілės сувальгіті? Nешкıем, нешкıем, кајп парнешма, Ір парнешус сувальгісма.	Двѣ пчелки медъ несли. И, несши, задумались: Нести-ли намъ, или не нести? Или на дятлинѣ съѣсть? Несемте, несемте, какъ принесемъ, И, принесши, съѣдимъ.
5. Nе јок, броли, павасарі, А јок, броли, рудėнėлі, Кад бус алус падарітас,	Не скачи, братецъ, въ весеннюю пору. А скачи, братецъ, въ осеннее время, Когда пиво будетъ сдѣлано,

Јауні светеј супрашіті;	Молодые гости созваны,
Бус ругелеј жальмесėлес.	Когда рожь будетъ въ росткахъ,
Жалос рутос гарбаносе.	Зеленыя руты въ кудряхъ.

16.

1. Ауга бержеліс ант кална.	Ростетъ береза на горѣ.
Во по тў бержелу, во по тў бержелу,	А подъ той березой, а подъ той березой,
Во по тў бержелу бернеліс.	А подъ той березой молодчикъ.
Шіва кепурėлė лізгėјė.	Свѣтлая шапка ярилась,
Бержу лапелеј блізгėјė.	Листья березы блестѣли.
2. Атјој девіні пар лаукą,	Пріѣзжаетъ девять черезъ поле,
Девіні бернелеј, девіні бернелеј,	Девять молодчиковъ, девять молодчиковъ,
Девіні бернелеј пар лаукą.	Девять молодчиковъ черезъ поле.
3. Сурішо жіргус прі жогрю,	Привязали коней къ палисаднику.
О патіс бернелеј, о патіс бернелеј,	А сами молодчики, а сами молодчики,
О патіс бернелеј — į свірнą.	А сами молодчики — въ клеть.
4. Ішлауже жіргај жогрелус,	Разломали кони палисадникъ,
О патіс бернелеј, о патіс бернелеј,	А сами молодчики, а сами молодчики,
О патіс бернелеј рутелес.	А сами молодчики руты.
5. Бėгсіу пар кіемą текіна,	Побѣгу черезъ дворъ бѣгомъ,
Скунсіўс матушėлеј, скунсіўс матушėлеј,	Буду жаловаться матушкѣ, буду жаловаться матушкѣ,
Скунсіўс матушėлеј вергдама.	Буду жаловаться матушкѣ съ слезами.
6. Атжелс вішнелėс іш шакну,	Выростутъ вишни изъ корней,
О жалос рутелėс, о жалос рутелėс,	А зеленыя руты, а зеленыя руты,
О жалос рутелėс іш груду.	А зеленыя руты изъ зеренъ.

7.	О Ку *) ту теји смутна,	Отчего ты такъ грустна,
	О ку ту теји смутна, о ку ту теји смутна,	Отчего ты такъ грустна, отчего ты грустна,
	О ку ту теји смутна вајкшчіоји?	Отчего ты такъ грустна гуляешь?
8.	Ар лаукі канклу скąбąчу,	Ждешь-ли ты гуслей звучащихъ,
	Арба музікėлу, арба музікėлу,	Или музыкантовъ, или музыкантовъ,
	Арба музікėлу гріжąчіу?	Или музыкантовъ играющихъ?
9.	Nej лауку канклу скąбąчу,	Ни я жду гуслей звучащихъ,
	Nej музікėлу, нej музікėліу,	Ни музыкантовъ, ни музыкантовъ,
	Nej музікėлу гріжąчу.	Ни музыкантовъ играющихъ.
10.	Лауку бролелį нарјојент;	Я жду братца скачущаго;
	Парнеш вајнікėлį, парнеш вајнікėлį,	Онъ приноситъ вѣнокъ, онъ приноситъ вѣнокъ,
	Парнеш вајнікėлį, паршвітрў.	Онъ приноситъ вѣнокъ, ужь мелькаетъ.

17.

1.	Вісі бојорај	Всѣ дворяне
	Į Рјгą јоја,	Въ Ригу скачутъ,
	Мусу бролелеј	Наши братцы
	Жіргą балнојa.	Коня сѣдлаютъ.
2.	Ој, девулėлау!	Ахъ, Боже мой!
	Нера кам јоті,	Не кому скакать,
	Бролеліс мажас,	Братецъ малъ,
	Тетушіс сенас.	Батюшка старъ.
3.	Ој, девулėлау!	Ахъ, Боже мой!
	Nера кам јоті,	Не кому скакать,
	Nера кам јоті,	Не кому скакать,
	Жіргą балноті.	Коня сѣдлать.

*) Ку Жям. вм. кą.

4. Ант аукшта кална
Аугa лепелė,
По та лепеле
Стікла лангеліс.

На высокой горѣ
Ростетъ липа,
Подъ тою липой,
Стеклянное окошко.

5. Аш простовėјау
Кальне ленкелę,
Аш пражіурėјау
Стікла лангелį.

Я изстояла
На горѣ долину,
Я изглядѣла
Стеклянное окошко.

6. Парбėг жіргеліс
Пар жалę ланкą,
Свірў кільнелė
Шалė жіргелį.

Прибѣгаетъ конь
По зеленому лугу,
Качается стремя
Съ боку коня.

7. Кірта гальвелę,
Кајп капустėлę;
Вірст лемепėліс.
Кајп апж[illegible].

Рубили головы,
Какъ капусту;
Валится туловище,
Какъ дубъ.

18.

1. Ką ту веркі, панелэ?
Ką ту веркі, јаунојі?
Прісіверксі ріто дeпą,
Кад палікеі тујен віена.

Что ты плачешь, дѣвица?
Что ты плачешь, молодая?
Наплачешься завтра днемъ,
Когда останешься ты одна.

2. Небераеі тетушіа,
Ані сеное матушėс,
Небераеі вајнікėлį
Уж гелтону каселу

Не найдешь батюшки,
Ни старой матушки,
Не найдешь вѣнка
За русыми косыньками.

3. Накті мегą не мегојо
Вальгіті не галėјо,
Кад пар такį ілгą чėсą
Тавęс пе регėјо.

Ночью она не спала,
Кушать не хотѣла,
Такъ какъ долгое время
Тебя не видала.

4. Ауга кєме клєвєліс,
По тетуша вартєлєјє;
По тў жалу клєвєлајчу
Гуљ бєрнєліс јаунасіс.

Растетъ на дворѣ кленъ
У батюшкиныхъ воротъ;
Подъ этимъ зеленымъ кленомъ
Лежитъ молодой мой милый.

5. Пуск памажі, вејєлі,
Nє најудік клєвєлю
Nе нојудік клєвєлајчіо,
Nе набудік бєрнєлю.

Дуй тихонько, вѣтерокъ.
Не качай кленышка,
Не качай кленышка,
Не разбуди моего милаго.

6. Пасікė.ла вėјєліс,
Јудін клєво шакєлєс
Јудін клєво шакітėлас,
Будін јауна бєрнєлį,

Поднялся вѣтерокъ,
Качаетъ клена вѣтки,
Качаетъ клена вѣтки,
Будитъ юнаго голубчика.

7. Јанкєті ріта, рітєлį
Кріпт ну клєво расєла,
Крипт ір мано ашарėлас
Пар шį скајєта вејдєлį.

Рано утромъ, раненько,
Падаетъ съ клена роса,
Падаютъ и мои слезы
По этому ясному лицу.

19.

1. Мусу лінај не сėті,
Дар лінєлај не сėті.
Дајліну, дајліну,
Дајлінуте, дајліну.

Нашъ ленъ не посѣянъ,
Еще ленокъ не посѣянъ.
Дайлилю, дайлилю,
Дайлилюте, дайлилю.

2. Пасėс мум бролукај,
Пасėс мум јаунеjі.
Дајліну, дайл. . . .

Посѣютъ намъ братцы,
Посѣютъ намъ молодые.
Дайлилю, дайл. . . .

3. Мусу лінај не раутi,
Дар лінєлај не раутi.
Дајліну, дајл. . . .

Нашъ ленъ не сорванъ,
Нашъ ленокъ не сорванъ.
Дайлилю, дайл. . . .

4. Мум нураус сєсутėс,
Мум нураус јауносіос.
Дајліну дајл. . . .

Намъ сорвутъ сестрицы,
Намъ сорвутъ молодыя.
Дайлилю, дайл. . . .

5. Мусу лінај не вешті,
Дар лінелэј не вешті.
Дајлілу, дајл. . .

Нашъ ленъ не свезенъ,
Еще ленокъ не свезенъ.
Дайлилю, дайл. . .

6. Парвеш мум бролукај.
Парвеш мум јаунеjі.
Дајлілу, дај. . .

Привезутъ намъ братцы,
Привезутъ намъ молодые.
Дайлилю, дайл. . .

7. Мусу лінај не карші.
Дар лінелэј не карші.
Дајлілу, дајл. . .

Нашъ ленъ не обитъ.
Еще ленокъ не обитъ.
Дайлилю, дайл. . ,

8. Мум нукарш бролукај.
Мум нукарш јаунеjі.
Дајлілу, дајл. . .

Намъ обьютъ братцы,
Намъ обьютъ молодые.
Дайлилю, дайл. . .

9. Мусу лінај не меркті.
Дар лінелэј не меркті.
Дајлілу, дајл. . .

Нашъ ленъ не моченъ,
Еще ленокъ не моченъ.
Дайлилю, дайл. . .

10. Мум намеркс бролукај.
Мум намеркс јаунеjі.
Дајлілу, дајл. . .

Намъ помочутъ братцы,
Намъ помочутъ молодые.
Дайлилю, дайл. . .

11. Мусу лінај не клоті,
Дар лінелэј не клоті.
Дајлілу, дајл. . .

Нашъ ленъ не постланъ,
Еще ленокъ не постланъ.
Дайлилю, дайл. . .

12. Мум наклос сесутēс.
Мум наклос јајносіос
Дајлілу, дајл. . .

Намъ постелютъ сестрицы,
Намъ постелютъ молодыя.
Дайлилю, дейл. . .

13. Мусу лінај не імті.
Дар лінелэј не імті.
Дајлілу, дајл. . .

Нашъ ленъ не убранъ,
Еще ленокъ не убранъ.
Дайлилю, дайл. . .

14. Мум суімс сесутēс.
Мум суімс јоуносіос.
Дајлілу, дајл. . .

Намъ уберутъ сестрицы,
Намъ уберутъ молодыя.
Дайлилю, дайл. . .

15. Мусу лінај не вешті,
Дар лінелэј не вешті.
Дајлілу, дајл.

Нашъ ленъ не свезенъ,
Еще ленокъ не свезенъ.
Дайлилю, дайл. . . .

16. Мум нарвеш бролукај,
Мум нарвеш јаунієјі.
Дајлілу, дајл. . . .

Намъ свезутъ братцы,
Намъ свезутъ молодые.
Дайлилю, дайл. . . .

17. Мусу лінај не мінті,
Дар лінелэј не мінті.
Дајлілу, дајл. . . .

Нашъ ленъ не мятъ,
Еще ленокъ не мятъ.
Дайлилю, дайл. . . .

18. Мум ішмінс бролукај,
Мум ішмінс јаунієјі.
Дајлілу, дајл. . . .

Намъ сомнутъ братцы,
Намъ сомнутъ молодые.
Дайлилю, дайл. . . .

19. Мусу лінај не плукті,
Дар лінелэј не плукті.
Дајлілу дај....

Нашъ ленъ не чесанъ,
Еще ленокъ не чесанъ.
Дайлюли, дайл. . . .

20. Мум пуплукс сесутёс,
Мум пуплукс јауносіос.
Дајлілу дај. . . .

Намъ вычешутъ сестрицы,
Намъ вычешутъ молодыя.
Дайлюли, дайл. . . .

21. Мусу лінај не верпті.
Дар лінелэј не верпті.
Дајлілу дај. . . .

Нашъ ленъ не пряденъ,
Еще ленокъ не пряденъ.
Дайлилю, дайл. . . .

22. Мум суверпс сесутёс,
Мум суверпс јауносіос.
Дајлілу дај. . . .

Намъ спрядутъ сестрицы,
Намъ спрядутъ молодыя.
Дайлилю, дайл. . . .

23. Мусу дробёс на аустос
Дар дробелёс не аустос.
Далјілу дал. . . .

Наши полотна не тканы,
Еще полотна не тканы.
Дайлилю, дайл. . . .

24. Мум ішаус сесутёс,
Мум ішаус јауносіос.
Дајлілу дај. . . .

Намъ соткутъ сестрицы,
Намъ соткутъ молодыя.
Дайлилю, дайл. . . .

20.

1. Ауга гіріо клевеліс,
Пагірѐје ужалѐліс.
Ој угін, угін матітѐ дукрѐлэ,
Кај даржѐлэ рутелэ.

Растетъ въ рощѣ кленышекъ,
Возлѣ рощи дубокъ.
Ой растить, матушка, дочку,
Какъ руту въ палисадникѣ.

2. Эјн матутѐ пар двара,
Дукрела прие шалалэс;
Ој нежадѐк мане, мотінѐла,
Да аш јауна дукрела.

Идетъ матушка чрезъ дворъ,
Дочка возлѣ нея.
Ой не выдавай меня, матушка,
Еще я молодая дочка.

3. Да не вершу лінелу,
Не ішаудну дробелу,
Ој да не сѐју даржелі рутелу,
Не пінау вајнікѐлі.

Еще я не пряду льна,
Не могу ткать полотна,
Ой еще я не сѣю въ саду руты,
Не сплела вѣнка.

4. Ішэјо васарѐла,
Атіјна руденѐліс,
Ој атјоја јаунеји свотелеј
Пас мано дуктерѐлѐс.

Минуло лѣто,
Приходитъ осеннее время,
Пріѣзжаютъ молодыя гости
Къ моей дочкѣ.

5. Ір суверпау лінелус,
Ір ішаудлау дробелас.
Ој аш пасѐјау даржелі рутелэс
Нупініад вајнікѐлі.

И я отпряла ленъ,
И выткала полотна,
Ой я посѣяла въ палисадникѣ руты,
Я сплела вѣнокъ.

6. Кў сѐді уж стало?
Кў журі пар лангелј?
Ој арцавоја јўдбѐрас жіргеліс
Ант аукштојо кальнело.

Что ты сидишь за столомъ?
Что смотришь въ окошко?
Ай играетъ черногнѣдый коникъ
На высокомъ холмѣ.

21.

1. Діді дівај радос ір стебуклај,
Кад васара эжерај ужшало.
Кур гірдісма бѐрўсиус жіргелиус?

Великое диво и чудеса явились,
Что лѣтомъ озера замерзли.
Гдѣ мы будемъ поить гнѣдыхъ коников?

	Кур пушвiесма ауксу пiнтiнёлес?	Гдѣ почистимъ золотыя стремена.
2.	Тек саулелё жеме̨ жiбурдама,	*Восходитъ солнце, землю освѣщая,*
	Ужсiлејда леда̨ тiрпiдама;	*Закатывается, ледъ расплавляя;*
	Вiдурёлi жiргелус гiрдiсма,	Въ срединѣ будемъ коней поить,
	Пакраштелё пiнтiнёлус швiесма.	На берегу стремя чистить.
3.	Аш непрастас татушио сунелес,	Я не простой батюшкинъ сынъ,
	Аш непраста̨ скiрсiу сау панеле̨;	Я не простую возму себѣ дѣвицу:
	Iш Палангос пiрксiу сау жiргелį,	Въ Палюнгѣ куплю себѣ коня,
	Iш бајору iмсiу сау панеле̨,	Изъ боярскаго роду возму себѣ дѣвицу.
4.	Жвенг жiргелiс Палангос мёстелё,	Ржетъ конь въ городкѣ Полонгѣ,
	Верк мергелё бајору шалелё;	Плачетъ дѣвица въ околодкѣ дворянскомъ;
	Аш жiргелуј дусiу авiжёлу,	Я коню дамъ овсеца,
	О панелеј руту вајнiкёли̨.	А дѣвицѣ рутовый вѣнокъ.
5.	Аш жiргели̨ į кiта мајнiсiу,	Я коня на другаго помѣняю,
	О панеле̨ та̨ пача̨ мальдiсiу;	А дѣвицу ту самую буду *любить;*
	Кад аш јојау пар жале̨ гiреле̨,	Когда я скакалъ по зеленой рощѣ
	Пасiлаужiау путело шакеле̨.	Я выломалъ себѣ калиновую вѣточку.
6.	Не тiек iра путелу ӯгелу,	Не столько на ней калиновыхъ ягодъ,
	Кiек тен крiто граудiу ашарёлу.	Сколько тутъ падало горькихъ ея слезъ.

22.

1. Ужугіно тёус сунелį.
Пожадёjо į ваjскелį
Пар вартус іщjодамс,
Гальвелę палінкдамс:

Выростилъ отецъ сына,
Назначилъ его въ войско.
Выѣзжая черезъ ворота,
Голову склоняя:

2. Судеу мелај мотінёлеj
Ір сенам тетушёлуj!
Пар улічę jодамс,
Бальселу раудодамс:

Прощай, милая матушка,
И старый батенька!
По улицѣ скача,
И громко плача:

3. Судеу мано сесутёлај
Ір вісом гімінёлом
Палідёк, панітёла,
Пар шиўс лігиўс лаукелус.

Прощай, моя сестрица,
И вся моя роденька!
Проводи, красная дѣвица,
По этимъ равнымъ полямъ.

4. Пар лаукелį лідёjау,
Мејлус жодус кальбёjау:
Ар сугріші, бернужёлį,
Шіам мелам руднёлі?

По полю я проводила,
Милыя слова я говорила:
Воротишься-ли, добрый молодецъ,
Въ эту милую осень?

5. Грішие галь не сугрішиу,
Ланкітие не ланкісиу,
Атрашісиу громатёлę
Сідабро печентёлэ.

Воротиться-то не ворочусь,
Посѣтить-то не посѣщу;
Напишу грамоту
Съ серебряною печаткою.

6. Падўк мелај матутеj
Ір сенам тетушёлуj,
Падўк мано панітёлај
Шеj мејлоjеj шірделај.

Отдай милой матушкѣ,
И старому батюшкѣ,
Отдай моей красной дѣвицѣ,
Этому милому сердечку.

7. Парскајта мотінёла
Ір сене тетушёліс,
Не парскајте панітёла;
Суграудіно шірделę.

Прочитала матушка,
И старый батюшка,
Не прочитала красная дѣвица;
Огорчило ей сердечко.

8. Кад аш эјау ант содо,
Ант шіо жало содело,
Чаушка соде лакштінгёла—
Nебіер мано бернело.

Когда я пошла въ садъ,
Въ этотъ зеленый садикъ,
Щебечетъ въ саду соловьюшка —
Нѣтъ моего милаго.

9. Кад аш эјау ант лауко,
Ант шіос лігіос лаукелёс;
Аре лауко артојёлеј —
Nебіер мано бернело.

Когда пошла на поле,
На это ровное поле,
Пашутъ въ полѣ пахари —
Нѣтъ моего милаго.

10. Кад аш эјау ант гірёç,
Ант шіос жалос гірелэс;
Кукўј гіріо гегутёлас —
Nебіер мано бернело.

Когда я пошла въ рощу,
Къ эту зеленую рощу;
Кукуютъ въ рощѣ кукушки —
Нѣтъ моего милаго.

11. Кад аш эјау ант ланкос
Ант шіос жалос ланкелэс;
Пјауна шена шенијовёлеј—
Nебіер мано бернело.

Когда я вышла на лугъ,
На этотъ зеленый лугъ;
Косятъ траву косари —
Нѣтъ моего милаго.

12. Кад аш эјау ант стајнёс,
Ант жіргело стајнелэс,
Ір жіргело јўдрёрело —
Nебіер мано бернело.

Когда я пошла въ конюшню,
Въ конюшню милаго коня,
И коня черногнѣдаго —
Нѣтъ моего милаго.

13. Кад аш эјау ант даржо,
Ант рутеліу даржело,
Ір рутелу, лелијёлу —
Nебіер мано бернело.

Когда я пошла въ палисадникъ,
Въ рутовый палисадникъ,
И рутовый и лилейный —
Нѣтъ моего милаго.

14. Ціт не верк, дукрела,
Nе раудок, јаунојі,
Атэјс шалтас рудненёліс,
Атјос кітс ір бернеліс.

Тише, не плачь, доченька,
Не сѣтуй, молодая,
Придетъ холодное осеннее время,
Пріѣдетъ другой и молодчикъ.

15. Кад ір шімтас бернелу
Кад ір антрас шімтеліс, —
Nе нураміне ман шірделэс,
Кајп тас вienс бернеліс.

Ежели-бъ и сто молодчиковъ,
Ежели-бъ и другая сотня, —
Не успокоятъ мнѣ сердечка,
Какъ этотъ одинъ, мой миленькій.

23.

1.	Угін манę мотінёла,	Роститъ меня матушка,
	Угін манę мажулаłэ.	Роститъ меня маленькую.
2.	Угіндама мотінёла	Ростя меня, матушка
	Дідель варгą ір турёjо.	Большое горе имѣла.
3.	Naктj мегą не ужміго,	Ночью глазъ не сомкнула,
	Діенą дарбą не надірбо.	Днемъ отъ работы отрывалась,
4.	Naктj ранкас нугулёjо,	Ночью руки отлежала,
	Діенą келус нусёдёjо.	Днемъ колѣни отсидѣла.
5.	Ір ужугус мотінёла	И выростила матушка,
	Ір палајдё памарёлен.	И пустила на взморье.
6.	Памарёлё вајкшчодама,	По взморью гуляя,
	Угітёлас ранкюдама;	Ягодки я собирала;
7.	Сальдас вўгас сербентёлу,	Сладкія ягоды черной смородины,
	Да сальдеснес жемўгелу.	Еще слаще земляники.
8.	Мілі манę тетушёліс,	Любитъ меня батюшка,
	Лабіау мілі мотінёла.	Еще больше — матушка.
9.	Скінау, пінау вајнікёлј	Я рвала *цвѣтки*, я плела вѣнокъ
	Трјју даржу жолінёлу.	Изъ цвѣтковъ трехъ садовъ.
10.	Шіт атјоја тріс берпелеј	Вотъ скачутъ три красавца
	Дёль то вено вајнікёло.	За этимъ однимъ вѣнкомъ.
11.	Дўк, матутё, свечам мідаус,	Дай, матушка, гостямъ меду,
	Nе дўк мано вајнікёлј.	Не давай моего вѣнка.
12.	Брангус мано вајнікёліс	Дорогъ мой вѣнокъ
	Трјју даржу жолінёлу.	Изъ цвѣтковъ трехъ садовъ.

24.

1.	Тетуші мано!	Батюшка мой!
	Сенс тёвутёлі!	Старый батенька!
	Катрą дўсі ман жіргелј	Котораго дашь ты мнѣ коня
	Пас панелą јоті?	Скакать къ красной дѣвицѣ?
2.	Сунуті мано!	Сынокъ мой!
	Дідi артојёлі!	Ты большой пахарь!

Шірвą, жіргą, дімо балнą —
Пас панелą јоті.
3. Пар лаукелі јојау,
Вėјеліс шіраво,
Кај ужмініау акменėлі
Угнела жібėјо.
4. Пар гірелэ јојау,
Гірела скамбėјо,
Вісу медіу раса кріто
Ант мано жіргелю.
5. Ант лауко ішјојау,
Саулала текėјо,
Вісу медіу раса діуво,
Ант мано жіргелю.
6. Ант дварелю јојау,
Ант мурэліу шовіау,
Кад не жіргас, кад не балнас,
Буче патс прапўлęс.
7. Ішэјн панітėла
Іш аукшто свірнэлю
Манę јаунą мілėдама,
Жірго пріэјдама:
8. Веск жіргą ант стајнюс,
Балнą іш пакају,
Манę јаунą бернужėлį
Ант аукшто свірнелю.

Сиваго коня, красное сѣдло —
Скакать къ красной дѣвицѣ.
Черезъ поле я скакалъ,
Вѣтерокъ шумѣлъ,
Когда на камышекъ наступалъ,
Огонекъ сверкалъ.
Черезъ рощу я скакалъ,
Въ рощѣ гудѣло,
Со всѣхъ деревьевъ роса падала
На моего коня.
На поле я выѣхалъ,
Солнышко всходило,
На деревьяхъ роса осыхала,
И на моемъ коникѣ.
На барскій дворъ я скакалъ,
Въ каменную стѣну я выстрѣлилъ.
Ежелибъ не конь, ежели бъ не сѣдло,
То я бы пропалъ.
Выходитъ красная дѣвица
Изъ высокой клети,
Меня молодаго съ любовью встрѣчая,
И къ коню подходя:
Веди коня въ конюшню,
Неси сѣдло въ горницу,
Меня юнаго молодчика
Веди въ высокую клеть.

25.

1. Сėјау рутą, сėјау мėтą,
Сėјау лелијėлą,
Сėјау саво јаунас діенас
Драуге су рутелэм.

Я сѣяла руту, я сѣяла мяту,
Я сѣяла лилію,
Я посѣяла свои юные дни
Вмѣстѣ съ рутою.

2. Діго рута, діго мёта,	Взросла рута, взросла мята,
Діго лелijёла,	Взросла лилія,
Діго мано јаунос дienoc	Взросла моя молодость
Драуге су рутелэм.	Вмѣстѣ съ рутою.
3. Ауго рута, ауго мёта,	Росла рута, росла мята,
Јауго лелijёла,	Росла лилія,
Јауго мано јаунос дienoc	Росла моя молодость
Драуге су рутелэм.	Вмѣстѣ съ рутою.
4. Жиді рута, жиді мёта,	Цвѣла рута, цвѣла мята,
Жиді лелijёла,	Цвѣла лилія,
Жиді мано јаунос дienoc	Цвѣла моя молодость
Драуге су рутелэм.	Вмѣстѣ съ рутою.
5. Скiшау рутą, скiшау мётą	Я срывала руту, я срывала мяту,
Скiшау лелijёлą,	Я срывала лилію,
Скiшау саво јаунас дienac	Я срывала свои юные дни
Драуге су рутелэм.	Вмѣстѣ съ рутою.
6. Пiшау рутą, пiшау мётą,	Я плела руту, я плела мяту,
Пiшау лелijёлą,	Я плела лилію,
Пiшау саво јаунас дienac	Я плела свои юные дни
Драуге су рутелэм.	Вмѣстѣ съ рутою.
7. Дёшчiау рутą, дёшчiау мётą,	Я носила руту, я носила мяту,
Дёшчiау лелijёлą,	Я носила лилію,
Дёшчiау саво јаунас дienac	Я носила свои юные дни
Драуге су рутёлэм.	Вмѣстѣ съ рутою.
8. Віто рута, віто мёта,	Вяла рута, вяла мята,
Віто лелijёла,	Вяла лилія,
Віто мано јаунос дienoc	Вяла моя молодость
Драуге су рутёлэм.	Вмѣстѣ съ рутою.
9. Дџуво рута, дџуво мёта,	Сохла рута, сохла мята,
Дџуво лелijёла,	Сохла лилія,
Дџуво мано јаунос дienoc,	Сохла моя молодость
Драуге су рутелэм.	Вмѣстѣ съ рутою.

26.

1.	Сёд зујкеліс пілкас	Сидитъ зайчикъ сѣрый
	Ант эжёс, ант эжёс,	На межѣ, на межѣ,
	Пріэд лигі валёс	Наѣдается вдоволь
	Сау межиу, сау межиу,	Ячменя, ячменя,
	О тие стрельчеј не регёјė	А эти охотники не видѣли,
	Јог зујкеліс тęн сėдėјė	Что зайчикъ тамъ сидѣлъ
	Спакајнеј, спакајнеј.	Спокойно, спокойно.
2.	Стрельчеј токę родą	Охотники такой совѣтъ
	Падарė, падарė,	Держали, держали,
	Діді пулкą жмониу	Большую толпу людей
	Суварė, суварė.	Согнали, согнали.
	Падарісім мес че шетус,	Сдѣлаемъ мы здѣсь обѣдъ,
	Судраскісма зујкю рејтус,	Разорвемъ зайца лапки,
	Тејп ір бус, тејп ір бус.	Такъ и быть, такъ и быть.
3.	Атлејсім грејтўсіус	Спустимъ быстрыхъ
	Чіон куртус, чіон куртус,	Гоньчихъ собакъ, гоньчихъ собакъ,
	Варісім іш межиу	Будемъ гнать изъ ячменя
	Тус буртус, тус буртус.	Этого воришку, этого воришку.
	Кајп стрельчеј сушуко: са, са,	Какъ охотники закричали: са, са,
	Зујкіс сау пугарą каса,	Заяцъ себѣ спину чешетъ,
	Ак, бėда, ак, бėда!	Ахъ, бѣда, ахъ, бѣда!
4.	Кајп тік стрельчеј зујкį	Какъ только охотники зайца
	Паматė, паматė,	Увидѣли, увидѣли,
	Тўјаус зујкіс аусіс	Сейчасъ заяцъ уши
	Пастатė, пастатė.	Навострилъ, навострилъ.
	Вісі шаукė дідиу балсу:	Всѣ кричали густымъ басомъ:
	Зујкіо небрег јау ні аусу,	Зайца не видать ужъ и ушей,
	Пабėго, пабėго.	Побѣжалъ, побѣжалъ.

27.

1.	Ој ту стразде, страздели,	Ой ты дроздъ, дроздочекъ,
	Ту мандрасіс паукштели!	Ты умнѣйшая птичка!

Ту гедојеј гірıој лаздінёлі.
2. Ар лаздінус аугінај?
Ар рıешутус брандінај?
Ар кальнелі ўгелэс сірпінај?
3. Нєј лаздінус аугінау,
Нєј рıешутус брандінау,
Nєј кальнелі ўгелэс сірпінау.
4. Аглынёлі сёдёјау,
Аглынёлі тупёјау,
Аглынёлі вајкелус перёјау.
5. Аш аукштај лакıојау,
Віршунелэмс скрајојау,
Лејдау балсą і жалę гірелą.

6. Ант жемелэс вајкшчıојау,
Вобалэлус ранкıојау,
Саво мажус вајкелус жівіјау.

7. Јау диенела ільгесні
Ір саулала шільтесні,
Іш бержелу сулала текёјо.
8. Аш спарнелус суплојау;
Клаусік, мıелас артојау,
Тајсік, тајсік наујę жагрелэ.
9. Јау жемелэ пракıуро,
Дıаугес вісос натурос;
Ір ланкелэ жалўті прадёјо.
10. Пıеменёлеј трубіјо,
Авітёлэс ганідамі:
Шкуд, шкуд, шкуд, балтос авітёлэс.

Ты пѣлъ въ лѣсу, въ орѣшникѣ.
Иль орѣшникъ ты ростилъ?
Иль орѣхи ты ядрилъ?
Иль на горѣ ягоды вызрѣвалъ?
Ни орѣшникъ я ростилъ,
Ни орѣхи я ядрилъ,
Ни на горѣ ягоды я не вызрѣвалъ.
Въ ельникѣ я сидѣлъ,
Въ ельникѣ я присѣдалъ,
Въ ельникѣ я дѣтей высиживалъ.
Я высоко леталъ,
По верхушкамъ кружилъ,
Подавалъ я голосъ въ зеленую рощу.

По землѣ я ходилъ,
Жучковъ я собиралъ,
Своихъ маленькихъ дѣтушекъ я питалъ.

Уже денекъ длиннѣе,
И солнышко теплѣе,
Изъ березки березовица капала.
Я крылышки сложилъ;
Слушай, милый пахарь,
Исправляй, исправляй новую соху.
Ужъ земля разрыхлилась,
Радуются всѣ твари;
И лугъ зазеленѣлъ.
Пастушки трубили,
Пася овечки:
Шкудъ, шкудъ, шкудъ, бѣлыя овечки!

28.

1. Гёрiау алутį гелтоną,	Я пила пивцо желтое,
Кад бучiау балта, раудона.	Чтобы быть бѣлою, румянною.
2. Уж балто стало сёдёiау,	За бѣлымъ столомъ я сидѣла,
Раудона рожiа жiдёјау.	Алою розою я цвѣла.
3. Деверiс тарё ужгердамс:	Деверь сказалъ за круговою чашею:
Бук свејка, мусу мартелё!	За твое здоровье, наша невѣстка!
4. Не праманiкi вардеlį,	Не нарекайте имя,
Во аш не јусу мартелё.	Я не ваша невѣстка,
5. Пęкiу бролiу сеселё,	Я пяти братьевъ сестра,
Сенос мочiутёс дукрелё.	Старой матушки я дочка.
6. Маргој лiнгелёј лiнгўта,	Въ красивой колыбели баюкана,
Балто ранко нешiота,	На бѣлыхъ рукахъ вынянчена,
7. Ант балту ранку нешiота,	На бѣлыхъ рукахъ вынянчена,
Мејлејс жоделејс калбiта.	Милыми словами угулюкана.

29.

1. По тёвелiу вартајс,	У батюшкиныхъ воротъ,
Мотiнёлёс вартајс,	Матушкиныхъ воротъ,
Тęн iшдiго жолiнёлеј,	Тамъ выросли сочныя травы,
Балтi добiлёлеј.	Бѣлые трилистники.
2. Лејскiт жiргелiус	Пустите кониковъ
Į жалę ланкелę,	Въ зеленый лужекъ,
Прiганiкiт бёрус жiргус	Попасите гнѣдыхъ коней
Жалоје ланкелёј.	Въ зеленомъ лужкѣ.
3. Жiргај прiганiтi,	Кони попасены,
Стајнiој пастатiтi;	Въ конюшнѣ поставлены;
Ој јау мусу сесерёлё	Ой ужъ наша сестрица
Сенеј парёдiта.	Давно наряжена.
4. Уж сталелiо сёдi,	За столомъ сидитъ,
Трiс жвакелёс дега,	Три свѣчки горятъ,

Вајнікеліс ант гальвелёс,
Паті каји рожелė.
5. Атэјна черкелė
Пар балтą сталелј,
Вој, ој, ој, девулėлау!
Рејкс ман ją ішгерті.
6. Гертіе ішгерсіу,
Але не пакельсіу,
Толі мано мотінėлė,
Пешчіа не парэјсіу.
7. Кас мані норі гауті,
Тас тур анксті кельті;
Јау сенеј не дабар
Каји прадėјау аугті;
8. Каји прадėјау аугті,
Плонас дробес аусті,
Кас метелј по шімтелј
Дробіу вўлектėлу.

Вѣнокъ на головѣ,
Сама, какъ розанчикъ.
Приходитъ чарочка
По бѣлому столу,
Ой, ой, ой, Боже мой!
Придется мнѣ ее выпить.
Пить-то я выпью,
По не вынесу,
Далеко моя матушка,
Пѣшкомъ я не приду.
Кто мнѣ хочетъ правиться,
Тотъ долженъ рано вставать;
Уже давно, не теперь
Я начала рости;
Какъ я начала рости,
Тонкія полотна ткать,
Всякой годъ по сотенкѣ
Локтей полотна.

30.

1. Вој діді, діді
Гіріос медслеј
Мажі мусу бролелеј.
2. Вој ужаугс, ужаугс
Мусу бролелеј
Ішкірс гіріос медслус.
3. Гірелој кірто,
Пагірėј ташė,
Ант вешкелло вежė.
4. Вој будавосім
Nаујą лајвелę.
Ант кетуріу кертелу,
5. Ант кертужėлу
По гегужėлę

Ой великія, великія
Лѣсныя деревья,
Малые наши братцы.
Ой, выростутъ, выростутъ
Наши братцы,
Вырубятъ лѣсныя деревья.
Въ рощѣ рубили,
Возлѣ рощи тесали,
На большую дорогу везли.
Ой, мы будемъ строить
Новую лодку.
На четырехъ углахъ,
На уголкахъ
По кукушкѣ

Кукаво рітс вакарėліс.
6. Толеј кукаво,
Кољ ішкукаво
Сєнос мотиос дукрєлę.

Куковали утромъ вечеромъ.
До тѣхъ поръ куковали,
Пока выковали
У старой матушки дочку.

31.

1. Мергєлė, рудакėлė,
Веду не гівєнсма;
Свėтє аре шėмајс јаутејс,
Веду — вобалėлејс.
2. Мергєлė, рудакėлė,
Веду не гівєнсма;
Свėтє сėја сėтувėлėмс,
Веду — ракундėлėмс.
3. Мергєлė, рудакėлė,
Веду не гівєнсма;
Свėтє пјовė су дальгєлėмс,
Веду-су пејлєлејс.
4. Мергєлė, рудакėлė,
Веду не гівєнсма;
Свėтє вежа вєжімėлėмс,
Веду-су глєбєлėмс.

Дѣвушка кареокая,
Намъ не вести хозяйства;
Люди пашутъ сѣрыми волами,
А мы — жучками.
Дѣвушка кареокая,
Намъ не вести хозяйства;
Люди сѣютъ кузовами,
Мы же — плетушками.
Дѣвушка кареокая,
Намъ двумъ не хозяйничать;
Люди жнутъ косами,
Мы же — ножами.
Дѣвушка кареокая,
Намъ двумъ не хозяйничать;
Люди везутъ телѣгами,
Мы же — носилками.

32.

1. Куку гіріо гєгужėлė,
Верк не виена сіратєлė.
2. Ціт, не веркі, сіратėлė,
Nебсулауксі матушėлėс.
3. Ту салауксі саулę тєкант,
Nе матушę анксті кєлант.
4. Гуљ матушė ант лєнтєлėс,
Дєг жвакєлėс прі гаљвєлėс.
5. Дєг жвакєлėс прі гаљвєлėс,
Верк дукрєлė прі шалєлėс.

Кукуетъ въ рощѣ кукушка,
Плачетъ не одна сирота.
Тише, не плачь, сиротинька,
Не дождешься матушки.
Ты дождешься солнечнаго выхода
А не матушки рано вставшей.
Лежитъ матушка на доскѣ,
Горятъ свѣчки при головушкѣ.
Горятъ свѣчки при головушкѣ,
Плачетъ дочка возлѣ матушки.

6. Вој, матушѐ, матушѐлѐ,	Ой матушка, матушка,
Ар не ілга ші нактелѐ?	Не долга-ли эта ночь?
7. Ар не ілга ші нактелѐ?	Не долга-ли эта ночь?
Ар не кіетас паталѐліс?	Не тверда-ли постель?
8. Дробулѐлѐ ант лентелѐс,	Простыня на доскѣ,
Падушкѐлѐ по галвелѐс.	Подушка подъ головушкой.
9. Сусірінко сусѐдѐлеј,	Собрались сосѣди,
Ішвеж муна матушѐлę.	Вывезуть мою матушку.
10. Ішвеж муна матушѐлę,	Вывезуть мою матушку,
Палікс мунę сіратѐлę.	Оставять меня сироту.
11. Палікс мунę сіратѐлę.	Оставять меня сироту,
Кајп гегужѐлę кукўјанчę.	Какъ кукушку кукующую.

33.

1. Ką дірб жюбріс ругıўсе,	Что дѣлаеть коростель во ржи
Жюбралајтіс ругıўсе?	Коростелекъ во ржи?
Ką дірб жюбріс жюбралајтіс	Что дѣлаеть коростель коростелекъ
Ругıўсе, ругıўсе?	Во ржи, во ржи?
2. Скен жюбреліс варпелес,	Щиплеть коростель колосья,
Жюбралајтіс варпелес;	Коростелекъ колосья;
Скен жюбреліс, жюбралајтіс	Щиплеть коростель, коростелекъ
Варпелес, варпелес.	Колосья, колосья.
3. Ką дібр жюбріс іш варпу,	Что дѣлаеть коростель изъ колосьевъ,
Жюбралајтіс іш варпу?	Коростелекъ изъ колосьевъ?
Ką дірб жюбріс, жюбралајтіс	Что дѣлаеть коростель, коростелекъ
Іш варпу, іш варпу?	Изъ колосьевъ, изъ колосьевъ?
4. Сук жюбреліс лізделį,	Вьеть коростель гнѣздо,
Жюбралајтіс лізделį;	Коростелекъ гнѣздо;
Сук жюбреліс, жюбралајтіс	Вьеть коростель, коростелекъ
Лізделį, лізделį.	Гнѣздо, гнѣздо.
5. Кајп мес жюбрį прігаусма,	Какъ мы коростеля поймаемъ,

Жіобралајтј прігаусма?
Кајп мес жіобрј, жіобрамајтј
Прігаусма, прігаусма?
6. Паімк жіобрю лізделј,
Жіобралајчю лізделј;
Паімк жіобрю, жіобралајчю
Лізделј, лізделј.
7. Парэјс жіобріс ір патсај,
Жіобралајтіс ір патсај;
Парэјс жіобріс жіобралајтіс
Ір патсај, ір патсај.

*
* *

8. Ką діро пана даржелі,
Панулајтė даржелі?
Ką діро пана, панулајтė
Даржелі, даржелі?
9. Скен панелė рутелес
Панулајтė рутелес;
Скен панелė, Панулајтė
Рутелес, рутелес.
10. Ką діро пана іш руту,
Панулајтė іш руту?
Ką діро пана, панулајтė
Іш руту, іш руту?
11. Пін панелė вајнікą,
Панулајтė вајнікą;
Пін панелė, панулајтė
Вајнікą, вајнікą.

Коростелька поймаемъ?
Какъ мы коростеля, коростелька
Поймаемъ, поймаемъ?
Возьми коростеля гнѣздо,
Коростелька гнѣздо;
Возьми коростеля, коростелька
Гнѣздо, гнѣздо.
Придетъ коростель и самъ,
Коростелекъ и самъ;
Придетъ коростель, коростелекъ
И самъ, и самъ.

*
* *

Что дѣлаетъ дѣвица въ палисадникѣ,
Красная дѣвица въ палисадникѣ?
Что дѣлаетъ дѣвица, красная дѣвица
Въ палисадникѣ, въ палисадникѣ?
Рветъ дѣвица руту,
Красная дѣвица руту;
Рветъ дѣвица, красная дѣвица
Руту, руту.
Что дѣлаетъ дѣвица изъ руты,
Красная дѣвица изъ руты?
Что дѣлаетъ дѣвица, красная дѣвица
Изъ руты, руты?
Плететъ дѣвица вѣнокъ,
Красная дѣвица вѣнокъ;
Плететъ дѣвица, красная дѣвица
Вѣнокъ, вѣнокъ.

12. Кајп мес панą прігаусма,
Паніулајтė прігаусма?
Кајп мес панą, паніулајтę
Прігаусма, прігаусма?

13. Паімк панос вајнiką
Паніулајтėс вајнiką;
Паімк панос, паніулајтėс
Вајнiką, вајнiką.

14. Парэјс пана ір паті,
Паніулајтė ір паті;
Парэјс пана, паніулајтė
Ір паті, ір паті.

Какъ мы дѣвицу возьмемъ,
Красную дѣвицу возьмемъ?
Какъ дѣвицу, красную дѣвицу,
Возьмемъ, возьмемъ?

Возьми дѣвицы вѣнокъ,
Красной дѣвицы вѣнокъ;
Возьми дѣвицы, красной дѣвицы
Вѣнокъ, вѣнокъ.

Придетъ дѣвица и сама,
Красная дѣвица и сама;
Придетъ дѣвица, красная дѣвица
И сама, и сама.

